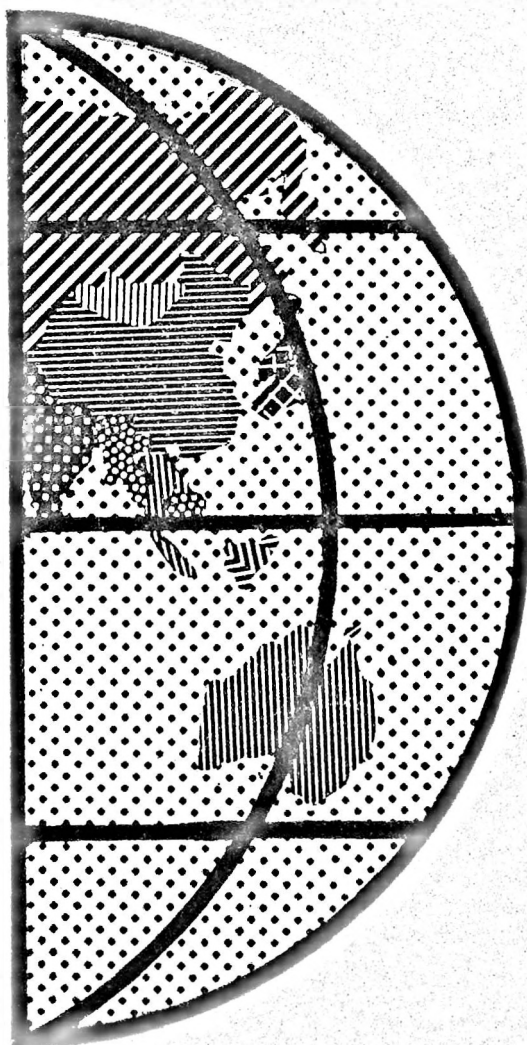


# ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131—2812



**АТР: резервы  
сотрудничества**

**Китайский экономист  
о реформе**

**Цзян Цзинго  
в двух ипостасях**

**«Особое дело»  
Председателя**

**Корпорации  
в роли меценатов**

**Макао — приют поэта**

**Рассказывает  
древняя летопись**

**ИНСТИТУТ  
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА  
АН СССР**

**6/88**

*Земь* *2005*



# ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/88

6 72 1988

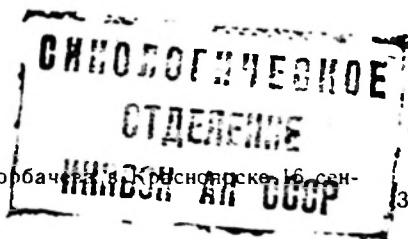
Издается с 1972 г.

Научный, общественно-политический журнал выходит шесть раз в год на русском, английском, японском и испанском языках

## СОДЕРЖАНИЕ

### НОВЫЕ СОВЕТСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Из выступления Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Красноярске, 16 сентября 1988 г.



### ПУЛЬС РЕГИОНА

<i>М. Л. ТИТАРЕНКО.</i> Резервы сотрудничества	6
<i>А. А. МУРАДЯН.</i> Нравственность и политика	15
<i>Э. В. КИКАБИДЗЕ.</i> Новая стратегия НИОКР	25
<i>Е. Л. КАТАСОНОВА.</i> Корпорации - меценаты	33
<i>Д. МУН.</i> «Малый дракон» наступает	45

### ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

<i>СЮЭ МУЦЯО.</i> Коренные преобразования	57
<i>К. В. КУКУШКИН.</i> Высвобождая энергию партии	62
<i>Вс. ОВЧИННИКОВ.</i> 35 лет спустя	68
<i>А. П. МОРОЗОВ.</i> Военная промышленность: смена акцентов	77
<i>В. И. ПОТАПОВ.</i> Как накормить миллиард	88
<i>С. Л. САЗОНОВ.</i> Транспорт на хозрасчете	95
<i>ЯН ЦЗЕ.</i> Бэньсинский феномен	103

### ТОЧКА ЗРЕНИЯ УЧЕНОГО

<i>А. Г. ЯКОВЛЕВ.</i> Слагаемые нового мышления	107
---	-----

### СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ БАРОМЕТР

<i>А. В. ОСТРОВСКИЙ.</i> Рабочий класс на селе?	114
---	-----

### ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>В. Б. ВОРОНЦОВ.</i> Наследник диктатора	121
--	-----

## ПРОФИЛИ

<i>Ю. М. ГАЛЕНОВИЧ.</i> «Особое дело» Лю Шаоци	134
<i>В. Ф. СОРОКИН.</i> Интеллигент с большой буквы	139
<i>В. Н. БУНИН.</i> Посол народной дипломатии	145

## СООБЩЕНИЯ. ПУБЛИКАЦИИ

<i>ЦЗЯН ЧУНЬФАН.</i> Под вывеской коммерческого издания	148
<i>ГЭ БАОЦЮАНЬ.</i> Три выставки	151
<i>М. Я. СУШАНЛО.</i> Поездка в СУАР	154
<i>Т. В. КАРЫМОВ.</i> Находкинский форум	157
<i>С. Э. КУДАСОВ.</i> Встреча в Улан-Баторе	159

## ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ

<i>Р. С. БЕЛОУСОВ.</i> Грот Камозэнса	161
<i>В. С. КУЗНЕЦОВ.</i> Непокоренная	169

## МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

<i>А. А. ДОЛИН.</i> Легендарный монастырь, или Традиции ушу	171
<i>О. И. ЗАВЬЯЛОВА.</i> По старым и новым дорогам Японии	182

## ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

<i>К. Ю. ФЕДОРОВ.</i> За восстановление правды истории	190
<i>Н. Л. МАМАЕВА.</i> Новое о Сунь Ятсене и Гоминьдане	195

## АНТОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ КЛАССИКИ

<i>И. С. ЛИСЕВИЧ.</i> У истоков китайского летописания. Летопись «Цзо чжуань» (фрагменты).	201
--	-----

## КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

<i>Б. А. СТРАШУН.</i> Становление государственности	213
<i>И. А. БАЛЮК.</i> Методом проб и ошибок	216
<i>И. К. ЧАЙКО.</i> В Новом «Великом походе»	218
<i>Н. Ф. БУЧИЛО, И. Г. ЧЕРНЯКОВА.</i> Ключ к эффективности	220
<i>Б. В. ПОСПЕЛОВ.</i> Современная японская культура: пути формирования	223

## НАША ХРОНИКА

<i>К. И. Попову 85 лет</i>	227
Гости редакции	228
Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 1988 год	229

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале, не обязательно соответствует позиции редакции.

Адрес редакции: Москва, 117848  
ул. Красикова, 27  
тел. 124-09-04

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*В. Б. ВОРОНЦОВ* (главный редактор), *В. И. ГЛУНИН*, *А. М. ГРИГОРЬЕВ*, *А. П. ДЕРЕВЯНКО*, *В. Г. КАРЫМОВ* (зам. главного редактора), *В. Н. КАШИН*, *И. И. КОВАЛЕНКО*, *А. И. КРУШАНОВ*, *А. П. МОРОЗОВ*, *С. Н. МОРОЗОВ*, *В. С. МЯСНИКОВ*, *Д. В. ПЕТРОВ*, *В. Я. ПОРТЯКОВ*, *С. С. РАЗОВ*, *И. А. РОГАЧЕВ*, *Б. Л. РИФТИН*, *Г. С. САДВАКАСОВ*, *А. И. СЕНАТОРОВ*, *Б. И. СЛАВНИСКИЙ* (зам. главного редактора), *В. Ф. СОРОКИН*, *Г. Д. СУХАРЧУК*, *М. Л. ТИТАРЕНКО* и *С. ТИХОНОВ* (ответственный секретарь)

© Проблемы  
Дальнего Востока,  
1988

# НОВЫЕ СОВЕТСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

## Из выступления Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Красноярске 16 сентября 1988 г.

В результате размышлений и дополнительного анализа, стремясь продвинуть дело общеазиатской безопасности, советское руководство вносит некоторые новые предложения.

**Первое.** Понимая озабоченность азиатских и тихоокеанских стран, Советский Союз не будет увеличивать в этом регионе, как он уже некоторое время это и делает, количество любого ядерного оружия и обращается к Соединенным Штатам Америки и другим ядерным державам с предложениями не размещать его здесь дополнительно.

**Второе.** Приглашаем к консультациям между основными военно-морскими державами региона о ненаращивании здесь военно-морских сил.

**Третье.** Предлагаем обсудить на многосторонней основе вопрос о снижении военного противостояния в районах, где сближаются побережья СССР, КНР, Японии, КНДР и Южной Кореи, имея целью замораживание и соразмерное сокращение уровней военно-морских и военно-воздушных сил, ограничение их активности.

**Четвертое.** Если США пойдут на ликвидацию военных баз на Филиппинах, то СССР будет готов, по согласованию с правительством СРВ, отказаться от пункта материально-технического обеспечения флота в бухте Камрань.

**Пятое.** В интересах безопасности морских и воздушных коммуникаций региона предлагаем совместно разработать меры по предотвращению инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним. При разработке этих мер можно было бы использовать опыт уже имеющихся двусторонних советско-американской и советско-английской договоренностей, а также тройственную договоренность США — СССР — Япония.

**Шестое.** Не позднее 1990 года провести международную конференцию о превращении Индийского океана в зону мира. Подготовительная работа к ней в ООН, как известно, в основном завершена.

**Седьмое.** Предлагаем на любом уровне и в любом составе обсудить вопрос о создании переговорного механизма для рассмотрения наших и любых других предложений, относящихся к безопасности АТР. Можно было бы начать это обсуждение между СССР, КНР и США как постоянными членами Совета Безопасности ООН.

Уже имеется некоторый опыт, показывающий полезность контактов между военными. Становится как-то спокойнее, когда генералы, адмиралы смотрят друг на друга не через бинокли, а сидят лицом к лицу за столом переговоров. Предметом их разговора мог бы стать широкий спектр военной деятельности. Можно начать со встречи представителей наиболее крупных в военном отношении государств.

Очень важно, чтобы страны лучше знали и понимали друг друга. Тогда вполне в общем объяснимая озабоченность по поводу собственной безопасности будет уменьшаться. Будет расти доверие, понимание...



Возвращаясь к азиатско-тихоокеанскому региону, должен сказать, что он основательно загрязнен не только вооружением. Ему грозит и другая, быстро растущая, опасность — экологическое загрязнение. Проблему эту все хорошо понимают. И уже пора подумать о налаживании регионального сотрудничества в этой области. Может быть, созвать для начала специальную конференцию экспертов, которая, убежден, покажет, насколько у нас много общих проблем, насколько мы все взаимосвязаны, а значит, и действовать должны сообща.

В повестку дня просятся и такие важные темы, как сотрудничество в сохранении и развитии национальных традиций, в борьбе со стихийными бедствиями.

Словом, напрашивается мысль — почему бы не организовать встречу министров иностранных дел всех заинтересованных государств (или тех, кто захочет) для обсуждения первоначальных подходов к строительству новых отношений в азиатско-тихоокеанском бассейне.

Мы с интересом наблюдали за деятельностью конференции по азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, приветствовали ее недавнюю сессию в Осаке, готовы подключиться к работе этой международной организации в любой форме, какую сочтут приемлемой ее члены. Нуждаются в большей активности и различные организации ООН — Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана и Экономическая и социальная комиссия для Западной Азии.

Я не хотел бы, чтобы сложилось впечатление, будто мы считаем, что в реализации владивостокских идей у нас самих все в порядке. Мешали, мол, только внешние обстоятельства. Мы далеки от такого вывода. Это, впрочем, вытекает из того, о чем я говорил в первой части своего выступления — о наших проблемах и трудностях. Однако мы смотрим далеко. Радикальная экономическая реформа и перестройка политической системы обеспечат мощный масштаб современного развития Сибири и Дальнего Востока, достойный этих великих и перспективных составных частей нашей Родины. Это позволит — при желании наших соседей и более отдаленных государств — совместно ткать не только прочную, но и красивую ткань экономических, научно-технических, культурных, экологических и иных связей в этой части Азии. Мы исходим из того, что потенциал владивостокской программы далеко не исчерпан.

В целях динамизации внешнеэкономических связей и с учетом специфики этих районов нашей страны мы прорабатываем сейчас меры, которые можно назвать «льготным режимом».

Думаем:

— предоставить расположенным здесь предприятиям, организациям и производственным кооперативам право непосредственного выхода на внешний рынок;

— ввести «дальневосточный коэффициент» — право использования части валютных отчислений на нужды социального развития коллективов, включая закупки товаров народного потребления за рубежом;

— дать предприятиям, участвующим в прибрежной и приграничной торговле, возможность использовать для экспорта всю достигнутую ими экономию сырья и материалов;

— разрешить нашим предприятиям выход на прямые связи вовне, а кооперативы будут получать разрешение на это в крайисполкомах и облисполкомах;

— освобождать созданные на договорных условиях совместные предприятия от налога на прибыль на более длительный срок, чем в других районах страны, освобождать от обложения также и их реинвестиции в фонды социального развития;

— заработную плату на совместных предприятиях определять по усмотрению дирекции и профсоюзов.

Мы обдумываем также создание на Дальнем Востоке специальных «зон совместного предпринимательства», где действовал бы льготный режим таможенного обложения и лицензирования внешнеэкономических сделок и налогообложения, существовала бы сниженная оплата за природные и трудовые ресурсы.

Пойдем на расширение роли местных органов власти в управлении внешнеэкономической деятельностью. Часть валютных отчислений дальневосточных предприятий-экспортеров будет оставаться в распоряжении местных органов власти. По-видимому, назрел вопрос и о создании на Дальнем Востоке регионального органа для координации внешнеэкономических связей.

В Советском Союзе обратили внимание на выступление китайской печати о возможностях развертывания китайско-японо-советской трехсторонней экономической деятельности на взаимовыгодных условиях. Мы разделяем такой подход. И в случае готовности всех сторон можно было бы перевести разработку этих идей в практическую плоскость.

К этому можно добавить, что мы готовы договориться об организации в Амурской, Читинской областях и в Приморском крае совместного с китайской стороной производства сельскохозяйственной продукции и об участии в строительстве здесь гражданских объектов на принципах взаимности.

Думается, в контексте общего оздоровления обстановки на Корейском полуострове могут открыться возможности для налаживания экономических связей с Южной Кореей.

Уверен, что прогресс многообразных, новых для нас форм сотрудничества будет создавать материальную и психологическую базу также и для развития массового иностранного туризма.

Мы за то, чтобы смелее включать в повседневную жизнь народную дипломатию, уже доказавшую свою действенность, множить контакты между людьми. Почему бы в связи с этим не подумать о создании регионального для АТР центра культурного общения между народами? Целями этой общественной организации с национальными отделениями были бы разработка проектов в различных областях знания и деятельности, содействие контактам между учеными, студентами, просто гражданами разных стран, совместные гуманитарные, экологические исследования.

Дорогие товарищи! Мы находимся только в начале пути в будущее великой азиатско-тихоокеанской части света. Сделать предстоит много. Нас ждут и трудности, и препятствия, и необычная новизна. Но будем упорно идти шаг за шагом, набираясь опыта и умения. Дело стоит того.

*М. Л. ТИТАРЕНКО,  
доктор философских наук*

Прошло два с половиной года с тех пор, как Советским Союзом был выдвинут пакет предложений по проблемам безопасности и сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе. Эти предложения нашли свое отражение во владивостокской речи М. С. Горбачева, призвавшего все страны региона к совместному поиску путей укрепления мира, безопасности и сотрудничества в АТР. Мотивы, побудившие советское руководство выступить с этим призывом, очевидны. Азиатско-тихоокеанский регион — один из наиболее динамично развивающихся районов мира, играющий важную роль в политических отношениях на глобальном уровне. Советский Союз, являющийся его составной частью, жизненно заинтересован в том, чтобы АТР не стал ареной растущего военно-политического противоборства и включился в процесс создания всеобъемлющей системы международной безопасности.

С прицелом на достижение этой цели М. С. Горбачев выдвинул в речи во Владивостоке программу действий по пяти основным направлениям: урегулирование региональных конфликтов; создание заслона распространению ядерного оружия в регионе; ограничение деятельности военно-морских флотов и вообще военного присутствия в бассейнах Тихого и Индийского океанов; радикальное сокращение вооруженных сил и обычных вооружений в Азии; практическое обсуждение мер доверия. Год спустя владивостокская программа получила дальнейшее развитие и конкретизацию в интервью Генерального секретаря ЦК КПСС газете «Мердека». В сентябре 1988 г. в речи М. С. Горбачева в г. Красноярске нашли свое отражение новые идеи и предложения, нацеленные на развитие всестороннего сотрудничества в регионе.

Любому непредубежденному наблюдателю понятно, что советские предложения не рассчитаны на сенсацию или пропагандистский эффект, на то, чтобы поставить партнера или партнеров в невыгодное в политическом отношении положение; они носят деловой, реалистичный, взвешенный характер. По существу, это приглашение к совместному поиску общеприемлемых решений по урегулированию существующих в регионе проблем. Понятно также, что советские инициативы, тесно увязанные с политическими, экономическими, стратегическими и прочими интересами всех стран азиатско-тихоокеанского региона, были адресованы, особенно в своих военно-стратегических аспектах, прежде всего Соединенным Штатам как крупнейшей в военном отношении державе региона. Необходимо учитывать и тот факт, что советские предложения по проблемам безопасности и сотрудничества в АТР были сделаны в контексте и с учетом развивающихся в советско-американских отношениях позитивных процессов.

Так, четвертая встреча М. С. Горбачева с Р. Рейганом хотя и не привела к подписанию соглашения о 50 % сокращении стратегических наступательных

вооружений, тем не менее явилась важным вкладом в международную разрядку, дала дополнительный импульс позитивным сдвигам в мировой политике. Встреча способствовала созданию более благоприятных условий для решения целого ряда проблем, в том числе азиатско-тихоокеанского региона.

Помимо влияния позитивных перемен в советско-американских отношениях на международную обстановку в самом широком смысле, возможны их чисто конкретные проявления. К примеру, на встрече были согласованы «важные дополнительные меры доверия в военной области»<sup>1</sup>. Судя по имеющейся информации, на ней специально не обсуждались проблемы советско-американских отношений в АТР. Но серьезный сдвиг в области мер доверия, очевидно, не может не стимулировать продвижения вопроса о подобных мерах и в азиатско-тихоокеанском регионе. То же самое можно сказать о сделанном на встрече шаге к ограничению и последующему прекращению ядерных взрывов.

Существуют и другие обнадеживающие перемены в международно-политической обстановке в азиатско-тихоокеанском регионе. Приняты реальные очертания перспектива политического урегулирования в Афганистане на основе национального примирения, гарантиями которого стали Советский Союз и Соединенные Штаты. Сделан важный шаг в сторону политического урегулирования в Кампучии. Все это свидетельствует о возможности положить конец двум затяжным конфликтам в регионе. К позитивным переменам в политической ситуации в АТР с полным основанием можно отнести и улучшение советско-китайских отношений. В регионе растут и становятся действенной политической силой антиядерные настроения народов. В этой связи нельзя не отметить значения Договора Раротонга, провозгласившего южную часть Тихого океана безъядерной зоной. Все более активно странами АСЕАН выдвигается идея превращения Юго-Восточной Азии в зону мира, свободы и нейтралитета, провозглашения ее безъядерной зоной.

Возрастающее значение для смягчения напряженности в АТР приобретают усилия, предпринимаемые в целях обуздания гонки вооружений Китаем — крупнейшей державой мира, обладающей ядерным оружием. КНР заявила о прекращении ядерных взрывов в атмосфере и по сей день не проводит их. Она выступает за запрещение каких-бы то ни было ядерных испытаний и провозглашает своей целью полную ликвидацию ядерных вооружений, освобождение планеты от химического оружия и других средств массового уничтожения. Китайское правительство подписало протоколы Договора Раротонга, поддерживает идеи создания безъядерных зон, в том числе в ЮВА и на Корейском полуострове. Сосредоточивая силы на экономическом строительстве, Китай провел сокращение своих вооруженных сил на 1 млн. человек и выразил намерение частично использовать военное производство для гражданских нужд.

Позитивные сдвиги в международных отношениях в АТР, общее оздоровление ситуации в мире позволяют надеяться на переход в новых условиях к конкретным практическим действиям. Выступая перед представителями международной общественности в Москве 2 июня 1988 г., М. С. Горбачев отметил, что уже состоялись «просто замечательные контакты, хорошие по содержанию и по масштабности переговоры» с целым рядом стран региона, в том числе Соединенными Штатами, Китаем, Японией, Австралией, а также Индонезией, Таиландом и другими странами АСЕАН<sup>2</sup>.

Думается, что весьма актуально обратиться в этой связи к советским инициативам, нацеленным на снижение уровня напряженности в АТР, укрепление безопасности, развитие сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе. Это особенно важно потому, что развивается тенденция к дальнейшим позитив-

ным переменам в международно-политической обстановке и сегодня возможность реализации советских предложений может представиться иначе, чем в момент их выдвижения. Не случайно, некоторые из них в более широком, глобальном плане и более конкретизированном виде повторены в речи министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе на третьей Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Во Владивостоке, то есть примерно два с половиной года назад, М. С. Горбачевым было отмечено, что без участия США нельзя решить проблему безопасности и сотрудничества в зоне Тихого океана удовлетворительным для всех образом, но пока, к сожалению, в Вашингтоне не готовы к серьезному разговору на тихоокеанскую тематику, а уж если она затрагивается, то нередко в плане известных утверждений о «советской угрозе»<sup>3</sup>.

Приходится констатировать, что в американском подходе к тихоокеанской ситуации не произошло каких-либо серьезных изменений, диалог между Вашингтоном и Москвой по азиатско-тихоокеанской проблематике фактически так и не начат. И после четвертой советско-американской встречи, которая, по признанию самой американской стороны, существенно продвинула дело разрядки между СССР и США, республиканская администрация уже успела вновь подтвердить тезис о советском военном вызове в АТР. И сделано это было не кем иным, как министром обороны США Ф. Карллуччи, участвовавшим во встрече и после нее нанесшим визиты в страны АТР.

В связи с нереализованным потенциалом советско-американского диалога по тихоокеанской тематике встают вопросы: в каких условиях позиция США может измениться, как создать такие условия? Вообще говоря, путь к такому диалогу способен проложить тихоокеанская конференция по типу хельсинкской, но ее созыв пока представляется даже более сложным, чем поиск подходов к контактам непосредственно в рамках двусторонних советско-американских отношений. На деле они могут послужить скорее преддверием конференции, чем наоборот.

Возможно, что более эффективным мог бы стать путь развития диалога по принципу: от частного к общему. Конкретно говоря, он мог бы начаться, например, с обсуждения вопроса о базах и войсках двух стран на чужих территориях в АТР. Конкретное предложение по этому поводу уже было сделано во владивостокской речи. На третьей Специальной сессии ГА ООН в июне 1988 г. Советский Союз предложил ликвидировать военные базы и присутствие войск на чужих территориях к 2000 году. Было заявлено также о готовности СССР объявлять — при условии достижения взаимной договоренности с США и другими ядерными державами — о наличии ядерного оружия на борту своих военных кораблей.

Возможны и какие-то другие подходы к завязыванию диалога. При этом нельзя не учитывать то немаловажное обстоятельство, что СССР в последние годы убедительно демонстрирует готовность к компромиссам при решении, например, такого важного и сложного вопроса, как ликвидация целого класса ракетно-ядерного оружия (т. е. ракет средней и меньшей дальности), а также решимость урегулировать конфликт в Афганистане.

СССР, приняв концепцию «глобального двойного нуля», согласился не учитывать ядерный потенциал Франции, Англии, ядерное присутствие США в Южной Корее, на Филиппинах, на острове Диэго-Гарсия. Фактически последнее стало первым реальным шагом к ядерному разоружению в азиатско-тихоокеанском регионе, поскольку Советский Союз согласился ликвидировать свои ракеты средней дальности не только в Европе, но и в Азии. Ясно, что без взаимности не может быть успешного продвижения вперед в делах,

требующих соблюдения баланса интересов сторон. Но главное пока — это поиск путей к началу широкого диалога.

Выше уже упоминалось предложение о созыве тихоокеанской конференции по типу хельсинкской. М. С. Горбачев назвал ее «неблизкой целью». Понятно, что с точки зрения условий середины 1986 г. она действительно казалась неблизкой. Но ныне заметно изменилась к лучшему международная атмосфера в глобальных масштабах, в АТР, в советско-американских отношениях, в отношениях СССР с подавляющим большинством стран региона, небывало возросла активность этих стран в борьбе за снижение риска войны в регионе, особенно ядерной.

Представляется, что не следует откладывать конкретную подготовку к тихоокеанскому форуму. Стоит, видимо, вновь беспристрастно взвесить выдвигавшиеся ранее аргументы против его созыва, объективно оценить новые факторы, делающие уже теперь реальными и рациональными меры по подготовке к проведению этого форума. Мы должны учитывать опыт последних лет, в частности проявляющееся в последние годы стремление многих государств, правительств и народов к скорейшему решению стоящих перед человечеством проблем, какими бы сложными они ни были. Ведь, например, в 1985 г. едва ли кто мог предсказать, что за три года состоятся четыре советско-американские встречи на высшем уровне. Думается, что теперь к идее тихоокеанского форума можно было бы отнестись с большим, нежели ранее, оптимизмом.

Вместе с тем нельзя не учитывать позиции весьма влиятельных сил, например японских официальных кругов, доказывающих, будто формула безопасности, разработанная в Европе, неприменима к Азии. Утверждают, что специфика азиатско-тихоокеанского региона якобы надолго закрывает возможность проведения здесь конференции наподобие хельсинкской. Конечно, нельзя игнорировать особенности развития ситуации в АТР. Но было бы неверным и гиперболизировать их. К тому же речь идет вовсе не о механическом переносе европейского опыта на азиатскую почву, а о том, чтобы творчески использовать его для воплощения на практике принципов, выработанных в свое время самими народами Азии и создающих теоретические и политические основы для анализа проблем АТР.

Сегодня особую важность — с точки зрения всеобщей безопасности — представляет проблема урегулирования кризисных ситуаций.

На Западе не раз оспаривалась возможность реализации провозглашенного во Владивостоке намерения вывести советские войска из Афганистана. Смелое решение советской стороны по этому вопросу подорвало позиции этих «скептиков», направляющих усилия на изоляцию Советского Союза, пытающихся оказывать дестабилизирующее воздействие на его экономическое и политическое развитие.

К 15 августа 1988 года половина советского воинского контингента возвращена из Афганистана на родину<sup>4</sup>. Но окончательное решение проблемы не может быть легким. Вооруженная оппозиция при поддержке извне активизировала свои усилия, нацеленные, по существу, на срыв Женевских соглашений по Афганистану. В мире внимательно следят за ходом их выполнения, ведь тем самым проверяется надежность соглашения, впервые подписанного наряду с конкретными участниками конфликта Советским Союзом и США. От успеха выполнения этого соглашения во многом зависит судьба советско-американского сотрудничества в деле урегулирования региональных конфликтов.

Можно, видимо, говорить о реальных перспективах урегулирования кампунчской проблемы.

В мае сего года правительства СРВ и Кампучии объявили о решении вывести в 1988 г. 50 тыс. вьетнамских добровольцев, то есть половину находящегося в этой стране военного контингента СРВ. Командование вьетнамскими добровольцами переведено в СРВ, руководство остающейся его части передано НРК. Для наблюдения за выводом войск приглашены все, кто проявляет интерес к кампучийской проблеме<sup>5</sup>. Приобретает все большее значение идея национального согласия, осуществление которой могло бы привести к коалиции национальных сил.

В Советском Союзе приветствуют усилия различных сторон, заинтересованных в успехе политики, направленной на ликвидацию очага напряженности в Юго-Восточной Азии. Инициативы правительства НРК создали благоприятные предпосылки для организации переговоров с другими кампучийскими сторонами, прежде всего с Народом Сиануком, в целях поиска взаимоприемлемых решений.

На пути к политическому решению кампучийской проблемы встретится еще немало трудностей, однако в конце длинного туннеля, по которому идут участники диалога, забрезжил, наконец свет.

Опыт развития внутрикорейских контактов в 70-х и 80-х годах не может не давать надежды на возможность снижения уровня напряженности и на Корейском полуострове. Важной причиной налаживания диалога в Корее в первой половине 70-х гг. стали процессы разрядки в международно-политической обстановке в целом. Но главную роль при этом сыграли внутрикорейские факторы. Общим для двух корейских сторон принципом переговоров начала 70-х гг. стал признание возможности объединения страны без вмешательства извне, проявилось обоюдное желание сесть за общий стол для обсуждения проблем общенационального характера, среди которых наиболее важное место занимает проблема обеспечения мира на корейской земле.

В Советском Союзе поддерживают инициативы КНДР, нацеленные на оздоровление обстановки на Корейском полуострове. Думается, что ликвидация конфликтных ситуаций в АТР повысила бы уровень взаимопонимания между государствами региона, создала бы несравненно более благоприятную обстановку для дальнейшего движения вперед на основе общих для региона мер доверия. Эти меры могли бы касаться в первую очередь наиболее острых и опасных аспектов военного противостояния, что не только снизило бы уровень взаимного страха, но и проложило путь к решению проблемы разоружения в регионе, хотя бы частично сняв связанные с этим страхом ограничения сотрудничества между странами АТР в невоенной сфере.

В целом, как показало время, значение мер доверия для углубления процесса разрядки в мире очень велико. Более того, мы убеждены в эффективности мер доверия именно в азиатско-тихоокеанском регионе. Конкретное предложение советской стороны по мерам доверия в военно-морской области содействует, по нашему мнению, созданию благоприятных для диалога условий. Для АТР эта область особенно важна. Советским Союзом предложено также обсудить комплекс таких мер, как уведомление о перебросках и маневрах военно-морских и связанных с ними военно-воздушных сил, ограничение числа, масштабов и районов проведения учений, приглашение на них наблюдателей, а также обмен информацией. Можно напомнить в связи с этим о полезном опыте стокгольмской конференции.

Известно, что недостаток достоверной информации в этой сфере, в том числе по АТР, служит почвой для мифотворчества по поводу разного рода угроз и вызовов, сковывает, если не парализует, активность государств и общественных сил в борьбе против гонки вооружений. Одновременно предпринимаются попытки переадресовать ответственность за рост военных при-

готовлений в АТР на Советский Союз и ввести таким образом страны и народы региона в заблуждение относительно истинных целей внешней политики СССР.

В действительности, однако, при сохранении паритета стратегических ядерных сил Соединенные Штаты превосходят Советский Союз по количеству многоцелевых атомных подводных лодок, оснащенных крылатыми ракетами большой дальности. В составе советского Тихоокеанского флота значительно меньше кораблей океанской зоны отсутствуют авианосцы и линкоры. Что касается авиации флотов, то здесь у США тройное превосходство по общему количеству боевых самолетов и более чем десятикратное по самолетам палубной авиации. По морской пехоте США значительно (более чем в 27 раз) превосходят СССР на Тихом океане. По десантным кораблям и судам, способным перевозить войска на большие расстояния, США превосходят СССР в 2,5 раза<sup>6</sup>. Так называемая новая американская морская стратегия предусматривает повышение к 2000 году наступательных возможностей ВМС, обеспечение их превосходства на море за счет дальнейшего роста ударных средств и установление контроля в регионах, имеющих «жизненное значение» для США. Таковы особенности военно-морского противостояния в АТР, как его определяют советские военные специалисты.

Во владивостокской речи М. С. Горбачева и его интервью газете «Мердека» был выдвинут ряд предложений по снижению ядерной опасности в регионе.

СССР изъявил готовность не наращивать количество самолетов-носителей ядерного оружия в азиатской части своей территории, если США не будут дополнительно размещать в АТР ядерные средства, достигающие советской территории.

Учитывая, что советско-американская конфронтация в АТР проходит через соприкосновение военно-морских флотов, предлагалось снижение их активности и их разъединение. Конкретно, районы их плавания устанавливались бы таким образом, что корабли с ядерным оружием не приближались бы к побережью другой страны на расстояние действия своих бортовых ядерных средств. Предлагалось также ограничение противолодочной деятельности, включая авиационную, определенными районами.

Признавалось настоятельно необходимым ограничить число и масштабы военно-морских учений, уведомлять о их проведении, о взаимном отказе от учений и маневров в международных проливах (включая прилегающие к ним районы) и от применения в ходе учений боевого оружия в зонах традиционных морских путей.

Советская сторона в середине 1987 г. предложила опробовать «модель» договоренностей по военно-морским проблемам в северной части Тихого океана, где немного «действующих лиц».

Однако приходится с сожалением констатировать, что из всего пакета предложений, выдвинутых М. С. Горбачевым, ни одно не получило практической поддержки со стороны США. Видимо, сохраняющееся у Соединенных Штатов общее преимущество в военно-морской силе мешает им пойти на принятие каких-либо мер по ограничению возможностей ее применения.

То же самое можно сказать и о позиции США относительно прекращения ядерных испытаний в АТР. Начиная с 1986 г. и позже советская сторона вновь и вновь ставила вопрос о прекращении ядерных испытаний в азиатско-тихоокеанском регионе, где страны и народы особенно остро реагируют на их продолжение. Советский Союз подкрепил свое политическое предложение практическими действиями, объявив односторонний полуторагодовой мораторий. К сожалению, ядерные державы Запада не прислушались к предложению о прекращении ядерных испытаний в азиатско-тихоокеанском регионе (как отказались они присоединиться и к Договору Раротонга). Однако определенное



продвижение СССР и США в совместной работе по контролю над ядерными испытаниями, а также углубляющаяся разрядка между Востоком и Западом должны, как представляется, действовать в пользу позитивных перемен в позиции Вашингтона и его союзников в отношении прекращения ядерных взрывов в том числе в АТР.

Во владивостокской речи М. С. Горбачева было выражено позитивное отношение к участию СССР в тихоокеанском экономическом сотрудничестве. За последнее время удалось, надо сказать, несколько продвинуться в этой сфере. Снимаются некоторые преграды для участия советских представителей в целом ряде региональных консультативных организаций, в частности в Конференции по экономическому сотрудничеству стран бассейна Тихого океана. В СССР создан Советский национальный комитет по азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. Эта организация будет способствовать всемерному развитию экономических связей СССР со странами региона — как на двустороннем, так и региональном уровне, — осуществлению планов комплексного развития советского Дальнего Востока, улучшению здесь экономической и социальной ситуации.

В контексте и с учетом предложений других государств Советский Союз выдвинул ряд собственных инициатив по углублению тихоокеанского экономического сотрудничества. На повестке дня, думается, все более вырисовывается необходимость согласованного подхода государств региона к его торгово-экономическим проблемам, т. е., другими словами, назрела потребность в начале общерегионального диалога в этой области. Он позволил бы стимулировать развитие равноправного взаимовыгодного и устойчивого торгово-экономического сотрудничества между всеми странами бассейна Тихого океана, независимо от их общественного строя и других различий.

В СССР создаются предпосылки для развития торгово-экономического сотрудничества на самом важном и наполненном высокой активностью участке — на уровне предприятий. Именно здесь формируются длительные и устойчивые связи между партнерами, имеется возможность гибко реагировать на те потребности, которые выдвигает текущая экономическая конъюнктура, научно-техническая революция в целом. Производственное сотрудничество, ставшее общемировым явлением, рассматривается в СССР и как главное направление активизации его участия в международном разделении труда, перестройки внешнеэкономических связей нашей страны. На середину 1988 г. в СССР зарегистрировано 70 совместных предприятий с партнерами из зарубежных стран. Еще по 60 подписаны «декларации о намерениях», на проработке находятся 500 аналогичных проектов<sup>7</sup>. На азиатско-тихоокеанский регион приходится пока небольшая доля из приведенных выше цифр. На территории СССР создано 4 совместных предприятия с партнерами из АТР, в том числе 3 с японскими и 1 — с австралийскими. Однако в тех проектах, которые находятся в стадии проработки, удельный вес партнеров из стран региона существенно выше. Советский Союз готов и дальше развивать эту перспективную форму сотрудничества, налаживать деловые связи непосредственно с зарубежными партнерами, торгово-промышленными палатами стран региона, к взаимной выгоде решать вопросы налогообложения и другие финансовые и юридические проблемы.

Реальным вкладом СССР в укрепление тихоокеанского экономического сотрудничества являются предпринимаемые им усилия по ускорению развития советского Дальнего Востока. В нашей стране принята к исполнению крупномасштабная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района до 2000 года, с тем чтобы увеличить его экономический потенциал не менее чем в 2 раза. Предусматривается до-

биться резкой активизации внешнеэкономических связей ДВЭР, расширения прямого выхода его предприятий на рынки стран АТР, установления непосредственных деловых контактов с зарубежными партнерами. В целом открываются весьма обнадеживающие возможности для быстрого и масштабного развития хозяйственных обменов СССР с тихоокеанскими соседями в духе взаимного доверия, честного партнерства и открытости. Однако еще действуют силы, пытающиеся сеять сомнения в отношении истинных намерений Советского Союза, которые хотели бы притормозить процесс его вовлечения в региональное экономическое сотрудничество, в частности путем ужесточения запретительных правил КОКОМ. Это создает новые трудности на пути нормализации ситуации в регионе. Экономические отношения предполагают в качестве основы взаимную выгоду и в интересах всех сторон должны способствовать созданию такой основы, а не препятствовать этому.

В этой связи трудно, к сожалению, не заметить стремление влиятельных на Западе кругов «исключить» СССР из процесса развития политико-экономических связей в азиатско-тихоокеанском регионе, представить дело таким образом, будто Советскому Союзу якобы «нет места» в системе взаимоотношений в АТР. Подобная позиция контрастирует с подходом, который был представлен в 1986 г. во владивостокской речи, когда М. С. Горбачев приглашал к размышлению о том, как через активизацию экономических связей, через двусторонний и многосторонний политический диалог, через создание зон доверия и другие шаги начать движение в интересах всех и каждого, не исключая никого, кто имеет отношение к АТР<sup>8</sup>.

Устранение разного рода препятствий в налаживании всеобъемлющего экономического взаимодействия стран АТР имеет самое прямое и непосредственное отношение к главной задаче — поиску путей к надежной безопасности в АТР, поскольку развитие экономической взаимозависимости неизбежно ведет к доверию, облегчает решение проблем безопасности в более широком смысле.

\* \* \*

Краткий обзор советских инициатив по проблемам АТР не просто возвращает нас к проблемам недавнего прошлого, а прежде всего напоминает о том, что они еще более актуальны сегодня и требуют своего решения с учетом накопленного сторонами опыта выработки нестандартных, нетрадиционных подходов, опыта эффективных разумных компромиссов, основанных на приоритетном значении общечеловеческих интересов.

В этой связи представляется необходимым указать по крайней мере два урока на будущее, которые следует извлечь из опыта взаимодействия государств в АТР за время, прошедшее после владивостокской речи М. С. Горбачева.

Первый урок состоит в необходимости продолжения поиска в регионе компромиссных, общеприемлемых путей и способов развязывания существующих в международных отношениях узлов. Советские инициативы так или иначе вобрали в себя основное содержание соответствующих предложений других стран региона. Но все же это — советские предложения, в большей мере исходящие из наших представлений о зле и добре, о пользе и вреде каких-то тенденций, явлений, акций в международной жизни АТР. Поэтому крайне необходимо непосредственное сопоставление и состыковка конструктивных инициатив разных стран региона, выявление объективных и субъективных причин частичной или полной несовместимости этих инициатив и поиск способов по крайней мере смягчения и ограничения действия таких причин.

Второй урок, который также ни в коем случае нельзя упускать из поля зрения, состоит в том, что не только отсутствие адекватного практического

ответа, но зачастую даже и реакции на советские инициативы не должны порождать настроений пессимизма, разочарования или тем более политического фатализма. Напротив, весь опыт мирового развития второй половины 80-х гг. говорит о возможности, при наличии доброй воли руководителей принадлежащих к различным системам государств, прорыва к практически значимым переменам, которые совсем недавно — с точки зрения недалекой исторической ретроспективы — казались трудно или даже вовсе не достижимыми.

---

<sup>1</sup> «Правда», 09.06.1988.

<sup>2</sup> Там же, 04.06.1988.

<sup>3</sup> «Правда», 29.07.1988.

<sup>4</sup> См.: «Правда», 16.08.1988.

<sup>5</sup> Там же, 11.06.1988.

<sup>6</sup> «Красная Звезда», 14.07.1988.

<sup>7</sup> «Коммунист», 1988, № 12, с. 38.

<sup>8</sup> «Правда», 23.07. 1988.

---

## Нравственность и политика

(ко второй годовщине  
Делийской декларации)

---

А. А. МУРАДЯН

**Д**елийская декларация о безъядерном и ненасильственном мире появилась в результате развития отношений двух государств, но значение ее вышло далеко за двусторонние и региональные границы благодаря глубокому политико-философскому и нравственному содержанию, отразившему чаяния всего человечества. Она стала стимулом перестройки международных отношений. Во время встречи М. С. Горбачева с президентом Республики Индии Р. Венкатараманом в июле 1988 г. в Кремле было подчеркнуто значение известной теперь во всем мире Делийской декларации, идеи которой присутствуют во всех значительных начинаниях в области мировой политики<sup>1</sup>.

Сокровенный смысл делийского документа, его внутренний пафос — это страстное желание с особой силой высветить нравственное измерение международной политики, настойчиво указать на возрастающее значение морального фактора в условиях современности. «Необходимо отказаться от применения силы и угрозы применения силы», — гласит Делийская декларация, подчеркивая, что человеческая жизнь должна быть признана высшей ценностью. В истории духовной культуры народов мысль о том, что человек есть мера всех вещей, — одна из наиболее древних. Более двух тысяч лет назад она была сформулирована в античной философии. Примерно в то же время интеллектуальная жизнь народов Азии обогатилась аналогичной максимой: «Только такая победа может считаться настоящей, при которой все в равной мере являются победителями и никто не терпит поражения». Эти слова Будды привел в своей речи на митинге в Кремле в 1961 г. Дж. Неру, их процитировал М. С. Горбачев, выступая перед парламентариями Индии 27 ноября 1986 г.<sup>2</sup>

Принцип ненасилия уходит своими корнями глубоко в историю человечества. Особо заметный вклад в его разработку и пропаганду внесли мыслители древней и современной Индии, в частности Махатма Ганди. На митинге в связи с открытием в июле 1988 г. в Москве памятника великому сыну индийского народа справедливо отмечалось, что доктрина ненасилия, провозглашенная Ганди, имеет не только национальное, но и международное значение<sup>3</sup>. В самом деле, у многих стран Азии накопился немалый опыт в выработке норм цивилизованного, исключаящего насилие международного общения.

Видимо, не случайно именно на азиатской почве родились принципы панча шила, идеи Бандунга. Здесь необходимо отметить следующее важное обстоятельство. Индия, Китай, многие другие азиатские государства, утвердившиеся

в конце 40-х — начале 50-х гг. на мировой арене в качестве субъектов международных отношений, накопили в ходе освободительного движения огромный моральный потенциал. Последний, претерпев соответствующую трансформацию (например, пять принципов мирного сосуществования, десять принципов Бандунга, идея неприсоединения и пр.), превратился в своего рода международный моральный кодекс, противостоящий идеологии холодной войны и сыгравший видную роль в ее преодолении.

В копилке позитивного исторического опыта азиатско-тихоокеанских стран — китайско-индийские договоренности 50-х гг., Женевские соглашения по Индокитаю и о заключении перемирия в Корее, индо-пакистанские переговоры в Ташкенте и Симле, ряд других дипломатических инициатив, преследующих цель перевести проблему международной безопасности в новую, ненасильственную систему координат, подчеркнуть нравственное измерение региональной и мировой политики.

Указанные интеллектуальные и нравственные традиции во многом совпадают с философией нового политического мышления, согласно которой реалии современного мира требуют, чтобы обеспечение безопасности государств все больше перемещалось из сферы соотношения военных потенциалов в сферу политики, примата права, общечеловеческой морали в выполнении международных обязательств. В докладе на XIX Всесоюзной партийной конференции М. С. Горбачев отметил, что новое политическое мышление позволило «масштабнее оценить жизненное значение для современных международных отношений нравственных ценностей, которые на протяжении столетий вырабатывались народами и обобщались, отчеканивались великими умами человечества»<sup>4</sup>. Именно в сплаве благородных, гуманистических традиций многовекового прошлого народов Азии с философией нового политического мышления, в органической связи времен, в преемственности поколений, воплотившихся в Делийской декларации, и заключается разгадка популярности этого документа в условиях современности. Здесь объяснение того факта, что идеи декларации находят отражение во многих международно-политических акциях и начинаниях, призванных покончить с отторжением политики от общечеловеческих норм нравственности.

Вот под этим углом зрения автору и хотелось бы взглянуть на некоторые принципы построения свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, предложенные в Делийской декларации. Мирное сосуществование, говорится в делийском документе, должно стать универсальной нормой международных отношений. Мир надо освободить от ядерного оружия, а ресурсы, расходуемые на вооружение, должны быть направлены на обеспечение социального и экономического развития. Казалось бы, нет необходимости повторять эти самоочевидные истины, тем более что история их формулирования насчитывает не одно десятилетие. Мирное сосуществование как принцип внешней политики нашло отражение уже в первых документах Советского государства. Как необходимая норма международного поведения оно зафиксировано в пяти принципах мирного сосуществования (панча шила), десяти принципах Бандунга, в документах движения неприсоединения, во многих других международно-правовых актах последних лет.

И тем не менее значение указанного принципа, содержащегося в Делийской декларации, сохраняется. Более того, в современных условиях борьба за практическое внедрение его как общепринятой нормы в международно-политическую практику актуализируется, потому что, к сожалению, в мире еще действуют влиятельные силы, которые хотят поставить под вопрос правомерность самого понятия «мирное сосуществование». Уже не первый год в консервативных кругах западной науки и публицистики ведется идеологиче-

ское наступление на идею мирного сосуществования, которое трактуется как «тактический инструмент» советской дипломатии, предназначенный для «интенсификации борьбы в экономической, политической, военной, психологической и идеологической областях»<sup>5</sup>.

Известный американский дипломат Пол Нитце утверждает, например, что понятия «мир», «мирное сосуществование» в советской идеологии призваны закамуфлировать подлинные цели советской внешней политики. Во влиятельном американском журнале «Форин афферс» он писал: «Советская концепция «мира» означает непрекращающуюся борьбу, а не состояние равновесия, как часто определяют мир на Западе». П. Нитце поясняет, что целью американской политики в отношении Советского Союза является лозунг «живи и давай жить другим», в то время как советский курс «предусматривает проведение активной политики успешных захватов власти повсюду и всегда, где и когда это только возможно без чрезмерного риска»<sup>6</sup>.

Здесь нельзя не напомнить позицию советского руководства относительно формулы «живи и давай жить другим». Не так давно, отвечая на вопросы журнала «Тайм», М. С. Горбачев сказал буквально следующее: «Главный вопрос, на который мы должны себе ответить, — готовы ли мы, наконец, признать, что нет иного пути, как жить друг с другом в мире. Готовы ли мы перестроить свой образ мыслей и действий с военного на мирный лад? Как говорят у вас — жить и давать жить другим. Мы называем это мирным сосуществованием. Что касается Советского Союза, то на этот вопрос мы отвечаем утвердительно»<sup>7</sup>.

Внимательный читатель может возразить: сказанное П. Нитце относится к прошлому («застойному») периоду советской внешней политики, а сейчас, после соответствующих разъяснений со стороны советского руководства и ряда практических внешнеполитических мероприятий нашей дипломатии, вопрос окончательно прояснен. Но вот что интересно: мимо внимания мировой общественности не прошел тот факт, что среди представителей США, которые вели переговоры в Москве в рамках июньской встречи в верхах, обнаружилось нежелание воспроизвести в советско-американском заявлении термин «мирное сосуществование». Одним из влиятельных экспертов американской делегации был П. Нитце. Стало быть, высказанное им в упомянутом журнале негативное отношение к понятию «мирное сосуществование» является отнюдь не только его личным мнением, оно до сих пор отражает позицию определенных влиятельных политических сил на Западе. А это значит, что борьба за утверждение мирного сосуществования в качестве универсальной нормы международных отношений, к чему призывает Делийская декларация, остается актуальной задачей. В этой борьбе Советский Союз и Индия не одиноки, многие страны мира объявляют мирное сосуществование основой своей внешней политики. Твердую приверженность философии мирного сосуществования провозглашает КНР. В китайских официальных партийно-государственных документах и публицистике подчеркивается, что «Китай надеется иметь дружеские отношения со всеми странами мира на основе пяти принципов мирного сосуществования».

Одним из важнейших принципов, зафиксированных в Делийской декларации, является ненасилие, которое должно стать основой жизни человеческого сообщества. Время, истекшее со дня принятия декларации, выразительно высвечивает трудности, с которыми приходится сталкиваться в практике становления «бессиловых» международных отношений, в которых сила не выступает в качестве решающего инструмента политики. Красноречивый тому пример — противоречивость американской позиции, обнаружившаяся на встрече в верхах в Москве. Об этом сказал М. С. Горбачев на пресс-кон-

ференции 1 июня 1988 г. С одной стороны, принято совместное заявление о том, что войны не должно быть, что она недопустима, ведется деловой разговор о сокращении вооружений, о разоружении, о предпочтительности политического решения существующих проблем. С другой же стороны, постоянно делаются утверждения о ставке на силу. «Значит,— отмечал М. С. Горбачев,— сила, вооруженная сила, военная мощь провозглашаются как главный принцип политики Соединенных Штатов в отношении Советского Союза, да и не только Советского Союза»<sup>8</sup>.

Уже в течение ряда лет на Западе, прежде всего в США, развивается направление политической мысли, стремящееся обосновать тезис о неустрашимости силового, насильственного начала из международной политики. Оно неоднородно. На крайнем правом его фланге находятся теоретики, продолжающие разрабатывать «сценарии» ядерных войн — ограниченных, локальных и т. п.— как ответ на «советскую агрессию». Есть в этом направлении и «либералы», выступающие против ядерных войн, но за разработку «чистых» типов оружия для применения его в космосе и из космоса.

«Поскольку мир замкнут в систему угроз, которая включает ядерное оружие,— пишет известный в США теоретик Колин Грей,— нет никакой практической альтернативы подготовке к ведению ядерной войны настолько возможно эффективно. У США может не оказаться никакой практической альтернативы ведению ядерной войны. Соединенным Штатам нужна способность нанести первый удар стратегическими силами и господствовать над любым последующим процессом эскалации...» Далее автор рассуждает о способах, при помощи которых США могли бы выжить в ядерной войне и уменьшить американские потери до «низкого» уровня<sup>9</sup>.

Американские специалисты, анализирующие с реалистических позиций логику подобного мышления, справедливо утверждают, что «они [сторонники силового начала в мировой политике.— А. М.] хотят, чтобы Соединенные Штаты оказались в состоянии вести и выиграть ядерные войны»<sup>10</sup>. Кроме того, некоторые пропагандисты силового подхода к решению проблем мировой политики, например сотрудник Гудзонского института Барри Смернофф, еще недавно утверждали, что в перспективе будет возрастать роль именно ядерной войны. «Похоже,— пишет Б. Смернофф,— что будущая стратегическая технология должна делать ядерную войну все более «мыслимой». Развивая свою идею, американский политолог прогнозирует ускорение гонки вооружений в космическом пространстве, особенно гонку в создании различных типов лазерного оружия, указывая на особую «привлекательность» последнего. Поскольку лазеры, рассуждает Б. Смернофф, не являются оружием массового уничтожения, то ни о каком «лазерном пороге» нечего и речь вести, а посему «лазерная война в космосе может быть более вероятной, чем ядерная война на земле»<sup>11</sup>.

Соавторы Делийской декларации, отрицая неотвратимость применения силы в международных отношениях, выразили твердую убежденность в возможности политического урегулирования конфликтов. А в это же время представители не уступающие свои позиции консервативного мышления всерьез разрабатывают варианты использования силы, не исключая ультрасовременных видов вооружений, для решения международных проблем. Любого здравомыслящего читателя поражает контраст между духом Делийской декларации и содержанием некоторых вышедших в последнее время на Западе работ, авторы которых, претендуя на научный анализ, всерьез рассуждают о допустимости ядерной войны и предлагают варианты и «правила» ее ведения. Так, в самом начале 1988 г. группа известных специалистов-международников (среди них А. Армстронг, З. Бжезинский, Г. Киссинджер, У. Кларк, С. Хан-

тингтон и др.) подготовила доклад под названием «Выборочное устрашение», в котором разрабатывается идея ведения Соединенными Штатами ядерной войны путем «взвешенных», «хирургических» ударов по строго определенным советским объектам. Разумеется, такая тщательно «дозированная» ядерная стратегия будет, по словам авторов, применяться только в ответ на «советскую агрессию», а не по инициативе Вашингтона.

Однако обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Во-первых, время, выбранное для активизации и популяризации подобных изысканий, то есть именно тот период, когда были сделаны принципиальные шаги в направлении ядерного разоружения, подписан Договор по РСМД. Во-вторых, весьма многозначителен подзаголовок доклада, поясняющий, что речь идет о «долгосрочной интегрированной стратегии», а отнюдь не об эпизоде или временной тактике. Весь доклад пронизан мыслью о необходимости ориентации внешней политики США именно на длительную перспективу ядерного противостояния: «В течение обозримого будущего,— гласит доклад,— Соединенные Штаты в военном отношении будут соперничать с Советским Союзом»<sup>12</sup>. Это соперничество должно опираться на американское «технологическое превосходство». «Мы должны,— пишут авторы доклада,— поддерживать те военные программы, в которых мы имеем особые преимущества по сравнению с Советами»<sup>13</sup>. В данной связи указанные американские авторы возлагают особые надежды на перенесение гонки вооружений в космос, утверждая, что «контроль над космическим пространством во время войны становится все более важным»<sup>14</sup>.

Можно было бы пройти мимо подобных высказываний, резко диссонирующих с советской позицией, которая категорически отрицает войну (и ядерную, и обычную) как средство политики, посчитать взгляды авторов упомянутого доклада курьезом, если бы речь шла о единичном случае. Но, к сожалению, здесь мы сталкиваемся не с эпизодом, а с устойчивым идейным течением. Так, сравнительно недавно в США был опубликован коллективный труд «Стратегическое ядерное нацеливание», в котором также подробнейшим образом расписано, когда, как и по каким целям в СССР должен наноситься удар ядерным оружием США. В одной из глав этого сочинения содержатся рассуждения о том, как добиться наибольшего военного и политического эффекта, дозируя ядерные удары по их мощи в зависимости от избираемой цели<sup>15</sup>. В трудах этой категории западных политологов настойчиво проводится тезис о том, что «господствовать на нашей планете в следующем веке» будут те государства (или государство), которые смогут «использовать экономические и военные преимущества космоса»<sup>16</sup>.

Принципиально важным моментом в этом «силовом» подходе является акцент на науку и технологию как на факторы, способные придать новое измерение и новый импульс политике силы. «Современная технология способна творить чудеса»,— восклицал на конференции, посвященной международным проблемам азиатско-тихоокеанского региона, Эдвард Теллер<sup>17</sup>. Мысль Э. Теллера сводилась к тому, что, опираясь на науку и технику, США должны создать не только глобальную, но и региональные космические системы (СОИ). Он призывал к участию в подобных региональных СОИ союзников Вашингтона. Разоружение или даже замораживание существующих уровней ядерных вооружений, по Теллеру, не является «реалистическим ответом» на проблемы современной международной жизни.

Словом, это весьма консервативное течение политической мысли на Западе отвергает возможность ненасильственного мира, полностью ориентируется на «силовую» процедуру осуществления международных отношений в обозримой перспективе. Пусть эти взгляды не доминируют в западной науке и про-



паганде, но недооценивать их деструктивное воздействие на международный климат и политику было бы легкомысленно.

Среди центральных идей Делийской декларации находится принцип признания человеческой жизни высшей ценностью. В этом пункте соединились гуманистическая концепция ненасилия, сложившаяся в процессе многовековой истории азиатской цивилизации, и традиционная для материалистической общественной теории идея реального гуманизма, провозгласившего человека основным богатством общества. «Чем иным является богатство, — подчеркивал К. Маркс, — как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу?»<sup>18</sup>.

Мысль о том, что из всех ценностей главную составляет человеческая жизнь, постоянно присутствует в работах В. И. Ленина<sup>19</sup>. На это важно указать, так как именно из общественной сущности отношений человека к человеку основоположники научного коммунизма выводили необходимость руководствоваться во взаимоотношениях «простыми законами нравственности» не только частным лицам, но и народам. Это положение зафиксировано К. Марксом в Учредительном манифесте I Интернационала<sup>20</sup>. И об этом следует, как представляется, напомнить, указывая на историческую длительность гуманистической нравственной традиции в диалектико-материалистической общественной, в частности международно-политической мысли. Эта традиция послужила одним из источников нового политического мышления, нашедшего практическое воплощение в Делийской декларации.

Делийская декларация объективно содействует мобилизации масс, отдельных индивидов для участия в антивоенных движениях. Она апеллирует к самым широким слоям населения, побуждая их к глубокому осмыслению грозящей опасности и поиску путей предотвращения войны. Таким образом, высвечивается водораздел между сторонниками, с одной стороны, новаторского, гуманистического и, с другой стороны, архаичного, силового подхода к решению международных проблем, у которого не может быть будущего.

Инициаторы Делийской декларации вполне отдавали отчет в том, что реализация идей совместного советско-индийского документа столкнется с немалыми трудностями. Два года, конечно, не такой уж большой срок. Но и за это время обнаружили себя как в политике, так и в идеологии противники утверждающегося на международной арене нового мышления. Не случайно объектом особых нападков с их стороны стал новый, высоконравственный подход к вопросам мировой политики.

Идеологи «силовой» политики, учитывая инстинктивное отвращение широких слоев населения к войне, моральное осуждение ее нормальными людьми, пытаются подорвать нравственные основы сопротивления войне. Они утверждают, что оценка нравственного содержания международных событий должна осуществляться по «особой» шкале ценностей, в основе нравственного отношения к международной политике должна лежать «политическая целесообразность», то есть на сегодня — соображения «силового» противоборства на мировой арене. Существует, согласно подобной логике, непримиримое противоречие между моралью и политикой, решить его можно, только отбросив любые чувства, прежде всего бескорыстие. Государственный деятель должен заботиться при этом не о соответствии внешней политики своей страны нормам общепринятой индивидуальной морали, а о защите «национальных интересов», «интересов безопасности» всей нации, которые находятся в постоянном и непримиримом конфликте с общечеловеческой

нравственностью. В соответствии с подобной схемой политик обязан руководствоваться нормами иной, «политической морали». Последняя должна выполнять «инструментальную» функцию в политике государств, помогать в достижении внешнеполитических целей. Как международное право якобы призвано содействовать политике силы, оправдывать ее, так и «первой задачей международной морали в практике государства должно быть усиление государственной политики». Мораль в международных отношениях, основанных на силе, призвана не смягчать, но контролировать поведение государств в их взаимоотношениях, а, наоборот, служить «могучим оружием в борьбе против потенциальных и действительных врагов» — так всегда утверждали представители наиболее консервативного направления в буржуазной идеологии<sup>21</sup>. Вот на эту традицию нигилистического отношения к морали и стремятся опереться сейчас наиболее консервативные течения политической мысли Запада.

**Делийская декларация объективно отвергает нигилистическое отношение к моральной стороне политики. Она подчеркивает антигуманную сущность ядерного оружия, указывает на аморальность самого намерения использовать его.** Истории известен пример применения ядерного оружия и его трагические последствия. И реальная его оценка позволяет сделать однозначный вывод о катастрофических результатах ядерной войны независимо от ее масштабов. Но, как это ни парадоксально, могут, оказывается, быть и иные трактовки этого опыта, призванные оправдать идею допустимости применения ядерного оружия. Аргументация в пользу допустимости ядерного конфликта, находящаяся в явном противоречии с новым мышлением, довольно хорошо просматривается в концепции политической целесообразности атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Суть этой аргументации сводится в основном к следующему.

Во-первых, применение атомного оружия не вносило ничего качественно нового в сам характер массовых убийств мирных жителей во время второй мировой войны.

Во-вторых, по мере развития технических средств разрушения у людей развивается «терпимость» к последствиям применения все более грозных видов оружия.

В-третьих, решения о применении атомного оружия были приняты в чрезвычайных обстоятельствах, в обстановке «острой напряженности тотальной войны».

В-четвертых, те, кто осуществляет политику, суть исполнители «ролей». Они — официальные лица и поэтому связаны в своих решениях правилами конкретного учреждения.

В-пятых, большинство проблем, которые ежедневно встают перед государственными деятелями, «не выступают в облике моральных».

В связи с подобным подходом вспоминается аналогия: клиент, прежде чем совершить покупку, отнюдь не занимается выяснением деталей частной жизни бакалейщика, у которого он приобретает товары, «мораль бакалейщика не имеет отношения к акту купли-продажи»<sup>22</sup>. Этот подход находится в разительном контрасте с философией Делийской декларации. «Мораль бакалейщика», проявляясь в международной политике, вызывает внушительный протест не только со стороны марксистов. Аморальность в политике не приемлют широкие слои общественности и на Западе, и на Востоке. Спротивление этой линии в политике и идеологии спланирует общественные движения и организации самой различной идейно-политической ориентации во всем мире, причем нередко именно по моральным мотивам. «Одна из основных причин насилия в нашем обществе на сегодняшний день,—

подчеркивает американский священник Ричард Максорли, — наше намерение использовать ядерное оружие». Он полагает, что, пока не будет исключена возможность использования ядерного оружия, «любая надежда на повышение нравственного уровня общества обречена»<sup>23</sup>. Люди во всем мире инстинктивно ощущают необходимость качественного сдвига в общественном сознании.

Мысль о необходимости революционной перестройки сознания как предпосылки для построения ненасильственного мира проходит красной нитью и через Делийскую декларацию. Отставание общественного сознания от стремительных перемен в современном мире, в особенности от сдвигов в научно-технической сфере, прогресс которой движет, помимо прочего, и развитие вооружений, очень опасно. На встрече с представителями международной общественности в Москве в июне 1988 г. М. С. Горбачев с тревогой указал на это обстоятельство, подчеркнув, что, пока идут переговоры, появляются новые классы и виды оружия. «Чем медленнее разворачивается процесс осознания происходящего в наших странах и в мире в целом, тем больше опасность, что очень сильно отстанем в политике», — пояснил он указанную мысль<sup>24</sup>.

В ядерный век участие общественности в мировой политике приобретает особое значение и новое качество, становится мощным фактором нравственного, гуманистического облагораживания международных отношений. Указанные процессы являются гарантией того, что политика не будет отрываться от человека, его жизненных забот и вполне земных интересов. Об этом говорилось и во время вышеупомянутой встречи Генерального секретаря ЦК КПСС с представителями международной общественности в Москве. Здесь заметна прямая перекличка с содержанием Делийской декларации.

И еще одно важнейшее положение Делийского документа все более актуализируется в условиях современности — необходимость немедленных, энергичных шагов в пользу мира. «Время для решительных и безотлагательных действий настало», — такими словами заканчивается Делийская декларация. Последующие события международной жизни убедительно подтверждают своевременность этого призыва.

Причем задача демилитаризации и гуманизации международных отношений занимает все более высокое место на шкале международных политических приоритетов именно в АТР. Влиятельные в политических кругах ряда стран развитого капитализма силы лелеют надежду превратить этот формирующийся центр мирового хозяйства в плацдарм «силовой» конфронтации. Отнюдь не случайно в политическую декларацию, принятую руководителями семи ведущих капиталистических стран в июне 1988 г. в Торонто, был включен основоположно дискредитировавший себя тезис о «советской военной угрозе» на Дальнем Востоке. Уже ряд лет в общеполитических и академических органах западной печати консервативного направления раздаются призывы к более тесному военно-политическому сотрудничеству, к разворачиванию здесь регионального варианта СОИ, заполнению в АТР «вакуума силы» и т. п.

Продолжается процесс вовлечения Японии в сферу военно-стратегической деятельности США в АТР, наращивается ее военный потенциал, стабильно из года в год увеличивается военный бюджет. Укрепляются военные связи Вашингтона с Сеулом. Южная Корея рассматривается Пентагоном как важный военно-политический плацдарм всей азиатско-тихоокеанской «силовой» стратегии США. Словом, вряд ли можно говорить о каком-либо существенном снижении уровня военного противостояния в АТР, где продолжается милитаризация больших и малых государств, где тлеют очаги вооруженных

конфликтов. Здесь расположена вторая по величине, после западноевропейской, группировка американских войск за границей. Внушительные вооруженные силы сохраняют в регионе и Советский Союз, значение которых определяется рамками недавно провозглашенной нашей страной оборонительной доктрины.

При движении по пути к снижению военного противостояния в АТР нельзя не учитывать богатый опыт, приобретенный в различных регионах во время урегулирования наиболее опасных своими трагическими последствиями кризисов. Надо иметь в виду и такое обстоятельство: если в Европе достигнуты определенные результаты в сфере ядерного разоружения, действует, несмотря на перебои, механизм переговоров и соглашений, что снижает степень вероятности военных столкновений, вносит определенную стабильность в международную обстановку, то в АТР таких механизмов практически нет. Необходимость их создания в азиатско-тихоокеанском регионе вполне очевидна. Ведь только таким путем можно исключить возможность превращения АТР в арену обостряющейся военно-политической конфронтации.

Новое политическое мышление предлагает отчетливые ориентиры для достижения указанной цели. Владивостокская речь М. С. Горбачева (июль 1986 г.), его интервью газете «Мердека» (июль 1987 г.), Делийская декларация и выступление М. С. Горбачева в Красноярске (сентябрь 1988 г.) в совокупности представляют комплексную концептуальную, философско-политическую и конкретную, практическую программу обеспечения мира и международной безопасности в АТР совместными усилиями всех его стран. Эта программа предусматривает урегулирование региональных конфликтов, прекращение гонки ядерных вооружений, сокращение вооруженных сил и обычных вооружений, меры доверия и неприменения силы в регионе, налаживание равноправного и взаимовыгодного экономического сотрудничества между всеми странами. Она направлена на то, чтобы вывести проблему азиатской безопасности из «силовой» системы координат, постепенно, но последовательно, лишать ее «силового» измерения, увеличивать в ней удельный вес нравственных ценностей.

Плодотворность предлагаемого подхода для гуманизации и демилитаризации международной политики апробирована практикой: он привел к заключению советско-американского Договора по РСМД, Женевским соглашениям по Афганистану, другим акциям, направленным на обеспечение международной стабильности и взаимовыгодного сотрудничества. Нравственный потенциал Делийской декларации задействован в азиатско-тихоокеанской политике еще далеко не полностью. Однако симптомы позитивных сдвигов налицо. Среди них ликвидация в соответствии с Договором по РСМД советских ракет среднего радиуса действия, размещенных в азиатской части нашей страны; объявление, в соответствии с Договором Раротонга, Южной части Тихого океана безъядерной зоной и присоединение к договору СССР и КНР, а также обсуждение странами АСЕАН идеи о провозглашении ЮВА безъядерной зоной; улучшение советско-китайских отношений, заметное сближение позиций Китая и Советского Союза по ряду проблем международной безопасности; перспективные инициативы МНР (о заключении пакта о неприменении силы и ненападении между государствами АТР), КНДР (об урегулировании прежде всего положения, сложившегося на Корейском полуострове); утверждение тенденций к реализму, наращиванию усилий по восстановлению мира и достижению национального примирения в Кампучии и др.

Свой вклад в расширяющуюся дискуссии вокруг проблем мира и безопасности в АТР вносит советская общественность. Расширению и углублению

связей по линии общественных организаций будет способствовать недавно созданный в нашей стране Национальный комитет по азиатско-тихоокеанскому сотрудничеству. Как в рамках комитета, так и за его пределами в кругах советской академической общественности сейчас активизируется обсуждение вопросов общерегионального хозяйственного сотрудничества, его форм, организационных структур, способов вовлечения в это сотрудничество районов Сибири и Дальнего Востока и т. п. Нарастает отчетливое понимание актуальности и важности широкого и многообразного экономического взаимодействия в масштабах всего азиатско-тихоокеанского региона, о чем столь выразительно сказано в красной речи М. С. Горбачева.

Свою лепту в осознание степени срочности и насущности такого взаимодействия вносит Делийская декларация, заострившая внимание на необходимости решения глобальных проблем мобилизации материального и интеллектуального потенциала человечества, прекращения траты ресурсов на гонку вооружений.

<sup>1</sup> См.: «Правда», 9.VII.1988.

<sup>2</sup> См.: Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Индию. 25—28 ноября 1986 г. Документы и материалы, с. 77.

<sup>3</sup> «Правда», 9.VII.1988.

<sup>4</sup> Там же, 29.VI.1988.

<sup>5</sup> V. Kubáliková, A. A. Cruickshank. *Marxism-Leninism and Theory of International Relations*. L., 1980, p. 87, 253.

<sup>6</sup> P. H. Nitzze. Living with the Soviets.— «Foreign Affairs», vol. 63, N 2, p. 363, 370—371.

<sup>7</sup> «Коммунист», 1985, № 13, с. 16.

<sup>8</sup> «Правда», 2.VI.1988.

<sup>9</sup> Цит. по: А. М. Сох. *Russian Roulette. The Superpower Game*. N. Y. 1982, p. 204.

<sup>10</sup> Ibid., p. 207.

<sup>11</sup> *The Future of Conflict*. Wash., 1979, p. 89, 112.

<sup>12</sup> *Discriminate Deterrence. Report of the Commission on Integrated Long-Term Strategy*. Co-Chairman. F. C. Ikle and A. Wohstetter. January. 1988, p. 39.

<sup>13</sup> Ibid., p. 41.

<sup>14</sup> Ibid., p. 2.

<sup>15</sup> *Strategic Nuclear Targeting*. London, 1986, p. 185.

<sup>16</sup> *People in Space*. New Brunswick, 1985, p. 37.

<sup>17</sup> *National Security Interests in the Pacific Basin*. Stanford, 1985, p. 25.

<sup>18</sup> К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, с. 476.

<sup>19</sup> См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 305.

<sup>20</sup> См.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. т. 16, с. 11.

<sup>21</sup> In: G. Schwarzenberger. *Power Politics*. L., 1964, pp. 219—221.

<sup>22</sup> K. J. Holsti. *International Politics*. Englewood Cliffs, 1977, pp. 439—444.

<sup>23</sup> «Правда», 20.XI.1987.

<sup>24</sup> Там же, 4.VI.1988.

## Новая стратегия НИОКР

Э. В. КИКАБИДЗЕ

**Р**азвитие наукоемких технологий на базе национальных фундаментальных исследований объективно требует централизованного государственного регулирования и увеличения государственных расходов на НИОКР, а также усиления роли государства в поисках источников финансирования. Однако раздающиеся в Японии на разных уровнях призывы к увеличению доли государства в общих затратах на НИОКР пока не находят практической поддержки. Развитие науки и техники в стране осуществляется, как и прежде, преимущественно за счет финансовых и кадровых ресурсов частного сектора. Но в новых условиях, в связи с необходимостью опоры на собственные национальные фундаментальные исследования, стратегия японских частных промышленных фирм, а также деятельность университетов, претерпевают существенные изменения.

В последние годы характерным для Японии является тот факт, что наряду с государственными учреждениями частные фирмы также форсируют фундаментальные научные исследования, обеспечивающие развитие различных направлений наукоемких технологий. С этой целью при многих фирмах создаются не только собственные лаборатории, но и институты и даже центры. Застрельщиками в этом процессе были электротехнические компании. Бум по созданию научно-исследовательских институтов охватил японскую электротехническую промышленность в начале 80-х гг., когда, например, фирма «Мицубиси дэнки» создала девять, а фирма «Ниппон дэнки» шесть научно-исследовательских лабораторий.

Стремление к открытию новых научно-исследовательских лабораторий, оснащению их передовым оборудованием и подбору высококвалифицированных исследовательских кадров охватило также и фирмы таких традиционных отраслей японской промышленности, как пищевая, текстильная, химическая, фармацевтическая и другие. С целью оживить свою деловую активность, фирмы этих отраслей начинают проводить исследования в новых областях наукоемких технологий, сопровождаемые финансовым риском.

На современном этапе одной из наиболее привлекательных сфер с точки зрения приложения частного капитала является биотехнология. Так, фирмы «Мицубиси кагаку когё», «Асахи кагаку когё», «Адзиното» и другие направляют значительные ресурсы на фундаментальные исследования с целью наращивания производства искусственных протеинов и новых лекарственных препаратов.

В начале 1987 г. фирмы «Адзиното» и «Кириин брьюэри» открыли новые центры фундаментальных исследований<sup>1</sup>. Фирма «Кёва хакко» (крупный производитель алкогольных напитков, аминокислот, приправ, продуктов нефтехимии) также активно проводит биотехнологические исследования на нескольких направлениях. В 1986 г. фирма выделила на биотехнологические проекты 13 млрд. иен. Эти проекты включают производство интерферонов и гормонов

роста рыб методом генной инженерии. Генеральный директор научно-исследовательских программ фирмы в одном из своих интервью выразил намерение продолжать работы по этим проектам несмотря на то, что, по его мнению, не все намеченные программы в равной степени увенчаются успехом<sup>2</sup>.

Ассигнования большинства крупных фармацевтических фирм на научно-исследовательские программы быстро растут. Так, в 1987 г. у фирм «Дайити сэйяку», «Тюгай» и «Яманоту» они увеличились на десять и более процентов по сравнению с предыдущим годом. Эти фирмы планируют также увеличить ассигнования на расширение существующих научно-исследовательских лабораторий и на строительство новых<sup>3</sup>.

Фирмы «Санкё», «Оно фармацевтикл», «Грин кросс», «Сумитомо фармацевтикл» и «Сантори» также активно форсируют фундаментальные исследования в области биотехнологии. Фирма «Сантори», известный производитель алкогольных напитков, диверсифицировавшись в фармацевтическую сферу, открыла весной 1988 г. медицинский центр фундаментальных исследований в Тиёда. Фирма «Моринага милк» выделила 10 млрд. иен на строительство института в Зама (префектура Канагава), куда будут переведены пищевая и биологическая лаборатории с целью лучшей организации биотехнологических исследований. О перспективности этого направления исследований говорит тот факт, что крупнейшая в Японии текстильная фирма «Торэй индастриз» стала ведущим изготовителем интерферона, применяющегося в противораковой терапии. По словам управляющего фармацевтическим отделом фирмы, большую часть получаемой компанией прибыли приносят именно новые направления ее деятельности.

Бум в создании новых научно-исследовательских лабораторий в послевоенной Японии наблюдался и в 60-х гг., но их деятельность была направлена на прикладные исследования. Сейчас значительно больше стало уделяться внимания и фундаментальным исследованиям, результаты которых смогут материализоваться в продукции для рынка лишь через десять и более лет. Так, в 70-е гг. более 75 % исследований, проводимых центральной лабораторией фирмы «Тосиба», концентрировались на проблемах прикладного характера, а ныне более 50 % ее научных исследований не связаны с непосредственной коммерциализацией продукции<sup>4</sup>.

В конце 70-х — начале 80-х гг. в стратегии японских фирм еще более укрепился долгосрочный подход к решению задач рыночной конкуренции. В отличие от общепринятого в американском деловом мире подхода, по которому приоритет отдается максимизации текущих денежных доходов, руководство японских фирм наиболее важным считает укрепление позиций фирмы в конкурентной борьбе. В сравнении с американской практикой срок окупаемости инвестиций на японских фирмах значительно больше. Для японских фирм, в частности в электронной промышленности, характерны непрерывный процесс проведения НИОКР и упорство в достижении целей. Именно длительный подготовительный период обеспечил столь стремительное развитие японской электроники в последнее десятилетие.

Сейчас происходят качественные изменения. Ведущие японские компании, достигнув высокого уровня в развитии прикладных исследований, могут осуществлять большие капиталовложения в фундаментальные исследования. Эксперты частного сектора также четко осознали, сколь возросли трудности, связанные с приобретением новых технических достижений за рубежом. По словам президента фирмы «Ниппон дэнки», Япония вступила в такой период развития, когда ей уже не с кого брать пример, как развивать технику и технологию<sup>5</sup>. Стремление вырваться в лидеры в наиболее перспективных наукоемких областях побуждает в последние годы частные фирмы к форсированию фунда-

ментальных исследований собственными силами. В настоящее время японские частные компании делают акцент именно на разработку национальной технологии на базе отечественных фундаментальных исследований, а не на улучшение и усовершенствование существующих видов импортируемой технологии. Тем не менее при стремительном развитии новых направлений научно-технического прогресса промышленным фирмам становится все труднее идти в ногу со временем. В связи с этим японские промышленные фирмы вынуждены искать пути кооперации с национальными и зарубежными университетами в сфере фундаментальных исследований. Однако в Японии связи частных промышленных фирм с университетами налажены слабо, в отличие, например, от США, где они являются нормой. Традиционное недоверие к национальным университетам побудило некоторые японские компании к осуществлению прямых капиталовложений в сферу НИОКР за рубежом, в частности в США. Так, Массачусетский технологический институт по контрактам с японскими фирмами ежегодно выполняет исследования на 3,5 млн. долл.<sup>6</sup>

Приступая к освоению новых направлений развития высокосложных наукоемких технологий, японские частные компании сталкиваются с нехваткой ученых и исследователей. Острый недостаток специалистов высокой квалификации ощущается в электронике, электротехнике, машиностроении и биотехнологии. Некоторые фирмы, пытаясь решить эту проблему, направляют своих специалистов для стажировки за границу, главным образом в США. Так, в 1984 г. в Национальном институте здоровья США работало 243 японских специалиста. На втором месте по числу стажеров в этом престижном научно-исследовательском центре США была Италия (107 человек), на третьем — Англия (94 человека). Всего за пять лет число японских специалистов, работающих в лабораториях Национального института здоровья США, возросло на 65 %.

Многие японские фирмы создают и энергично развивают свои научно-исследовательские филиалы в США. Так, фирма «Кёсэра» создала научно-исследовательский центр в Вашингтоне со смешанным штатом японских и американских ученых. Фирмы «Сони», «Хитати» и «Мацусита дэнки» также имеют свои лаборатории в США. По словам вице-президента филиала фирмы «Сони» в США, разработка в Токио новых видов продукции, предназначенной для американского потребителя, была бы сопряжена со значительно большими временными и прочими затратами<sup>7</sup>. Для японских бизнесменов активизация НИОКР в своих филиалах в Соединенных Штатах позволяет расширить сбор информации о наиболее передовых научно-технических достижениях. Непосредственный контакт с компаниями США дает возможность японским монополиям идти в ногу с американскими конкурентами.

Новым явлением в практике японских частных фирм, особенно средних и венчурных, является наем иностранных специалистов. Создающиеся в Японии венчурные компании (как правило, среднего масштаба) на данном этапе испытывают острую нехватку высококвалифицированных кадров, поскольку выпускники колледжей стремятся подобрать себе место в крупных компаниях с отлаженным производством.

Так, ведущая японская фирма в области математического обеспечения «Ниппон софтвэа» несколько лет назад начала нанимать специалистов из Ирландии, квалификация которых, по словам президента фирмы, как правило выше, чем у выпускников японских вузов<sup>8</sup>. В настоящее время на фирме работает более 20 иностранцев, включая четверых специалистов из Китая. Они и составляют костяк этой японской фирмы.

Директор и генеральный управляющий фирмы «Фудзицу», специализирующейся на электронике, сообщил в одном из интервью, что неотложной



задачей фирмы является наём группы иностранных специалистов<sup>9</sup>. В связи с этим представители фирмы разослали заявки в двадцать пять университетов США и стран Западной Европы. Руководители фирмы считают, что таким путем они укрепят систему проведения научных исследований и разработок, в чем они видят ключ к дальнейшему процветанию фирмы. Руководство ряда других японских компаний, включая «Мацусита дэнки», «Сумитомо дэнки», «Фурукава дэнки», «Мэйдзи милк продактс», «Хонда рисерч энд дивелопмент», также пытается в своей практике нарушить привычные традиции найма только японских специалистов.

В последние годы японские компании все больше приходят к выводу о необходимости частичной интернационализации своих научно-исследовательских лабораторий и центров для достижения прогресса в разработке передовых наукоемких технологий. В результате проведенного недавно Национальным научным фондом США обследования крупных японских фирм выявлено, что более половины из них намерены разрешить американским ученым работать в своих научно-исследовательских лабораториях<sup>10</sup>. Однако существенным тормозом является языковой барьер.

Следует отметить, что в зарубежной, особенно американской, прессе усиливается недовольство якобы односторонней выгодой, извлекаемой Японией в результате международного научно-технического сотрудничества, и предлагается развивать более тесные контакты не только с учеными японских университетов, но и с исследовательским персоналом научных лабораторий и центров частных фирм. В связи с этим стремление японских частных фирм нанимать иностранных специалистов, по всей вероятности, найдет активный отклик за рубежом и в особенности в США.

Общеизвестна значительная роль иностранной техники и технологии в развитии НИОКР в Японии. И в настоящее время японские фирмы, форсируя развитие собственных фундаментальных исследований, отнюдь не отказываются от прежней практики импорта зарубежных достижений. Сейчас японские компании не только заключают лицензионные соглашения, но и активизируют прямые инвестиции в исследования частных фирм США и стран Западной Европы. Десятки японских компаний являются акционерными собственниками небольших американских компаний, либо заключают соглашения о проведении совместных исследований<sup>11</sup>. Подобные соглашения обычно являются существенным подспорьем мелким западным фирмам и в то же время гарантируют японским компаниям право на производство и продажу продукции на международных рынках.

С 1980 по 1983 гг. только работающие в области генной инженерии японские компании заключили 188 соглашений о сотрудничестве с мелкими американскими фирмами<sup>12</sup>. Контакты между фирмами носят различный характер, но в целом они становятся все более обширными. Большую часть составляют лицензионные соглашения — как правило, на предоставление права на производство и сбыт продуктов, разработанных мелкими американскими фирмами. В отличие от западноевропейских фирм, заключающих соглашения о приобретении иностранных компаний, японские предпочитали заключать контракты на проведение НИОКР.

В последние годы обращает на себя внимание и тот факт, что японские исследователи все больше вовлекаются в американскую систему НИОКР по контрактам на проведение совместных исследований, а также по соглашениям о проведении японцами самостоятельных фундаментальных и прикладных исследований в американских университетах и лабораториях частных фирм. Американские аналитики в области научно-технического прогресса нередко выражают опасения, что подобный доступ конкурентов к их исследованиям может послу-

жить козырем в руках Японии против США. Однако следует отметить, что поток научно-технической информации и извлекаемая выгода не носят односторонний характер. Американские фирмы, например «ИБМ», «Барроуз», создают свои научно-исследовательские филиалы в Японии. Американские специалисты проводят исследования по контрактам на японских фирмах.

Характерным для японской экономики последнего десятилетия является широкое распространение отраслевых научно-исследовательских ассоциаций. Они формируются частными компаниями, но государство в лице министерств способствует их организации. Эти ассоциации действуют в рамках закона о научно-исследовательских ассоциациях, который допускает проведение совместных исследований без нарушения антитрестовских законов, существующих в Японии. Кроме того, под эгидой ведущих государственных органов создаются новые полуправительственные организации для активизации НИОКР по ключевым направлениям научно-технического прогресса.

Следует отметить, что ассоциации доказали свою эффективность именно на этапе проведения научных исследований, отработки базовой технологии. Практика показала, что они являются одной из наиболее перспективных форм организации научных исследований. Однако на стадии разработок и совершенствования базовой технологии ассоциации распускаются, и бывшие партнеры становятся конкурентами. В этом заключается стратегия государства, по которой правительственные органы содействуют объединению усилий фирм на стадии научных исследований, а затем на стадии разработок и внедрения достижений науки в производство, их же превращают в конкурентов.

Частные компании, занимающиеся разработкой новых материалов и биотехнологией, надеются, что успех союза научно-исследовательских ассоциаций частных фирм с правительственными учреждениями, имевший место при разработке компьютеров и сверхбольших интегральных схем, будет перенесен и в их сферы действия. Однако частные фирмы испытывают некоторое неудовлетворение из-за того, что плоды объединенных исследований в значительной мере присваиваются государством. В частности, патентные права в этом случае принадлежат целиком государству. В связи с этим частные фирмы нередко отклоняют предложения государственных учреждений принять участие в совместных проектах.

В связи с форсированием в Японии развития новых направлений наукоемких технологий на базе национальных фундаментальных исследований значительное место отводится реорганизации в стране системы образования и особенно высшего. В 1984 г. была создана «Высшая комиссия по общенациональной реформе при премьер-министре». В нее вошли представители академических и промышленных кругов, журналисты, преподаватели и представители молодежи.

Существующая система образования в Японии не отвечает потребностям общества в подготовке творчески мыслящих научных кадров. По словам одного из участников указанной комиссии, в настоящее время наиболее важным для страны является подготовка высококвалифицированных специалистов. В последние годы представители японского бизнеса и политические лидеры все более отчетливо высказывают беспокойство по поводу зависимости Японии от иностранной науки. Они признают справедливой критику зарубежных обозревателей, называющих Японию «пожирателем, а не генератором научных идей». Сами японцы вину за такое положение возлагают на университеты. При сравнении японских университетов с американскими отмечается прежде всего то, что многие японские университеты изолированы от основного потока НИОКР, в то время как американские университеты являются генераторами научных идей. Это не относится к некоторым государственным университетам, но

следует учитывать, что в Японии около 80 % студентов обучается в частных университетах, которые оснащены слабее, чем государственные.

Форсирование в Японии национальных фундаментальных исследований требует усиления роли университетов. Если раньше она сводилась в основном к подготовке научных кадров, то в последнее время важное значение приобретают научные исследования, проводимые в этих учебных заведениях, особенно в научно-исследовательских лабораториях и институтах при университетах. Важное место среди фундаментальных исследовательских работ в университетах занимает физика высоких энергий, физика Земли, новейшие направления биологии, медицины и генной инженерии.

Для стимулирования научных исследований в Японии принята система дополнительного субсидирования оригинальных творческих работ<sup>13</sup>. В соответствии с ней создана специальная комиссия для отбора наиболее перспективных работ, предлагаемых отдельными научными сотрудниками или группой научных сотрудников, с целью их дополнительного финансирования. Для привлечения молодых научных работников не старше 35 лет и для повышения их квалификации принята система так называемых поощрительных научных исследований.

В японской печати все более настойчиво высказывается мнение о необходимости постепенного увеличения доли государства в финансировании НИОКР, в первую очередь — дотаций специалистам университетов на проведение фундаментальных исследований.

Министерство просвещения поддерживает проведение НИОКР в университетах и фундаментальных исследований в специализированных государственных институтах, выделяя определенные ассигнования на специфические проекты. Наибольшая их часть направляется государственным университетам. В министерстве просвещения существуют три категории субсидий на проведение научных исследований: специальные субсидии на проведение выдающихся исследований, специальные субсидии на долгосрочные исследования и субсидии на осуществление целевых проектов. Последний вид является необычным для японской науки и позволяет объединять значительное количество ученых из различных институтов для осуществления конкретного научно-исследовательского проекта. Так, в 1986 г. Сэдзуро Эбаси из Национального института психологических наук возглавил работу 38 ученых из 20 институтов по исследованию функций сосудистой системы. Ассигнования на первый год исследований составили 190 млн. иен. Субсидии на проведение специальных долгосрочных исследований выделяются в настоящее время на проведение исследований в четырех крупных областях: рак, стихийные бедствия, окружающая среда, энергетика и термоядерный синтез. Ежегодно на специальные исследования в этих сферах выделяется от 500 до 2000 млн. иен, которые распределяются на 100-200 проектов. Хотя приоритетные сферы намечаются министерством, большинство проектов определяется по предложениям ученых по всей стране. В этих проектах смогут принять участие не только исследователи, но и преподаватели высших учебных заведений.

В начале 80-х гг. возникло новое явление в практике японских университетов, а именно — приглашение иностранных ученых для преподавания в них. Однако это явление, несмотря на большое его значение, пока не получило широкого распространения ввиду жестких бюджетных ограничений.

В последние годы все чаще стало проявляться стремление и американских университетов объединить усилия с японскими в целях проведения фундаментальных исследований в объединенных центрах Японии. Так, восемь известных американских университетов намерены организовать исследовательский центр в Киото<sup>14</sup>. Достигнуто соглашение между американским институтом «Масса-

чусетс институт оф технолоджи» и японским университетом «Нихон юниверсити» о создании в Токио объединенного института интернациональных исследований в новых областях науки и техники<sup>15</sup>. По словам профессора Массачусетского технологического института Рихарда Самуэльса, двусторонние японо-американские отношения в большей степени развиваются в сфере высокосложной наукоёмкой технологии<sup>16</sup>.

С начала 80-х гг. особый размах принимает проведение НИОКР совместными усилиями промышленных компаний, государственных учреждений и университетов. Целью подобной кооперации является разработка конечных продуктов или технологических процессов для использования в промышленном производстве, а также проведение фундаментальных исследований, содействующих более быстрому выполнению практических задач. В 1982 г. Управление по науке и технике опубликовало доклад, в котором указывалось на необходимость содействия творческим исследованиям, проводимым частными фирмами, путем расширения контрактных соглашений с государством. Наряду с этим подчеркивалась важность активизации роли университетов в кооперации частных фирм и государственных организаций при разработке стратегически важных направлений новых наукоёмких технологий. В этом же году был основан Комитет связи по проведению комплексных совместных исследований университетов и частных фирм (Сого кэнкю рэнраку кайги)<sup>17</sup>. В его состав вошло двадцать представителей научных и промышленных кругов. Комитет определяет темы, направления исследований и вырабатывает единую систему организации НИОКР.

По сообщениям периодической печати, в последние годы в Японии наблюдается расширение сотрудничества академических научно-исследовательских и учебных институтов с частными компаниями. Число совместно выполняемых ими исследовательских программ увеличилось с 56 в 1983 г. до 272 в 1986 г.<sup>18</sup> В 1987 г. университеты Тояма, Кобэ и Кумамото создали специальные центры для проведения работ по заказам частных фирм. В свою очередь министерство просвещения Японии пересмотрело свои установки о взаимоотношениях университетов с деловым миром. Университетам разрешено включать в свои программы курсы, финансируемые частными фирмами. Это, как считается, с одной стороны, упростит передачу научных знаний из университетов промышленным фирмам, а с другой — позволит вузам готовить студентов с учетом насущных нужд частных фирм. И тем не менее, несмотря на то, что высшие учебные заведения и частные фирмы сотрудничают все теснее, в конце 80-х гг. одной из важных проблем при осуществлении японских крупномасштабных научно-исследовательских проектов остается привлечение университетов в число их исполнителей.

Большие надежды в укреплении базы национальных фундаментальных исследований японское правительство возлагает на научно-исследовательский центр в Цукуба, пригороде Токио. Его строительство, длившееся более десяти лет, было в основном закончено к началу 80-х гг. На территории городка размещено свыше 40 научно-исследовательских и учебных учреждений. Японские специалисты проводят в Цукуба крупномасштабные исследования в области физики высоких энергий, атомной и космической техники, МГД-генераторов, биотехнологии, новых материалов. Важная роль в деятельности Цукуба отводится подготовке специалистов из наиболее творческой молодежи страны.

Правительство Японии намерено использовать и развить опыт Цукуба при создании технополисов в пригородах 19 крупных городов. Впервые идея создания технополисов была выдвинута в марте 1980 г. в документе МВТП «Торгово-промышленная политика в 80-е гг.» В апреле 1983 г. был принят закон о форсировании развития регионов, сосредоточивших в себе наукоёмкие производства, получивший наименование «Закон о технополисах»<sup>19</sup>. На

основе этого закона в октябре 1983 г. была опубликована программа развития технополисов в 14 регионах (15 префектур) страны. Идея технополиса заключается в создании городов, обеспечивающих одновременное развитие производства, науки и социальной сферы. Формирование технополисов направлено на решение трех задач: обеспечение автономной и жизнеспособной региональной экономики; содействие укреплению технологической самостоятельности страны путем создания благоприятных условий для развития НИОКР и наукоемких производств; совершенствование регионального распределения экономического потенциала страны.

\* \* \*

Центр ожесточенных конкурентных битв на мировой арене сместился в область научных исследований и разработок, в область идей и фундаментальных исследований. Как свидетельствуют высказывания представителей японских частных фирм, большую часть прибыли компаниям уже приносят именно новые направления наукоемкой технологии. В борьбе за лидерство на мировых рынках японские монополии ищут свои пути и средства. По всей вероятности процесс заимствования иностранной технологии, столь присущий японским монополиям, все больше будет подкрепляться их попытками форсировать собственные фундаментальные исследования в области ключевых направлений научно-технического прогресса. Заимствования иностранных достижений сохранятся, но уже на уровне идей и фундаментальных знаний.

<sup>1</sup> In: «Japan Economic Journal», 17.X.1987, p. 20.

<sup>2</sup> In: «High Technology», August, 1986, v. 6, No. 8, p. 46

<sup>3</sup> In: «Japan Economic Journal», 16.V.1987, p. 14.

<sup>4</sup> Ibid., 4.IV.1987, p. 21.

<sup>5</sup> In: «Japan Times», 23.IV.1985.

<sup>6</sup> In: «Science», 18.VII.1986, p. 271.

<sup>7</sup> In: «Scientific American», November 1985, v. 253, No. 5, p. 14.

<sup>8</sup> In: «Japan Economic Journal», 6.VI.1987, p. 8.

<sup>9</sup> Ibid., 30.I.1988, p. 25.

<sup>10</sup> In: «Fortune», 21.XII.1987, p. 53.

<sup>11</sup> In: «Science», 3.I.1986, p. 14.

<sup>12</sup> In: «Fortune», 14.X.1986, p. 25.

<sup>13</sup> «Кобунси», 1982, 31, № 2, с.113.

<sup>14</sup> In: «Japan Times», 11.XI.1986.

<sup>15</sup> Ibid., 23.I.1987.

<sup>16</sup> In: «Science», 18.VII.1986, p. 271.

<sup>17</sup> «Нихон гакудзицу синкокай дзигё но гайё», Токио, Нихон гакудзицу синкокай, 1983, с. 16.

<sup>18</sup> «БИКИ», 19.XI.87, № 138, с. 1.

<sup>19</sup> «Сангё ритти», 1984, 23, № 3, с. 4.

---

## Корпорации — меценаты

---

*Е. Л. КАТАСОНОВА,  
кандидат философских наук*

**К**ультура и корпорации — эти слова стали все чаще появляться на страницах японских газет и журналов. Бизнесмены, зарекомендовавшие себя как «экономические животные», превратились в «патронов искусства».

Речь идет о субсидиях большого бизнеса. В настоящее время это существенный источник финансирования японской культуры, имеющий устойчивую тенденцию к росту. Тенденция эта характерна не только для Японии, но и для большинства других капиталистических стран — США, Великобритании и т. д. Итальянские Медичи нанимали лучших художников своего времени, создавших прославившие их шедевры живописи, скульптуры и архитектуры. Сегодня настало время корпораций и прославления корпораций.

В чем причина этого явления? Каковы мотивы, побуждающие представителей большого бизнеса уделять такое внимание сфере культуры? Ответы на этот вопрос даются разные. Для одних культура превратилась в предмет коммерции, для других же она не имеет никакого отношения к основной сфере хозяйствования и есть своего рода «компенсация» обществу за получаемые выгоды; для третьих — это одно из направлений рекламной работы. Более того, некоторые рассматривают культуру как эффективное средство создания общественного имиджа. Однако при всех различиях очевидно одно: «вовлечение культуры в сферу предпринимательской деятельности корпораций усиливается»<sup>1</sup>.

Обращение представителей бизнеса к сфере культуры — явление не новое. Еще в начале XX в. несколько новоиспеченных промышленных магнатов приступили к коллекционированию произведений искусства. В числе пионеров этого начинания был промышленник Магосабуро Охара. В 30-е гг. он открыл в местечке Курасики один из первых художественных музеев и сделал достоянием широкой публики свою частную коллекцию шедевров европейской живописи.

Однако реальное проникновение бизнеса в сферу культуры намечилось лишь в послевоенные годы в связи с «перераспределением позиций отдельных группировок в правящем лагере и выдвинутым на первый план монополистического капитала, прежде делившего власть с военщиной и крупными помещиками»<sup>2</sup>. Новая социальная элита (крупные концерны и корпорации) стала важным финансовым источником для развития культуры. Правда, занятые на первых порах созданием новой экономической структуры, японские капитаны индустрии лишь время от времени обращались к культурной деятельности. И только в середине 60-х гг. в связи с выступлением общественных сил против компаний, свидетельствующем об обострившейся кризисной ситуации в социально-экономической и духовной жизни японского общества, промышленники сделали серьезную ставку на культуру как панацею от всех социальных бед. Их интересы в области культуры диктовались стремлением отвести от себя социальную критику со стороны общественности, посеять в массах иллюзию изменения характера всей системы частного предпринимательства. При этом не последнее место

в их расчетах занимали и рекламные цели — желание приукрасить свою деятельность различного рода культурными новациями.

Сфера культуры стала своеобразной ареной демонстрации крупным капиталом своего «заботливого» отношения к национальным духовным ценностям.

Что касается выбора пластов культуры, то корпорации отдавали предпочтение как «высокой» культуре, так и получившей широкое распространение «массовой» культуре. Заметим, что «увлечение «высокой» культурой объяснялось давним желанием корпораций «пристегнуть» к своей деятельности престижные реликвии культурного наследия с целью придания более светского обличья своей деятельности». В то же время «намечавшаяся ориентация на «массовую» культуру подтверждала устремления крупного бизнеса канализировать общественное сознание на оценку духовной сферы, основным критерием которой было бы внешнее материальное благополучие»<sup>3</sup>.

Все крупнейшие японские корпорации, а вслед за ними и менее солидные фирмы в той или иной мере подтвердили свое участие в культурной деятельности.

### Патронирование искусства

Немалое число японских компаний стало упоминаться в числе спонсоров театральных постановок театра сингэки. Особой популярностью среди промышленных и торговых фирм пользуется одна из самых богатых полукоммерческих театральных групп «Сики», завоевавшая успех у зрителей постановками для детей. Многолетние деловые контакты связывают с «Сики» крупную страховую компанию «Ниссэй». Ежегодно она выделяет труппе театра 500 тыс. долл. К финансированию труппы охотно подключились и другие фирмы. Часть доходов переадресует этому театру магнат кораблестроения Рёити Сасакава. Известный производитель пива фирма «Кири» и концерн кисломолочных продуктов «Юкидзируси» также приобщились к театральному искусству, став спонсорами спектаклей театра сингэки.

Насколько важна в наши дни для драматического искусства такая материальная поддержка, наглядно демонстрирует судьба одной из трупп театра синкокугэки.

Возникший в 1962 г. театр сразу же столкнулся с серьезными материальными проблемами. Пожертвования в 56 тыс. долл., поступившие в 1968 г. от телекомпания «Фудзи», несколько стабилизировали его материальное положение. Однако единовременные дары не смогли спасти театр от банкротства. В 1979 г. труппа прекратила свое существование, оставив после себя долг в 1,3 млн. долл.

В Японии классический балет и современное танцевальное искусство существуют на средства, получаемые от учеников балетных школ и небольшой группы промышленных меценатов. Крупным патроном балета является Масако Оя, супруга скончавшегося в 1980 г. текстильного магната, президента компании «Тэйдзин». Образованный ею в начале 70-х гг. Фонд международного искусства, большую часть которого составляют средства «Тэйдзин», с первого дня своего существования был создан на пожертвования корпораций на нужды балета. Так, Международный конкурс балета, прошедший в 1980 г. в Осаке, привлек к себе внимание и получил финансовые отчисления 9 крупных японских фирм. Тадаси Нисидо, вице-президент фонда, заметил по этому поводу: «Вполне естественно, что «Тэйдзин» является основным вкладчиком капитала. Другие же компании, делая свои пожертвования, руководствуются заботой о поддержании хороших общественных отношений»<sup>4</sup>.

Современному хореографическому искусству отдают свое предпочтение компания «Мацусита дэнки», радиовещательная корпорация «Сиранси». Ряд

других японских предпринимателей занялись пропагандой музыки.

Заметной фигурой в музыкальном мире 60—70-х гг. стал Хидэо Эдо — президент одной из дочерних фирм корпорации «Мицуи», занимающейся вопросами недвижимого имущества. «Японский деловой мир слишком поздно осознал важность культурной деятельности», — заявил он<sup>5</sup>. Только на организацию в 1980 г. Первого музыкального фестиваля в Токио он пожертвовал из доходов своей фирмы 500 тыс. долл. Заметим, что немалую долю средств на эти цели субсидировала федерация экономических организаций Японии «Кэйданрэн», около 200 тыс. долл. поступило от японских фирм. Благодаря усилиям Эдо в 1979 г. 199 японских корпораций и фирм выделили 337 тыс. дол. Японской ассоциации оркестров.

Особой активностью в области музыки отличаются компании — производители радиоаппаратуры и музыкальных инструментов. Так, всемирно известная компания «Пионер» ежегодно субсидирует 7—8 выступлений оркестра японской радиовещательной корпорации Эн-эйч-кэй. С 1971 г. один из основных производителей пианино фирма «Кавай» является спонсором концертов западной музыки в различных уголках страны (в 1980 г. этой программой было охвачено более 80 городов), она же — учредитель японского Общества Шопена. Концерн «Тосиба» «специализируется» на джазе, организует выступления японских и зарубежных джазовых коллективов и отдельных солистов. Компания «Эссо» уделяет особое внимание эстетическому воспитанию детей и с 1976 г. финансирует музыкальный лагерь для юных дарований. Компания «Хоккайдо электрик», Токийский банк, страховая фирма «Асахи» и другие также ежегодно выделяют ассигнования на развитие музыкального искусства. Однако эти ассигнования не могут идти ни в какое сравнение с теми средствами, которые предоставляет на эти цели из специально созданного ею музыкального фонда корпорация «Сантори» — крупный производитель виски и других алкогольных напитков. Корпорация — активный пропагандист современной японской музыки. Ежемесячно она приобретает до 100 билетов на все концерты, в программах которых числится хотя бы одно произведение современных японских авторов, и бесплатно распространяет их. В 1969 г. «Сантори» учредила приз в области музыки в 15 тыс. долл. По ее примеру в 1971 г. фирма «Мобил» установила свои награды в области классической западной и традиционной японской музыки, выделяя ежегодно на эти цели более 8 тыс. долл. Этим же курсом следуют и другие крупные предпринимательские организации. В последние годы они стали широко практиковать организацию конкурсов, фестивалей, учреждение призов и т. п.

Еще более распространяется эта тенденция на изобразительное искусство. Так, нефтяная компания «Марудзэн» учредила в 1962 г. приз за достижения в области живописи. Страховые компании «Тохо сэймэй» и «Мэйдзи сэймэй» стали спонсорами детских конкурсов и выставок работ самодеятельных художников. Корпорации «Мицубиси», «Кавасаки» и другие подключились к активным конкурсным программам на периферии — местах их основной производственной деятельности. В 1980 г. группа «Фудзи-Санкэй» выступила инициатором конкурса, посвященного памяти известного скульптора и поэта Котаро Такамура. Стоимость призовых наград достигла 10 тыс. долл. Сегодня в Японии существует столько всевозможных наград и призов в области искусства и культуры, учрежденных промышленными и деловыми кругами, что зачастую они превосходят в денежном выражении всемирно известную Нобелевскую премию<sup>6</sup>.

Еще одна распространенная форма содействия развития изобразительного искусства со стороны большого бизнеса — предоставление художникам помещений для работы и демонстрации их работ. Этим целям служат, например, созданная за счет компаний «Токийская морская терраса». Здесь самодеятель-



ные художники имеют возможность в течение одной недели выставлять свои работы. Масао Икэда, директор-распорядитель фирмы «Син нихон дзюкэйся», регулярно отдает в распоряжение графиков, учителей рисования и других специалистов мастерскую и оборудование своей фирмы. Однако наиболее амбициозные планы воплощены в колонии искусств Киёхару, открывшейся в 1981 г. возле горы Яцугатакэ в префектуре Яманаси, где созданы все условия не только для работы, но и постоянного проживания художников. Ее создатель Тёдзо Еси, специализирующийся на торговле произведениями искусства, намерен превзойти парижский Монпарнас.

Все вышесказанное и составило основное содержание понятия «патронирование» крупным бизнесом сферы культуры. Осуществляя патронирование, корпорации получили возможность предоставлять дары, услуги, денежные средства как отдельным художникам или артистам, так и целым творческим коллективам. При этом немалое стимулирующее воздействие на эти меценатские настроения имели значительные налоговые льготы на вложение в культурную сферу, предоставляемые государством.

Естественно, корпорации — «патроны искусства» — хотят быть уверенными в выгодном для себя распределении и должной идейной ориентации их субсидий на культуру. Вот почему щедрые «дары» нередко сопровождаются требованием представительства в советах при театрах, оперных труппах и т. д. Возьмем, к примеру, Японский культурный центр, созданный в 1967 г. как фонд для безналоговых отчислений корпораций на осуществление различного рода культурных программ, включая международные обмены. Основные вкладчики центра наряду с компанией «Мацусита дэнки» и радиовещательной корпорацией «Сираиси» — это многие крупные предпринимательские организации, капиталовложения которых составляют около 300 тыс. долл. в год. Такой стабильной материальной поддержки со стороны частного сектора не имеет ни одно учреждение культуры. Показательно, что во главе Японского культурного центра стоит президент корпорации «Сираиси», сын президента газетной корпорации «Киото симбун» и телекомпании Кэй-би-эс Хидэдзи Сираиси.

Таким образом, если тактика патронирования не приносила представителям бизнеса прямых коммерческих выгод, то она давала им немало «социальных процентов» на перспективу, представляя собой одну из форм так называемого социального ориентирования, преследующего главным образом социально-политические цели в саморекламе своих культурных инициатив.

### Погоня за шедеврами

В поисках наиболее эффективных форм «социального ориентирования» большой бизнес выступает в роли не только «патрона», но и основного «потребителя культуры». Широкое распространение нашла практика коллекционирования произведений искусства. «Связь между индустрией и изобразительным искусством в Японии, — писала газета «Асахи», — в значительной мере обусловлена вкусами, энергией и деньгами коллекционеров-меценатов»<sup>7</sup>.

В ряду крупнейших частных музеев страны стоит художественный музей «Яматанэ», основанный в 1966 г. страховым банкиром Танэдзи Ямадзаки. В его фондах более 700 шедевров послевоенного японского и зарубежного искусства. В залах музея проходят выставки современных живописцев, организуются лекции по искусству и т. д. Хорошую рекламу музею создает специальная премия Яматанэ, присуждаемая за достижения в области изобразительного искусства.

Владелец деревообрабатывающей фирмы Тосио Хара внес 2 млн. долл. из личных сбережений на создание в 1980 г. первого токийского Музея современно-

го искусства. В его коллекции более 200 шедевров послевоенного японского и зарубежного искусства. Зачастую она дополняется сменной экспозицией последних работ японских живописцев. «Я создал свой музей, — заявил Хара, — не для того, чтобы избежать уплаты налогов на наследственное имущество, а для того, чтобы содействовать развитию подлинно современного искусства»<sup>8</sup>.

Среди частных музеев славятся своими коллекциями музей «Риккар» и музей Ота. Здесь в основном представлены древние гравюры. Первый открылся в 1972 г. и насчитывает 6 тыс. экспонатов, приобретенных меценатом Хираки Синдзи. Второй музей, в два раза крупнее по своей коллекции, был основан Сайдзо Ота, членом совета директоров одной из страховых компаний. В этом же ряду следует назвать художественный музей известного торговца недвижимостью Сандзиро Мацуока.

Однако заметим, что этот тип социальной активности носит сугубо рекламный характер, хотя преподносится публике как абсолютно бескорыстная деятельность, занимается которой небольшое число сверхбогачей. Сейчас ни для кого не является секретом, что коллекционирование произведений искусства становится одним из наиболее перспективных направлений взаимодействия мира бизнеса и мира искусства.

В настоящее время можно выделить два основных направления «коллекционирования», которым занимаются корпорации. В рамках первого решаются частные проблемы создания интерьеров кабинетов директоров, фойе, залов заседаний фирм. Второе — долговременное коллекционирование, призванное увековечить эстетические устремления той или иной корпорации и оформление их соответствующим рекламным фоном. Как правило, корпорации, как и частные лица, создавая музеи, стремятся к тому, чтобы у них был статус самостоятельной организации с правом юридического лица, что позволяет им пользоваться широкими налоговыми льготами со стороны государства. В Японии даже бытует мнение, что создание музеев — надежная форма сокрытия капитала с целью уклонения от налогов.

Одно из самых популярных зрелищных учреждений Японии сегодня — музей «Бриджстоун», принадлежащий компании по производству шин и других резиновых изделий «Бриджстоун тайя». Ежегодно его посещает более 100 тыс. человек. Музей постоянно пополняет свою коллекцию, первоначально принадлежащую президенту компании Сёдзиро Исибаси, приобретая произведения японских и европейских мастеров, причем ассигнования на эти цели постоянно возрастают. Настоящей мировой сенсацией стало приобретение музеем в 1980 г. за огромную сумму в размере 700 млн. иен одной из картин Пикассо. Хотя покупка и не принесла компании коммерческих выгод (напротив, поступления от продажи входных билетов составили лишь 30 % затрат), тем не менее она резко подняла посещаемость музея, а заодно и престиж компании.

В лихорадочную погоню за шедеврами включились многие компании, выделяя на это крупные средства. Последним примером японского наступления на международном рынке произведений искусства является покупка в конце марта 1987 г. на лондонском аукционе «Кристи» картины Ван Гога «Подсолнухи». Ее приобрела крупнейшая японская страховая компания «Ясуда». В коллекции этой фирмы уже находится 500 работ мастеров кисти. За полотно Ван Гога она выложила почти 40 млн. долл. — баснословную сумму, в 2 раза большую, чем ожидали устроители.

Бешеный взлет цен на картины вызывает растущее беспокойство подлинных знатоков и ценителей искусства в Японии. Когда шедевр превращается в товар, восприятие искусства искажается. Не меньшую озабоченность порождает и положение самих музеев в новом симбиозе бизнеса и искусства. Казалось бы, все идет на пользу: деньги создают музеи, а приобретение произведений ис-

куства корпорациями делает творения художников доступными публике. Однако директора музеев, вынужденные заниматься в основном вопросами бюджета, опасаются, что научные и образовательные цели все больше уступают место подготовке крупных кассовых зрелищ.

Художественную общественность не может не беспокоить и то, что японские корпорации используют произведения искусства для украшения своих административных корпусов и филиалов в других странах. По мнению руководителей этих корпораций, живописные полотна в деловых помещениях вывешиваются для престижа, кроме того, они стимулируют умственную деятельность служащих и способствуют созданию творческой атмосферы. В меньшей степени предприниматели озабочены вопросами сохранения картин в явно не подходящей для экспозиции обстановке.

Но пожалуй, самой большой опасностью промышленного меценатства является такое положение, при котором судьба произведения искусства в значительной мере зависит от судьбы ее владельца. В Японии нередки случаи, когда в результате банкротства коллекционера или фирмы, финансовых неурядиц и других непредвиденных обстоятельств распродаются первоклассные коллекции. Так произошло, например, с коллекциями компании «Атака», Музея современного искусства в городе Нагаока, принадлежащими местному банку, и т. д.

Однако, несмотря на все эти негативные моменты, форма промышленного меценатства необычайно эффективна для создания желаемого «имиджа», который в свою очередь оказывает необходимое воздействие на общественное мнение и на деловых партнеров.

Предметом особого интереса бизнеса стали крупные художественные выставки. Известные на весь мир имена художников и скульпторов становятся рекламой для компании. Корпорации активно используют подобные выставки для привлечения клиентуры. Даже если эти выставки не приносят большого дохода и лишь частично возмещают расходы на устройство престижных вернисажей, они увеличивают число так называемых друзей фирм.

Зачастую подобные выставки прямо связаны с планами той или иной монополии по расширению своей деятельности за границей. В 1985 г. с большим успехом в Париже, Стокгольме, Мадриде, Лондоне и Нью-Йорке прошла выставка «Нихонга: современная японская живопись в традиционном стиле». Спонсорами ее были две компании, не имеющие ничего общего с миром искусства: «Вакоул корпорэйшн», изготовитель женского белья, и «Кёсэра корпорэйшн», известный поставщик керамических изделий. Расходы на организацию этой выставки, включая подготовительную работу в течение 10 месяцев, составили 800 млн. иен — сумма немалая, если учесть некоммерческий характер мероприятия. Но рассматривая эту выставку как средство, «прорубившее окно в Европу и Америку» товарам этих фирм, можно говорить о намного превысившей финансовые расходы ее пропагандистской и в конечном итоге коммерческой результативности.

В выгодный предмет бизнеса превратилось зарубежное искусство. На долю показов зарубежных коллекций приходится в Японии  $\frac{2}{3}$  выставочных мероприятий года и  $\frac{1}{5}$  всех посетителей музеев.

### Газеты-спонсоры

Пионерами в выставочной деятельности выступили японские газеты. Послевоенный вакуум в культурной жизни страны создал для этого благоприятные обстоятельства, особенно большие перспективы открывало ознакомление японцев с зарубежным искусством. При этом надо исходить из того, что, не пресле-

дую коммерческих целей и не получая при этом социальные выгоды, газетчики вряд ли взялись бы за пропаганду зарубежного искусства из одних лишь филантропических побуждений. Владельцы газет реально представляли себе, что спонсорство в искусстве создает им благоприятный имидж, а, следовательно, это идеальное средство для увеличения числа читателей.

Три крупнейшие японские газеты — «Асахи», «Майнити», «Емиури» — бросили все силы на подъем своих тиражей, конкурируя между собой за лидерство в культуре.

Пик выставочной деятельности газет приходит на 60-е гг.: 2-я выставка произведений из Лувра в 1961—1962 гг. (722 тыс. посетителей), выставка искусства древнего Египта в 1963 г. (свыше 632 тыс. посетителей), демонстрация Венеры Милосской в 1964 г. (свыше 831 тыс. посетителей), выставка сокровищ царя Тутанхамона в 1965 г. (около 1298 тыс. посетителей).

Все эти выставки были организованы при спонсорстве газеты «Асахи». После нее активным спонсором культурных мероприятий в 70-е гг. стала газета «Емиури», лидировавшая в выставочной деятельности почти 10 лет. За эти годы на ее счету 23 выставки. Затем следуют «Асахи» — 20, «Никкэй» — 20, «Токио симбун» — 4, «Санкэй» — 1 выставка.

К 80-м гг. три крупнейшие газеты предсказали, что их культурная деятельность будет сокращаться по мере того, как культуру будут все больше эксплуатировать в своих интересах коммерческие продюсеры и телевидение. Тем не менее показ шедевров мирового искусства и в наши дни остается одной из прерогатив газет. По-прежнему большим успехом у японских зрителей пользуются выставки французского искусства, и каждая крупная газета стремится хотя бы раз в 2—3 года организовать выставку французских импрессионистов. В последнее время наметился огромный интерес к искусству народов Африки, Юго-Восточной Азии, идет дальнейшее приобщение японских зрителей к китайскому и корейскому классическому искусству. С каждым годом растет популярность русского и советского искусства. Одновременно с этим газеты ежегодно проводят по 1—2 выставки японского искусства.

Организация представительной выставки обходится ее устроителям от 1 до 3,5 млн. долл. (это при том, что реклама для газет бесплатна, а выставку обслуживает штат сотрудников, числящихся в отделах культуры газет). Несмотря на эти немалые затраты, каждое крупное мероприятие такого типа поднимает престиж газеты. Достаточно сказать, что в оргкомитет по их проведению нередко привлекаются премьер-министр, министр иностранных дел и т. д. На открытие приглашаются члены императорской семьи. Кроме того, газеты рассылают в среднем 20—30 тыс. бесплатных приглашений. «Невозможно сказать, какой эффект, если таковой вообще имеет место, дает крупная выставка в денежном отношении, но она создает для читателей позитивный имидж газеты», — отмечает Рёити Аmano из «Майнити»<sup>9</sup>.

В целом, включая и не столь крупные капиталовложения других газет, японские основные средства массовой информации регулярно финансируют выставочные мероприятия на сумму 45—50 млн. долл.

В Японии широко распространено мнение, что без помощи газет искусство было бы более разобщенным и менее привлекательным для художников и публики. Точно так же без художественных выставок, призванных привлечь к себе внимание всех любителей искусства, газетные компании не могли бы обеспечить себе таких огромных тиражей, которых они достигли благодаря своей культурной деятельности.

Добавим, что представители бизнеса, выступая в роли «патронов», «потребителей» и «спонсоров» культуры, не забывали о еще более выгодном для себя аспекте своей социальной активности — получении коммерческой прибыли от

вложения капитала в искусство, не упуская при этом и идеологических целей.

### Торговцы-просветители

Наиболее ярким примером использования культурного аспекта в развитии маркетинга может служить культурная деятельность крупнейших японских универмагов: «Сэйбу», «Исэтан», «Мицукоси» и др. «Мы стремились расширить торговлю путем привлечения посредством культуры покупателей и заодно просветить публику», — отмечал сотрудник универмага «Исэтан» Кэйсукэ Катаэ<sup>10</sup>.

На сегодняшний день признанным культурным лидером среди японских универмагов является универмаг «Сэйбу». Его президент (глава группы «Сэйбу» Сэйдзи Цуцуми) считается крупнейшим «патроном» послевоенного искусства. Здесь создан своеобразный «культурный арсенал», предлагающий различные виды услуг. Покупателям предоставляется возможность познакомиться с выставками современного японского и зарубежного искусства и ретроспективным показом шедевров XX в., посмотреть фильм или спектакль, выставку икебаны или показы мод, самим попробовать свои силы в поэтическом творчестве и т. д. В культурный комплекс «Сэйбу» входят кинозалы, театральная студия, издательство и т. д. Особой популярностью пользуется открытый в 1975 г. на верхнем этаже универмага художественный музей, рекламируемый его создателями как музей для народа. Этот музей, по замыслу Цуцуми, должен стать штабом всех движений, отражающих дух времени во всех сферах массовых коммуникаций, не только в области визуального искусства, стать местом не только для тех, кто любит искусство, но и для тех, кто любит человечество.

Музей ориентируется главным образом на современное искусство, отражающее вкусы основных покупателей универмага — женщин среднего достатка в возрасте от 20 до 30 лет. «Направленность на современное искусство позволяет нашей компании создать ультрасовременный имидж в умах молодых женщин — наших покупательниц, — дает комментарий Канэко Кикую, начальник планового отдела музея. — Не вызывает сомнений, что художественный музей привлекает к нам покупателей»<sup>11</sup>.

В среднем универмаги проводят в год от 45 до 50 выставочных мероприятий. «Сэйбу» же ограничивает их примерно пятнадцатью. Однако если среднегодовое число посетителей выставок колеблется от 450 до 500 тыс. человек, то «Сэйбу» значительно превышает рекорды других универмагов. Сотрудники музея подсчитали, что по меньшей мере 1 % из 300 тыс. покупателей, посещающих их универмаг в воскресные и праздничные дни, интересуются выставкой на верхнем этаже. На будничные дни приходится примерно половина этого числа.

«Создавая свой музей, мы не ставили целью получение прибыли, — говорит Цуцуми, — а руководствовались заботой о людях и искусстве, на что в Японии не обращалось прежде особого внимания. Правда, — оговаривается он, — в результате этого поднялся имидж «Сэйбу», увеличилось число наших покупателей. Но размышляя об этом, я вновь и вновь вступаю в противоречие с самим собой»<sup>12</sup>.

Культурный маркетинг получил в Японии широкое распространение, один за другим стали появляться огромные комплексы культурной индустрии наподобие созданных «Сэйбу», а в ряде случаев и превосходящие не только по своим масштабам, но и новизне оборудования. Достойную конкуренцию «Сэйбу» скоро составит старейший универмаг «Токю», который совместно с железнодорожной фирмой «Токю дэнтэцу» заканчивает к осени 1989 г. сооружение в районе Сибуя «культурной деревни Токю». Этот своеобразный дворец искусств размес-

тится в 6-этажном здании с двумя подземными этажами, общая площадь которого превысит 32 тыс. м<sup>2</sup>. По предварительным подсчетам, стоимость строительства составит 18 млрд. 600 млн. иен. Комплекс включит в себя большой зрительный зал на 2500 мест, оборудованный по последнему слову техники, предназначенный для концертов классической музыки, балетных и оперных спектаклей, средний зал на 770 мест для оперных постановок камерного характера и показов мюзиклов, кинозал на 167 мест, приспособленный не только для демонстрации кинофильмов, но и прямых трансляций телепрограмм из-за рубежа по каналам спутниковой связи, картинную галерею и т. д. Предполагается, что с введением в строй этого дворца искусств район Сибуя станет не менее популярным местом проведения досуга токийцев, чем Гиндза и Харадзюку.

Опыт японских универмагов демонстрирует большую коммерческую и идеологическую результативность ангажирования искусства в торговле. С одной стороны, введение элементов культурной индустрии в систему маркетинга позволяет достичь основную цель — привлечь и удержать по возможности большее число потребителей и таким образом увеличить объем продажи товаров. С этой точки зрения обращение универмагов к культуре и искусству есть пример модернизации коммерческой системы. С другой стороны, культурный маркетинг позволяет универмагам не только влиять на число своих покупателей, но и определять их контингент.

Примеры универмагов породили у многих компаний цепную реакцию по усовершенствованию связки «бизнес — коммерция — культура» путем введения в нее элементов культурной индустрии.

В 1963 г. уже упоминавшаяся страховая компания «Ниссэй» в расчете на крупный коммерческий эффект и в целях рекламы предприняла попытку создания своего театра. Было построено современное театральное здание, приглашены для работы известные режиссеры, актеры, драматурги. Однако уже в 1965 г. стало очевидным, что создание театра «Ниссэй» вылилось в откровенную рекламную кампанию. На смену художественным поискам пришел сухой коммерческий расчет. С 1967 г. театр был превращен в концертный зал. Здесь выступают актеры театра сингэки (кстати говоря, незадолго до этого называвшие «Ниссэй» «агентом монополистического капитала»), а также известные иностранные гастролеры, принося страховой компании материальный доход и не меньшие выгоды от рекламы.

В последние годы заметно возрос коммерческий интерес крупных гигантов индустрии к выпуску печатной продукции. Речь идет главным образом о наиболее популярных сериях произведений зарубежной литературы и искусства, а также различного рода журналах. Выпущенное отделом рекламы фирмы «Мицубиси сёдзи» издание «Язык японцев» стало бестселлером. Одна за другой появляются книжные новинки, авторами которых выступают «Синниттэцу», «Ниссё Иван» и др. Известная фирма грамзаписи «Си-би-эс Сони» учредила в 1979 г. издательство, ставшее дочерней фирмой компании. Преследуя в первую очередь коммерческие цели, издательство сосредоточило внимание на выпуске книг, пользующихся повышенным спросом у читателей (научная фантастика, книги по бизнесу, детская литература, пособия для автолюбителей, книги по искусству, музыке и т. д.). Особой статьей дохода стали переводные произведения. Вместе с выпуском книг издательство приступило к созданию журналов в расчете на своих постоянных клиентов. Цель этого начинания — поддержание торговой марки фирмы.

Культура становится товаром и может принести пользу маркетингу — к такому выводу пришли и успешно реализуют его на практике многие представители делового мира Японии.

## Бум фондов

К сожалению, нет точной официальной статистики, позволяющей охарактеризовать в цифрах размах и содержание культурной деятельности корпораций, так же как трудно определить, где в промышленном меценатстве проходит водораздел между коммерцией и благотворительностью. Однако мы располагаем некоторыми данными опроса общественного мнения на тему «Культурная деятельность корпораций», проведенного в сентябре 1987 г. в Токио<sup>13</sup>. Объектом изучения стали 555 компаний с капиталом свыше 1 млрд. иен, расположенных в Токио или имеющих там свои филиалы. Итак, по данным 1986 г., 47,6 % обследуемых компаний и фирм были так или иначе вовлечены в сферу культуры. В среднем на каждую такую компанию или фирму приходится по 2—3 крупных культурных мероприятия в год. Анализируя содержание этой деятельности, исследователи отмечают, что большая доля — а именно 23,4 % — всех культурных инициатив приходится на организацию концертов, художественных выставок, симпозиумов. Следующий блок мероприятий, составляющих 13 % общего числа, включает всевозможные культурные программы на периферии, 12,8 % акций связано с областью научных исследований, образования и т. д. Расходы одной корпорации или фирмы на культуру в среднем составляют 101 млн. 220 тыс. иен. На первый взгляд цифра весьма внушительная. Однако следует иметь в виду, что расходы на культуру у корпораций часто осуществляются из средств по статье расходов на рекламу. Так, 24 % обследуемых компаний признали за собой такую практику. В других же случаях эти средства оформляются как дары или по статье «Общественное благосостояние», нередко через различные фонды.

Особая роль в механизме воздействия бизнеса на развитие культуры принадлежит «филантропическим» фондам, которые представлены в Японии главным образом фондами корпораций.

Отслеживая динамику образования фондов, можно прийти к выводу о том, что пики социальной активности корпораций приходятся на 1965—1975 и 1980-е гг., тогда как 1975—1980 гг. характеризуются определенным спадом общественных устремлений большого бизнеса. 1981 г. открыл новый этап, свидетельствующий о наступлении нового фондового бума. Только в 1986 г. образовалось 12 новых фондов, а за первые 8 месяцев 1987 г. — 16.

В целом в Японии насчитывается примерно 11 тыс. организаций-фондов, и среди них 346 фондов корпораций. Цифра на первый взгляд не такая уж внушительная, однако их ассигнования на общественные нужды исчисляются от 1 млн. до сотен млн. иен. В среднем общая сумма ежегодных ассигнований фондов составляет 6 млрд. иен.

Характерным примером японских фондов является фонд корпорации «Сантори», созданный в 1979 г. в ознаменование 80-летия ее основания. О масштабе деятельности этого фонда можно судить по его капиталу (1500 млн. иен), о его основных направлениях — по официальному заявлению его учредителей. «В качестве своей задачи, — провозгласили они, — мы видим развитие международных научных исследований по проблемам общества и культуры, оказание содействия оригинальным изысканиям в этих областях и подготовку для этого компетентных кадров, создание условий для научного и культурного прогресса в нашей стране и во всем мире»<sup>14</sup>.

Культурная деятельность компании началась еще до войны. Ее основатель, отец нынешнего президента Сандзи Кэйдзо, Тории Синдзиро выступил с необычной для того времени программой. Он призвал 1/3 доходов от производства возвращать обществу на социальные и культурные нужды. Вскоре за призывами последовали реальные дела: на средства компании стали сооружаться



бесплатные больницы на периферии. Одновременно с этим просветительские функции взял на себя издаваемый «Сантори» журнал «Западный рай», который сыграл немалую роль в формировании новых мировоззренческих ориентаций и прозападных взглядов у населения страны, так же как и в создании популярности компании и ее продукции.

Сегодня в Японии широко распространено мнение, что «Сантори» вкладывает свои инвестиции непосредственно в покупателя, предлагая ему культуру. Президент «Сантори» Кэйдзо Садзи открыто провозгласил свою корпорацию «индустрией жизни и досуга» и развернул активную деятельность своего фонда в областях литературы, музыки, спорта, научных исследований и издательского дела.

«Сантори» — крупнейший издатель Японии, владеет 51 % акции престижного энциклопедического издания «Британика», приобретенного в 1981 г. за 5 млрд. иен, солидных журналов, на страницах которых публикуют свои произведения самые известные японские писатели. Корпорация является обладателем уникальной художественной коллекции. Гордость ее музея — древнее японское искусство. Открытый в 1961 г. в одном из фешенебельных столичных районов Акасака, этот музей ежегодно посещают 60 тыс. человек. Кроме демонстрации постоянной экспозиции важное место в его деятельности занимают сменные экспозиции. Ежегодно в стенах музея проходит по 6—7 тематических выставок под девизом «Красота в нашей жизни». Чтобы дополнить представление о «Сантори», следует упомянуть и о другом ее музее — «Музее вин и виски», пользующемся благодаря своей оригинальности большой популярностью у японцев и иностранных гостей.

Фонд уделяет большое внимание в своей деятельности проведению международных симпозиумов. Некоторые из них под общим названием «В центре внимания — Япония» с приглашением видных ученых из Америки, Южной Кореи и других стран прошли в Осаке в 1980—1982 гг. Основная тема таких симпозиумов («Станет ли Япония моделью для мира?») ярко демонстрирует националистические амбиции японских деловых кругов.

Сегодня разработка планов деятельности фонда «Сантори» обращена в XXI в. Вместе с муниципальными властями «Сантори» принимает активное участие в развитии города Осака, стремясь превратить его в модель города XXI в. Составляются перспективные программы по защите окружающей среды, социальному обеспечению и т. д.

На «Сантори» ориентируются многие японские корпорации. В последние годы к широкой культурной деятельности подключились все фонды крупнейших японских корпораций — «Тоёта», «Мицуи», «Мацусита» и др. Японские бизнесмены, долгие годы ориентировавшие свою деятельность на поддержание достижений науки, пожали щедрые плоды такого сотрудничества. Теперь они принялись проводить аналогичный курс по отношению к культуре.

В деятельности большинства японских фондов произошла кардинальная переориентация: от науки — к культуре, от естественных наук — к гуманитарным, включающим в себя те отрасли общественных дисциплин, которые имеют непосредственный выход на искусство (историю, философию и т. д.), от финансирования региональных программ внутри страны — к международным мероприятиям крупномасштабного характера.

Приведенные факты свидетельствуют об избирательном характере культурных программ фондов. Отметим, что в первую очередь в сферу интересов фондов попали музейное дело, исполнительское искусство, музыкальное творчество — наиболее престижные виды творческой деятельности, которые давали возможность использовать культурные акции в рекламных целях.



На первый взгляд само существование фондов придает их деятельности видимость некой нейтральной инициативы, которая якобы неподконтрольна руководству корпораций и проистекает из чувства «гражданского долга» и «заботы об общественных интересах». Однако «на самом же деле эти вклады ничем не отличаются от всяких других капиталовложений монополий, но приносят основателям фондов не только экономические, но и немалые социально-политические выгоды»<sup>15</sup>.

Как было показано, количественная сторона участия институтов бизнеса в развитии культуры выглядит весьма внушительно. Что же касается качественной стороны, то здесь необходимо учитывать ряд факторов.

Прежде всего, не вызывает сомнений, что, вкладывая деньги в культуру, бизнес объективно способствует культурному развитию. Особое значение этот источник финансирования приобретает в условиях острого дефицита государственных средств на нужды культуры. Кроме того, нельзя не принимать во внимание и наличие элемента филантропии, без которого явление «промышленного меценатства» просто нельзя было бы объяснить. Вместе с тем рассмотренный нами широкий спектр взаимодействия бизнеса и культуры позволяет прийти к заключению, что важный мотив такой «благотворительности» обусловлен прежде всего классовым характером социальной активности деловых и промышленных кругов Японии, определяемой в конечном итоге множеством их разнонаправленных экономических и политических устремлений.

<sup>1</sup> Хирочи Окумура. Корпоративный капитализм в Японии. М., 1986, с. 34.

<sup>2</sup> А. Герцев. Формы контроля государства и бизнеса над средствами массовой информации Японии.— В кн.: Актуальные проблемы современного востоковедения. История. Экономика. Сб. статей. М., 1974, с. 65.

<sup>3</sup> И. А. Хижняк. США: государство, бизнес и культура 60—80 годов XX столетия. Монография. Киев, 1986, с. 140.

<sup>4</sup> Thomas R. H. Havens. Artist and Patron in Postwar Japan: Dance, Music, Theater and the Visual Arts. 1955—1980. Princeton, 1982, p. 153.

<sup>5</sup> Thomas R. H. Havens. Op. cit., p. 48.

<sup>6</sup> См.: Нихон кэйдзай, 1.XI.1987.

<sup>7</sup> «Асахи», 5.X.1982 (веч. вып.).

<sup>8</sup> Thomas R. H. Havens. Op. cit., p. 42—43.

<sup>9</sup> Там же, p. 139.

<sup>10</sup> Там же, p. 140.

<sup>11</sup> Там же, p. 44.

<sup>12</sup> «Асахи», 6.X.1982 (веч. вып.).

<sup>13</sup> См.: «Нихон кэйдзай», 1.XI.1987.

<sup>14</sup> «Тоси мондай кэнкю», 1984, № 1, с. 93.

<sup>15</sup> Э. А. Журихин. «Филантропические» фонды США в системе власти монополий. М., 1978, с. 25.

---

## «Малый дракон» наступает

(о торгово-экономической  
экспансии  
Южной Кореи в США)

---

Д. МУН,  
кандидат экономических наук

**Ю**жная Корея больше известна как объект экспансии капиталистических центров. Поэтому предлагаемое название может вызвать у читателя известное недоумение. Тем не менее оно соответствует действительности. Да, бывшая отсталая, преимущественно аграрная страна, превратившись в новую индустриальную, или в одного из азиатских «малых драконов» (кроме нее, к ним относят Гонконг, Сингапур и Тайвань), все настойчивее проявляет себя как субъект торгово-экономической экспансии не только в развивающиеся, но и в развитые капиталистические государства, в том числе в США.

\* \* \*

До начала 60-х гг. ведущее положение США в южнокорейской внешней торговле обуславливалось их практически монопольным экономическим проникновением в Южную Корею путем предоставления субсидий и займов. На эти средства в Соединенных Штатах приобретались продовольствие, одежда, медикаменты, стройматериалы, удобрения, уголь и т. д., а также некоторые капитальные товары. Поскольку подавляющая часть внешнеторгового оборота страны падала на импорт, который во много раз, в отдельные годы даже более чем в 20, превышал экспорт, Соединенные Штаты оказывали в целом определяющее влияние на состояние ее внешнеторговых связей.

До середины 50-х гг. США являлись важнейшим рынком сбыта слабо развитого экспортного производства товаров Южной Кореи. Затем они уступили Японии ведущее место контрагента в южнокорейском вывозе. Это объяснялось ослаблением приспособленности экспортного производства страны к американскому рынку и направлением основного товарного потока в бывшую метрополию, более освоенную южнокорейскими дельцами.

Едва Южная Корея встала на экспортноориентированный путь развития, как американский рынок вновь стал важнейшим для нее. В 1965 г. на США приходилась крупнейшая доля (35,2 %) южнокорейского экспорта, в 1968 г. — рекордная на сегодняшний день — 51,7 %. Эти цифры красноречиво говорили о том, что Юг Кореи развивал экспортное производство с сильнейшей ориентацией на заокеанский рынок.

За 1961—1970 гг. вывоз Южной Кореи в США подскочил в 56,4 раза. Такой рост объясняется очень низким стартовым уровнем — в 1961 г. Южная Корея продала в Соединенных Штатах товаров всего лишь на 6,9 млн. долл. — и бурным развитием экспортного сектора с расчетом на сбыт прежде всего

на самом емком рынке в мире. В эти годы Южная Корея закупала в США товаров намного больше, чем поставляла, поэтому сводила торговый баланс с ними с хроническим дефицитом.

В следующем десятилетии южнокорейский экспорт в крупнейшую капиталистическую державу продолжал расширяться довольно динамично, но более умеренными темпами — за 1971—1980 гг. он возрос в 8,7 раза. Относительно умеренный его рост был связан с тем, что каждый процент прироста достигался с растущим напряжением, поскольку базовый уровень ежегодно становился выше, к тому же Вашингтон, обеспокоенный наплывом товаров из Южной Кореи, стал принимать протекционистские меры.

В первой половине 70-х гг. Южная Корея продолжала сбывать на рынке капиталистического лидера преимущественно трудоемкие товары легкой промышленности, но начиная с середины 70-х гг. все чаще стала поставлять туда и продукцию тяжелой индустрии, в том числе современных производств. Взамен она приобретала машины, приборы, металлы, металлоизделия, макулатуру, бумагу, лес, пробку, нефтепродукты, пшеницу, кукурузу, хлопок, соевые бобы, кожу, жир, сало, растительное масло. Южная Корея стала шестым по значимости рынком сбыта продуктов американских фермеров.

В 70-е гг. в южнокорейском импорте сохранялась тенденция, наблюдавшаяся в предыдущем десятилетии, — удельный вес США в нем продолжал падать вследствие дальнейшего расширения Южной Кореей географии ввоза товаров. За 1970—1978 гг. он снизился на более чем девять процентных пунктов, сократившись до 20,3 %. Это означало, что ей удалось заметно ослабить относительную зависимость от американских поставок.

В 1972 г. Южная Корея впервые за всю историю двусторонней торговли свела баланс с США с активным сальдо в 118,8 млн. долл. Это явилось результатом не только значительного увеличения экспорта на 42,9 %, но и уменьшения импорта на 4,5 %. Данный факт вызвал неоднозначную реакцию в американских деловых кругах. Одни увидели в этом признак зарождения далеко не безопасного конкурента, вскормленного самими США, другие не придавали ему особого значения, посчитав случайным, преходящим явлением. Мнение первых все же взяло верх, и Белый дом установил барьеры против импорта из Южной Кореи, одновременно потребовав шире открыть американским товарам ее рынок.

Принятые меры не преминули сказаться на состоянии двустороннего товарообмена в следующем году, когда США восстановили привычный для себя дисбаланс с Южной Кореей. В последующие два года несбалансированность в пользу заокеанского опекуна сохранялась.

В неравном бою Южной Корее удалось в 1976 г. нанести чувствительный удар США, когда Сеул вновь имел торговый актив с ними. Явно войдя в азарт, она не ограничилась одним ударом, а нанесла еще два, более чувствительных в 1977 и 1978 гг. Южная Корея настолько энергично развернула экспортную экспансию на американском рынке, что ее суммарное положительное сальдо за эти годы превысило весь торговый дефицит с США за 1962—1975 гг. Встревоженный таким поворотом событий, Вашингтон возвел более высокие преграды в отношении южнокорейских поставок и навязал своему союзнику значительное увеличение закупок американских товаров. Таким способом США в 1979 г. возродили свой «законный» статус в двусторонней торговле. Однако они не смогли достичь того актива, который «младший партнер» имел с ними в предыдущие годы. В 1979 и 1980 гг. американский экспорт в Южную Корею превысил импорт на 219,3 и 283,4 млн. долл. соответственно, тогда как последняя в 1976 г. свела торговый баланс с Соединенными

Штатами с положительным сальдо в 529,6 млн. долл. в 1977 г.— 671,2 млн. долл., а в 1978 г.— 1015,4 млн. долл.<sup>1</sup>

В 80-е гг. Южная Корея продолжала энергично наступать на американский рынок. За 1981—1986 гг. она увеличила поставки в США с 5560,8 до 13 880 млн. долл., т. е. в 2,5 раза, тогда как весь ее экспорт расширился в 2 раза. Опережающий рост сбыта за океаном вызвал заметное усиление значения рынка США во внешней торговле Южной Кореи. За эти годы удельный вес Соединенных Штатов в ее экспорте возрос с 26,5 до почти 40 %.

Особенно значительный рост экспорта Южной Кореи в США был отмечен в 1983, 1984 и 1986 гг.— соответственно на 32,8, 28,9 и 29,1 %<sup>2</sup>. Быстрое его расширение в 1983 г. объяснялось улучшением конъюнктуры в американской экономике, в 1984 г. к этому фактору добавилось предоставление Вашингтоном своему политическому фавориту более широких возможностей для проникновения на американский рынок (в обмен на существенные уступки в военной области) после визита президента Рейгана в Южную Корею 12—13 ноября 1983 г.<sup>3</sup> Резкому увеличению вывоза на американский рынок в 1986 г. способствовало ослабление доллара по отношению к валютам ряда индустриальных государств, повлекшее за собой повышение конкурентоспособности южнокорейских товаров из-за привязанности воны к американской валюте.

Торговая экспансия Южной Кореи на американском рынке стала возможной благодаря не только указанным факторам. Существует более серьезная причина, вызвавшая настоящий «импортный бум» в США — это глубокая структурная перестройка американской экономики, намного ускорившаяся после нефтяного кризиса 1973—1974 гг. и особенно в 80-е гг. Для форсированной перестройки — перехода от технологической системы, созданной на предыдущих этапах развития современного поточно-конвейерного производства, к гибким автоматизированным системам и новым организационно-управленческим структурам — Соединенные Штаты активно используют «импортный фактор» с целью: во-первых, удовлетворения по низким ценам части товарного спроса, сдерживая таким образом рост стоимости рабочей силы, что позволяет экономить средства для структурных перемен; во-вторых, дополнительного стимулирования интенсивной модернизации предприятий, которая необходима для успешной конкуренции с импортной продукцией; в-третьих, высвобождения капитала из «старых» отраслей для перелива в более перспективные; в-четвертых, снижения издержек производства американских компаний в менее перспективных и неконкурентоспособных отраслях. В «импортный бум» наряду с другими партнерами США включилась и Южная Корея, которая, следует подчеркнуть, довольно гибко и энергично использует такую благоприятную возможность экспортного наступления на заокеанский рынок. Сказанное хорошо проясняет почему ей еще в 70-х гг. неоднократно удавалось свести торговый баланс с Соединенными Штатами с активом, а в 80-е гг. осуществлять туда настоящую экспортную экспансию.

В 60—70-е гг. американские прямые инвестиции в Южной Корею практически не стимулировали южнокорейский вывоз в США, поскольку вкладывались главным образом для замещения американского экспорта товаров производством их на месте. Однако в 80-е гг. американские ТНК оказались непосредственно причастными к экспортной экспансии Южной Кореи на собственный внутренний рынок. Они стали активно переводить в ее экономику ряд производств либо заключать соглашения с независимыми фирмами-конкурентами о поставке изделий в США и их реализации через собственную сбытовую сеть. Такую политику проводят автомобилестроительные гиганты «Дженерал моторс» и «Форд мотор», корпорации машиностроительной, швей-

ной, химической и электронной промышленности. «Дженерал моторс» владеет 50 % акций совместного с «Дэву чадончха» предприятия, выпускающего автомобили модели «Леман», которые с 1987 г. продаются в США. Южнокорейские фирмы монополистических групп «Хёндэ», «Самсон» и «Дэву» в 1985 г. начали поставки в Соединенные Штаты на условиях OEM (т. е. поставки для использования в качестве комплектующих изделий) частей вилочных погрузчиков и самолетов. Еще 32 южнокорейские компании готовы на этих же условиях экспортировать подъемно-погрузочное оборудование, комплектующие части сельскохозяйственных машин, двигателей, насосов<sup>4</sup>.

В торговых отношениях США с сеульским режимом часто берут верх военно-политические соображения. Именно поэтому Вашингтон предоставлял дальневосточному союзнику льготные таможенные пошлины и прочие преференции, в известной степени благоприятствуя торговой экспансии Южной Кореи на собственном рынке. В 80-х гг. Южная Корея находилась на втором после Тайваня месте в списке семи стран, использовавших генеральную систему преференций (ГСП), которую практиковали Соединенные Штаты. Пользуясь привилегиями ГСП, она в 1982 г. экспортировала на американский рынок товаров на 1089 млн. долл., в 1986 г. уже на 2220 млн. долл., что составляло соответственно 20 и 17,4 % всех ее поставок в США<sup>5</sup>.

Указанные факторы, помноженные на постоянное благосклонное отношение Вашингтона к сеульскому режиму, сказались на неуклонном росте экспорта Южной Кореи в США. Стабильное его расширение является одной из отличительных черт южнокорейско-американской торговли. Благодаря энергичному освоению американского рынка Южная Корея вошла в число семи ведущих поставщиков товаров в США. В 1986 г. на нее падало 3,8 % всего американского импорта<sup>6</sup>.

Начав с поставки простых видов продукции, Южная Корея добилась быстрого улучшения структуры экспорта в США. Она успешно освоила и осваивает американский рынок изделий, технически сложных и высокой степени обработки, а также ультрановых товаров. В 1985 г. она выбросила на рынок видеомагнитофоны и современные микрочипы, в 1986 г. — автомобили модели «Эксел» фирмы «Хёндэ чадончха», в 1987 г. — автомобили модели «Леман». Особенно быстро возрос сбыт за океаном современных видов товаров в 1986 г. Электронная промышленность Южной Кореи расширила реализацию там своей продукции на 53 %, в том числе видеомагнитофонов — на 186 %, микроволновых печей — на 50 %, намного увеличила поставки интегральных схем и персональных компьютеров. «Хёндэ чадончха», едва выйдя на американских покупателей, продала 169 тыс. автомобилей<sup>7</sup>. Непрерывная диверсификация материального содержания вывоза стала непременным фактором торговой экспансии Южной Кореи на крупнейшем рынке капиталистического мира.

Южнокорейские изделия выдерживают на американском рынке острую конкуренцию не только за счет дешевизны, но и благодаря хорошим качественным показателям. Продукция легкой промышленности (одежда, обувь, мягкие игрушки, кухонная посуда, спорттовары, керамические, фарфоровые изделия и т. д.) с маркой «Сделано в Корее» давно завоевала доверие американских потребителей достаточно высоким качеством и современным дизайном. Успешно конкурируют также автомобили, бытовая электроника, полупроводниковая продукция, высококачественная сталь, суда и другие товары тяжелой индустрии страны. Южнокорейские видеомагнитофоны быстро приближаются по своим техническим характеристикам к аналогам Японии, признанного лидера в их производстве, и серьезно угрожают позициям японских фирм.

На американском рынке ряда промышленных товаров позиции Южной Кореи довольно заметны. На нее в 1986 г. падало 3,1 % всего сбыта ЭВМ в США, 9,2 — полупроводников, 17 — цветных металлов. 20 % — видеомагнитофонов. По экспорту цветных телевизоров в Соединенные Штаты Южная Корея в 1983 г. вышла на первое место, а текстильных изделий — на третье<sup>8</sup>.

В отличие от экспорта Южной Кореи в США ее импорт оттуда имел зигзагообразную кривую динамики. В 1984 г. он достиг 6875,5 млн. долл., а в последующие годы был ниже этого уровня. Поскольку южнокорейский импорт в целом расширялся быстрее, чем закупка американских товаров, то доля Соединенных Штатов в нем за 1982—1986 гг. снизилась более чем в 2 раза — с 24,6 до 10,9 %. Тем не менее капиталистический лидер сохранил вторую позицию среди контрагентов в южнокорейском ввозе, в 2 раза превышая ЕЭС по объему поставок в Южную Корею.

В структуре импорта Южной Кореи из США самую видную позицию занимают продовольственные и топливно-сырьевые товары. В 1986 г. на них падало 28,7 % всего южнокорейского ввоза из-за океана. Соединенные Штаты — крупнейший поставщик сельскохозяйственных продуктов на южнокорейский рынок. В 1983 г. их удельный вес в южнокорейском ввозе сельхозпродуктов составил 80 % (в том числе риса, пшеницы, соевых бобов — 99 %, кукурузы — 97 %), в 1986 г. — сократился до 50 % в результате диверсификации Югом Кореи внешних источников продовольственного снабжения. Южная Корея стала четвертым по значимости рынком сбыта товаров американского агробизнеса. В 1986 г. она удовлетворяла спрос на пшеницу за счет американской поставки на 72 %, на кукурузу — на 85, на соевые бобы — на 100 %<sup>9</sup>. Помимо хлопка-сырца и кожи-сырца, Южная Корея ввозит из-за океана такие топливно-сырьевые товары, как лес, уголь, металлолом, макулатуру и пульпу. По импорту угля оттуда она также занимает четвертое место.

Еще одной особенностью структуры южнокорейского импорта из США является довольно большая доля деталей, узлов и других машинных компонентов. В 1986 г. на них падал 21 % всех американских поставок на южнокорейский рынок. Южная Корея приобретает у Соединенных Штатов комплектующие части машин, автомобилей, самолетов, прецизионных и электронных приборов, в том числе полупроводников, электронных ламп и электронно-лучевых трубок. Назначение такого импорта очевидно: они используются в производстве готовой продукции современного машиностроения для ее реэкспорта на американский и другие зарубежные рынки.

Одно из ведущих мест в южнокорейском ввозе из-за океана занимает продукция химической промышленности. В 1986 г. ее удельный вес в импорте американской продукции составил 16 %. Среди данной группы товаров выделяются полуфабрикаты, в том числе органические вещества, которые после соответствующей обработки реэкспортируются в качестве готовых химических изделий или других частей конечной продукции.

Машины и оборудование, электротехнические и электронные изделия, сталь и прокат, являющиеся ударной силой американского экспорта, занимают относительно скромное место в поставках США на южнокорейский рынок. В 1986 г. суммарная доля этих товаров в импорте Южной Кореи из Соединенных Штатов составила лишь 19,8 %.

В такой структуре поставок США в Южную Корею, разительно отличающейся от структуры их экспорта вообще, кроется одна из главных причин нестабильного развития в 80-е гг. южнокорейского импорта американских товаров. Данная структура во многом сложилась вследствие того, что южнокорейские компании часто предпочитают японские машины, оборудование и прочие средства производства американским. Кроме того, американская про-

мышленная продукция, в значительной своей части сверхсложная и весьма дорогостоящая, рассчитана на создание ультрасовременного технологического уклада, а перед Южной Кореей пока не стоит задача коренной реконструкции промышленности на сверхсовременной технической основе.

Еще одна причина застоя импорта Южной Кореи из США, наблюдающегося после 1984 г., заключается в высоких тарифном и нетарифном барьерах, установленных Сеулом против многих видов американских товаров. Среди протекционистских мер выделяются следующие: пошлины, государственное субсидирование национального производства с целью искусственного повышения конкурентоспособности местной продукции, преднамеренно сложная система импортных формальностей, ограничение и запрет импорта.

Энергичная экспортная экспансия Южной Кореи на американском рынке, с одной стороны, умеренный рост, а затем застой южнокорейского импорта из США в 80-х гг. — с другой, сделали двустороннюю торговлю начиная с 1982 г. устойчиво несбалансированной в пользу «младшего партнера». В 1986 г. торговый актив Юга Кореи в торговле с Соединенными Штатами достиг поистине внушительной величины — 7335 млн. долл., что более чем в 2 раза превысило южнокорейский импорт американских товаров. Южная Корея внесла свою «лепту» (4,3 %) и в огромный торговый пассив США<sup>10</sup>.

Такой дерзости в товарообмене с признанным капиталистическим лидером не ожидал ни Вашингтон, ни сам Сеул. Не далее как в июле 1980 г. на объединенном заседании Южнокорейско-американского и Американско-южнокорейского комитетов председатель первого Ким Тхэ Дон предрекал, что рубежа в 10 млрд. долл. (в ценах 1975 г.) экспорт Южной Кореи в США достигнет лишь в 1991 г., а встречные поставки составят к тому времени 13 млрд. долл.<sup>11</sup> На деле этот рубеж был взят уже в 1985 г. (правда, в текущих ценах), а в 1986 г. — намного превзошел его, тогда как обратный поток товаров составил лишь оловину предсказанного размера.

Необходимо отметить, что Южной Корее удалось необычайно активизировать торговую экспансию на американском рынке и резко увеличить положительное сальдо торгового баланса с США, несмотря на протекционистские меры последних в отношении ее экспорта. Обеспокоенный растущим наплывом южнокорейских товаров, Вашингтон в 80-е гг. последовательно устанавливал разного рода барьеры на их пути: ввел квоту на ввоз из Южной Кореи обуви, антидемпинговые пошлины на цветные телевизоры, надзор и антидемпинговые обложения текстильных изделий (кроме свитеров и шелковых одеял), обуви, горячекатаного стального проката, стального листа, навязал добровольный контроль над экспортом обуви на американский рынок. В 1981 г. 47,5 % южнокорейских поставок в Соединенных Штатах подверглось импортным ограничениям, в 1984 г. — 40,7 %. К концу июля 1985 г. в 19 развитых капиталистических странах были введены ограничения на импорт 274 наименований южнокорейских товаров, из них 56 % падало на рестрикцию США. К тому времени в Соединенных Штатах было принято 300 законов протекционистского характера, из которых 38 — направлены против южнокорейского экспорта<sup>12</sup>.

Принятие США протекционистских мер по отношению к экспорту Южной Кореи, казалось бы, не вяжется с предоставлением ей как верному союзнику таможенных льгот и преференций и с сознательным допущением «импортного бума» в известных целях. Однако такой шаг Вашингтона вполне объясним, если иметь в виду, что чрезмерно широкий импорт дешевых южнокорейских текстильных изделий, обуви, стали, цветных телевизоров и многих других товаров наносит все более чувствительный удар по американскому производству, ведет к его свертыванию, сокращению числа рабочих мест. Данный шаг пред-



ставляет собой одну из попыток США решить противоречие между плюсами и минусами «импортного фактора», урегулировать приток конкурентоспособных товаров, в том числе южнокорейских, таким образом, чтобы он максимально отвечал задачам глубокой перестройки структуры американской экономики, нанося минимальный ущерб национальному хозяйству.

В условиях общего ухудшения американского торгового баланса деловые круги США усилили давление на правительство и конгресс, требуя принятия решительных мер для предотвращения неблагоприятной тенденции во внешне-торговой сфере. Белый дом вынужден был объявить торговую войну. В определенной мере он направил удар и против Южной Кореи.

Торговая война капиталистического гиганта с «малым драконом» развернулась по трем направлениям: США стремились найти пути для ограничения наплыва южнокорейских товаров на свой рынок, одновременно требовали резкого увеличения закупок Южной Кореей американских изделий и, наконец, повышения курса вон к доллару, рассматривая это как один из путей сокращения дисбаланса в двусторонней торговле.

В 1987 г. Вашингтон принял 120 законопроектов протекционистского характера, из которых 30 направлены против южнокорейских экспортеров. Так, был принят закон, предусматривающий замораживание в 1988 г. квоты на текстильные изделия южнокорейского производства на уровне 1987 г. с последующим ежегодным ее увеличением на 1 %. Более того, США отменили торговые привилегии, которыми пользовались четыре азиатских «малых дракона», утверждая, что это не наказание, а «аттестат зрелости».

Американская делегация во главе с лидером республиканского большинства в сенате Р. Доулом в августе 1985 г. посетила Южную Корею и призвала ее больше покупать американских товаров, чтобы устранить диспропорции в двусторонней торговле. Р. Доул указал, что фрукты, продукты из люцерны, компьютеры, изделия деревообрабатывающей промышленности, автомобильные запчасти, сигареты, а также страховые и банковские услуги могли бы быть «на законных основаниях конкурентоспособными на южнокорейском рынке». Член делегации сенатор П. Уилсон подчеркнул, что дефицит США в торговле с Южной Кореей «возрастает в направлении, с которым мы не можем мириться», поэтому необходимо ускорить либерализацию импорта<sup>13</sup>.

Следует сказать, что степень либерализации импорта Южной Кореи в конце 1985 г. номинально достигла 87,3 %. Фактически же, как считает авторитетный гонконгский журнал, этот показатель к тому времени составил 66 %, а для экспорта США — лишь 50 %<sup>14</sup>. Когда делегация Соединенных Штатов требовала форсированно провести либерализацию импорта, имелось в виду фактическое повышение ее уровня в отношении американских товаров. Сеул упорно сопротивлялся давлению Вашингтона. Министр экономического планирования Син Бён Хён ответил сенаторам, что Южная Корея не в состоянии из-за возражений общественности осуществлять либерализацию импорта в той мере, в какой требовала американская сторона.

Дабы оправдать свое наступление на союзника, США именуют Южную Корею не иначе как «второй Японией» намекая на то, что «младший партнер» становится весьма грозной силой в торгово-экономическом соперничестве с ними и поэтому принятие превентивных мер необходимо, чтобы отвести надвигающуюся опасность. Вначале Южная Корея восприняла такую дефиницию как признание ее экономических успехов, а значит, как комплимент, но затем, когда поняла, что за ним скрывается, стала категорически отвергать его. Помощник министра иностранных дел по экономическим и внешнеэкономическим вопросам Хон Сон Ян высказался совершенно однозначно: «Не надо называть Южную Корею второй Японией. Это в корне неверно. Наше «чудо» еще



нетвердо стоит на ногах»<sup>15</sup>. Тем не менее Вашингтон пустил в ход «комплекс гонений» на Южную Корею, который весьма успешно применяется против Японии.

Стремясь отвести к Японским островам часть американских атак против Южной Кореи, Сеул указывает на Японию как на соучастницу южнокорейского торгового наступления на заокеанский рынок. Он имеет в виду, что Страна восходящего солнца ведет скрытый экспорт через юг Корейского полуострова, поставляя туда детали, узлы и технологические материалы для выпуска готовых изделий, направляемых затем на внешние рынки, включая американский. Так, электронные приборы с маркой «Сделано в Корее» на 40 % состоят из японских компонентов. Сбываемые в США южнокорейские автомобили, суда и прочая промышленная продукция также в значительной степени состоят из частей японского производства. В большинстве случаев указанные товары изготавливаются с помощью оборудования и «ноу-хау», закупаемых у японских фирм. В результате существенная доля поступлений от промышленного экспорта Южной Кореи в Соединенные Штаты перекачивается на счета восточного соседа. «В США мы конкурируем с японскими, а не с американскими изделиями», — пытался оправдаться президент Ассоциации корейских торговцев (английская аббревиатура — КТА) Нам Док У. А министр финансов Южной Кореи Чон Ин Ен добавил: «Большая часть наших доходов от сбыта в Соединенных Штатах выкачивается из наших карманов в Японию»<sup>16</sup>.

В то же время Южная Корея до конца 1986 г. продолжала противиться американскому давлению. На призыв Вашингтона повысить на 15—20 % курс вонны по отношению к доллару она ответила его повышением лишь на 3,3 %, мотивируя тем, что потеряет 1 млрд. долл. от экспорта в США, если поднимет его на 10 %, а это может нанести «тяжелый удар» по ее экспортноориентированной экономике<sup>17</sup>. Она также не согласилась провести либерализацию импорта в той мере, которая устраивала Соединенные Штаты.

Тем временем барьеры, воздвигнутые Сеулом на пути американских товаров, мешали многим из них найти сбыт в Южной Корее, а ее торговая экспансия за океаном приняла лавинообразный характер. В этих условиях США предприняли новые яростные атаки против упорного и ловкого «малого дракона», возвращенного ими самими. В конце 1986 г. его оборонительные редуты перестали выдерживать натиск крупнейшей капиталистической державы, и Южная Корея стала сдавать свои позиции.

В декабре 1986 г. южнокорейская администрация объявила, что в январе 1987 г. снизит пошлины и снимет запреты на импорт 24 видов продукции вместо 120, как требовала американская сторона, включая различные сорта изюма, шоколад, киноленту, косметику, теннисные ракетки. Кроме того, она приняла «Пятилетнюю программу сокращения внешнего дефицита», которая направлена против торгового пассива Южной Кореи с Японией и на сокращение дисбаланса с Соединенными Штатами. В ней содержится призыв к фирмам переориентироваться в импорте с Японии на США с обещанием предоставить льготные кредиты на 10 лет под 5 % годовых, а также обращение к 100 из 200 ведущих экспортеров на американский рынок перевести часть сбыта в Японию. Таким способом Южная Корея собирается сократить активное сальдо в товарообмене с североамериканским партнером до 1,6 млрд. долл. в 1991 г.<sup>18</sup>

Во время переговоров между представителями деловых кругов двух стран в Сеуле в апреле 1987 г. южнокорейская сторона объявила о своем добровольном решении наложить экспортные ограничения на 10 наименований изделий, сбыт которых в 1986 г. на американском рынке составил 1791 млн. долл., или 12,9 % всего экспорта страны в США. К ним относятся видеомэгафоны, микроволновые печи, красители, черно-белые и цветные телевизоры, мягкие игрушки,

пианино, кожаные сумки, удочки, парусиновые изделия и медная проволока. Эти ограничения вступили в силу в июле 1987 г. Кроме перечисленных, они коснулись таких южнокорейских товаров, как одежда, парики, обувь, сталь, контейнеры и др.

В общей сложности за первую половину 1987 г. под нажимом Вашингтона Южная Корея снизила импортные пошлины на более чем 150 видов товаров, смягчила ограничения на ввоз 170 видов и лимитировала вывоз на американский рынок 23 наименований изделий. Кроме того, она вынуждена была на 8 % повысить курс своей валюты. Сеульская администрация объявила о предоставлении 2,5 млрд. долл. на финансирование импорта средств производства из США. Позднее она сообщила длинный список товаров на сумму 2,6 млрд. долл., которые Южная Корея наметила приобрести за океаном в 1987 г. Подсчитано, что активное сальдо Юга Кореи в торговле с Соединенными Штатами в 1987 г. подскочило бы до 12 млрд. долл. вместо 9,3 млрд. долл. в действительности, если бы Сеул не принял мер по уменьшению дисбалансированности<sup>19</sup>.

Таким образом, южнокорейский «малый дракон» все настойчивее нападает на капиталистического колосса, чувствительно покусывая его напористой торговой экспансией. Крупнейшая капиталистическая держава наносит ответные удары, заставляя «младшего партнера» умерить пыл.

В южнокорейско-американских экономических взаимоотношениях имеет место и другое сравнительно новое явление: «малый дракон» замахнулся на развертывание инвестиционной деятельности в США. На конец 1985 г. кумулятивный итог капиталовложений Южной Кореи в американской экономике достиг 185,1 млн. долл. Они помещены в 431 дочернюю фирму, филиалы, отделения и прочие объекты (на конец 1984 г.)<sup>20</sup>. Особый интерес ее компании — как государственные, так и частные — проявляли к горнодобывающей и обрабатывающей промышленности Соединенных Штатов.

Государственная корпорация «Пхохан чонхап чечхоль» (английское название «Похан айрон энд стил компани», аббревиатура — ПОСКО) в 1980 г. создала в штате Пенсильвания предприятие «Таному коул» по добыче коксующегося угля. Южнокорейские компании «Хёндэ корпорэйшн», «Самсон корпорэйшн», «Тэсон энерджи» («Тесон тхачва») и «Самчхок консолидэйт коул майнинг» («Самчхок саноп») совместно с американской фирмой «Чугач найтивс инкорпорейтед» создали совместное угледобывающее предприятие «Кориа Аласка дивелопмент» («Аласска кэбаль») на Аляске в бассейне реки Беринг. Южнокорейская сторона вложила 7,5 млн. долл. (50 % всего капитала). Значительная часть добываемого там антрацита поставляется в Южную Корею. В 1983 г. на Аляске задействована также совместная шахта южнокорейской компании «Сониль шиппинг» и американской «Юзибелли коул майн инкорпорейтед».

Южнокорейский капитал предпринял попытку занять место и в нефтедобывающей промышленности США. В 1983 г. южнокорейская компания «Тэсин петролеум» заключила с американской «Ларами петролеум инкорпорейтед» соглашение о совместном бурении скважин в предполагаемых месторождениях нефти в штатах Оклахома, Канзас и Луизиана. В реализацию проекта «Тэсин петролеум» вложила 47 млн. долл. — 75 % всего капитала смешанного предприятия. В реализации проекта эксплуатации месторождений жидкого топлива в Оклахоме участвует другая южнокорейская компания, «Хангук кэбаль энерджи»<sup>21</sup>.

Южнокорейские компании развернули весьма активную деятельность в электронной промышленности США. Это диктовалось тем, что, во-первых, Вашингтон установил жесткие протекционистские барьеры против наплыва на

свой рынок южнокорейских электронных изделий, и Южная Корея вынуждена была искать обходные пути; во-вторых, ее фирмы заинтересованы в получении доступа к новейшим американским технологиям в области электроники. Создав предприятия на территории Соединенных Штатов, они могли рассчитывать хотя бы частично решить обе задачи.

В 1981 г. южнокорейская компания «Кымсонса» основала дочернюю фирму «Гоулдстар оф Америка инкорпорейтед» в Хантсвилле (штат Алабама) и в 1982 г. построила предприятие по сборке цветных телевизоров с капиталом 5 млн. долл. На том же предприятии налажен выпуск микроволновых печей с годовой мощностью 200 тыс. шт. Фирма «Самсон чонджа» («Самсон электроникс») в 1984 г. построила в Вудбери (штат Нью-Джерси) завод по изготовлению тех же изделий с годовым выпуском по 400 тыс. шт. каждое<sup>22</sup>. Такой же завод планирует иметь на американской территории южнокорейский конгломерат «Дэву».

Воодушевленная успехами в создании предприятий по выпуску бытовых электронных изделий, «Кымсонса» поспешила заняться полупроводниками. В 1988 г. она учредила дочернюю фирму по опытно-конструкторским работкам в области электроники в Силиконовой (Кремниевой) долине (штат Калифорния) — в самом центре электронной промышленности США. А «Самсон чонджа» претендует на большее, вложив 6 млн. долл. для организации там конструкторского центра по разработкам технологий полупроводников и ЭВМ совместно с американской компанией «Эс. Эс. Ти. инкорпорейтед». Совместно с «Хьюлитт-Паккаод» она основала также предприятие по выпуску компьютерной техники. Стараясь не отстать, «Кымсонса» в 1986 г. договорилась с американской «Эй. Ти. Ти. инкорпорейтед» о налаживании производства микросхем<sup>23</sup>.

В соперничество на американской территории южнокорейских конгломератов «Лакки-Кымсон» и «Самсон» включились и монополистические объединения Южной Кореи, в частности «Дэву» и «Хёндэ», не имевшие опыта производства электроники. В июне 1983 г. компания «Дэву чонджа» монополистической группировки «Дэву» обзавелась зданием полезной площадью 1650 м<sup>2</sup> для своего филиала в Силиконовой долине, положив начало своему внедрению в американскую электронику<sup>24</sup>. Полтора года спустя совместно с американской «Корона компани» она основала в Калифорнии предприятие «Кордэйта», специализирующееся на производстве и сбыте персональных компьютеров. Более того, «Дэву чонджа» добилась невероятного: не мудрствуя лукаво скупил 51 % акций американской фирмы «Дзай Мос компани» по производству полупроводников и захватила контроль над ней. Таким способом «Дэву» закрепила в Силиконовой долине, где и находится ее подконтрольная фирма. Последняя передает материнской компании новейшие технологические разработки, выполняет ее заказы по проведению расчетов, проектированию и изготовлению полупроводниковых чипов<sup>25</sup>.

В 1983 г. компания «Хёндэ чунджонги», второй по мощи южнокорейский конгломерат, создала в Силиконовой долине дочернюю фирму «Хёндэ инкорпорейтед модерн электроникс» с оплаченным капиталом 31 млн. долл. и построила завод по производству полупроводников. Затем она дополнительно вложила туда 26 млн. долл. за счет кредитов американских банков. С целью быстрого внедрения современной технологии она открыла в Санта-Круз (штат Калифорния) свой конструкторский центр. Однако автократичный стиль ее руководства отпугнул американских инженеров. В 1986 г. «Хёндэ чунджонги» закрыла калифорнийский центр конструкторских разработок, понесла убытки в размере 20 млн. долл.<sup>26</sup>

Свои интересы Южная Корея распространила и на металлургическую

промышленность США. В апреле 1986 г. ПОСКО совместно с американским сталелитейным гигантом «Юнайтед стэйтс стил корпорэйшн» создала на паритетных началах в Питсберге (штат Калифорния) предприятие по выпуску стальных листов холодного проката «Ю. Эс. Эс.— ПОСКО индастриз» (ЮПИ). В предприятие вложен капитал размером в 188 млн. долл. для модернизации прокатного стана, который работает на полуфабрикатах (грубой стали), поставляемых из южнокорейского города Кванъян металлургическим комбинатом корпорации ПОСКО. По словам президента корпорации, полуфабрикаты «гораздо дешевле доставлять по морю из Кванъяна, чем вести их по суше со Среднего Запада (США.— Д. М.)»<sup>27</sup>. В 1987 г. прибыль ЮПИ составила 15,9 млн. долл. при обороте 547,6 млн. долл.— один из лучших показателей бизнеса в США. В предприятие дополнительно будет инвестировано 437 млн. долл. для расширения его годовой мощности с 950 тыс. т в настоящее время до 1,35 млн. т в 1989 г. После расширения оборот ЮПИ возрастет до 667 млн. долл., прибыль (после вычета налогов) — до 58 млн. долл.

В обстановке ужесточения протекционизма против экспорта текстильных изделий Южной Кореи в США ее компании вынуждены создавать дочерние или смешанные текстильные предприятия на американской территории. В июле 1987 г. фирма «Кунджа индастриз» основала в штате Южная Каролина фабрику полного владения, вложив туда 16 млн. долл. Она выпускает в год 170 тыс. свитеров разных моделей и фасонов на 23 млн. долл. Сообщается, что правительство штата приветствовало ее открытие, поскольку она обеспечила работой 300 человек. В знак расположения оно бесплатно предоставило фирме 8 из 12 га земли под фабрику.

В 1987 г. в Лос-Анджелесе (штат Калифорния) создана еще одна текстильная фабрика южнокорейского владения. Ее открыла фирма «Сеул тэин компани».

Федерация текстильной промышленности Южной Кореи заявила, что планирует построить в США крупный текстильный комбинат с множеством операций, включая ткачество, вязание, пошив, крашение. Сметная стоимость этого комбината составляет 100 млн. долл. Южнокорейские фирмы вложат 30 млн. долл., американские партнеры — 30 млн. долл., остальная часть — за счет кредитов. По плану строительство завершится в конце 1989 г.<sup>28</sup>

Можно с уверенностью предположить, что проникновение южнокорейского капитала в Соединенные Штаты в дальнейшем будет более напористым, поскольку ожидается усиление Вашингтоном протекционистских мер для ограничения импорта, и изошренным, поскольку по мере капиталистической модернизации Южной Кореи возрастает интерес южнокорейских компаний к новейшим американским технологиям.

\* \* \*

Впрыскивая обильные инъекции в южнокорейскую экономику из военно-политических соображений, США вскормили весьма нахрапистого и ловкого «малого дракона». Теперь они вынуждены отбиваться от напористого торгового наступления дальневосточного союзника. Тем временем Южная Корея усиливает нападение в другом направлении — энергично внедряется в американскую экономику. Пока это не вызывает резкого возражения Соединенных Штатов. Однако неумный аппетит южнокорейского «тигрёнка» может привести к столкновению интересов и в сфере капиталовложений. Если это случится, то усилятся экономические разногласия Сеула с заокеанским патроном, которые могут вылиться и в политические трения.

- <sup>1</sup> См.: Хангук кёндже ёнгам. 1985 (Ежегодник по экономике Южной Кореи. 1985). Сеул. 1985, с. 179; «Korea Newsreview», 21.VI.1980, p. 17.
- <sup>2</sup> См.: «Гэккан тёсэн сирё», 1986, № 5, с. 44; Хангук кёндже ёнгам. 1985, с. 179; «Korea Newsreview», 21.II.1987, p. 8; 30.V.1987, p. 8.
- <sup>3</sup> См.: В. И. Шипаев. Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства. М., 1986, с. 168--169.
- <sup>4</sup> In: "Fortune", 1987, vol. 115, N 5, p. 74; "Shipping and Trade News", 10.IX.1986.
- <sup>5</sup> См.: В. И. Шипаев. Указ. соч., с. 147, 253; «Korea Newsreview», 18.VII.1987, p. 12.
- <sup>6</sup> См.: «США: экономика, политика, идеология», 1987, № 5, с. 72; «Korea Newsreview», 30.V.1987, p. 8.
- <sup>7</sup> См.: Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения» за I полугодие 1987 г., с. 23.
- <sup>8</sup> In: "Fortune", 1987, vol. 115, N 5, p. 72; "Korea Newsreview", 23.V.1987, p. 11; "Financial Times", 14.V.1987.
- <sup>9</sup> См.: Лим Вонтхэк, Пен Хёнъюн, Чо Сун, Кан Чольгю, Пак Сеиль, Ли Кынстик, Чон Ильён, Чхве Гван, Ли Чону, Чан Санхван. Хангук кёнджесый ихэ (Анализ экономики Южной Кореи). Сеул, 1987, с. 143, 405; «Korea Newsreview», 4.IV.1987, p. 12; 30.V.1987, p. 8; 29.VIII.1987, p. 19.
- <sup>10</sup> См.: «США: экономика, политика, идеология», 1985, № 5, с. 72; «Korea Newsreview», 30.V.1987, p. 8.
- <sup>11</sup> In: "Korea Newsreview", 21.VII.1980, p. 18.
- <sup>12</sup> См.: В. И. Шипаев. Указ. соч., с. 141—145; «Сэкай», 1982, № 10, с. 142; Хангук кёндже ёнгам. 1985, с. 179; «Korea Herald», 5.X.1986.
- <sup>13</sup> In: "Korea Herald", 23.VIII.1985.
- <sup>14</sup> In: "Far Eastern Economic Review", 24.X.1985, p. 61.
- <sup>15</sup> См.: «За рубежом», 1988, № 3, с. 8.
- <sup>16</sup> In: "Fortune", 1987, vol. 115, N 5, p. 74.
- <sup>17</sup> См.: «БИКИ», 14.X.1986; "Korea Newsreview", 9.I.1988, p. 8.
- <sup>18</sup> См.: «Гэккан тёсэн сирё», 1988, № 2, с. 53; «Korea Herald», 11.XIII.1986.
- <sup>19</sup> In: "Korea Herald", 26.IX.1987; "Korea Newsreview", 9.I.1988, p. 8; "Mainichi Daily News", 13.VI.1987.
- <sup>20</sup> См.: Хангук кёндже ёнгам. 1985, с. 182; «Korea Newsreview», 22.XI.1986, p. 11.
- <sup>21</sup> In: "Korea Newsreview", 8.I.1983, p. 12; 4.II.1984, p. 10.
- <sup>22</sup> См.: В. И. Шипаев. Указ. соч., с. 230; «Дэнси», 1984, № 8, с. 12.
- <sup>23</sup> In: "Fortune", 1987, vol. 115, N 5, p. 76; "Korea Newsreview", 5.XI.1983, p. 13.
- <sup>24</sup> См.: В. И. Шипаев. Указ. соч., с. 231.
- <sup>25</sup> In: "Korea Newsreview", 14.II.1987, p. 19.
- <sup>26</sup> In: "Fortune", 1987, vol. 115, N 5, p. 75; "Korea Newsreview", 5.XI.1983, p. 13.
- <sup>27</sup> In: "Fortune", 1987, vol. 115, N 5, p. 75.
- <sup>28</sup> In: "Textile Asia", 1987, N 11, p. 71.

СЮЭ МУЦЯО

*В декабре 1988 г. исполняется 10 лет со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, положившего начало осуществлению в Китае реформ во всех сферах общественной жизни, прежде всего в экономической и политической.*

*XII и XIII съезды КПК наметили конкретные пути и методы проведения реформ.*

*Об итогах преобразований, осуществленных в народном хозяйстве Китая за истекшее десятилетие, рассказывается в публикуемой ниже статье известного китайского экономиста-теоретика.*

*Статья написана по просьбе редакции «ПДВ».*

**П**осле 3-го пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая, созванного в декабре 1978 г., экономическое строительство в Китае вступило в новый исторический этап. На пленуме прозвучала острая критика господствовавшего в прошлом «левацкого» курса в экономическом строительстве, были выдвинуты предложения по исправлению значительных диспропорций в народном хозяйстве и по устранению излишней централизации системы управления экономикой. На пленуме были поставлены также две крупные задачи — осуществление урегулирования и реализации мероприятий по проведению реформ в области экономики. В то же время была подчеркнута необходимость покончить с прежней замкнутостью и самоизоляцией и начать проведение открытой политики. Урегулирование создает условия для реформ, реформы в свою очередь создают условия для расширения внешних связей. Предыдущие несколько лет акцент делался на урегулирование: необходимо было ликвидировать серьезные дисбалансы в соотношении между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью, иррациональное соотношение между потреблением и накоплением. Необходимо было отказаться от слепой погони за высокими темпами роста производства, сделать так, чтобы развитие экономики действительно способствовало улучшению жизни народа. Главными способами реализации этих планов стали сокращение инвестиций в капитальное строительство, увеличение зарплат и повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию; одновременно с этим вводилась система семейно-подрядной ответственности. В результате принятых мер сельскохозяйственное производство стало ускоренно развиваться, что явилось стимулом быстрого роста легкой промышленности. Наметилась тенденция к стабилизации пропорций между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью. Фонд накопления снизился с 36,5 % в 1968 г. до менее 30 % в начале 80-х гг. В течение почти пяти лет задачи урегулирования были в основном выполнены. Это позволило нам сосредоточить

\*Собственность коммуны, большой бригады, производственной бригады (прим. перев.).

силы на проведении реформы хозяйственного механизма, а через реформу поставить под контроль ситуацию в целом и непрерывно расширять внешние связи.

Целью реформ является демонтаж чрезмерно централизованной системы планового управления народным хозяйством, заимствованной у Советского Союза в 50-е гг. В то время действовали бюджетное финансирование и единая система закупок и гарантированной реализации произведенной продукции. Плановое распределение продукции подменило товарообмен через рынок, даже рабочая сила распределялась централизованно. Мы стремились формировать социалистическую экономику, используя лишь две формы собственности — общенародную и коллективную — и отказываясь от других форм экономической деятельности. Руководящая идеология принятой формы хозяйственной деятельности и соответствующая ей зацентрализованная система планового управления привели к тому, что население страны село на шею государству и «питалось из одного котла». Когда были полностью устранены побудительные мотивы инициативной и самостоятельной деятельности людей, так называемый принцип «народ — хозяин страны» превратился в пустой звук. Ясно, что в таких условиях преимущества социализма проявиться не могли.

Реформы начались в первую очередь в деревне. В прошлом сельскохозяйственное производство строилось по системе «трех уровней собственности в народных коммунах\* с упором на бригаду». Эта система побуждала крестьян — членов бригад трудиться коллективно и осуществлять единое распределение. Крестьяне были полностью зависимы от производственной бригады, в распределении господствовал принцип «большого котла», и члены бригады были лишены возможности как-то проявить свои способности. К тому же выдвигались лозунги, призывавшие к осуществлению «крупномасштабности производства и максимального обобществления», что обеспечивало «переход к социализму при всеобщей бедности». Даже после свержения «банды четырех» в 1977 г. по-прежнему призывали «учиться у Дачжая», чтобы в течение нескольких лет перейти к системе, при которой основной хозрасчетной единицей была бы большая бригада.

В 1978 г. ЦК КПК призвал к раскрепощению сознания, решающим критерием хозяйственного механизма стал уровень развития производительных сил. В 1979 г. в некоторых сельских районах начали применять систему семейного подряда. В прошлом основой сельскохозяйственного производства считалось выращивание зерна, другие формы хозяйственной деятельности объявлялись «капиталистическим охвостом». С введением семейного и коллективного подряда производительность труда значительно повысилась, избыточная рабочая сила стала привлекаться на различные виды хозяйствования, на развитие волостных и поселковых предприятий. За несколько лет облик деревни значительно изменился. Люди настоятельно требовали перенести в город опыт реформ.

Акцент в реформе экономики города был сделан на изменение системы бюджетного финансирования и единого централизованного распределения продукции. Государство допустило использование части налоговых поступлений на нужды экономического строительства на местах, позволило предприятиям оставлять часть сверхнормативной прибыли на техническое перевооружение, реконструкцию, строительство и другие виды расширенного воспроизводства. В прошлом городская торговля была исключительно в ведении Министерства торговли, а сельская — снабженческо-сбытовых кооперативов; промышленная продукция, как правило, распределялась в централизованном порядке через торговую сеть Министерства торговли. Ныне крестьянам разрешено заключать долгосрочные торговые сделки с мелкими торговцами и перекупщиками, что оживило товарооборот между городом и деревней и стимулирует ориентацию

производителей на рынок, на непрерывное обновление продукции и расширение каналов реализации. Таким образом, одноотраслевое хозяйствование превращается в многоотраслевое, в городах и деревнях постепенно восстанавливается и развивается товарный рынок. Раньше капитальное строительство всецело опиралось на бюджетное финансирование, банк предоставлял лишь оборотные средства без выдачи кредитов на строительство. Теперь банки привлекают крупные свободные средства регионов и предприятий, а также большую часть вкладов городского и сельского населения, начинают выдавать кредиты на основные производственные фонды при незначительной величине капиталовложений и их быстрой оборачиваемости. Доля бюджетного финансирования постепенно уменьшается, а масштабы банковского кредитования возрастают. Помимо товарного рынка стал формироваться рынок денежного обращения. Система управления денежным обращением с годами улучшилась, был создан Центральный банк, установлен макроконтроль над соотношением товарной и денежной массы и над банковским кредитом. Все это свидетельствует, что в системе планового управления в нашей стране произошел постепенный переход от продуктообмена к товарной экономике.

В решении 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва (1984) «О реформе хозяйственного механизма» особо подчеркивалось, что социалистическая экономика Китая является плановой товарной экономикой, основанной на общественной собственности на средства производства. Тем самым был сделан значительный прорыв в теории. До этого мы руководствовались принципом: «плановая экономика играет главную роль, рыночное регулирование — вспомогательную». По существу, у нас господствовали старые представления о несовместимости плана и рынка. Планы формировались в соответствии с ведомственным и территориальным делением, поэтому в системе управления возникали явления ведомственности и местничества. Это в итоге привело к разрушению единого рынка, сформировавшегося в процессе развития товарной экономики. Поэтому мы и взяли за ликвидацию ведомственной и территориальной ограниченности, за развитие горизонтальных связей и создание сети экономических, межотраслевых и межрайонных связей с упором на города. Тем самым реформа делает новый большой шаг вперед.

В докладе на XIII съезде КПК получило дальнейшее развитие положение о том, что «механизм социалистического планового товарного хозяйства должен воплощать в себе органическое единство планирования и рыночного регулирования». Было также указано, что «необходимо осуществлять планирование на основе товарного обмена и закона стоимости». Отныне наше планирование будет сосредоточиваться на косвенном контроле над народным хозяйством на макроуровне и не касаться непосредственно предприятий. Речь идет о том, чтобы взять под твердый контроль крупные народнохозяйственные направления и дать возможность для проявления инициативы на местах. Отсюда вытекает необходимость разграничения функций органов власти и руководства предприятий с тем, чтобы предоставить большую самостоятельность предприятиям, сделать так, чтобы они сами могли вести хозяйственную деятельность на принципах самоокупаемости и свободной конкуренции, которая поможет выявить передовых и отстающих. С этой целью Всекитайское собрание народных представителей приняло Закон о предприятии и Закон о банкротстве. В окончательном демонтаже прежней уравнилельной системы и состоит коренная перестройка.

Конечно, подобная коренная перестройка не может быть совершена одним махом. Необходимо провести комплексную реформу многих сторон системы управления народным хозяйством, что не может быть осуществлено за короткий период времени. Ныне старая и новая системы сосуществуют, и здесь



не избежать трений. Способы их решения кроются отнюдь не в замедлении реформ, а в их ускорении. Следует углублять реформы, по-настоящему проводить их на базе товарной экономики, а не воссоздавать систему планового управления на основе продуктообмена. Для этого необходимо и дальше развивать рынок, форсируя в первую очередь создание рынка средств производства, и продолжая совершенствовать денежное обращение. Надо предложить банкам, помимо регулирования денежного обращения, стимулирования производства и строительства, оказывать поддержку финансовым органам и вместе с ними укреплять контроль над народным хозяйством на макроуровне. Необходимо создать структуру рационального распределения трудовых ресурсов и квалифицированных кадров, ускорить технический и информационный обмен, повысить уровень технического и управленческого персонала предприятий. Совершенствование системы цен по-прежнему является ключевым звеном успеха реформы хозяйственного механизма, поскольку в настоящее время она не отражает ни реальной стоимости продукта, ни соотношения спроса и предложения.

В целом, на пути реформ еще много трудностей. Однако наш курс определен четко, мы нащупываем в опытном порядке различные способы их преодоления, и все это дает уверенность в реальности намеченных задач.

Ныне экономическое развитие любой страны неразрывно связано с мировым рынком. Тогда как в последние два десятилетия наука и техника многих стран мира быстро шли вперед, наша страна почти все эти двадцать лет пребывала в состоянии замкнутости и изоляции, ее научно-техническое отставание от передового мирового уровня становилось все более разительным.

Начиная с 1978 г. Китай стал в большом количестве ввозить из-за границы передовую технологию и оборудование. Вслед за открытием четырех специальных экономических зон (Шэньчжэнь, Чжухай, Сямэнь и Шаньтоу) последовали новые — провинции Гуандун и Фуцзянь. Затем были открыты несколько прибрежных городов, районы в устьях рек Чжуцзян, Янцзы, Миньцзян, а также мыс Цзяодун и Ляодунский полуостров. Недавно зонами, открытыми для зарубежного капитала, были объявлены остров Хайнань и юго-восточное побережье Китая, где проживает около 160 млн. человек. В этих районах вводится система преференций, предоставляются различные привилегии зарубежным фирмам, в итоге получены довольно заметные результаты, которые обещают быть еще более значительными.

Реформы, открытая политика и развитие тесно связаны между собой. Развитие невозможно без реформ, которые одновременно служат опорой для проведения открытой политики. В прошлом закостенелая система управления сдерживала экономическое развитие. Только реформа может высвободить производительные силы общества, ускорить развитие экономики и дать народу реальные плоды. Закостенелая система управления приводила к тому, что ввоз иностранного капитала наталкивался на многочисленные препятствия. Практика показала, что только на базе товарной экономики могут существовать и расти предприятия, основанные на иностранном капитале, их развитие на основе продуктообмена невозможно.

Суть наших реформ состоит в том, чтобы все предприятия государственной собственности могли самостоятельно вести хозяйственную деятельность на принципах самокупаемости и свободной конкуренции. При отсутствии свободной конкуренции очень трудно добиваться улучшения технологии, совершенствовать управление предприятиями. В то же время, если на внутреннем рынке не будет свободной конкуренции, предприятия не смогут добиться повышения качественных показателей и, соответственно, быть конкурентоспособными на международном рынке. В этих условиях, естественно, невозможно обеспечить должную эффективность нашей открытой политики.

Прошедшие десять лет стали десятилетием реформ, открытой политики. Реформы и открытая политика дали мощный стимул экономическому строительству. В итоге в ходе четырех модернизаций Китая сделан успешный шаг вперед. Однако мы в самом начале пути. В предстоящие десять лет реформы должны раскрыть еще больший потенциал. Ясно осознав, что Китай находится на начальном этапе социализма, мы будем прилагать усилия для ускоренного развития производительных сил. Мы будем стремиться и дальше развивать товарную экономику, расширять рынок, а также использовать любой годный в наших условиях опыт капиталистических стран по регулированию товарного рынка и модернизации крупных предприятий. Нам необходимо расширять основанное на независимости и суверенитете экономическое сотрудничество с капиталистическими и социалистическими странами. Наша задача — строить социализм в соответствии с закономерностями социалистического развития. При этом акцент будет сделан на развитие производительных сил. Тем самым мы сможем в кратчайшие сроки улучшить жизнь людей и начисто опровергнуть бытовавшую в период «культурной революции» идеалистическую точку зрения, согласно которой «бедный социализм лучше богатого капитализма». Только так мы сможем снова встать на путь исторического материализма Маркса.

---

## Высвобождая энергию партии

---

К. В. КУКУШКИН,  
кандидат исторических наук

Чрезмерная централизация власти в руках партии, взявшей на себя функции административных, хозяйственных, культурных и общественных организаций, ограничивала возможности партийного штаба, серьезно ослабляла его позиции как политического руководителя общества. Это положение является исходным в развернувшейся перестройке политической системы КНР. Парткомы, говорилось в отчете ЦК КПК XIII съезду КПК, обременяют себя множеством необязательных и непосильных дел, увязают по горло в текучке и не в состоянии высвободиться из нее<sup>1</sup>. Именно смешение функций партийных и правительственных органов, как признают сегодня в Китае, во многом обусловило сохранение в современной политической системе Китая таких пороков, как бюрократизм и влияние феодальных пережитков, и в итоге привело к ослаблению партийного руководства и партийного строительства в целом<sup>2</sup>.

Нечеткое разделение партийных и правительственных функций ставило партию на переднюю линию административной работы, нередко превращая ее в одну из сторон противоречий и даже в узел противоречий. Это в свою очередь серьезно затрудняло осуществление руководящей роли партии при координации сил различных сторон в процессе разрешения противоречий. Если же парткомы, как отмечал Генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян, «сами все решают и все исполняют, то они становятся одной из сторон, участвующей в событиях, они не в состоянии маневрировать и практически утрачивают способность регулировать противоречия, которая должна быть заложена в них изначально»<sup>3</sup>.

Нечеткое разграничение партийных и правительственных функций ставило партию в положение непосредственного исполнителя и затрудняло выполнение ею функций контроля. «Если ты сам взялся за всю административную работу,— говорил Чжао Цзыян,— то потерял моральное право контролировать ее. ...Когда парткомы берутся за административную работу, то они сами могут превратиться в парник для взращивания бюрократизма»<sup>4</sup>.

Отведя центральное место вопросам перестройки политической системы, XIII съезд КПК подчеркнул, что разграничение функций партийных и правительственных органов является краеугольным камнем этой перестройки. Только при разрешении этого вопроса можно усилить политическое руководство партии, высвободить энергию 47-миллионного отряда китайских коммунистов\*.

Разграничение партийных и правительственных функций представляет собой крупную реформу системы руководства партии, охватывающую ее центральные,

---

\* По данным Орготдела ЦК КПК, на конец 1987 г. в партии насчитывалось 47 млн. чел.— «Жэньминь жибао», 23.VI.88 г.

местные и низовые органы. В соответствии с этим разграничением ЦК партии определяет политические установки в важнейших вопросах внутренней и внешней политики, экономики и национальной обороны, выдвигает кандидатуры на руководящие посты в органы верховной государственной власти, осуществляет политическое руководство во всех областях деятельности.

Местные парткомы провинций, городов и уездов — при условии претворения в жизнь линии ЦК и обеспечения единого выполнения государственных указов и декретов — осуществляют политическое руководство работой на местах. Они должны претворять в жизнь указания ЦК и вышестоящих партийных организаций, обеспечивать выполнение на местах указаний Государственного Совета и вышестоящих правительственных органов, выносить решения по кардинальным вопросам данного района, рекомендовать кадры на важнейшие посты в местных правительственных органах, координировать деятельность различных организаций данного района.

К разграничению партийных и правительственных функций на уровне волостей и поселков XIII съезд рекомендовал приступить после налаживания таких отношений на уровне уезда. Парторганизации предприятий должны гарантировать и контролировать их работу, а не осуществлять, как прежде, «единое» руководство на своих предприятиях. Они должны поддерживать директоров и управляющих, которые несут полную ответственность как руководители предприятий.

Перестройка методов руководства и деятельности партийных организаций, как отмечалось в отчете ЦК XIII съезду партии, потребовала внесения изменений в организационные формы и структуру рабочего аппарата партии.

В соответствии с этим требованием на съезде были внесены изменения в функции Секретариата ЦК КПК. В разъяснении по этому поводу говорилось: «Для того чтобы Политбюро ЦК и его Постоянный Комитет в промежутках между пленумами Центрального Комитета оптимально выполняли свои функции по принятию кардинальных решений, XIII съезд партии четко установил, что «Секретариат ЦК является рабочим аппаратом Политбюро ЦК и его Постоянного Комитета»<sup>5</sup>. (Данная поправка заменила следующее положение Устава: «Секретариат ЦК под руководством Политбюро ЦК и его Постоянного Комитета ведет текущую работу ЦК»<sup>6</sup>.)

Изменилась процедура формирования состава Секретариата ЦК. До XIII съезда КПК Секретариат избирался пленумом ЦК КПК, теперь, как гласит принятая поправка к Уставу партии, «его состав выдвигается Постоянным Комитетом Политбюро ЦК и одобряется пленумом ЦК»<sup>7</sup>.

Раскрывая некоторые тенденции в изменении функций Секретариата ЦК, Генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян на седьмом пленуме ЦК XII созыва 14 октября 1987 г., в частности, говорил: «Предложения, поступающие от Госсовета в Политбюро или Постоянный Комитет Политбюро для принятия решения по ним, не должны впредь проходить сквозь «фильтр» Секретариата ЦК»<sup>8</sup>.

В соответствии с требованием съезда добиться того, чтобы рабочий аппарат партии был «компактным и деловым», состав Секретариата ЦК был сокращен вдвое. Главное внимание Секретариата сконцентрировано на вопросах партийного строительства. В его составе нет секретарей, курирующих отрасли народного хозяйства. Член Политбюро, секретарь ЦК Ху Цили ведает вопросами идеологии, теории и пропаганды, член Политбюро, секретарь ЦК Цяо Ши отвечает за партийную работу, за упорядочение стиля работы партии, секретарь ЦК Ян Минфу — за работу по единому фронту, кандидат в члены Секретариата Вэнь Цзябао руководит канцелярией ЦК КПК<sup>9</sup>.

Серьезные структурные изменения затронули партийные органы (два

т. н. «объединенных парткома»), осуществлявшие общее руководство партийной работой в учреждениях непосредственного подчинения ЦК КПК и в центральных правительственных учреждениях Госсовета КНР. В обстановке экономических и политических реформ эти парткомы оказались недостаточно эффективными для руководства партийной работой в центральных учреждениях. Дело в том, что члены парткомов избирались от множества центральных учреждений, организаций и непронизованных единиц, различающихся по характеру своей профессиональной деятельности, и поэтому каждый из них стремился отстаивать в парткоме прежде всего свои ведомственные интересы. Это естественно не способствовало разделению партийных и правительственных функций и осуществлению парткомами политического руководства.

В конце февраля 1988 г. ЦК КПК принял решение об упразднении этих парткомов и создании вместо них двух рабочих органов — Рабочего комитета ЦК КПК по учреждениям непосредственного подчинения ЦК партии и Рабочего комитета ЦК КПК по центральным правительственным учреждениям<sup>10</sup>. В результате было сокращено крупное промежуточное звено между ЦК и партийными организациями центральных партийных и правительственных учреждений. В этом отразилось усиление политического руководства ЦК партийным и правительственным аппаратом и ужесточение контроля над ним. Решение ЦК мотивировалось тем, что «среди руководящих учреждений всех уровней в стране центральные учреждения, находясь рядом с Центральным Комитетом, выполняют исключительно важные задачи... Эффективность и качество работы руководящих учреждений имеют прямое отношение к успешному осуществлению реформы и модернизации; стиль кадровых работников и стиль учреждений оказывает непосредственное влияние на стиль партии и общественные нравы»<sup>11</sup>.

В отличие от прежних парткомов — выборных органов — состав Рабочих комитетов назначается ЦК. Секретарем Рабочего комитета ЦК КПК по учреждениям непосредственного подчинения ЦК стал кандидат в члены Секретариата ЦК Вэнь Цзябао, секретарем Рабочего комитета ЦК КПК по центральным правительственным учреждениям — член ЦК, начальник Секретариата Госсовета КНР Чэнь Цзюньшэн.

«Создание Рабочих комитетов, — отмечал Вэнь Цзябао, — является воплощением реформы партийной работы в учреждениях и способствует усилению партийного строительства в них. Рабочие комитеты должны со всей ответственностью проводить в жизнь принцип разделения партийных и административных функций, решительно покончить с административной текучкой в парткомах, изменить методы и стиль работы, настойчиво повышать эффективность и качество работы»<sup>12</sup>.

Главные функции Рабочих комитетов — руководить партийным строительством в центральном аппарате, отвечать за подбор состава парткомов центрального аппарата, секретарей комиссий по проверке дисциплины и их заместителей, руководить осуществлением партийного контроля за членами партии, и особенно за руководящими кадровыми работниками, «своевременно сообщать в ЦК КПК об обстановке в партийных группах руководства, о позициях кадровых работников в министерствах, комитетах, канцеляриях и управлениях»<sup>13</sup>.

Постановление ЦК акцентирует внимание на укреплении внутривнутрипартийного контроля над работниками центральных учреждений партии и государства. «Партийным организациям, — подчеркивается в нем, — нужно будет прилагать большие усилия к укреплению внутривнутрипартийного контроля, а также пред-

принимать реальные шаги в области конкретной организации работы по контролю»<sup>14</sup>.

В качестве эффективной формы внутривнутрипартийного контроля ЦК рекомендует ввести в практику «собрания по вопросам партийной жизни». Такие собрания созываются, как это следует из рекомендаций, партийными группами руководства (или основными руководителями учреждений) не реже одного раза в полгода. При подготовке к собранию суммируются мнения коммунистов и беспартийных о том или ином руководящем работнике. В ходе собрания это мнение должно быть доведено до него. Затем необходимо проконтролировать, как данный руководитель исправляет свои недостатки. О главных проблемах таких собраний, о причинах их созыва требуется «достоверно докладывать вышестоящей партийной организации»<sup>15</sup>.

Проведение «собраний по вопросам партийной жизни» рекомендовано XIII съездом КПК всем партийным органам — от Политбюро ЦК до местных парткомов всех ступеней. Съезд считает их эффективным средством для того, чтобы «возвести коллективное руководство в норму, усилить контроль и взаимодействие партийных руководящих кадров»<sup>16</sup>.

Разделение партийных и правительственных функций в партийных органах министерств и ведомств Госсовета связано также с упразднением партийных групп руководства. В партгруппы министерств и ведомств входили высшие руководители, а также секретарь парткома учреждения. Партгруппы несли ответственность перед вышестоящим «объединенным парткомом», а не перед парткомом министерства. Руководителем партгруппы был министр, который единолично представлял высшее административное и партийное руководство министерствами. XIII съезд КПК пришел к выводу, что партийные группы руководства министерств и ведомств «не благоприятствуют единству и эффективности в работе правительственных органов» и должны быть «постепенно ликвидированы»<sup>17</sup>.

В конце июля 1988 г. ЦК КПК в развитие установки съезда разослал Уведомление Орготдела ЦК по вопросу о постепенном упразднении партийных групп руководства во всех ведомствах Госсовета КНР<sup>18</sup>. В Уведомлении отмечалось, что работа по упразднению руководства должна проводиться организованно и постепенно в увязке с реформой структуры. Партгруппы в первую очередь ликвидируются в ведомствах, подлежащих упразднению или сливаемых в процессе реформы, а также в компаниях, которые непосредственно подчиняются Госсовету, после их перехода на систему ответственности директоров. Остальные партгруппы ликвидируются по мере завершения реформы структуры. Одновременно рекомендуется под руководством Рабочего комитета ЦК КПК усилить работу партийных комитетов министерств и ведомств<sup>19</sup>.

Разграничение партийных и правительственных функций на уровне центральных органов облегчается тем, что в ЦК КПК не существует отраслевых отделов, которые соответствовали бы аналогичным министерствам в правительстве.

Совсем иная ситуация сложилась в провинциальных, городских и уездных парткомах. «В прошлом в местных парткомах различного уровня,— отмечает Чжао Цзыян,— был создан аппарат, аналогичный правительственному, к тому же особо выделялись секретари по промышленности и сельскому хозяйству, члены Постоянного Комитета парткома по торговле и финансам, культуре и образованию и т. д. Их занятость административными делами была больше, чем в центральных органах, и поэтому теперь объем работы по разграничению партийных и правительственных функций у них соответственно больше, чем в центре»<sup>20</sup>.

Для иллюстрации того, насколько сложен и громоздок аппарат местного парткома, можно привести структуру одного горкома партии, в котором функционирует 16 отделов, лабораторий, канцелярий со множеством секторов и других подразделений<sup>21</sup>.

Основные организационные меры по разграничению партийных и правительственных функций в местных парткомах были определены XIII съездом КПК. В соответствии с решением съезда при парткомах не будут учреждаться должности секретарей и постоянных членов, которые, не работая в правительственных органах, в то же время ведали бы определенной сферой их работы. Должны быть упразднены отделы, дублирующие работу правительственных органов, а подведомственные им административные дела переданы в ведение соответствующих органов правительства. Комиссии по проверке дисциплины не должны решать персональных дел, связанных с нарушением государственных законов, а должны сосредоточить все свое внимание на решении вопросов партийной дисциплины и содействовать парткому в совершенствовании стиля работы партии<sup>22</sup>.

В намеченном XIII съездом направлении развертывается сегодня деятельность парткомов провинций, городов и уездов по разграничению партийных и правительственных функций. Она проводится постепенно и осмотрительно, так как требует непосредственного согласования с начавшейся перестройкой рабочего аппарата правительства, с деятельностью органов государственной власти — собраний народных представителей.

Проблема разделения партийных и правительственных функций тесно связана с существующей кадровой политикой. Чрезмерная централизация власти в руках партии привела к монополизации орготделами парткомов полномочий управления кадрами страны. «В кадровой политике, — отмечал известный китайский общественник Янь Цзици, — у нас длительное время практикуется такая система, при которой кадрами партийных органов, правительственных органов, Собраний Народных Представителей, органов юстиции, предприятий и многих общественных организаций ведают исключительно орготделы партийных комитетов»<sup>23</sup>.

XIII съезд КПК вскрыл основные недостатки кадровой системы, проявляющиеся в том, что «полномочия управления кадрами чрезмерно сконцентрированы, наблюдается отрыв управления персоналом от управления делами»<sup>24</sup>. Сохранение такой кадровой системы серьезно затрудняет разграничение партийных и правительственных функций. Чтобы такое разграничение было осуществлено на деле, необходимо ввести дифференцированное управление кадрами. Иными словами, управление руководящими работниками партийных организаций и персоналом аппарата партийных органов должны осуществлять парткомы различных ступеней. Управление руководящими работниками и персоналом аппарата органов государственной власти должно осуществляться соответственно органами законодательной власти, суда и прокуратуры. Такой же подход должен быть и в отношении самой многочисленной категории кадров — профессиональных работников. Складывание системы дифференцированного управления кадрами потребует значительного времени, так как связано с реализацией системы государственных служащих, предусматривающей четкую классификацию и деление самих кадровых работников на администраторов и профессионалов.

Реформа кадровой системы КНР только начинается. Осуществляются в основном ее подготовительные мероприятия. Продолжается процесс децентрализации управления кадрами — сокращается номенклатура работников, находящихся в ведении орготделов ЦК, провинциальных, городских и уездных парткомов<sup>25</sup>. Одновременно значительная часть руководящих ра-

ботников переводится в ведение управлений и отделов кадров Госсовета, министерств, ведомств и предприятий. Постепенно закладываются предпосылки более рационального, научного управления кадрами. Однако главная работа в этом направлении впереди.

Выше были затронуты лишь некоторые вопросы перестройки форм и методов руководства и деятельности партийного аппарата в свете задач по разграничению функций между партийными и правительственными органами, причем в начале этого сложного и длительного процесса, который по мере его продвижения вперед несомненно обогатит опыт Компартии Китая по совершенствованию политического руководства социалистическим строительством.

<sup>1</sup> Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин, 1988, на рус. яз., с. 51; далее — Документы XIII съезда КПК.

<sup>2</sup> «Жэньминь жибао», 19.XI.1987.

<sup>3</sup> «Жэньминь жибао», 26.XI.1987.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> XIII съезд КПК и реформа в Китае. Пекин, 1987, на рус. яз., с. 11.

<sup>6</sup> Документы XIII съезда КПК, с. 115.

<sup>7</sup> Там же, с. 90.

<sup>8</sup> «Жэньминь жибао», 26.XI.1987.

<sup>9</sup> См.: Документы XIII съезда КПК, с. 212, 214.

<sup>10</sup> «Жэньминь жибао», 29.II.1988.

<sup>11</sup> Там же, 31.III.1988.

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> Там же, 29.II.1988.

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> Документы XIII съезда КПК, с. 69—70.

<sup>17</sup> Там же, с. 50.

<sup>18</sup> «Жэньминь жибао», 1.VIII.1988.

<sup>19</sup> Там же.

<sup>20</sup> Там же, 26.XI.1987.

<sup>21</sup> Структура горкома партии:

1. Канцелярия (секретариат, общий сектор, сектор писем и посещений, сектор организации и охраны, административный сектор, секретный сектор, сектор информации, экспедиция, гостиница).

2. Руководящая группа по транспорту.

3. Лаборатория по изучению политики (секретариат, экономический отдел).

4. Орготдел (секретариат, оргсектор, сектор руководящих кадров, сектор подготовки кадров, сектор старых кадров).

5. Канцелярия по руководству работой по упорядочению партии (сектор проверки, группа связи).

6. Отдел пропаганды (партком органов пропаганды и просвещения, сектор пропаганды, сектор печати и издательств).

7. Отдел единого фронта (секретариат, сектор Тайваня, сектор работы в области религии).

8. Канцелярия по изучению политики единого фронта.

9. Отдел экономической работы (сектор кадровых работников).

10. Политико-юридический комитет (сектор кадров, партком политико-юридических учреждений).

11. Канцелярия по борьбе с контрабандой.

12. Комитет по работе в деревне (оргсектор, планово-производственный сектор, сектор хозяйствования и управления, центр обследования экономики сельского хозяйства).

13. Канцелярия по сахарному тростнику.

14. Канцелярия по природному газу.

15. Партком органов, прямого подчинения горкому партии.

16. Комиссия по проверке дисциплины (отдел по проверке дисциплины организаций городского подчинения, руководящая группа по борьбе с экономическими преступлениями).

<sup>22</sup> См.: Документы XIII съезда КПК, с. 49—50.

<sup>23</sup> «Жэньминь жибао», 27.XI.1987.

<sup>24</sup> Документы XIII съезда КПК, с. 55.

<sup>25</sup> Этот процесс начался с июля 1984 г., когда по решению ЦК КПК большая часть кадров (свыше 60%), ранее управляемая ЦК, была отдана в ведение парткомов провинциального уровня. См.: «Жэньминь жибао», 20.VII.1984.



---

## 35 лет спустя

---

ВСЕВОЛОД ОВЧИННИКОВ

### Курс на «реформы и открытость»

Самолет летит навстречу ночи, будто спрессовывая ее своей скоростью. В третьем часу начинает светать. Остались позади горные кряжи Монголии. Внизу бескрайняя бурая равнина, прочерченная прямой черной линией.

Догадываюсь, что это железная дорога Цзинин — Эрлян. Когда-то я ездил на строительство этой магистрали, которая пересекла пустыню Гоби, связав Москву и Пекин прямым железнодорожным сообщением через Улан-Батор.

Кончились безжизненные пески. Теперь равнина внизу похожа на паркет: она разграфлена прямыми полосками полей. Урожай собран. На фоне пашни ярко выделяются золотистые груды кукурузных початков. Блеснула под крылом гладь водохранилища. Самолет совершает посадку в аэропорту Пекина.

С волнением ожидаю встречи с городом, где тридцать пять лет назад начиналась моя журналистская судьба. Поезд «Москва — Пекин» находился в пути больше дней, чем теперешний ИЛ-62 — летных часов. Навсегда запомнилась привокзальная площадь: крики лотошников, звонки велорикш и зубчатая каменная стена с башней ворот Цяньмэнь. Эти величественные ворота отделяют Внутренний город с его дворцами и парками от Внешнего, исстари предназначенного быть торгово-ремесленным посадом китайской голицы.

По пути из аэропорта тщето ишу глазами привычный контур городской гены. Ее снесли. Только по одной из сохранных башен с древними астрономическими приборами можно узнать место, где когда-то я прожил несколько лет. Обсаженная акацией, тополем и туей автострада незаметно превращается теперь в главную улицу Пекина — проспект Чананьцзе.

Ворота Цяньмэнь по-прежнему замыкают с юга центральную площадь китайской столицы. Узнаю старое здание городского вокзала (теперь там клуб железнодорожников). А вокруг — совершенно неведомый мне Пекин. По контуру снесенной городской стены выстроились шеренги современных жилых домов в 15—20 этажей. Между ними пролегла шестирядная магистраль с лампонами, подземными переходами, станциями метро. В городе действуют уже две линии метрополитена — кольцевая и осевая, которая, как и проспект Чананьцзе, пересекает столицу с востока на запад.

Немного не доехав до центральной площади Тяньаньмэнь, сворачиваем к знакомой гостинице «Пекин», вернее, к ее новому восемнадцатипятиэтажному корпусу. С балкона моего номера можно взглянуть на город с непривычной высоты. Когда-то в китайской столице не разрешалось возводить здания выше императорского дворца. Город был преимущественно одноэтажным. Глухие стены скрывали от посторонних глаз жизнь его внутренних дворишков и даже кроны разросшихся там деревьев. Сверху же вся эта зелень неожиданно открывается взору.

В транспортном потоке на проспекте Чананьцзе по-прежнему много велосипедистов. Но им отведены лишь крайние дорожки у тротуаров. Всей остальной проезжей частью завладели автомашины. Сдвоенные автобусы отечественного производства стали, как и метро, привычными для пекинцев видами городского транспорта, вытеснив некогда вездесущих велорикш.

Итак, изменился ли Пекин с 50-х годов? Разумеется. Но не настолько, чтобы стать неузнаваемым. Районы новостроек выросли в предместьях. Внутренний же город в основном сохранил былой облик. Почти как прежде выглядит торговая улица Ванфуцзин (не считая того, что по ней пустили троллейбус). По широким тротуарам течет нескончаемая человеческая река. И вглядываясь в нее, убеждаешься, что сказанное о Пекине можно, пожалуй, отнести и к пекинцам.

Облик толпы, бесспорно, изменился. Хотя среди людей старшего поколения многие по-прежнему носят традиционную синюю или серую одежду кадровых работников. Зато молодежь следует самой современной моде. Стремление красиво одеваться не только допускается, но и поощряется. Об этом дают понять и дикторы телевидения: мужчины — в пиджаках и галстуках, женщины с модными прическами, в нарядных платьях.

Впрочем, и традиционная одежда, вошедшая в обиход со времен гражданской войны, выглядит иначе: на ней не видно заплат. Чувствуется, что людям живется легче. Помню время, когда символами благосостояния, которые передовик труда гордо демонстрировал гостям, было махровое полотенце, эмалированный тазик для умывания и разрисованный цветами термос. Пределом мечтаний горожанина считался велосипед. Теперь в универсаме можно застать крестьян, приобретающих мотоциклы и телевизоры. А по утрам на улицах часто видишь бегунов в спортивной форме и с шанхайскими транзисторными приемниками в руках. Появились покупатели часов, фотоаппаратов.

Вместе с тягой приобретать заметно возросло и стремление заработать. Домохозяйки содержат платные велосипедные стоянки возле станций метро, кинотеатров, магазинов, торгуют на улицах чаем и семечками. Детвора в парках деловито собирает шишки криптомерий, чтобы сдать их в лесопитомник. Даже престарелые пекинцы, что на рассвете занимаются древней гимнастикой, нередко выступают теперь в роли платных инструкторов.

Этот предпринимательский дух ощущается и в том, что торговая реклама исподволь вытеснила наглядную агитацию, характерную для 50-х годов. Когда я впервые приехал в Китай, на перекрестке возле гостиницы «Пекин» красовался плакат: «Отпор Америке, помощь Кореи!». Теперь на этом месте установлен рекламный щит японской фирмы «Сони».

Снова и снова пытаюсь осмыслить увиденное. Пожалуй, главные перемены — это не многоэтажные здания, не станции метро и не новые товары, вошедшие в быт. Главные перемены написаны на лицах людей. На них не чувствуется скованности, напряжения. Естественные человеческие чувства прорвались наружу. Особенно заметно страстное желание побыстрее вырваться из нужды, прийти к зажиточной жизни.

Похоже, что китайцы переживают нечто похожее на эйфорию выздоровления. «Большой скачок», «культурная революция», бесчинства «банды четырех» — обо всем этом они не могут вспоминать без содрогания. Но кошмар уже ушел в прошлое. Страшные годы позади — от сознания одного этого у людей легчает на душе. Самые обиходные слова у китайцев нынче — «гайгэ» и «кайфан» (то есть «реформа» и «открытость») — по своему смыслу близки к нашим понятиям «перестройка» и «гласность».

Во времена «большого скачка» был возведен в абсолют революционный энтузиазм и целиком отвергнут принцип материальной заинтересованности —

его осуждали как проявление ревизионизма. Теперь этот перекокс выправлен. Примером этого может служить переход к системе семейного подряда в сельском хозяйстве, в результате чего основной единицей в деревне стал крестьянский двор.

Система семейного подряда не перечеркивает результаты коллективизации сельского хозяйства, а опирается на них. Земля по-прежнему остается в общенародной собственности. Меняется же форма организации производства. Коллективизация в китайской деревне не сопровождалась механизацией. Она дала экономический эффект прежде всего благодаря улучшению землеустройства. Когда исчезли межи, появилась возможность разумно спланировать поля и оросительные сооружения с учетом рельефа местности.

Построенные сообща ирригационные объекты по-прежнему находятся в коллективном пользовании. Правда, подписав контракт на обработку поля, крестьянин порой проявляет меньше заинтересованности поддерживать в порядке каналы или плотины за его пределами. Поэтому предусмотрено, что каждый двор должен отчислять часть дохода на ремонт ирригационных сооружений и другие местные нужды.

### На великом канале

Волость Дуншуантан примечательна пожалуй лишь тем, что по ней проходит Великий китайский канал. Когда-то по этому древнему водному пути доставлялось податное зерно к императорскому двору. Эту часть Северокитайской равнины не назовешь глубиной. Отсюда недалеко до побережья Желтого моря, до таких крупных городов, как Тяньцзинь и Пекин. Десятилетие реформ оставило в сельских районах приморской полосы наиболее заметный след.

Волость Дуншуантан — это десять деревень, 11 тыс. жителей (в том числе 4 тыс. трудоспособных) и 2200 га земли. Двадцать соток пашни на душу населения — это больше, чем в среднем по стране (на юге обычно довольствуются половиной этого). Что же изменилось тут за десятилетие реформ? Переход на семейный подряд не только стимулировал рост продуктивности земледелия, но и придал хозяйству многоотраслевой характер. Раньше крестьян заставляли почти всю землю засеять зерновыми. Урожай были низки. Теперь половина пашни отведена под более доходные культуры — масличные, овощи, фрукты. И тем не менее сборы зерна возросли.

Но, пожалуй, наиболее заметная перемена последних лет — стремительное развитие местной промышленности. В ней ныне занято 60 % рабочей силы (35 % тружеников остаются в земледелии и животноводстве, а 5 % — в торговле). В Дуншуантане более пятидесяти предприятий, которые выполняют экспортные заказы, изготавливают трудоемкие детали для городских заводов. Мы посетили цех, где фасовали в пластиковые пакеты знаменитые хэбэйские соленья. Эта квашеная капуста пользуется большим спросом в Юго-Восточной Азии, где проживает немало китайцев. А уж швейный цех выглядел по-городскому. На нескольких поточных линиях, по 25 электрических машин в каждой, девушки шили из китайского материала летние брюки по заказу голландской фирмы.

Семейный подряд помог найти применение излишкам рабочей силы. «В результате годовой доход на душу населения увеличился в волости со 165 до 804 юаней, — говорит товарищ Лю Цзяхай, один из местных руководителей. — Глинобитных фанз, как видите, почти не осталось. Девять десятых семей построили себе новые кирпичные дома под черепицей. Почти каждый двор держит трехлетний запас зерна. Некоторые обзавелись стиральными

машинами, копят на телевизоры и мотоциклы. Но нас тревожит, что рост зажиточности не сопровождается ростом товарности. Семейный подряд как бы замкнулся в себе...»

Отрадное исключение — деревня Пулоуцунь, где 22 двора взяли на коллективный подряд земельные участки соседей — тех, кто трудится на предприятиях местной промышленности и на подсобных промыслах. Эту пашню вместе со своей решили возделывать сообща. А поскольку на одной пшенице особенно не разбогатеешь, занялись выращиванием арбузов, засадили неудобья фруктовыми деревьями, построили свиноферму и птичник. Пулоуцунь опередила соседние деревни по товарности производства. Именно так государство контрактует наибольшую долю зерна, свинины, яиц, продавая взамен удобрения, комбикорма, горючее по твердым ценам. Именно члены коллективного подряда чаще всех посещают созданный в волости пункт по распределению агротехнических знаний. Итак, снова кооперирование. Но теперь уже не сверху, а снизу.

Китайские коммунисты начали экономические реформы с сельского хозяйства. Переход на семейный подряд вызвал бурный всплеск трудовой активности крестьянства. За шесть лет (1979—1984) ежегодные сборы зерна в Китае возросли с 300 до 400 млн. т. Этот рывок имел историческое значение. Ибо многие века Китаю не удавалось производить больше, чем по 300 кг зерна на душу населения. Поднять этот показатель до 400 кг означало впервые по-настоящему накормить народ. Вдвое увеличилось сборы хлопка и масличных, что позволило отменить нормирование хлопчатобумажных тканей и растительного масла.

За десятилетие реформ доходы крестьян существенно возросли, особенно вблизи больших городов и морского побережья. Число бедняков с годовыми доходами менее 200 юаней сократилось до 15 % сельского населения. (Средн этих 120 млн. человек две трети все еще неграмотны или малограмотны.) Была поставлена задача: к 2000 г. покончить с бедностью, доведя сборы зерна до 500 млн. т.

Оказалось, однако, что осуществить второй стомиллионный рывок гораздо труднее, чем первый. После шести лет бурного роста сборы зерна в Китае вот уже четвертый год топчутся на месте. Население же, несмотря на энергичные меры по ограничению рождаемости, растет быстрее, чем планировалось. К 2000 г. оно может составить не 1,2, а 1,3 млрд. человек. А это значит, что даже собрав 500 млн. т, не удастся сохранить нынешний уровень (400 кг зерна на душу населения).

К тому же стало как бы общей закономерностью то, с чем я столкнулся в волости Дуншуантан. Там, где годовой доход сельских жителей превышает 800 юаней на душу населения, заметно снижается их трудовая активность. Вместо того чтобы тратить деньги на производственные нужды, на повышение плодородия почвы, крестьяне принялись строить новые дома, подчас на пахотной земле. В селах Китая приходится по 17 м<sup>2</sup> жилья на человека, против 5 в городах. Крестьяне обзаводятся бытовой электротехникой, устраивают дорогостоящие свадьбы и похороны. Именно нежелание прослыть богатеями, а, может быть, и боязнь, что нынешний курс в экономике изменится, толкает многих китайских крестьян «проедать» накопления. А это в свою очередь становится тормозом для развития товарного хозяйства.

Переход на семейный подряд дал быстрый эффект прежде всего за счет интенсификации ручного труда. Рост материальной заинтересованности крестьян вскрыл лежавшие на поверхности резервы, которые во многом исчерпали себя. Жизнь показала, что возможности мелкотоварного производства, основанного на семейном подряде, отнюдь не беспредельны. Для нового

рывка китайскому селу нужны дополнительные рычаги, прежде всего — передовая агротехника. А она в свою очередь требует рационального землепользования, ибо на лоскутах семейных наделов трудно осуществить механизацию, внедрять достижения науки.

Поэтому поощряется стихийная тяга крестьян к совместному труду. В Китае нынче насчитывается около полумиллиона различных кооперативных объединений. Все шире распространяется как бы двухступенчатая система хозяйствования: сочетание семейного подряда с коллективным. То, с чем семья может справиться сама, она делает своими силами. Но строить ирригационные сооружения, приобретать и использовать тракторы, водяные насосы, внедрять высокоурожайные сорта и эффективно бороться с сельскохозяйственными вредителями — все это легче и выгоднее делать сообща.

Второе направление — укрупнить масштабы землепользования благодаря перемещению части крестьян в несельскохозяйственное производство. Численность рабочей силы в китайской деревне составляет 390 млн. человек, из них 90 млн. уже перешли в местную промышленность и на подсобные промыслы. Предполагается, что ежегодно будет добавляться около 7 млн. человек. Это создает предпосылки для концентрации пахотной земли у крестьян, способных хозяйствовать наиболее эффективно.

Как создать более благоприятные условия для развития механизации и внедрения научных достижений в сельское хозяйство Китая? Этот ключевой вопрос пока остается темой споров. И трудно сказать, какой путь будет сочтен наилучшим: то ли возрождение производственной кооперации на сугубо добровольной основе, то ли возникновение высокотоварных фермерских хозяйств, то ли сочетание семейного подряда с коллективным.

### Семь пятилеток спустя

Возвращение к памятным местам собственной молодости всегда волнует. Когда над зеленой, ухоженной, как хороший огород, Ляонинской равниной в полгоризонта закурились серые и рыжие дымы, сердце учащенно забилося. Впереди был Аньшань — как бы заглавная строка в моей журналистской биографии. Перед глазами встал 1953 год: первая зарубежная страна, первая корреспондентская поездка с целью написать о первой победе первой китайской пятилетки. Тогда в Аньшане торжественно вступили в строй три новых объекта: домна № 7, рельсобалочный и трубопрокатный цехи. Эти новостройки не только поднимали китайскую металлургию на качественно иной уровень. Они были первым зримым доказательством того, что освобожденный народ способен двинуть вперед дело индустриализации страны.

И вот 35 лет спустя я снова в Аньшане. Город почти не изменился. Те же трамваи на тенистых улицах, обстроенных невысокими домами. Та же гостиница Чжуншань, где когда-то жили советские специалисты. Так же дымят по соседству бесчисленные трубы. Когда-то я искренне умилялся ими как приметой индустриализации. Но теперь рыжевато-серая пелена над городом вызывает иные чувства.

«Все мы, ветераны Аньшаня, постоянно вспоминаем добрым словом советских специалистов, которые помогли нам создать современную китайскую металлургию, — говорит заместитель директора комбината Дай Лишунь, — Аньшань донныне сохраняет авангардную роль, которую играл в годы первой пятилетки. Он не только остается главной металлургической базой Китая, давая седьмую часть общей выплавки стали. По качеству и ассортименту продукции, по использованию оборудования и ресурсосбережению, вообще по экономической эффективности, комбинат занимает ведущее место».

Интересуюсь судьбой объектов, построенных в свое время при советском содействии. Все они в строю, бесперебойно дают продукцию. Домна № 7 после нескольких реконструкций остается одной из крупнейших в стране, уступая лишь печам недавно построенного при японском участии Баошаньского комбината. Трубопрокатный цех ежегодно дает 220 тыс. бесшовных стальных труб. Мы вместе проходим из конца в конец протянувшийся на полкилометра рельсобалочный цех, стоим у пульта управления, наблюдая, как оператор за семь прогонов превращает поступившую от блюминга заготовку в двутавровую балку. И радостно слышать, что советский стан 800, детище Уралмаша, вот уже три с половиной десятилетия дает Китаю по миллиону тонн проката в год, значительно превышая свою проектную мощность.

35 лет назад мне запомнился в Аньшане портрет Горького с надписью: «Учись и учи!». Эти слова великого пролетарского писателя служили девизом «китайской Магнитки». Вся страна не жалея сил помогала строить Аньшань, надеясь и веря, что придет время, когда Аньшань будет помогать делу индустриализации всей страны. И такое время действительно пришло. За семь минувших пятилеток комбинат вырастил для аналогичных предприятий пятьдесят тысяч квалифицированных специалистов.

«За это время,— говорит начальник планового отдела комбината Ляо Яохао,— выплавка стали в Аньшане возросла с 2 до 8 млн. т. Расширение производства продолжается. К 1992 г. мы намерены поднять этот показатель до 10, а к 2000 г.— до 15 млн. т».

В 50-х годах такая цифра была для китайских металлургов дерзкой мечтой, воплощенной в лозунге: «За пятнадцать лет догнать Англию!» Ныне же по выплавке стали (56 млн. т) Китай уступает лишь Советскому Союзу, Японии и Соединенным Штатам, да и по другим показателям выдвинулся в число ведущих индустриальных держав. Он занимает первое место в мире по производству цемента, второе — по добыче угля, третье — по выпуску телевизоров, четвертое — по выплавке стали, пятое — по добыче нефти и производству электроэнергии.

### Учиться друг у друга

Попав после долгого перерыва в знакомую страну, испытываешь странное чувство. Пестрая панорама жизни предстает как бы в двух планах. Глаз жадно ловит и то, что изменилось, и то, что осталось неизменным. Это ощущение двухмерности времени не покидало меня во время недавней поездки по Северному и Северо-Восточному Китаю. С группой активистов Общества советско-китайской дружбы мы побывали в Пекине и Тяньцзиньне, посетили крупнейшие города провинции Ляонин: Шэньян, Далянь, Аньшань, Фушунь.

Когда я впервые попал в Китай, самым ходовым было слово «пятилетка». Теперь стержень всех разговоров, как я уже сказал,— «курс на реформы и открытость». Он был взят китайскими коммунистами десятилетие назад, в конце 1978 г. По времени наша перестройка втрое моложе. Но примечательно, что при различии сроков и конкретных условий сходство главных задач — совершенствование хозяйственного механизма, демократизация общественной жизни — почти одновременно побудили наши партии взяться за реформу политической системы. Этот вопрос стал предметом обсуждения на XIII съезде КПК, а несколько месяцев спустя — на XIX конференции КПСС.

Нынешняя политическая система Китая зародилась в годы революционных войн, сложилась в период социалистических преобразований и крупномасштабных массовых движений, на фоне абсолютизации директивных методов руко-

водства. Как продукт прежних исторических условий такая система не отвечает современным задачам, в частности развитию социалистической товарной экономики. Намеченные XIII съездом реформы предусматривают четко разграничить функции партийных и государственных органов, передать больше прав низовым звеньям, перестроить кадровую систему, развивать социалистическую демократию, укреплять законность и правопорядок.

Как выполняются на местах эти решения съезда? К каким переменам они ведут? Об этом мне удалось побеседовать с работниками Хэбэйского райкома Тяньцзиня. В районе с населением 590 тыс. человек сосредоточено около 500 промышленных и 700 торговых предприятий, 4 вуза, 130 школ. Районный комитет партии состоит из 36 человек. Для руководства текущей работой избран постоянный комитет во главе с секретарем и тремя его заместителями, один из которых по традиции возглавляет районное правительство.

«Ключевое звено реформы политической системы,— говорит секретарь Хэбэйского райкома товарищ Ли Цзайдао.— мы видим в том, чтобы четко разграничить функции партийных и государственных органов. Партия должна играть роль политического авангарда. Из-за того, что в руках партийного аппарата сосредоточились административные, хозяйственные и другие не свойственные ему функции, мы увязали в текучке, а низовым звеньям не хватало прав самостоятельно решать вопросы, не было простора для выявления активности народных масс».

Выполнение решений XIII съезда райком начал с перестройки своей структуры. Были упразднены отраслевые отделы, которые дублировали деятельность государственных органов. В их числе — отделы промышленности и строительства, финансов и торговли, культуры и просвещения. Сохранены отдел пропаганды, отдел организационно-партийной работы, отдел единого фронта, общий отдел и комиссия по проверке партийной дисциплины. Теперь члены постоянного комитета могут уделять больше внимания работе первичных организаций, не отвлекаясь на административные и хозяйственные дела.

«При новом распределении обязанностей я отвечаю за работу отдела пропаганды, отдела единого фронта и общего отдела,— говорит заместитель секретаря райкома товарищ Ма Юйсэн.— Раньше я, кроме этого, курировал отдел культуры и просвещения (вместо него нынче создан сектор культуры в отделе пропаганды), а также занимался вопросами здравоохранения, работой по ограничению рождаемости. Теперь я могу целиком сосредоточиться на вопросах идейно-политического воспитания коммунистов. Отдел пропаганды стремится изжить пустословие и догматизм, повернуть систему партийного просвещения в сторону актуальных задач, стоящих перед партией. Самой распространенной формой занятий стали семинары по проблемам экономической реформы и демократизации общества».

Важное звено перестройки политической системы — сделать повседневной практикой диалог и консультации руководителей с массами, отладить каналы для регулярного обмена мнениями снизу вверх и сверху вниз, чтобы выявлять интересы различных групп населения и своевременно разрешать возникающие в обществе противоречия.

«Мы ищем новые формы контактов, которые помогали бы массам излагать свои претензии и пожелания, а руководителям — прислушиваться к голосу масс,— говорит член постоянного комитета, заведующий общим отделом райкома товарищ Цо Шимин.— Ради этого мы постарались сделать более эффективной работу с письмами трудящихся, анализ и обобщение содержащихся в них жалоб. Стало традицией и такое новшество: раз в месяц секретарь райкома ведет прямой диалог с рядовыми коммунистами. В первичные органи-



зации сообщается тема дискуссии, и все желающие могут принять в ней участие».

Второй заместитель секретаря райкома курирует орготдел и комиссию по проверке дисциплины. (Раньше на его попечении находился также отдел финансов и торговли.) Главная задача на этом участке — коренная перестройка работы с кадрами на принципах состязательности и гласности. Внедряется система общественных рекомендаций и открытых конкурсов, а также периодической аттестации руководящих работников, четко определяются сроки их полномочий, чтобы изжить практику пожизненного занятия должностей. Сокращена на две ступени номенклатура руководителей, которые утверждаются райкомом, вводится испытательный срок при назначении на многие посты.

Во время пребывания нашей делегации в Китае член Политбюро, заведующий орготделом ЦК КПК Сун Пин заявил, что перестройка кадровой системы и укрепление партийных рядов — насущные задачи, вставшие ныне перед 47 миллионами китайских коммунистов. Недопустимо, сказал Сун Пин, что некоторые партийные работники злоупотребляют служебным положением в корыстных целях, наносят ущерб интересам масс, тормозят курс на реформы и открытость, подрывают авторитет партии. С 1982 по 1986 гг. за серьезные проступки были исключены из партии почти 152 тыс. человек. После XIII съезда несколько изменены функции контрольных органов КПК. Теперь комиссии по проверке партийной дисциплины в центре и на местах уже не рассматривают персональные дела, связанные с нарушением государственных законов и административными проступками. Это позволяет им эффективнее бороться за чистоту партийных рядов, оказывать более действенную помощь партиям и низовым организациям в совершенствовании стиля и методов партийного руководства.

Реформа политической системы в Китае призвана полнее раскрыть потенциал социалистического народовластия, стимулировать тенденции к самоуправлению на всех уровнях. Речь идет прежде всего о том, чтобы поднять роль собраний народных представителей, активизировать их законодательные, а также контрольные функции над исполнительными органами. Об этом шла речь в беседах с заместителем председателя ПК ВСНП Чжу Сюэфанем, с его коллегами в городах, где мы побывали.

Положительные результаты, по их словам, дал новый порядок выборов, при котором число кандидатур превышает число мандатов, а также отказ от попыток регламентировать сверху состав депутатов. Из-за подобных разнарядок, по меткой народной поговорке, в собраниях заседали «две трети начальников и одна треть молчаливников». Руководящие работники приносили в депутатскую деятельность ведомственные интересы. А удостоенные мандатов передовики труда зачастую отмалчивались, ибо не могли компетентно обсуждать вынесенные на сессию вопросы. Благодаря новому порядку выборов, когда право выдвигать кандидатов имеют общественные организации, трудовые коллективы и даже группы граждан численностью более десяти человек, в представительные органы власти приходят люди, действительно способные выражать и отстаивать интересы своих избирателей.

По новой конституции не только ВСНП, но и местные собрания народных представителей получили право избирать постоянный комитет, который независимо от исполнительных органов ведет текущую работу между сессиями и координирует работу депутатских комиссий. «По деловому, а не формально, как раньше, проходят и сами сессии, — говорит заместитель председателя городского собрания Тяньцзиня товарищ Ши Цзян. — Их срок увеличен до девяти дней. Наряду с пленарными заседаниями ведутся дискуссии по группам, чтобы каждый депутат мог высказать свое мнение».



Примеры новых взаимоотношений между парткомом, представительными и исполнительными органами власти мне приводили и в Хэбэйском районе Тяньцзиня. Дважды в год секретарь райкома и глава районного правительства встречаются с депутатами собрания народных представителей и в неофициальной обстановке выслушивают их мнения по насущным проблемам.

«Глубоко убежден, что демократизацию жизни общества следует начинать с демократизации внутрипартийной жизни,— говорил мне на прощание товарищ Ли Цайдао.— Мы движемся к данной цели сразу по нескольким направлениям. Это переход к многомандатным выборам секретарей низовых парторганизаций, членов райкома и его постоянного комитета. Это отказ от административно-командных методов руководства. Это четкое разделение функций партийных и государственных органов, расширение прав низовых звеньев. Следует признать, что кое-кому подобные перемены не по душе. Одни твердят, что нельзя, дескать, ослаблять руководящую роль партии, а в действительности не могут расстаться с привычкой командовать, игнорировать демократические процедуры. Другие настолько свыклись с вездесущей опекой парткома, что страшатся самостоятельности, не хотят брать на себя ответственность».

Слушая китайского секретаря райкома, я думал о том, что и трудности, с которыми сталкиваются наша партия и наши народы, во многом схожи. Правда, в Китае противников перестройки принято называть «левыми консерваторами»...

\* \* \*

Вот и подошел конец двухнедельной поездки. На рассвете в последний раз прошелся по Пекину. И одна подмеченная сценка городской жизни запала в память как некая метафора. Китай просыпается рано. В шесть тридцать в парках гремит музыка. Служащие, студенты, домохозяйки азартно приплясывают на уроках ритмической гимнастики. А чуть поодаль люди старшего поколения занимаются древней китайской гимнастикой тайцзицюань. Архаичные фигуры в униформе маоистских времен. Заторможенные, как при замедленной съемке, будто сонные, движения. Поистине — контраст эпох! Символичное напоминание о том, что Китай проснулся после кошмарного сна и спешит наверстать упущенное время.

---

## Военная промышленность: смена акцентов

---

*А. П. МОРОЗОВ,  
кандидат экономических наук*

Состоявшийся в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва положил начало широкомасштабной реформе экономической системы в КНР, которая по глубине и размаху вызванных ею перемен характеризуется в Китае как «вторая революция». В самом общем виде реформа экономической системы КНР представляет собой совокупность прогрессивных изменений в системе производственных отношений, направленных на создание на базе основополагающих принципов социализма, адекватных требованиям научно-технической революции, благоприятных условий для всемерного развития производительных сил страны. Главной целью реформы является создание новой системы социалистической плановой товарной экономики, воплощающей в себе органическое единство централизованного планирования и рынка. В основу нового хозяйственного механизма закладывается идея «государственного регулирования рынка и рыночного ориентирования предприятий».

Успешное достижение целей реформы в КНР невозможно без соответствующих преобразований и в таком важнейшем секторе экономики, каким является военная экономика и ее ядро — кадровая военная промышленность. Прежде всего, это определяется местом, удельным весом, который занимает военная экономика в народном хозяйстве. Достаточно сказать, что, по официальным данным, за шестую пятилетку (1981—1985) среднегодовые военные расходы только по государственному бюджету составили 17,87 млрд. юаней, или 12,8 % среднегодовых расходов, и 20,13 млрд. юаней в 1986 г., или 8,8 % расходной части государственного бюджета<sup>1</sup>. На долю военных отраслей промышленности приходится 24,5 % стоимости основных фондов машиностроения<sup>2</sup>. В них концентрируется 10 % парка металлорежущих станков страны, в том числе 90 % крупных и прецизионных станков, в большей части закупаемых за рубежом.

Занимая столь значительное место в экономике КНР, отрасли военной промышленности являются наименее экономически эффективными, что, естественно, не может не сказываться отрицательно на показателях эффективности всего народного хозяйства. Так военная промышленность на единицу стоимости основных фондов производит в 2 раза меньше валовой продукции, чем промышленность в целом, а машиностроение — более чем в 3 раза<sup>3</sup>. Это предопределяет и низкую эффективность капиталовложений в военную промышленность.

Отрицательное воздействие капиталовложений в военное производство на показатели экономической эффективности достаточно хорошо видно на примере районов «третьей линии обороны»<sup>4</sup>. В течение трех лет (1971—1973) сюда направлялось более 50 % общей суммы государственных капиталовложений в

народное хозяйство. В течение последующих двух лет четвертой пятилетки (1974—1975) капиталовложения также оставались на высоком уровне, хотя и составляли уже менее 50 %<sup>5</sup>. Эффективность капитальных вложений в районах «третьей линии обороны» резко снизилась, что не могло не сказаться на показателях по стране в целом. Так, по расчетам, если в 1966—1970 гг. производство валовой промышленной продукции на 100 юаней капиталовложений по районам «третьей линии обороны» составило 195 юаней, а по стране — 248 юаней, то в 1971—1975 гг., соответственно, 148 и 188 юаней. Таким образом, снижение показателей составило 24,1 % и 24,2 %. В 1976—1980 гг. произошло относительное снижение капиталовложений в военное производство, и в особенности в военную промышленность «третьей линии», что сразу же привело к заметному повышению эффективности капиталовложений, в этих районах (на 13,5 %) и в среднем по стране (на 13,3 %).

Относительно высокий удельный вес военной промышленности в народном хозяйстве и ее негативное влияние на экономическую эффективность предопределили два основных направления перестройки военной экономики, которые тесно связаны между собой и взаимно обуславливают друг друга. Во-первых, это структурная перестройка на макроэкономическом уровне, предусматривающая постепенное уменьшение доли военной экономики и военной промышленности в финансировании, капитальных вложениях и структуре народного хозяйства. Во-вторых — повышение экономической эффективности военного производства на основе внедрения в него элементов хозяйственного расчета, самофинансирования, экономических форм и методов руководства хозяйственной деятельностью.

#### **Относительное снижение военных расходов как фактор повышения эффективности общественного производства**

Выше уже приводились основные факты, дающие известное представление о масштабах и характере влияния военной экономики на общественное производство в КНР. Расчеты показывают, например, что в случае если бы в 1985 г. эффективность военного машиностроения находилась на уровне среднеотраслевой, то с его мощностей можно было бы получить дополнительно продукции на 36,9 млрд. юаней, что привело бы к повышению фондоотдачи машиностроения на 16,5 %<sup>6</sup>. В этих условиях снижение удельного веса военных расходов является важным фактором повышения эффективности общественного производства вообще и капитальных вложений в частности, способствует созданию более гармоничной структуры народного хозяйства, обеспечивающей «комплексную сбалансированность экономики» на основе более тесной увязки задач укрепления и развития материально-технической базы обороны страны с планами ускорения социально-экономического развития, успешного осуществления программы «четырёх модернизаций».

В настоящее время в Китае основные установки в области военно-экономического строительства сводятся к следующему<sup>7</sup>:

1. процесс модернизации обороны и совершенствования вооружений должен идти в соответствии с развитием народного хозяйства. Модернизация обороны не должна отрываться от модернизации промышленности, сельского хозяйства, науки и техники, то есть она должна осуществляться на основе прогресса в экономическом строительстве;

2. модернизация обороны должна идти в соответствии с конкретными условиями, существующими в стране, то есть прежде всего учитывать такие факторы, как обширность территории и большая протяженность границ, сложность природных условий, многочисленность населения, обширность воздушного

и водного бассейнов, большое разнообразие географических и природных условий;

3. в деле совершенствования оружия и вооружений, повышения их качества и возможностей необходимо опираться на существующую основу, быть готовыми к возникновению войны в любое время. Одновременно необходимо прилагать все силы для развития научно-исследовательских работ в военной области с тем, чтобы в короткие сроки постепенно обновлять и совершенствовать оружие в соответствии с требованиями современной войны.

В соответствии с новыми установками, в основе которых лежит требование оптимального сочетания задач военного и экономического строительства, с начала 80-х гг. китайское руководство взяло курс на умеренный рост военных расходов, обеспечивающий стабилизацию и даже снижение их доли в бюджете. Разумеется, что средства, отпускаемые государственным бюджетом по статье расходов на оборону, далеко не исчерпывают суммы всех военных ассигнований, но несомненно и то, что между ними имеется прямая пропорциональная зависимость. Поэтому динамика бюджетных расходов на оборону с достаточной достоверностью отражает политику государства в этой области.

Удельный вес бюджетных военных расходов в КНР сократился с 17,5 % в 1979 г. до 8,8 % в 1986 г., хотя некоторыми китайскими специалистами выражается мнение, что оптимальная доля военных расходов в государственном бюджете должна составлять примерно 18 %. Уменьшение же бюджетных расходов на оборону до менее чем 10 % китайские специалисты связывают с особенностями происходящего сейчас в Китае процесса урегулирования народного хозяйства<sup>8</sup>. Здесь следует обратить внимание на то, что уменьшение удельного веса расходов на оборону в государственном бюджете в настоящее время определяется не только относительным сокращением военных расходов (при их абсолютном росте), но и ростом значения внебюджетных источников их финансирования — за счет местных бюджетов, средств самой армии и самофинансирования предприятий кадровой военной промышленности в новых условиях хозяйствования. На современном этапе военного строительства имеет значение и такой фактор временного характера, как концентрация усилий и ресурсов на разработке оружия и вооружений нового поколения. Это связано с ограничением затрат на производство устаревшей военной техники и увеличением ассигнований на научные исследования и опытно-конструкторские работы. Как указывалось в журнале «Хунци», в настоящее время «нельзя хвататься сразу за все и все время догонять. Необходимо соответственно сконцентрировать ассигнования, сжать фронт развития вооружений, выделять главное направление. Больше разрабатывать, меньше вооружаться, не занимаясь производством вооружений в больших масштабах». Главное в разработках — взяться за самые насущные передовые вооружения, постепенно сокращая разрыв, осуществлять необходимую техническую подготовку для того, чтобы догнать и перегнать передовой мировой уровень<sup>9</sup>.

### **Внедрение системы экономической ответственности в военной промышленности КНР — основной путь повышения ее экономической эффективности**

Основным средством повышения эффективности работы промышленных предприятий в настоящее время является переход к системе так называемой экономической ответственности. Именно в этом и заключается главное содержание реформы хозяйственной системы в промышленности КНР. При этом под системой экономической ответственности понимается система уп-

равления производством, которая при сохранении определяющей роли государственного планирования строится на принципе сочетания ответственности, самостоятельности и материальной заинтересованности предприятий в результатах своей деятельности.

Внедрение системы экономической ответственности предполагает коренную перестройку организации, функционирования и структуры военной промышленности. Эта система требует перевода военной промышленности на рельсы товарной плановой экономики, превращения военных предприятий в относительно самостоятельные социалистические товаропроизводители, жизнеспособные и динамичные, несущие полную ответственность за свои убытки и прибыли. Вследствие военной специфики перевод предприятий кадровой военной промышленности на новые условия хозяйствования вызывает особые трудности. Ранее руководство этой отраслью было особенно жестко централизовано и строилось по принципу: «государство выделяет капиталовложения, спускает план, закупает продукцию, обеспечивает прибыли и покрывает убытки». Это, естественно, существенно ограничивало сферу применения стоимостных категорий в военной промышленности, продукция которой, практически минуя рынок, непосредственно распределялась в войска. Эти особенности вытекают из специфики самого продукта военного производства, его потребительской стоимости. Очевидно, что преодолеть эту специфику военной продукции никакая реформа системы управления и планирования не способна. Следовательно, задача заключается в том, чтобы при сохранении и учете особенностей военного производства в широком смысле слова, включающего собственно производство, распределение, обмен и потребление, найти форму наиболее полного его включения в систему экономического управления, строящегося на основе широкого использования законов товарного производства при определяющей роли государственного планирования. Одной из таких форм, получивших наибольшее развитие в Китае в последние годы, стала система «соединения военного и гражданского производства». Ее основные направления:

- 1) организация производства гражданской продукции на незагруженных мощностях военных предприятий;
- 2) предоставление гражданским предприятиям технической документации, исполнение их заказов по техническому проектированию и конструированию;
- 3) поставки гражданским предприятиям различного современного производственного оборудования, передача комплексного оборудования;
- 4) объединение производств и совместное освоение выпуска новых видов продукции;
- 5) совместное проведение научно-технических работ и контроль за количеством продукции;
- 6) ротация кадров;
- 7) предоставление различных форм технического обслуживания.

С точки зрения осуществления хозяйственной реформы в военной промышленности «соединение военного и гражданского производства» позволяет, во-первых, «втянуть» большую часть материальных и трудовых ресурсов кадровой военной промышленности в сферу действия системы экономической ответственности, поскольку производимая здесь продукция гражданского назначения не обладает специфичностью военного товара, производится и реализуется на условиях, действующих в рамках всего народного хозяйства. Потенциал такого «втягивания» определяется тем, что до реформы производственные мощности военных предприятий использовались лишь на 20—30%. Следовательно, военная промышленность может на 70—80% своих мощностей использовать для производства гражданской продукции. Уже в 1986 г. доля продукции гражданского назначения в валовой продукции четырех основных

министерств военной промышленности (вооружений, ядерной, космической и авиационной) достигла 48,8 % по сравнению с 18 % в 1980 г. и 6,9 % в 1975 г.<sup>10</sup>

Во-вторых, система «соединения гражданского и военного производства» создает материальную основу для внедрения экономической ответственности в военной промышленности в виде намного более значительной массы прибыли, остающейся предпринятию от реализации гражданской продукции вследствие ее (в несколько раз) более высокой рентабельности. Расчеты показывают, что в 1984 г., например когда на долю гражданской продукции приходилось лишь 26 % продукции военной промышленности, за счет первой было получено примерно в 3 раза больше прибыли, чем за счет продукции военного назначения.

На состоявшемся в марте 1987 г. в Пекине симпозиуме по проблемам стратегии развития военной экономики в КНР китайскими учеными была выдвинута концепция перехода военной экономики от модели «замкнутого типа» к модели, «совмещающей военное и гражданское производство», от модели военной экономики «потребительского типа» к модели «производительного типа». При этом под военной экономикой производительного типа понималась такая ее структура, которая позволяет, помимо обеспечения государственной безопасности, защиты государственных интересов и выполнения основных своих общественных функций, вносить свой весомый вклад в экономическое и социальное развитие страны, непрерывно предоставлять различного рода материальные ресурсы и стимулы для развития всей государственной макроструктуры.

В качестве критерия осуществлявшегося перехода от старой модели потребительского типа к модели военной экономики производительного типа выдвигается ситуация, при которой объем прироста экономики за счет военных отраслей превысит сумму расходов на оборону в целом. При этом указывалось, например, что расходы на военно-научные исследования, являющиеся частью расходов на оборону, уже сегодня стали «производительными» в том смысле, что экономический эффект от передачи результатов научно-исследовательских работ в народное хозяйство значительно превышает величину государственных ассигнований на эти исследования<sup>11</sup>. Так в 1985 г. оборонные предприятия передали народному хозяйству примерно 20 тыс. научно-технических разработок на сумму в 1 млрд. юаней. Учитывая, что экономическая эффективность этих разработок в 7—10 раз превышает их стоимость, народное хозяйство может получить прибыль от их внедрения в размере 7—10 млрд. юаней<sup>12</sup>. Как подчеркивается в китайской печати, это, однако, лишь малая часть технических достижений военно-научных исследований, причем в подавляющем большинстве это ординарная техника и технология, а огромное количество передовых технических достижений все еще заперто в сейфах военных ведомств. Оборонное строительство продолжает действовать как оторванная от всего «замкнутая система», практически не связанная с гражданскими отраслями, что порождает отставание последних, дублирование, огромный перерасход сил и средств. Это исторически сложившееся положение должно быть изменено.

### Изменения в системе управления

Важным направлением реформы, связанным с «сочетанием гражданского и военного производства», является создание адекватной системы управления, отвечающей задачам интеграции гражданского и военного производства. Для этого уже в настоящее время предпринимаются первые попытки осу-

ществления следующих мер переходного характера:

1) введение единого планирования в отношении гражданской и военной промышленности, всесторонняя балансировка и установление рационального соотношения между ними;

2) предоставление права предприятиям, после выполнения заказов на производство военной продукции по договорам, самим определять направление дальнейшего развития производства;

3) строительство вновь создаваемых предприятий, ориентируемых на выпуск как военной, так и гражданской продукции;

4) организация взаимного внедрения передовой техники и технических достижений между военными и гражданскими предприятиями. Осуществление взаимной передачи техники и технологии на коммерческой основе;

5) усиление работы по стандартизации, внедрению в производство унифицированной и взаимозаменяемой продукции, а также продукции двойного использования.

В качестве первого крупного шага в создании общей системы управления военным и гражданским производством Постоянный комитет ВСНП шестого созыва в декабре 1986 г. принял решение об упразднении Министерства машиностроения и Министерства вооружений и учредил Государственный комитет по делам машиностроения Китая, что означало создание единого руководства этими отраслями<sup>13</sup>.

Оценивая значение этого мероприятия, начальник Секретариата Госсовета КНР Чэнь Цзюньшэн на 18-м заседании Постоянного комитета ВСНП шестого созыва сказал, что, помимо научно-исследовательского и производственного потенциала оборонных отраслей, многие гражданские отрасли также создали у себя мощности по производству... военной продукции. Существующая система с ее делением производств долгое время порождала дублирование, несогласованность и другие негативные явления, мешала полному использованию и дальнейшему развитию как машиностроительных, так и оборонных отраслей. Чтобы разрушить границу между отраслями, районами, между военной и гражданской промышленностью, надо объединить гражданское машиностроение и военные отрасли в масштабах всей страны; это усилит горизонтальные связи, поможет обеспечить народное хозяйство и оборону передовой техникой. Чэнь Цзюньшэн подчеркнул, что создание Госкомитета по машиностроению будет не простым объединением уже существующих структур, но новым образованием, построенным на принципах упорядочения функций, упрощения структуры, повышения эффективности, а также предоставит полезный опыт для структурной перестройки других центральных государственных органов.

Вскоре, в апреле 1988 г. на первой сессии ВСНП седьмого созыва, была осуществлена дальнейшая реорганизация этого ведомства, в результате которой Госкомитет по делам машиностроения был слит с Министерством электронной промышленности и на этой основе образовано новое Министерство машиностроения и электронной промышленности.

В рамках внедрения в военной промышленности системы экономической ответственности с начала 1987 г. в Китае была введена контрактная система разработки и производства оружия и боевого оснащения армии. Впервые в стране состоялись торги на получение подряда на строительство нового ракетного сторожевого корабля для ВМС НОАК. Как отмечала китайская печать, заключение подряда на производство вооружений и техники на конкурентных началах способствует научно-техническому прогрессу, существенному сокращению времени на проведение опытно-конструкторских работ, снижению цен и повышению качества продукции. Выделение государством средств заказчикам в

лице армейских ведомств, а не непосредственным производителям впервые открывает перед военными экономические и юридические возможности для прямого воздействия на изготовителя, для участия в разработке и производстве всех видов оружия и вооружений<sup>14</sup>.

Что касается научных исследований, то расходы на них подразделяются на три категории: 1) разработка и изготовление образцов оружия и вооружений; 2) прикладные и фундаментальные исследования; 3) создание технической базы науки. В новых условиях к традиционным каналам финансирования военных исследований добавляется контрактная форма, которая будет применяться главным образом для финансирования разработок и изготовления образцов оружия и вооружений. По оценкам китайской печати, введение контрактной системы означает, что разработка и производство оружия и вооружений в Китае «встали на рельсы планового товарного хозяйства».

Одним из направлений в повышении динамичности военной промышленности явился переход к политике «открытых дверей» в области военного производства. Военным предприятиям разрешен и, более того, всячески поощряется выход на мировой рынок, как через посредничество внешнеторговых организаций, так и напрямую. Задача состоит в том, чтобы всемерно расширить экспорт, импортировать и осваивать зарубежную технику и технологию. Причем это разрешение распространяется не только на гражданскую, но и на значительную часть военной продукции. Предусматриваются также различные формы производственного и научно-технического сотрудничества китайских предприятий с иностранными фирмами для совместной разработки и производства различных видов оружия и вооружений.

Внедрение системы экономической ответственности потребовало и перестройки системы управления на самих военных предприятиях. Здесь, как и во всей промышленности, она ведется в направлении введения на предприятиях системы ответственности директора, осуществления реформы организации труда, системы заработной платы и премирования, перевода на хозрасчетные отношения цехов и бригад. Важной проблемой для военных предприятий является разработка такой премиальной системы, которая поставила бы величину вознаграждения в зависимость не только от объема полученной прибыли, но и от себестоимости продукции.

### **Реформа ценообразования на военную промышленность**

Глубокое проникновение новых принципов хозяйствования в военную промышленность все более настоятельно ставит вопрос о реформе ценообразования на военную продукцию. Вплоть до настоящего времени цены на военную продукцию устанавливаются на уровне плановой себестоимости плюс 5 % прибыли.

Подобная система ценообразования страдает рядом серьезных недостатков. Во-первых, она практически сводит на нет материальную заинтересованность и материальную ответственность коллективов за результаты своей деятельности. Во-вторых, — ведет к множественности цен на одну и ту же продукцию, поскольку для каждого отдельного предприятия плановая себестоимость определяется на базе его индивидуальных затрат. Согласно данным обследования, проведенного в 1983 г. в Министерстве вооружений, из 83 видов продукции только на 14 (17 %) были установлены одинаковые цены, а на остальные 69 видов существовало 209 различных цен. Минимальная разница в ценах на одну и ту же продукцию составляла 42 %, а максимальная —



242 %<sup>15</sup>. К тому же в течение длительного времени цены на военную продукцию ежегодно менялись по согласованию сторон (предприятия и государства), что также не способствовало снижению себестоимости продукции и повышению эффективности производства. В-третьих, эта система создает у предприятий заинтересованность в увеличении плановой себестоимости, поскольку при этом увеличивается и масса прибыли, остающаяся предприятию. Господствует принцип: «высокая цена — высокая прибыль — высокие премии».

В-четвертых, подобные цены не обеспечивают уровня рентабельности, необходимого оборонной промышленности. К ним, в частности, относились: установление на базе цен 1978 г. неизменных в течение шести лет цен на военную продукцию, введение системы обеспечения прибыли в различных отраслях оборонной промышленности, на основе которой последние внедрились различные системы экономической ответственности, в центре которых находился принцип обеспечения прибыли. Одновременно государство, сократив капиталовложения в оборонную промышленность, поставило в тесную зависимость от получаемой прибыли осуществление военными предприятиями технической реконструкции, улучшение условий жизни рабочих и служащих и так далее.

Все это поставило государство перед необходимостью реформы системы цен и ценообразования на военную продукцию. По единодушному мнению китайских специалистов, теоретической основой предстоящей реформы должно быть положение о том, что «военная продукция является товаром», хотя и особого рода. А это означает, что цены на военную продукцию должны отражать общественно необходимые затраты труда на их производство, что потребует заметного повышения цен. Для того чтобы предприятия кадровой военной промышленности могли функционировать в новых условиях хозяйствования как относительно самостоятельные хозяйственные единицы, несущие полную ответственность за прибыли и убытки, их рентабельность, исчисляемая на основе себестоимости, должна составлять, по расчетам китайских специалистов, примерно 15—20 %. Это, однако, приведет к повышению нормы рентабельности, исчисляемой по стоимости фондов, лишь до 4 %, что значительно ниже среднего по стране показателя рентабельности даже для осуществления простого воспроизводства. Для сравнения можно привести следующие данные. Если в военной промышленности норма рентабельности, исчисляемая по себестоимости, составляет 5 %, то в нефтяной промышленности — 79,9, электронной — 72,55, машиностроении — 21,30, угольной — 18, текстильной — 16 % и так далее. При этом в рамках военных отраслей промышленности также существует значительная разница в уровне рентабельности. Так если в 1981 г. в электронной промышленности норма рентабельности, исчисляемая на основе себестоимости, составила 19,7 %, а исчисляемая на основе первоначальной стоимости основных фондов — 4,3 %, то в промышленности вооружений соответственно — лишь 4 и 1 %<sup>16</sup>.

До последнего времени в Китае предпринимались различные попытки совершенствования системы ценообразования на военную продукцию. Например, еще в 1962 г. Госсовет принял решение о том, что цены, установленные на военную продукцию, должны оставаться неизменными на протяжении трех лет. Однако уже в 1963 г. Государственный комитет цен, ссылаясь на необходимость значительного снижения себестоимости, экономии военных расходов и быстрого наращивания объемов производства, отменил это положение, вернувшись к системе ежегодного пересмотра цен. После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва в 1980 г. государство предприняло ряд мер, которые резко обострили проблему цен и ценообразования на военную продукцию, которая оказалась не только ниже среднеотраслевой по промышленности в целом

(13 %), но даже ниже, чем в тяжелой (наименее рентабельной) промышленности (10 %).

Цены на военную продукцию должны увеличиваться не только за счет роста закладываемой в них нормы рентабельности, но и за счет увеличения нормы амортизации, пропорционального включения в издержки производства затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и затрат предприятия на обслуживание техники после ее реализации. Другим направлением в ценообразовании должно стать установление единой средней цены на одинаковую продукцию и разработка методов регулирования рентабельности, не затрагивающих цены. Необходима также разработка временных цен для этапов опытного производства продукции. В целом в области ценообразования на военную продукцию Китай стоит еще только в преддверии реформы, на этапе, когда многие ее аспекты не решены даже теоретически.

### Первоначальные результаты и выводы

Хозяйственная реформа в военной промышленности Китая находится еще в начале пути. Однако уже сегодня можно говорить об ее определенных успехах, что помогает стране решать кардинальные задачи, связанные с ускорением социально-экономического развития страны на основе сбалансированного роста народного хозяйства и повышения экономической эффективности общественного производства.

За годы осуществления политики соединения военного и гражданского производства как основной формы «втягивания» военной экономики в систему новых экономических отношений, формируемых реформой, объем производства продукции гражданского назначения на предприятиях кадровой военной промышленности, которых насчитывается более 400<sup>17</sup>, резко увеличился. Заметно улучшились экономические показатели.

За 1980—1985 гг., то есть за годы шестой пятилетки, несмотря на резкое снижение государственных заказов на военную продукцию, общий объем производства на предприятиях бывшего Министерства вооружений увеличился с 2,61 до 5,2 млрд. юаней. При этом производство продукции гражданского назначения в 1985 г. составило 2,23 млрд. юаней (33,4 % валовой продукции отрасли) и возросло по сравнению с 1980 г. в 3,2 раза. Производительность труда в отрасли за пять лет повысилась на 67,8 %, а объем полученной прибыли в 3,3 раза превзошел всю прибыль, полученную отраслью за предшествовавшие 30 лет<sup>18</sup>. В 1986 г. валовая продукция отрасли увеличилась до 6,078 млрд. юаней, продукция гражданского назначения составила 2,4 млрд. юаней. При этом было произведено на 2,63 млрд. юаней продукции на экспорт. Таким образом, в структуре производства отрасли удельный вес продукции гражданского назначения составил 40 %, примерно столько же продукции было произведено на экспорт и лишь 20 % пошло на удовлетворение внутренних военных потребностей<sup>19</sup>.

Столь же заметные изменения произошли и в авиационной промышленности. В течение 5 лет (1981—1985) среднегодовые темпы прироста продукции гражданского назначения составили 33,9 %, а удельный вес ее в валовой продукции отрасли увеличился с 16,3 % в 1980 г. до 40,1 % в 1985 г. Общий объем прибыли за шестую пятилетку удвоился и превзошел весь объем прибыли, полученной отраслью за 28 предшествовавших лет. В 1984 г. отрасль из избыточной превратилась в прибыльную. Валовая продукция за 5 лет удвоилась, при этом производительность труда увеличилась на 56 %<sup>20</sup>. Динамика основных показателей работы отрасли видна из таблицы:

Таблица

Динамика основных показателей развития  
авиационной промышленности КНР (по пятилеткам), %

	Численность рабочих и слу- жащих на конец пятилетки	Металлорежущее оборудование на конец пятилетки	Капиталовложения в капитальное строительство	Валовая продук- ция	Удельный вес продук- ции гражд- данского назначения	При- быль
1952—1956	100	100	100	100	9	100
1957—1962	179	236	121	279	31	414
1963—1965	210	273	55	236	8	256
(период «уре- гулирования»)						
1966—1970	310	345	100	749	4	129
1971—1975	378	455	137	1116	5	257
1976—1980	436	491	101	1264	9	829
1981—1985	472	500	87	1758	30	1786

Рассчитано по: «Чжунго цзинцзи няньцзянь — 1986». Пекин, 1986, с. VI—84.

В 1986 г. удельный вес гражданской продукции в авиационной промышленности поднялся до 60 %. Китай впервые вышел со своими самолетами на мировой рынок. Отрасль в настоящее время испытывает экономические трудности. Хотя по сравнению с 1985 г. производство гражданской продукции и увеличилось на 20 %, но это не смогло компенсировать уменьшение государственных заказов со стороны военных ведомств, повышения на 30 % цен на сырье и как следствие роста себестоимости на 9,38 %. В результате в 1986 г. объем валовой продукции отрасли упал на 19 %, а прибыль — на 61,8 %<sup>21</sup>. Все это поставило перед отраслью проблему дальнейшего наращивания производства гражданской продукции и продукции на экспорт.

Подобные же проблемы стоят и перед космической и атомной промышленностью, валовая продукция первой за годы шестой пятилетки увеличилась на 42 %, в том числе производство продукции гражданского назначения — в 2,6 раза, прибыль возросла на 20 %, а производительность труда — на 38 %<sup>22</sup>. Однако в 1986 г. началось снижение эффективности, прибыльности, возросла себестоимость вследствие тех же причин, что и в авиационной промышленности.

За годы шестой пятилетки производство продукции военного назначения в атомной промышленности упало на 25 %, а гражданского назначения возросло на 189 %. Удельный вес последней в валовой продукции поднялся с 5 до 16,25 % в 1985 г. и до 28 % в 1986 г. Однако рост гражданской продукции не компенсировал падения производства продукции военного назначения, и общий объем производства в атомной промышленности в этой пятилетке (при снижении на 0,5 млрд. юаней капиталовложений) по сравнению с пятой упал, хотя прибыль при этом возросла на 48 %<sup>23</sup>.

Анализ первых результатов хозяйственной реформы в военной промышленности КНР показывает, что, во-первых, произошла рационализация структуры народного хозяйства, выразившаяся в уменьшении доли военной экономики в производстве, финансировании и капитальных вложениях в целом по стране. Во-вторых, успешно внедряется система «сочетания военного и гражданского производства», что позволило:

1) ввести военную промышленность в русло осуществляемой ныне в Китае реформы экономической системы и обеспечить материальную базу для углубления этой реформы в военной промышленности;

2) заметно снизить негативное воздействие военной промышленности на

эффективность общественного производства;

3) относительно (а в ряде случаев и абсолютно) снизить затраты государственного бюджета на национальную оборону за счет роста самофинансирования военных предприятий;

4) более полно использовать производственный и научный потенциал военных и гражданских отраслей для взаимного обогащения, ускорения научно-технического прогресса и значительного увеличения выпуска необходимой народному хозяйству продукции на основе уже имеющихся возможностей и трудовых ресурсов;

5) за счет более полной загрузки ускорить цикл обновления основных фондов военной промышленности;

6) поднять уровень мобилизационных возможностей военной и гражданской промышленности.

Положительный эффект ожидается от введения контрактной системы на разработку и производство оружия и вооружения.

Вместе с тем уже начальный этап реформы выявил и целый ряд больших проблем. Во-первых, это трудности, вытекающие из специфики военного производства и связанные с созданием системы управления, сочетающей в себе плановое и рыночное начало при определяющей роли плана. Во-вторых, неразработанность теории и практики ценообразования на военную продукцию на базе общественно необходимых затрат труда. Определение общественной стоимости военной продукции при фактической изоляции ее от рынка весьма проблематично. В-третьих, из-за низкого уровня хозяйствования, низкой эффективности производство гражданской продукции для многих предприятий оказалось убыточным. В то же время в ряде случаев гражданская продукция военных предприятий вытесняет продукцию местных предприятий, приводит их к разорению. Есть, разумеется, множество и других острых проблем, причем некоторые из них порождаются уже ходом самой реформы. И это естественно, поскольку идеальных решений в экономике, видимо, не существует.

<sup>1</sup> См.: Чжунго тунцзи чжайяо — 1987. Пекин, 1987, с. 77—78.

<sup>2</sup> Гофан цинцзиское лунь вэньцзи. Пекин, 1986, с. 304.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Районы «третьей линии обороны» — территория, охватывающая (в разной степени) десять внутренних провинций Юго-Западного, Центрального-Южного и Северо-Западного Китая. В 1965—1975 гг. — место форсированного военно-экономического строительства с целью создания здесь тыловой военно-стратегической базы.

<sup>5</sup> См.: «Данши яньцзю», 1986, № 3, с. 19.

<sup>6</sup> См.: Гофан цинцзиское лунь вэньцзи, с. 303—304.

<sup>7</sup> См.: Чжунго цинхуа гуаньли вэньти. Пекин, 1984, С. 347—349.

<sup>8</sup> См.: там же, с. 148—149.

<sup>9</sup> См.: «Хунци», 1987, № 7.

<sup>10</sup> См.: Чжунго цинцзи няньцзянь — 1987. Пекин, 1987, с. 11—15.

<sup>11</sup> См.: «Гуанмин жибао», 28.III.1987.

<sup>12</sup> См. там же, 23.III.1987.

<sup>13</sup> См.: «Жэньминь жибао», 3.XII.1986.

<sup>14</sup> См. там же, 6.III.1987.

<sup>15</sup> См.: Гофан цинцзиское лунь вэньцзи, с. 243.

<sup>16</sup> См. там же, с. 265.

<sup>17</sup> In: «Beijing Review», 3.VIII.1987, p. 14.

<sup>18</sup> См.: Чжунго цинцзи няньцзянь — 1986. Пекин, 1986, с.

<sup>19</sup> См.: Чжунго цинцзи няньцзянь — 1987, с. VI—82. VI—110.

<sup>20</sup> См.: Чжунго цинцзи няньцзянь — 1986, с. 83—85.

<sup>21</sup> См.: Чжунго цинцзи няньцзянь — 1987, с. VI—75—76.

<sup>22</sup> См.: Чжунго цинцзи няньцзянь — 1986, с. VI—83—85.

<sup>23</sup> См.: там же, с. VI—121.

---

## Как накормить миллиард

---

*В. И. ПОТАПОВ,  
кандидат экономических наук*

**В** стране с более чем миллиардным населением решение продовольственной проблемы — чрезвычайно трудное дело. Для Китая эта проблема является вековой. Несмотря на известные успехи в 50-е гг., в целом задача снабжения населения продовольствием до начала 80-х гг. оставалась центральной, самой острой и, казалось, неразрешимой. Каковы были при этом направления деятельности государства?

Кратко рассмотрим, как пытались в тот период разрешить продовольственную проблему, прежде всего проблему производства зерна, составляющую основу развития других отраслей сельского хозяйства.

Следует иметь в виду, что для развития зернового хозяйства в стране имеются довольно благоприятные почвенно-климатические условия, которые позволяют выращивать разнообразные зерновые культуры — от теплолюбивых и высококачественных, каким является, например, рис, до грубых зерновых (гаолян, овес, кукуруза и т. п.)<sup>1</sup>.

Сравнительно длительный безморозный и продолжительный солнечный период, обилие влаги позволяют в южных районах страны выращивать два урожая зерновых в год, в районах средней полосы — по три урожая в два года. Вместе с тем неравномерное распределение осадков оказывает неблагоприятное влияние на развитие производства зерна. Довольно часто обширные районы подвергаются серьезным стихийным бедствиям — засухе или наводнению, которые наносят большой ущерб зерновому хозяйству.

Накануне образования КНР положение в зерновом хозяйстве оставалось крайне напряженным. В 1949 г. в стране было собрано всего 113,2 млн. т зерна, или на 24,5 % меньше, чем в 1936 г. (год максимального производства зерновых в старом Китае, когда их урожай достиг 150,0 млн. т). В 1949 г. производство зерна в расчете на душу населения составило только 209 кг вместо примерно 280 кг в 1939 г. В связи с этим главная задача зернового хозяйства в восстановительный период (1950—1952) состояла в том, чтобы добиться довоенного уровня производства зерна.

За годы восстановления народного хозяйства этот уровень был достигнут и даже превышен. Решающую роль в этом сыграло успешное осуществление аграрной реформы. В 1952 г. валовой сбор зерна увеличился до 163,9 млн. т, превысив уровень 1949 г. на 44,7 %. Рост был достигнут главным образом благодаря повышению урожайности.

Необходимо подчеркнуть, что после образования КНР потребность страны в зерне и зернопродуктах начала быстро расти. Это было связано с ростом населения, в том числе несельскохозяйственного, а также крайне низким уровнем подушевого потребления зерна и зернопродуктов в прошлом. Острая нехватка продовольствия, особенно зерна, продолжала оказывать негативное влияние на экономическое и социальное развитие страны.

В годы первой пятилетки (1953—1957) закладывались основы для дальнейшего развития зернового производства. Этот период явился одним из важнейших этапов в решении зерновой проблемы. Государством были выделены крупные средства на ирригационное строительство, повышены закупочные цены на зерно; возросли поставки в деревню минеральных удобрений, семян, сельскохозяйственных орудий и инвентаря, ядохимикатов и т. д. Площадь орошаемых земель, например, увеличилась на 14 млн. га и достигла к концу пятилетки примерно 35 млн. га. За это время было освоено 5,5 млн. га целинных земель. В результате принятых мер значительно возросли посевы зерновых, несколько повысилась их урожайность. С 1952 по 1957 г. посевы зерновых расширились на 9,7 млн. га и достигли 133,6 млн. га, а урожайность повысилась соответственно с 13,2 до 14,7 ц с га. В 1957 г. было собрано около 195 млн. т зерна, что превзошло уровень 1952 г. на 19 %.

В годы первой пятилетки темпы прироста производства зерна были несколько выше темпов прироста населения. Это соотношение составляло 3,8 и 2,4 %. В результате производство зерна в расчете на душу населения в конце пятилетки достигло 360 кг — на 18 кг больше, чем в 1952 г.

Если же исключить из валовых сборов зерна соевые бобы, батат и картофель, то чистого зерна в 1957 г. было произведено 163,1 млн. т, а в расчете на душу населения — 252 кг. Существенная разница — 49,5 кг — приходится в основном на батат и картофель. Рост чистого зерна в расчете на душу населения за пятилетие составил всего 12 кг<sup>2</sup>.

Достигнутый уровень производства зерновых тем не менее лишь смягчил остроту продовольственной проблемы и не мог удовлетворить растущие потребности населения в зерне и зернопродуктах. В 1954 г. государство начало осуществлять контрактацию зерновых и других видов основных сельскохозяйственных культур, а в 1955 г. Госсоветом КНР была введена система централизованных плановых закупок зерна и нормированного снабжения населения зерном и зернопродуктами. Осуществление этих мероприятий позволило государству рационально распределять зерно.

В конце первой пятилетки китайским руководством были разработаны «Основные положения плана развития сельского хозяйства КНР на 1956—1967 гг.» В решениях VIII Всекитайского съезда КПК (1956) указывалось, что «за вторую пятилетку необходимо в первую очередь обеспечить рост производства зерна, чтобы дать толчок развитию сельского хозяйства в целом»<sup>3</sup>.

Во второй пятилетке валовые сборы зерновых должны были значительно увеличиться и достигнуть в 1962 г. 250 млн. т (включая сою), то есть превысить уровень 1957 г. на 35 %. Среднегодовой прирост урожая этих культур должен был достичь примерно 6 % вместо 3,7 % в годы первой пятилетки. Еще более быстрый рост зерновых намечался в годы третьей пятилетки: среднегодовой прирост должен был составить 7,6—8,5 %, а валовой сбор зерна в 1967 г.—360—375 млн. т (без сои)<sup>4</sup>. С ростом валового сбора предполагалось довести производство зерна в расчете на душу населения уже в 1967 г., т. е. за десять лет, до 500 кг, или превысить уровень 1957 г. почти на 28 %.

Однако намечаемым планам не суждено было осуществиться. Политика «большого скачка» и народных коммун оказала крайне неблагоприятное влияние на дальнейшее развитие зернового хозяйства, привела к резкому сокращению сбора зерна и других продовольственных культур. С 1957 по 1962 г. производство зерна снизилось на 35 млн. т и составило в 1962 г. всего 160 млн. т. Значительно сократились посевные площади под зерновыми, уменьшилась их урожайность. Упал жизненный уровень

населения, крестьяне не были заинтересованы в ведении коллективного хозяйства.

Учитывая тяжелое продовольственное положение в стране, китайское правительство вынуждено было прибегнуть в 60-е гг. к закупкам зерна за границей. За период с 1961 по 1965 г. его ежегодный импорт (в основном пшеницы) составлял в среднем около 5,5 млн. т. Ввозимое зерно направлялось главным образом на снабжение населения крупных приморских городов. На импорт зерна ежегодно расходовалось 300—350 млн. ам. долл.<sup>5</sup>

В начале 60-х гг., в обстановке кризисного состояния экономики, были предприняты меры по восстановлению и дальнейшему развитию сельскохозяйственного производства. Особое внимание уделялось зерновому хозяйству. В 1960—1962 гг. на различных совещаниях обсуждались проблемы экономики и возможности выхода сельского хозяйства из кризисного состояния. В 1960 г. была принята «Директива о необходимости всей партии взяться широким фронтом за сельское хозяйство и продовольствие». Крестьянам разрешили заниматься подсобным хозяйством, разводить свиней и птицу, возвращали домашнее имущество. Вновь открылись сельские рынки, началась перестройка народных коммун. Основной хозяйственной единицей стала производственная бригада. Реорганизация народных коммун, возвращение крестьянам приусадебных участков, возврат, хотя и не полностью, к принципу материальной заинтересованности, увеличение производства, импорта и поставок в деревню минеральных удобрений, техники, расширение ирригационного строительства и другие меры, а также напряженные усилия тружеников деревни позволили к 1965 г. в основном ликвидировать последствия политики «большого скачка», восстановить зерновое хозяйство до уровня 1957 г. В 1965 г. в стране собрано 195 млн. т зерновых. Этот рост был обеспечен за счет повышения урожайности (до 16,4 ц с га, или на 3,2 ц с га больше, чем в 1962 г.), посевные площади под зерновыми даже несколько сократились.

Начавшаяся в 1966 г. «культурная революция» в меньшей степени, чем промышленность, затронула сельское хозяйство, хотя, безусловно, оказала неблагоприятное влияние на темпы его развития. С середины 60-х гг. и до 1978 г. наблюдалось стабильное снижение темпов роста зернового производства. Если за 1966—1970 гг. урожай зерновых ежегодно возрастал на 4,6 %, то в 1971—1975 гг. этот показатель снизился до 3,7 %, а в 1976—1977 гг. производство зерна не увеличивалось.

Во второй половине 60-х гг. и в 70-х гг. Китай продолжал осуществлять импорт зерна. Так, в 1970 г. он составил 5,4 млн. т, в 1978 г.— 8,8, в 1980 г.— 13,4 млн. т<sup>6</sup>. Вместе с тем было очевидно, что проблему обеспечения зерном огромного населения страны необходимо решать за счет активного использования имеющихся внутренних ресурсов, а не путем импорта.

Важным событием в истории Китая, особенно в развитии народного хозяйства, явился 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (1978). На пленуме и после него уделялось большое внимание вопросам развития сельского хозяйства, новым формам и методам хозяйствования. Экономическая политика КПК в деревне была направлена на то, чтобы без существенных дополнительных государственных ассигнований, опираясь главным образом на новые формы организации самого сельскохозяйственного производства, добиться значительного увеличения выпуска сельскохозяйственной продукции. Такой формой стала система производственной ответственности, внедрение почти повсеместно семейного (дворового) подряда.

В первой половине 80-х гг. зерновое хозяйство продолжало развиваться быстрыми темпами. Следует подчеркнуть, что уже в 1979 г. производство зерна стало быстро набирать темпы. Так, валовой его сбор в 1979 г. достиг

332 млн. т и превысил уровень 1977 г. на 17,3 %. С 1980 по 1984 г., когда был собран самый высокий урожай зерновых за всю историю КНР, производство зерновых возросло на 86 млн. т, то есть примерно на 28 %. Ежегодные темпы роста производства этих культур составляли в среднем около 14,5 %. В 1984 г. в стране было собрано 407,3 млн. т зерна, или 396 кг в расчете на душу населения<sup>7</sup>. Это значительно подняло уровень потребления зерна (необрушенного) на одного человека: со 195 кг в 1978 г. до 254 кг в 1984 г.<sup>8</sup> Если же из урожая зерновых исключить батат и картофель (28,5 млн. т), то на долю зерна приходилось 378,8 млн. т, или примерно 368 кг в расчете на душу населения. В последующие годы валовые сборы зерновых были ниже уровня 1984 г.: в 1985 г. — 379,1 млн. т, в 1986 г. — 391,1 млн. т, в 1987 г. — 402,4 млн. т<sup>9</sup>.

С ростом урожая зерновых культур начал сокращаться их импорт. Если в 1981 и 1982 гг. он составлял соответственно 14,8 и 16,1 млн. т, то уже в 1984 г. — 10,4, а в 1986 г. — 7,7 млн. т (причем на долю пшеницы в указанные годы приходилось соответственно 13,1, 13,5, 10,0 и 6,1 млн. т)<sup>10</sup>.

Наряду с импортом Китай осуществлял в 60-х и 70-х гг. в сравнительно небольших количествах (1—3 млн. т) экспорт зерновых, главным образом риса, соевых бобов, кукурузы и ячменя. С 1984 г. вывоз зерна значительно увеличился. По данным Главного таможенного управления КНР, экспорт зерна составил в 1984 г. 3,2 млн. т, в 1985 г. — 9,3 млн. т, в 1986 г. — 9,4 млн. т<sup>11</sup>. Зерно с 1985 г. Китай только экспортирует.

Следует подчеркнуть, что валовые сборы зерновых увеличились лишь за счет повышения урожайности (при сокращении посевных площадей под ними). Если посевы зерновых в 1980 г. равнялись 117,2 млн. га, то в 1986 г. они снизились до 111,0 млн. га. По сравнению же с 1978 г. они сократились на 9,6 млн. га. Урожайность же зерновых с одного гектара возрастала за этот период следующим образом: в 1978 г. она достигла 25,4 ц, в 1980 г. — 27,5 и в 1986 г. — 35,2 ц, т. е. выросла на 9,8 ц. Причем более быстрыми темпами повышалась урожайность таких ценных культур, как рис, пшеница и кукуруза.

Росту производства зерна способствовало повышение государственных закупочных цен на зерновые культуры. В 1979 г. цены были повышены на 20 %, а на зерно, закупаемое сверх плана, — еще на 50 %. Крестьяне получили право остающееся после продажи государству зерно потреблять или продавать на сельских рынках, где цены в 2—3 раза выше закупочных. За пять лет (1981—1985) закупочные цены на зерно возросли на 43,2 %. В 1985 г. централизованные заготовки и сверхплановые закупки были заменены системой контракций, которая предусматривает сокращение доли зерна, закупаемого по низким ценам государством, и, соответственно, увеличение роли свободного рынка.

С ростом доходов сельского населения в деревне значительно больше стали применяться минеральные удобрения и сельскохозяйственная техника. Например, с 1978 по 1986 г. использование минеральных удобрений в земледелии возросло с 8,8 до 19,3 млн. т (в пересчете на 100 % действующего вещества). В 1986 г. на 1 га пашни вносилось примерно 200 кг таких удобрений (в 1979 г. — 88,5 кг)<sup>12</sup>. Значительно возросло количество небольших и ручных тракторов — с 1,4 млн. до 4,5 млн.<sup>13</sup>, увеличилось также потребление электроэнергии.

В зерновом хозяйстве стало больше уделяться внимания использованию передовых достижений отечественной и зарубежной агронауки и агротехники. По сообщению китайской печати, за истекшие пять лет в результате внедрения передовых агротехнических методов в стране было дополнительно собрано 100 млн. т зерна. Одним из важнейших достижений явилось внедрение



в растениеводство различных гибридных сортов риса, дающих во многих районах страны высокие урожаи. В 1986 г., например, под этими сортами было занято 8,9 млн. га, что составило около 28 % от общей посевной площади под рисом. Для широкого распространения агротехнических знаний на селе в каждом из 2300 уездов страны организованы специальные школы, в которых крестьяне проходят подготовку. В 1986 г., например, на различных курсах обучалось около 36 млн. человек.

Росту заинтересованности крестьян в улучшении плодородия пахотной земли способствует решение китайского правительства продлить срок аренды земли с 3—5 лет до 15 и более лет (в некоторых районах — до 30).

Как показала практика последних лет, внедрение новой системы организации труда в сельском хозяйстве — семейного (дворового) подряда — позволяет в определенных пределах без существенного изменения материально-технической базы производства повысить его эффективность. Однако уже в 1984 г. китайская печать предупреждала, что во многих районах добиться роста сельскохозяйственного производства, опираясь лишь на повышении интенсификации труда крестьян, становится невозможным.

Кроме того, внедрение семейного (дворового) подряда, не обеспеченного в должной мере материально-технической базой, обнаруживает и его негативные стороны. Это находит, например, выражение в трудностях проведения работ, требующих больших коллективных усилий, которые всегда имели в китайском сельском хозяйстве огромное значение. Речь идет в первую очередь об ирригационном строительстве в больших масштабах, о борьбе со стихийными бедствиями (наводнениями, засухой, нашествием вредителей и болезнями растений), об эффективном использовании современной сельскохозяйственной техники.

Иными словами, закрепить имеющиеся достижения и повысить валовые сборы зерновых культур в ближайшей перспективе, видимо, невозможно без крупных капитальных вложений в зерновое хозяйство. До настоящего времени оно продолжает в основном базироваться на ручном труде и тягловой силе скота. В деревне остро не хватает комбайнов, рисопосадочных и других сельскохозяйственных машин, тракторов и прицепных орудий, ирригационного оборудования, грузовиков и т. п. Имеющаяся на селе техника часто простаивает из-за острого дефицита запасных частей, горючего и т. д.

Одной из серьезных причин, отрицательно повлиявших на развитие зернового производства, явилось сокращение посевных площадей под зерновыми культурами. На эту негативную тенденцию было обращено внимание на состоявшемся в конце 1981 г. совещании первых секретарей провинциальных парткомов, а затем и на Всекитайской партийной конференции (1985). На совещании и конференции подчеркивалось, что сокращение посевов зерновых может оказать неблагоприятное влияние не только на развитие зернового, но и всего сельского хозяйства. Особенно заметное сокращение посевов произошло под высокоурожайными культурами: бататом и картофелем (на 26,4 %), рисом (на 6,3 %) и кукурузой (на 4,2 %). Правда, за этот период несколько расширились посевы пшеницы (на 1,5 %) и соевых бобов (на 16,1 %). Однако это не оказало большого влияния на рост валового сбора зерна в целом.

Сокращение посевных площадей объясняется рядом причин: широким жилищным и другим строительством в деревне, отведением площадей под технические культуры, выращивание которых значительно выгоднее крестьянам, оттоком из зернового хозяйства рабочей силы в другие несельскохозяйственные сферы производства — сельскую промышленность, торговлю, сферу обслуживания, подсобные промыслы и т. п., где доходы значительно выше.

Дальнейшее сокращение посевных площадей под зерновыми, безусловно, отрицательно скажется на росте валовых сборов зерна в ближайшей перспективе и осложнит решение зерновой проблемы в стране. Поэтому в КНР принимаются серьезные меры для сохранения и возможного расширения посевных площадей под этими культурами.

В частности, в июне 1986 г. ПК ВСНП был принят Закон о землепользовании, который вступил в силу с 1 января 1987 г. В нем установлен целевой характер пользования землей для занятий растениеводством, животноводством, лесоводством, рыболовством. Намечены меры, направленные на усиление охраны имеющихся пахотных земель и контроля по предупреждению их изъятия под промышленное и другое строительство. Например, при изъятии для целей строительства пахотной земли площадью более 60 га требуется разрешение Госсовета КНР. Уездные народные правительства обладают правом разрешать использование пахотных земель площадью до 0,2 га<sup>14</sup>. Затем Госсовет КНР принял решение о выделении ассигнований на проведение ряда мероприятий по освоению новых и улучшению уже имеющихся пахотных земель на равнинах рек Хэйлуницзян, Сунхуа и Усули на северо-востоке страны, а также в бассейне рек Хуанхэ, Хуайхэ и Хайхэ в Северном Китае. К 1990 г. в этих районах намечается улучшить около 14 млн. га низкоурожайных и освоить 670 тыс. га целинных земель. Предполагается, что завершение этой программы позволит дополнительно получить более 50 млн. т. зерновых культур и другой сельскохозяйственной продукции<sup>15</sup>.

Следует также отметить, что существующая система ценообразования на сельскохозяйственную продукцию, в первую очередь на зерно, требует дальнейшего совершенствования. Несмотря на повышение закупочных цен, доходы крестьян, занятых в зерновом производстве, значительно ниже доходов крестьян, занятых производством другой сельскохозяйственной продукции. Примером могут служить результаты выборочного обследования примерно 28,5 тыс. дворов 293 деревень в различных провинциях страны, которое проводилось в начале 1987 г. Согласно данным этого обследования, чистый доход каждого занятого в зерновом хозяйстве был в среднем на 92 юаня ниже, чем в лесном хозяйстве, на 141 юань ниже, чем в рыбоводстве и на 267 юаней ниже, чем в животноводстве<sup>16</sup>. В провинции Цзянсу в 1985 г. чистый доход, получаемый крестьянами с 1 му (1 му=1/15 га) пашни от выращивания зерновых культур, составил 55,7 юаня, масличных культур — 64,6 юаня, волокнистых — 231,9 юаня и овощей — 323,4 юаня<sup>17</sup>. Другой пример. В провинции Хунань чистый доход с аналогичного участка пашни составил от выращивания риса 135 юаней, хлопка — 214, джута и кенафа — 216, сахарного тростника — 839 юаней<sup>18</sup>.

Негативное влияние на производство зерна оказывает повышение цен на средства производства. В 1984 г. на 22 вида средств производства, используемых в сельском хозяйстве, цены по сравнению с 1983 г. были повышены в среднем на 8,9 %; возросли цены на воду, электроэнергию, увеличился сельскохозяйственный налог. В результате этого расходы крестьян увеличились на 10 с лишним млрд. юаней, а себестоимость производства зерна с 1 му возросла в среднем на 6,75 юаня<sup>19</sup>. В связи с этим решение зерновой проблемы продолжает оставаться еще очень сложной задачей. По плану среднегодовой валовой сбор зерновых в 1986—1990 гг. должен составить 415 млн. т, то есть превысить уровень предыдущей пятилетки на 12 %. В 1990 г. предполагается собрать 425—450 млн. т зерновых<sup>20</sup>. При урожае зерна в 450 млн. т его производство в расчете на душу населения должно достичь примерно 400 кг или остаться на уровне 1984 г. (В Китае предполагают, что население страны в 1990 г. не превысит 1125 млн. человек.)

По ранее осуществленным расчетам китайских экономистов, для решения в основном зерновой проблемы в Китае необходимо довести производство зерна в расчете на душу населения до 750 кг в год<sup>21</sup>, то есть превысить планируемый на 1990 г. уровень на 87,5 %.

---

<sup>1</sup>В зерновые культуры китайская статистика включает соевые бобы, а также батат и картофель. Последние две культуры берутся в пересчете на зерно по соотношению: 5 кг батата или картофеля соответствуют 1 кг зерна (далее батат и картофель приводятся в пересчете на зерно по указанному соотношению).

<sup>2</sup>См.: Сельское хозяйство КНР, 1949—1974. М., 1978, с. 262.

<sup>3</sup>Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956, с. 492.

<sup>4</sup>См.: Сельское хозяйство КНР, 1949—1974, с. 263.

<sup>5</sup>См.: Чжунго тунци няньцзянь — 1986. Пекин, 1987, с. 180.

<sup>6</sup>См.: Чжунго тунци няньцзянь — 1985. Пекин, 1986, с. 517.

<sup>7</sup>См.: Чжунго тунци няньцзянь — 1986. Пекин, 1987, с. 180, 198.

<sup>8</sup>См.: там же, с. 687.

<sup>9</sup>См.: «Жэньминь жибао», 24.II. 1988.

<sup>10</sup>См.: Чжунго тунци няньцзянь — 1985, с. 517; Чжунго тунци няньцзянь — 1986, с. 600.

<sup>11</sup>См.: Чжунго тунци няньцзянь — 1985, с. 501; Чжунго тунци няньцзянь — 1986, с. 597.

<sup>12</sup>Рассчитано по: Чжунго тунци няньцзянь — 1986, с. 6, 139; «Жэнькоу яньцзю», 1985, № 5, с. 21.

<sup>13</sup>См.: Чжунго тунци няньцзянь — 1986, с. 137.

<sup>14</sup>См.: «Го уюань чуньбао», 1986, № 7, с. 25.

<sup>15</sup>Ип.: «Beijing Review», 1988, № 6, р. 4.

<sup>16</sup>См.: «Жэньминь жибао», 28.XII. 1987.

<sup>17</sup>См.: «Нунъе цзинци вэньти», 1986, № 11, с. 37.

<sup>18</sup>См.: «Цзинци жибао», 29.XII. 1987.

<sup>19</sup>См.: «Дили чжиши», 1987, № 6, с. 3.

<sup>20</sup>См.: «Гуанмин жибао», 15.IV. 1986.

<sup>21</sup>Основные положения плана развития сельского хозяйства КНР на 1956—1967 гг. Пекин, 1960, с. 49 (на кит. яз.).

# Транспорт на хозрасчете

С. Л. САЗОНОВ

Состоявшийся в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва разработал масштабную реформу экономической системы, в реализации которой ведущая роль отводится транспорту.

Было определено, что сбалансированность отраслевой структуры народного хозяйства возможна лишь на основе приоритетного развития инфраструктуры экономики, прежде всего транспорта и особенно наиболее значимых для народного хозяйства его видов — водного, автомобильного и железнодорожного. В КНР полагают, что удельный вес капиталовложений в отрасль должен составлять в будущем 18—20 % от общего объема государственных инвестиций в народное хозяйство.

Реформа железнодорожного транспорта началась с реорганизации структуры управления железных дорог. На первом ее этапе, в 1983 г., было ликвидировано семь из двадцати железнодорожных управлений. На втором этапе произошли изменения в системе планирования транспортными процессами.

Стержнем реформы стала система производственной ответственности, которая строится на принципе сочетания самостоятельности и материальной заинтересованности предприятий отрасли в результатах своей деятельности. После утверждения Госсоветом КНР 31 марта 1986 г. проекта системы подрядной ответственности она была в опытном порядке введена Гуанчжоуским, Урумчинским и Лючжоуским управлениями. Опыт оказался положительным, и к 15 декабря 1987 г. все управления перешли на этот метод хозяйствования. Прежняя система управления («Общие доходы и расходы»), при которой вся прибыль Министерства железных дорог КНР изымались в госбюджет, сковывала инициативу предприятий, эффективность работы железнодорожного транспорта.

Согласно ныне внедряемой системе, предприятия Министерства железных дорог КНР всех уровней стали хозрасчетными, а отношения министерства с государством стали строиться на контрактной основе. В 1986 г. министерство заключило с Госсоветом КНР контракт, в котором на 5-летний период определяются производственные планы всех его подразделений, уточняются права и обязанности сторон; все нормативы носят стабильный характер, они не будут меняться до 1990 г.

Обязательства сторон следующие:

1) *Плановые показатели роста объема перевозок в 1986—1990 гг.* За этот период железные дороги должны перевезти 6,4 млрд. пассажиров, что на 23 % больше, чем за предшествующую пятилетку, а объем перевозок должен составить 7,1 млрд. т — на 22,4 % выше показателей предыдущей пятилетки. Эти показатели выполняются и перевыполняются.

2) *Показатели роста объема производства подвижного состава.* По контракту 34 завода в течение 1986—1990 гг. должны выпустить

2600 дизельных локомотивов и 830 электровозов, 116 тыс. грузовых и 10 860 пассажирских вагонов.

За прошедшие два года ежегодный прирост производства подвижного состава этой категории составил соответственно 29, 32, 14 и 9 %<sup>1</sup>;

3) *Показатели развития инфраструктуры.* Контрактом предусматривается строительство 3300 км вторых путей, электрификации 4000 км железнодорожных линий и реконструкция 3600 км магистралей<sup>2</sup>.

В течение 1986—1987 гг. было построено 892 км вторых путей, проложено 1181 км новых и электрифицировано 490 км железнодорожных линий. Развитие транспортной инфраструктуры, согласно контракту, должно обеспечить к 1990 г. рост пассажирских перевозок до 1,6 млрд. пассажиров, а грузовых — до 1,7 млрд. т (из которых перевозки угля из провинции Шаньси должны возрасти до 230 млн. т)<sup>3</sup>. В 1987 г. рост протяженности железнодорожных магистралей позволил увеличить ежедневное количество находящихся в обороте грузовых составов на 649 единиц, а пассажирских — на 57.

4) *Показатели объемов капиталовложений в железнодорожное строительство и производство подвижного состава.* Контрактом предусматривается, что после уплаты подоходного налога министерство в течение седьмой пятилетки израсходует 43,3 млрд. юаней на развитие инфраструктуры железнодорожного транспорта и строительство подвижного состава. На эти цели в 1986 и 1987 гг. было израсходовано 18,3 млрд. юаней — на 24,1 % больше, чем в 1984 и 1985 гг. Значительно повысилась эффективность этих капиталовложений. В 1987 г. стоимость строительства шести важнейших объектов снизилась с 6 млрд. до 4,5 млрд. юаней<sup>4</sup>.

5) *Распределение доходов.* В прошлом 85 % прибыли министерства изымалось в бюджет. Теперь министерство выплачивает ежегодно государству 5 %-й подоходный налог, вся остальная прибыль используется на развитие инфраструктуры, увеличение и обновления подвижного состава, выплату премий и социальное страхование, распределяется между предприятиями для расширения производства<sup>5</sup>.

Введение системы производственной ответственности позволило значительно повысить доходы 3,2 млн. работников железнодорожного транспорта. В 1987 г. средняя заработная плата рабочего отрасли составила 1867 юаней в год, то есть увеличилась на 27,1 % по сравнению с уровнем 1985 г. За прошедшие два года министерство смогло вложить 1,87 млрд. юаней в строительство жилья для рабочих и служащих.

Согласно контракту, обязательства государства сводятся к следующему: Во-первых, оно гарантирует в срок и в нужном объеме снабжение предприятий министерства сырьем и материалами. Во-вторых, государство создает фонд свободно конвертируемой валюты для закупки зарубежной техники и технологии, а предприятия министерства наделены широкой автономией в решении вопросов использования этого импорта. В-третьих, управлениям железных дорог разрешено пользоваться банковскими кредитами по сниженным ставкам, причем при необходимости срок уплаты кредитов может быть продлен. В-четвертых, учитывая тот факт, что нынешние железнодорожные тарифы явно занижены, государство решило в ближайшем будущем провести их упорядочение в рамках «Государственного плана упорядочения цен на 1986-1990 гг.» В-пятых, в целях ускорения обновления подвижного состава, реконструкции путевого хозяйства норма амортизационных отчислений в отрасли увеличена с 3 до 5 %. В-шестых, основным показателем работы отрасли теперь считается не грузооборот в тонно-километрах, а количество перевезенных грузов (в тоннах). В расчете на тонно-километр устанавливаются такие показатели, как производи-

тельность труда, себестоимость перевозок и заработная плата рабочих и служащих.

Новая система хозяйствования обуславливает выполнение предприятиями железнодорожного транспорта всех заявок отправителей на перевозки и получение ими прибыли в прямой зависимости от качества выполненной работы. За несвоевременную доставку грузов заказчикам им возвращается до 60 % тарифной платы. За улучшение качества транспортного обслуживания железных дороги получают доплату.

Новым направлением развития системы производственной ответственности в отрасли стало учреждение Госсоветом КНР в январе 1984 г. Гуанчжоу-Шэньчжэньской железнодорожной компании, которая представляет собой экономически независимую от министерства организацию. Согласно контракту, компания должна за счет полученной от перевозок грузов и пассажиров прибыли осуществить электрификацию и уложить вторые пути на всем протяжении своего участка. Отчисления в бюджет (в 1983 г.) установлены в размере 20 млн. юаней с ежегодным возрастанием на 2,3 %, а вся остальная прибыль остается в распоряжении компании. В то же время в целях более активной мобилизации денежных ресурсов компании, ускорения развития ее инфраструктуры Госсовет КНР разрешил ей повысить транспортные тарифы на 50 % по сравнению с общенациональными тарифами. Прибыль компании в 1984 г. возросла против 1983 г. на 35 %, в 1985 — на 93, а в 1986 — на 135 %<sup>6</sup>. За четыре года компания завершила электрификацию всего участка дороги, проложила вторые пути, а общая пропускная способность участка повысилась на 50 %.

Большое значение в деле повышения эффективности работы железнодорожного транспорта в Китае придается развитию местных дорог.

Общая длина местных линий, построенных за последние два десятилетия, составляет около 6500 км. Из них около 2500 км имеют стандартную ширину, включены в государственную систему и находятся под контролем Министерства железных дорог, около 4000 км путей контролируются только местными органами власти. Они сконцентрированы в 11 провинциях, в 1986 г. по этим дорогам было перевезено 34 млн. т грузов и 12,2 млн. пассажиров<sup>7</sup>.

Нынешняя политика государства в области инвестирования строительства этих дорог направлена на мобилизацию денежных ресурсов местных властей всех уровней — им разрешено широко использовать банковский кредит на льготных условиях, привлекать иностранные капиталовложения. Государство разрешило отказаться от некоторых технических стандартов, установленных министерством, и местные власти создают собственные диспетчерские службы, используют старые рельсы, слабые по мощности локомотивы и маловместительные вагоны, снятые с государственных железных дорог. Стоимость 1 км местных путей составляет около 40 тыс. юаней — в десять раз меньше, чем государственных дорог. Эта сумма быстро окупается за счет роста спроса на перевозки грузов этими дорогами, в особенности в сельской местности. Предполагается, что к 1990 г. протяженность местных дорог составит 7 тыс. км, а к концу века — 10-12 тыс. км.

В целях координации работы по развитию местного железнодорожного транспорта в марте 1984 г. решением Госсовета была учреждена Ассоциация региональных железных дорог КНР, штаб-квартира которой располагается в уезде Саньшуй провинции Гуандун. Этот орган является неправительственной организацией и финансируется за счет средств местных железных дорог. Основная цель деятельности ассоциации заключается в разработке плана строительства дорог, обучении персонала и пропаганде и распространении передовой технологии.

Резкое увеличение производства сельскохозяйственной продукции после перехода деревни к системе подворного подряда, рост товарности крестьянских хозяйств, оживление товарообмена между городом и деревней породили значительную потребность в перевозках на короткие расстояния, которые в основном обеспечиваются **автомобильным транспортом**. Начиная с 1984 г. государство осуществляет комплекс мероприятий для развития этого вида транспорта. Сущность перехода к новой системе управления заключается в создании большого числа коллективных, частных и акционерных транспортных предприятий, обеспечивающих наряду с государственными основным объемом перевозок грузов в стране на короткие расстояния. В 1986 г. коллективными и частными транспортными предприятиями было перевезено 18 млн. т грузов, или 0,6 % от всего объема перевезенного груза транспортом КНР, грузооборот составил 53,2 млрд. т км, или 3 % всего грузооборота страны <sup>8</sup>.

С 1984 г. в Китае разрешено частным лицам и коллективным хозяйствам приобретать тракторы, легковые и грузовые автомобили и использовать личный транспорт в коммерческих целях, включая платные дальние перевозки. В 1984 г. более 130 тыс., а в 1986 г. уже 300 тыс. частных и находящихся в коллективной собственности автомобилей использовались их владельцами для перевозок грузов, в основном сельскохозяйственных. По сравнению с 1980 г. грузооборот автомобильного транспорта в 1984 г. удвоился — в основном благодаря использованию личных и коллективных транспортных средств.

В целях стимулирования создания коллективных и индивидуальных предприятий автомобильного транспорта, усиления конкуренции с 1986 г. провинциальные власти ввели систему льготного налогообложения автопредприятий. Так, в провинции Сычуань начиная с апреля 1986 г. этим предприятиям было разрешено отчислять государству лишь 3 % прибыли, в провинции Хубэй они были освобождены от налогов на весь 1986 г., а в Шанхае — на 3 года <sup>9</sup>.

Вторым направлением реформы отрасли явилась перестройка системы инвестирования в дорожное строительство. В начале 1984 г. Госсовет КНР принял решение о «трехъярусном» финансировании, согласно которому строительство государственных и межпровинциальных дорог будет обеспечиваться за счет средств Министерства коммуникаций, провинциальных дорог — за счет провинций и городов центрального подчинения, а местные автодороги будут сооружаться на средства уездных и волостных администраций, производственных бригад.

Хотя **внутренний водный (речной) транспорт** и является самым экономичным видом транспорта, однако, вследствие строительства с 1965 и 1980 гг. большого числа ирригационных сооружений без должного учета интересов транспорта, значительно сократилась протяженность внутренних судоходных путей (на 32 %), ухудшилось их качество. Сегодня, в условиях большой перегруженности железных дорог, предпринимаются усилия для развития внутренних водных магистралей как альтернативного способа дешевой транспортировки массовых грузов. С этой целью принято решение осуществить реформу управления судоходства по крупнейшим рекам — Янцзы, Хэйлуцзян (Амуру), Хуанхэ, Чжуцзян. Прежняя система административного деления рек приводила к тому, что несколько раз приходилось перегружать грузы с одного судна на другое даже при плавании по одной реке. В январе 1984 г. произошли преобразования в судоходстве на крупнейшей водной транспортной артерии страны — реке Янцзы (80 % грузооборота речного транспорта), учреждено пароходство бассейна реки Янцзы.

Проводятся мероприятия по разделению административных и хозяйственных функций управления крупнейших портов Янцзы, которые имеют двойное подчинение — Министерству коммуникаций и местным властям. Руководство сред-

ними и мелкими портами полностью возложено на местные власти.

Для ограничения перевозок водным путем на короткие расстояния, выполняемых обычно автомобильным транспортом, провинциальные и местные власти разработали инструкции для портов, включающие определение минимальной протяженности транспортировки по реке. Для повышения производительности портов применяются различные формы подрядов с оплатой по конечным результатам труда, в том числе система экономической ответственности по принципу бригадного подряда, оплата за скорость и качество погрузочно-разгрузочных работ, принцип ответственности за выполнение установленных норм. После одобрения Госсоветом КНР опыта хозяйствования пароходства бассейна Янцзы подобные пароходства были созданы на реках Хэйлуницзян и Чжуцзян.

Углубление реформы хозяйственного механизма, развитие открытой внешнеэкономической политики побудили Китай форсировать модернизацию морского транспорта. Программе совершенствования портовой инфраструктуры уделяется также большое внимание в связи с тем, что развитие внешней торговли страны сдерживается из-за нехватки мощностей портов, через которые проходят около 90 % всех внешнеторговых грузов. Проблема усугубляется нерегулярностью прихода грузовых судов в порты и перегруженностью китайских железных и шоссейных дорог, ведущих к портам.

Первым крупным шагом реформы управления портами стала программа, рассчитанная на 2-3 года, согласно которой 14 основных портов Китая, подчиняющихся Министерству коммуникаций, следовало передать в ведение местных властей. Новая система двойного контроля (со стороны центральных органов и городских властей) предусматривает главенствующую роль последних в вопросах финансирования строительства причалов, модернизации портового оборудования, определения таможенной политики и т. д. Как правило, председателем административного комитета порта, ведающего всеми вопросами управления, назначается мэр либо заместитель мэра соответствующего муниципалитета, в чьем ведении находится порт. Подобная практика позволяет более оперативно решать вопросы развития портовой инфраструктуры, повышает заинтересованность местных властей в ускорении переработки внешнеторговых грузов. В 1984 г. в подчинение городским властям был передан порт Тяньцзинь, в 1986 г. еще два порта — Шанхай и Далянь — перешли в ведение соответствующих муниципалитетов.

Для ускорения развития портов Госсоветом КНР в конце 1985 г. было принято постановление о финансировании строительства портов за счет внедрения системы налогообложения. Местным властям было разрешено (начиная с 1 января 1986 г.) взимать налоги с экспортных и импортных грузов проходящих через 26 портов, и использовать эти средства для развития портовой инфраструктуры. Этот документ регламентирует размер налогообложения в зависимости от вида товара, торговой операции (экспорт либо импорт), типа порта. Налог варьируется от 50 фэнэй до 3 юаней за каждую обработанную в порту тонну груза, 12,5 юаня — за каждый контейнер международного стандарта. Важным шагом в направлении ослабления перегруженности портов явилось постановление Госсовета КНР, согласно которому местным властям провинций и городов было предоставлено право создавать свои флотилии торговых судов. К нынешнему году в Китае создано уже 80 подобных транспортных организаций. Некоторые из них являются частными предприятиями либо кооперациями. Эти флотилии (большинство которых состоит из 2-5 судов) занимаются в основном каботажными перевозками и в значительной мере снижают загрузку крупнейших портов страны, перераспределяя внешнеторговые грузы среди более мелких портов<sup>10</sup>.



Для модернизации портов в седьмой пятилетке активно привлекался иностранный капитал. В конце 1985 г. Госсовет КНР утвердил временное положение, обеспечивающее преференциальный налоговый режим для тех зарубежных фирм, которые вкладывают средства в модернизацию портовой инфраструктуры Китая. Зарубежные предприятия, фирмы и отдельные лица могут участвовать не только в строительстве портов, подъездных путей, но и товарных складов, перегрузочных пунктов, которые требуют меньше средств, но обеспечивают более высокие доходы в короткий срок. Временное положение предусматривает также освобождение совместных предприятий от уплаты таможенных пошлин, а также промышленно-торговых налогов, если они используют фонды общих капиталовложений для импорта сырья, погрузочно-разгрузочного оборудования, транспортных средств, необходимых для сооружения портов. Для этих предприятий установлен низкий подоходный налог (15 %), а новые совместные предприятия, создаваемые на срок более 15 лет, освобождаются от подоходного налога в течение первых пяти лет своей деятельности. В течение следующих 5 лет этот налог снижается на 50 %, и этот срок может быть продлен, если предприятие продолжает испытывать трудности с выплатой налогов. Кроме этого, иностранные компании, участвующие в создании совместных предприятий, получают и такие налоговые преимущества, как свободный и необлагаемый пошлинами перевод прибылей за границу.

Крупные преобразования происходят и в организационной структуре Главного управления гражданской авиации Китая (ГУГАК), которые выражаются прежде всего в разделении административных и хозяйственных функций управления.

В феврале 1987 г. состоялось Всекитайское совещание по вопросам работы гражданской авиации, рассмотревшее утвержденный Госсоветом проект реорганизации ГУГАК. Согласно проекту, на базе региональных управлений ГУГАК планируется создать ряд самостоятельных в хозяйственном отношении государственных авиакомпаний — Китайскую международную авиакомпанию (Пекин), Восточную (Шанхай), Южную (Гуанчжоу), Северо-западную (Сиань), Юго-западную (Чэнду) и Северную (Шэньян) авиакомпании, которые будут объединять 17 авиапредприятий.

Предусматривается перевод всех новых авиакомпаний на систему полной экономической ответственности, и вновь учрежденные объединения получают право вести переговоры и заключать соглашения с зарубежными авиапредприятиями, туристическими агентствами, а также с организациями, связанными с перевозками грузов. ГУГАК в соответствии с этим проектом отойдет от текущей хозяйственной деятельности. Под эгидой Госсовета управление будет вести торговые операции и вопросами административного управления гражданской авиацией.

В результате децентрализации управления аэропорты и аэродромы также становятся самостоятельными хозяйственными единицами, хотя управление ими остается в компетенции государства. Средства для развития и содержания аэродромного хозяйства предполагается получать за счет клиентов. Перечень международных аэропортов, открытых для иностранных самолетов, составляется ГУГАК и утверждается Госсоветом. По мере развития процесса реорганизации и децентрализации управления гражданской авиацией страны планируется во все большей степени передавать местным властям ответственность за финансирование воздушно-транспортных операций на региональных авиалиниях и за обеспечение их безопасности. Например, модернизированный в 1987 г. аэропорт Хунцяо в Шанхае впервые в Китае был передан в ведение муниципальных властей.

С переводом всех видов транспорта на экономические методы управления

резко возросла значимость дальнейшего совершенствования транспортных тарифов, которые теперь определяются с учетом себестоимости перевозок.

К примеру, в структуре грузооборота Китая ведущее место занимают автомобильный и железнодорожный транспорт. Однако соотношение тарифов на перевозки на расстояние до 100 км автомобильным и железнодорожным транспортом составляет сейчас 3:1, а на расстояние до 200 км оно возрастает до 6:1<sup>11</sup>. Поскольку тарифы на ближние перевозки по железным дорогам занижены, а по шоссейным завышены, многие грузы, которые могли быть перевезены автотранспортом (как более экономичным при перевозках на короткие расстояния), скапливаются на и без того перегруженных железных дорогах. Разграничение сфер наиболее эффективного применения различных видов транспорта путем установления соответствующих тарифов на перевозки — одно из важнейших условий эффективного решения транспортных проблем.

Важным условием дальнейшего совершенствования системы транспортных тарифов является установление сопоставимого круга эксплуатационных расходов, включаемых в себестоимость перевозок внутри каждого вида транспорта. Так, Министерство железных дорог, исходя из объективных условий перевозок и уровня технической оснащенности дорог, установило для каждой дороги коэффициент региональной плановой себестоимости в зависимости от среднесетевых условий перевозок. С учетом таких региональных (дорожных) коэффициентов распределяются и доходные поступления между дорогами.

Нельзя не сказать, что внедрение экономических методов управления транспортом сопровождается нередко случаями, когда и государственные транспортные организации, и местные власти стремятся завысить тарифные ставки на грузовые и пассажирские перевозки, что приводит к экономически неоправданному удорожанию транспортного процесса. В связи с этим Госсовет КНР вынужден был принять 11 января 1988 г. «Временное положение о регулировании цен на основные производственные материалы и транспортные услуги», согласно которому такие организации подвергаются штрафам, а вся неоправданная прибыль в принудительном порядке изымается в госбюджет. В исключительных случаях эти предприятия могут быть лишены банковского кредита, а иногда и права ведения хозяйственной деятельности<sup>12</sup>.

С целью мобилизации денежных средств на развитие транспортной инфраструктуры, обеспечения активного использования финансов для повышения эффективности работы отрасли в декабре 1987 г. был учрежден банк кредитования предприятий транспорта (Транспортный банк) с уставным капиталом в 29,5 млн. юаней. 17 филиалов банка, расположенные в различных городах Китая, уполномочены выдавать краткосрочные (100 юаней) и долгосрочные (10 тыс. гражданам для организации личных и коллективных предприятий). Банк уже установил деловые контакты с банками 91 страны<sup>13</sup>.

Новым качественным моментом реформы отрасли явилась кооперация работы транспортного комплекса с оборонной промышленностью, одной из форм которой стала система «сочетания оборонной и гражданской деятельности». Это позволяет использовать материалы и трудовые ресурсы военной промышленности для повышения эффективности работы гражданского транспорта. Основной формой этой интеграции стала передача гражданским транспортным предприятиям военных аэродромов, специальных военных автомобильных и железных дорог<sup>14</sup>. Осуществляется кооперация и в области разработки и создания новых видов подвижного состава, совместными усилиями гражданских транспортных и военных предприятий строятся новые шоссейные автодороги, мосты, взлетно-посадочные полосы, железные дороги.

Прошедшие два с половиной года после перевода транспортного комп-

лекса на новые условия хозяйствования позволяют сделать некоторые выводы. Наиболее радикальной и всеобъемлющей стала реформа системы управления и планирования на железнодорожном транспорте, выразившаяся в переводе его на полный хозяйственный расчет. Отличительной чертой новой системы явилось закрепление в рамках подрядных отношений не только обязательства выполнять намечаемые государством объемы перевозок, отчислений прибыли в бюджет, но и осуществление самостоятельных инвестиций в капитальное строительство и техническую. Новая структура управления позволяет резко активизировать внутренние стимулы развития, добиваться совпадения интересов железнодорожных подразделений с интересами всей отрасли. Очевидно, что в новых условиях хозяйствования административные, «приказные» методы руководства заменяются экономическими, вводятся четкие стабильные нормативы длительного действия, расширяются возможности маневра и направленного воздействия экономического стимулирования. Благодаря переходу на новые методы хозяйствования, МЖД на свои собственные средства осуществило реконструкцию 24 заводов по производству подвижного состава, строительство и электрификацию около 10 тыс. км путей, а число участков с ограниченной пропускной способностью сократилось с 16 до 4<sup>15</sup>. Впервые отрасль перестала зависеть от государственных дотаций.

Отличительной чертой реформы управления на автомобильном и водном транспорте стал процесс создания большого числа коллективных, частных и акционерных предприятий, что, по мнению китайских экономистов, препятствует монополизации транспортных перевозок государственными предприятиями, способствует оживлению конкуренции, повышению качества транспортного обслуживания.

<sup>1</sup> In: "Beijing Review", 1988, № 14, p. 14.

<sup>2</sup> См.: «Жэньминь жибао», 8. V. 1987.

<sup>3</sup> См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь — 1987. Пекин, 1987, с. VIII-51.

<sup>4</sup> In: "Beijing Review", 1988, № 14, p. 15.

<sup>5</sup> См.: «Цзинцзи жибао», 23.V.1986.

<sup>6</sup> In: "Beijing Review", 1988, № 14, p. 15.

<sup>7</sup> In: People's Republic of China Year Book 1987. Beijing, 1987, p. 336.

<sup>8</sup> «Хунци», 1987, № 13, с. 30.

<sup>9</sup> In: "China Daily", 7. VI. 1987.

<sup>10</sup> In: "Beijing Review", 1988, № 15, p. 22.

<sup>11</sup> См.: «Цены: теория и практика», 1986, № 1, с. 2.

<sup>12</sup> См.: «Жэньминь жибао», 19.I.1988.

<sup>13</sup> См.: «Цзинцзи жибао», 18.XII., 28.XII.1987.

<sup>14</sup> См.: «Жэньминь жибао», 9.XII.1987.

<sup>15</sup> См.: «Хунци», 1987, № 13, с. 20.

## Бэньсиский феномен

ЯН ЦЗЕ\*

**Б**эньси — центр тяжелой промышленности в горном районе на востоке провинции Ляонин. В силу особого географического положения и специфического размещения производства в этом городе с 800-тысячным населением и большими материальными ресурсами, находящимися в обращении, создались огромные встречные грузопотоки. Ежегодно для нужд города целиком ввозятся зернопродукты, 80 % потребляемой свинины и 15 % овощей. Отсюда — большая напряженность со снабжением рынка товарами по сравнению со многими южными городами Китая, где имеется развитая рыночная экономика.

Бэньсийцы почти смирились с таким положением на рынке, и когда в апреле 1985 г. на страницах местных газет появилось сообщение об опыте хозяйствования Гуань Гуанмэй, мало кто мог предположить, что арендно-хозяйственная форма действительно в состоянии расшевелить застойный и оскудневший рынок города. А суть хозяйственного феномена этой предпринимчивой женщины состояла в следующем.

В апреле 1985 г. продовольственный магазин «Сяофан» в Бэньси, взятый в аренду Гуань Гуанмэй, к концу года получил прибыль в сумме 252 тыс. юаней (что означало рост по сравнению с предыдущим годом на 40 %) и вышел на второе место в городе по прибыльности среди 36 продовольственных магазинов.

Через год Гуань Гуанмэй арендовала магазин «Гуанмин», имевший убыток в 65 тыс. юаней. Через 8 месяцев этот магазин стал давать прибыль.

Следующим был «Дунмин» — магазин, приносивший самую высокую прибыль в торговле города. Пять месяцев потребовалось, чтобы удвоить его доход.

В январе 1987 г. Гуань Гуанмэй взяла в аренду сразу 5 продовольственных магазинов, которые вместе с первыми тремя образовали группу арендуемых предприятий с числом работающих 1000 человек. Общая сумма оборота составила одну треть от суммы оборота розничных продовольственных магазинов всей торговой сети города, а прибыль — 50 %.

Какие же изменения привнес в экономику города «феномен Гуань Гуанмэй»?

Первое. Коренным образом изменилось отношение торговых работников к труду.

Продащица Цзян Сюэ, рассказывая о себе, напомнила, что в прошлом ее считали негодной работницей, да еще с норовом. «Раньше, — призналась она корреспонденту, — приступая к работе, я считала, что перво-наперво должна сделать два дела: посплетничать с подругами и придраться к по-

\* Ян Цзе — корреспондент газеты «Цзинцзи жибао». Статья написана по просьбе редакции «ПДВ»

сетителям. Когда предприятие стало арендным, директор Гуань сказала мне, что, если я буду допускать прежние ошибки, то меня будут штрафовать. В сущности, я не переношу эти ее штучки и подумала, что раньше директор разговаривал бы иначе. Но случилось так, что одна из продавщиц нагрубила посетителю. На другой день директор Гуань наложила штраф в первую очередь на себя в размере 20 юаней, по 10 юаней на начальника секции и бригадира и на нагрубившую продавщицу — 50 юаней, и даже продавщица, которая была рядом и промолчала, также была оштрафована, поскольку не предотвратила конфликт. С того дня посетители у нас всюду окружены вниманием, да и сами они стали относиться к нам лучше». «Сейчас, — сказала, заканчивая свой рассказ, Цзян Сюэ, — из 200 с лишним работников магазина у меня самая высокая ежемесячная премия».

Перемены, которые произошли с Цзян Сюэ, — это отражение значительных изменений в духовном облике, в труде рабочих и служащих арендованных магазинов. На предприятиях, которым длительное время недоставало жизнеспособности, Гуань Гуанмэй применила целый ряд экономических стимулов, включая выплату зарплаты со 100 юаней оборота. Тем самым были напрямую увязаны доход продавца с качеством его труда. Отсюда — высокий трудовой энтузиазм и качественно другое обслуживание. Все это было немислимо до аренды.

Второе. Улучшился подбор хозяйственных руководителей. Сун Шичжу, сменивший работу, раньше был заведующим магазином. Он проработал более 20 лет и признал, что все же остался профаном в вопросах экономики торговли. Гуань Гуанмэй предложила ему поработать в торговом зале. Предложением Сун был удивлен и несколько обижен, однако подумав, согласился и остался доволен работой. Об этом событии много говорили в городе.

Начальник одного из политических отделов горкома партии Ли Мин, тщательно изучив «феномен Гуань Гуанмэй», бросил оперативную работу и занялся торговлей, стал помощником Гуань Гуанмэй. Новая служба Ли Мина явилась одной из 10 крупных новостей провинции Ляонин в 1986 г.

Руководители, не соответствующие занимаемой должности, переходят на работу, которая им по плечу. Подсчитано, что число кадровых работников первой категории, работающих на 8 арендованных Гуань Гуанмэй торговых предприятиях, сократилось с 33 до 18, а всего количество служащих, не связанных непосредственно с производственной деятельностью, уменьшилось с 76 до 40 человек.

Третье. Изменились к лучшему взаимоотношения людей.

Пятидесятилетняя Юй Шучинь работает в продовольственном магазине уже 17 лет. Она не помнит, чтобы кто-нибудь из прежних шефов производил на нее такое сильное впечатление, как нынешний директор. Раньше магазин очень редко имел прибыльные месяцы. До сдачи его в аренду каждый продавец получал ежемесячно на «бытовые расходы» не более 25 юаней, так как оборот магазина был невелик. С января 1987 г. перешли на аренду. Через 5 месяцев в финансовой сводке магазина появилось долгожданное сообщение: полученная прибыль по сравнению с аналогичным периодом прошлого года возросла на 15 %, рабочие и служащие теперь смогут не только полностью получать зарплату, но еще и премию — несколько десятков юаней. Прежде молчаливая и замкнутая Юй Шучинь не удержалась и написала письмо Гуань Гуанмэй с благодарностью.

К «моральному капиталу», приобретенному директором Гуань, можно отнести и такое нововведение. Рабочим и служащим, которым «перевалило» за 45, теперь посылают персики, символизирующие долголетие; юношам и девушкам как поощрение при позднем вступлении в брак; преподносятся

подарки; работницам-роженицам вручаются по 5 цзиней (2,5 кг) куриных яиц; рабочим и служащим при вселении в новую квартиру магазин выдает «подъемные». Каждый из 8 арендованных магазинов предоставляет для нужд рабочих и служащих стиральные машины. Если у рабочего или служащего умер кто-либо из родителей, руководство выражает соболезнование и возлагает венок. Помимо всего прочего, решено при каждом магазине создать читальный зал, ясли, душевые...

Таковы изменения, связанные с «феноменом Гуань Гуанмэй», вокруг которых долгие два года шли дискуссии в различных слоях общественности Бэнси. Примерно полтора года назад небольшая группа, включая корреспондентов, провела в Бэнси беседы с 60 представителями общественных кругов. Их мнения были разбиты на две группы — «А» и «Б» и в форме диалога опубликованы на страницах «Цзинци жибао». В центре дискуссии оказались следующие вопросы.

1. Не является ли Гуань Гуанмэй «капиталистом без капитала»?

А. Доход самой Гуань Гуанмэй, определенный законом, в 20 раз превышает средний доход рабочего и служащего арендованного предприятия. Хотя директор Гуань не получает всей положенной ей суммы вознаграждения, его величина такова, что о социализме говорить не приходится. Иначе говоря, она стала «капиталистом без капитала».

Б. Несмотря на то, что личный доход Гуань Гуанмэй действительно очень высок, нельзя не видеть, как много делает она для государства, предприятий, рабочих и служащих. Пусть за два с лишним года ее личный доход был немалый, прибыль государству от арендованных ею предприятий составила 2808 тыс. юаней.

2. Не отвергает ли Гуань Гуанмэй своей деятельностью партийное руководство?

А. После того как Гуань Гуанмэй взяла в аренду 8 магазинов, секретарь партиячейки стал выполнять партийную работу по совместительству. Тем самым она как бы арендовала и партийную ячейку. Спрашивается, существует ли необходимость в партийном руководстве, если все и вся подотчетны арендатору?

Б. Рассматривая этот вопрос, следует изучить, как проводятся в жизнь линия, курс и политика партии, а также как обстоит дело в партийной организации с идеологической учебой, стилем работы, дисциплиной и т. п. Обследование показало, что арендованные Гуань Гуанмэй предприятия отвечают предъявляемым требованиям. Хотя на арендованных предприятиях сократилось число кадровых работников партиячейки, не связанных с производственной деятельностью, идейно-политическая работа тем не менее не была ослаблена, стало меньше имевших место ранее взаимных упреков, появилась возможность эффективно сочетать идейно-политическую работу с производственно-управленческой деятельностью предприятия, повысилась результативность идейно-политической работы.

3. Не создает ли Гуань Гуанмэй торговую монополию?

А. Гуань Гуанмэй одна арендует 8 магазинов, оборот и прибыль от которых весьма велики. Удельный вес их в общем объеме торговли таков, что это позволяет говорить о создании монополистической группы, контролирующей рынок и цены на нем. Где же тут соревнование, конкуренция?

Б. Объединение торговых предприятий, руководимое Гуань Гуанмэй, вызвано к жизни внутренней потребностью развития рынка. В последние годы с расширением товарного хозяйства многие торговые предприятия города оказались неспособными обеспечивать нормальную торговлю, не справлялись с растущим насыщением рынка товарами. Поэтому возникла объек-

тивная потребность в объединении предприятий торговли по горизонтали, в том числе и путем арендования. Торговое объединение Гуань Гуанмэй никак не может привести к монополизации торгового процесса, а, напротив, будет способствовать оживлению товарного обращения.

Дискуссия оказалась настолько острой, что сама Гуань Гуанмэй почувствовала потребность высказаться.

«Я чувствую,— писала она в письме в газету «Цзинцзи жибао»,— что реформа идет все труднее. Сегодня, когда арендованные мною предприятия процветают и развиваются, находятся люди, которые обвиняют меня в буржуазной либерализации, в том, что я—де иду не по социалистическому пути. Мне не совсем ясно, что такое социализм. Раньше люди говорили: социализм — это когда каждый имеет пищу. Но, по-моему, социализм — это когда каждый должен трудиться и получать по труду. Кто не работает, тот не ест».

В течение одного лишь месяца свыше 700 читателей из более чем 20 провинций, городов и автономных районов страны прислали письма в редакцию газеты, высказав различные, зачастую прямо противоположные суждения относительно «феномена Гуань Гуанмэй», его социального, классового характера. Каков же он — социалистический или капиталистический?

Если попытаться обобщить полемику, развернувшуюся на страницах газеты «Цзинцзи жибао», примерный итог ее мог бы быть следующим: арендная деятельность как реформа хозяйствования, часто встречающаяся в товарной экономике, может иметь место при различных общественных системах — служить как капитализму, так и социализму. В сочетании с различными производственными отношениями, прежде всего с различными формами собственности на средства производства, она может носить различный общественный характер. В нашей стране осуществление арендной системы отнюдь не меняет характера общенародной собственности предприятий. Государство уступает лишь право пользования имуществом арендованных предприятий. Зато, при осуществлении арендной системы на таких предприятиях их хозяйственная самостоятельность значительно возрастает.

Что касается проблемы распределения доходов на арендованных предприятиях, то оно определяется отношениями собственности, а не наоборот. Рассуждая о разнице в оплате труда арендаторов, с одной стороны, и рабочих и служащих, с другой, следует признать, что здесь по-прежнему имеет место недооценка такого сложного труда, каким является управленческий труд, включающий и новаторство, и риск, и повышенную ответственность. В силу длительного, сковывающего влияния старых взглядов, обусловленных распределением по принципу «большого котла» и уравниловкой, мы пока идейно не готовы к изменениям, которые приносит развитие товарной экономики. Только по мере продвижения реформы будут меняться взгляды, психология людей и появится объективная потребность к восприятию нового, передового.

*Перевод с китайского Б. К. Чижова*

А. Г. ЯКОВЛЕВ  
профессор

**В** переломные эпохи, когда до предела обостряется борьба вокруг путей общественного развития, особенно на глобальном уровне, неизбежными становятся глубокие прорывы научной мысли в осознании и оценке реалий экономической, социальной, политической жизни народов и стран.

Наше время, конкретные условия человеческого бытия по всем основным параметрам являются переломными, требующими коренных перемен в политическом мышлении, в сознании народов, в их представлениях о жизненных ценностях и целях, о способах их отстаивания и достижения. Эти перемены накапливались постепенно. В формировании нового мышления сыграли свою роль все основные прогрессивные силы современности, прежде всего международное коммунистическое движение, марксистско-ленинское обществоведение, располагающее надежнейшим методом познания — материалистической диалектикой.

В силу многих обстоятельств его применение наиболее крупными отрядами марксистского обществоведения долгое время было суженным, ограниченным, недостаточно последовательным. Сложились и довели над общественной мыслью разного рода политические стереотипы. Существовали строгие пределы для научного поиска в сфере социологии и политологии. В той или иной мере это было характерно для всех стран социализма. Мы являемся свидетелями того, как барьеры и преграды для научного познания общественных процессов ныне повсюду снимаются.

Выступая на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, М. С. Горбачев с особой силой подчеркнул: «Творческий марксизм-ленинизм — это всегда объективный, глубоко научный анализ живой, развивающейся действительности. Анализ критический, ни от чего не отворачивающийся, ничего не скрывающий, не боящийся никакой правды. Только такой анализ работает на социализм. Нет и не может быть никаких ограничений для подлинно научного поиска. Вопросы теории не могут и не должны решаться никакими декретами. Нужно свободное соревнование умов. От этого только выиграет наша общественная мысль, умножится ее прогностическая сила, а значит — способность служить надежной основой для выработки политики партии»<sup>1</sup>.

Свое систематическое и развернутое отражение новое мышление получило в документах XXVII съезда КПСС, в многочисленных выступлениях М. С. Горбачева, в его книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». Вполне понятно, что, будучи новым, оно продолжает бурно развиваться, обретать дополнительные грани и аспекты, впитывать в себя все творческое, что ныне порождается передовой, гуманистической общественно-политической мыслью. Сила и историческая значимость феномена нового мышления состоит прежде всего в том, что оно с большой



силой напомнило, насколько опасно торможение процесса осознания перемен, происходящих в бытии народов, стран, всего человечества.

Новое мышление, однако, не ограничивается только задачами более глубокого адекватного познания современных жизненных реалий и тенденций их развития. Оно энергично вторгается в практическую политику, которая прямо и непосредственно преобразует жизнь. В этом тоже первостепенная значимость феномена нового мышления.

Применительно к международным отношениям это мышление складывается: 1) из прорывов в научной оценке ситуации на мировой арене; 2) из ломки задогматизированных представлений о современных проблемах человечества, о взаимодействии социализма и капитализма; 3) из поиска наиболее отвечающих условиям места и времени решений для накопившихся и обострившихся проблем как на уровне внутрисистемных, так и межсистемных отношений, на глобальном и региональных уровнях.

Таким образом, новое политическое мышление включает новую философию международных отношений, с одной стороны, и основанные на ней практические подходы к проблемам мировой политики — с другой.

Новая философия международных отношений — это объективное обобщение современных мировых реалий во всей их многосложности, что само по себе уже является важным прорывом в обществоведении. Называя по праву новое мышление прорывом в науке и политике, нельзя понимать положение дел так, будто происходит сжигание мостов. При всей масштабности прорыва сохраняется сущностная преемственность и в науке, и в политике. В частности, если иметь в виду сферу взаимодействия государств на межсистемном уровне, преемственность охватывает политику разрядки, в утверждение идей и целей которой уже на рубеже 50—60-х гг. решающий вклад внесли СССР и другие социалистические страны. Реальная разрядка середины 70-х гг. по сути была прологом нынешнего этапа борьбы за разумно безопасные условия существования людей. Вообще предложения о запрещении и полной ликвидации ядерного и других видов оружия массового уничтожения, выносившиеся социалистическими странами на обсуждение мирового сообщества с 1946 г., ленинская идея мирного сосуществования остаются важным истоком нынешней программы создания всеобъемлющей системы международной безопасности, обеспечения безъядерного, ненасильственного мира.

Однако в последнее десятилетие темпы изменения социально-экономической жизни были настолько высокими, что наука и политика как формы общественного сознания серьезно отстали в своем развитии. Этот разрыв в конце концов пришлось преодолевать путем своеобразного скачка. Поэтому потребовался отказ от некоторых устойчивых основополагающих стереотипов, выраженный новым мышлением, который оценивается как революционный.

Борьба с застойными явлениями в нашей стране, в мировом социализме дала толчок развитию нового мышления, формированию новой философии международных отношений. Усилия по их преодолению не могли не сочетаться с борьбой за обеспечение внешних условий, гарантирующих выживание человечества, жизнь на Земле, а, следовательно, и перспективу социализма.

Между тем призывы нашей страны и других стран социализма к миру, к возрождению разрядки не встречали в последние годы отклика на Западе. Военная угроза продолжала нарастать. Отсюда, как отмечал М. С. Горбачев, и потребность «взглянуть на всю всемирную панораму трезво и реалистически, высвободиться из плена привычных схем»<sup>2</sup>.

К каким же оценкам всемирной панорамы привело новое мышление?

Прежде всего со всей определенностью признано, что ядерная война была бы убийственной для человечества. Раньше, примерно до начала 80-х гг., существовали и преобладали мнения о несмертельном для жизни на Земле характере ядерной войны. Мнения расходились лишь относительно размеров ущерба от нее. Открытие эффекта ядерной зимы внесло в дело полную ясность.

Характеризуя современные средства массового уничтожения, необходимо признать, что ядерная война не может служить продолжением политики, что в ней не может быть победителя. Между тем еще сравнительно недавно считалось, что в случае, если империалисты развяжут такую войну, империализм будет уничтожен, а социализм восторжествует во всем мире.

Признание бессмысленности ядерной войны, а также того факта, что расходы на военные цели существенно тормозят решение острейших проблем человечества, обусловило подход к гонке вооружений как к крайне опасному явлению, так как она увеличивает угрозу случайного возникновения ядерного конфликта и, замедляя развитие, обостряет целый ряд проблем, носящих глобальный характер.

Новое мышление до конца высветило их значимость. Столь же опасной, как и ядерная угроза, представляется экологическая катастрофа, которая может произойти в результате резкого ухудшения окружающей среды, истощения природных ресурсов под влиянием производственной активности человека.

Острые и чреватые катастрофическими последствиями для международных отношений экономические и социальные процессы назревают в «третьем мире». Судьба этой части человечества, следовательно, превращается в общую заботу мирового сообщества.

Конкретные условия современности, в которых на передний план выдвинулась задача самосохранения человечества, потребовали в шкале международных приоритетов поместить на самое первое место общечеловеческие ценности и интересы. Именно они ныне, как никогда в прошлом, выражают главную суть интересов человечества, в том числе классовых. Следует сказать, что теория научного социализма изначально ставила интересы общественного прогресса выше классовых и национальных. Скажем, войны между государствами марксисты всегда осуждали как зверское, варварское дело. Но только в наши дни мысль о приоритете общечеловеческого интереса в международных отношениях проявилась в полной мере, приобрела очевидные материальные основания.

В свете нового политического мышления мир, как никогда прежде, видится взаимосвязанным, взаимозависимым и целостным, несмотря на глубокие социальные и иные различия между составляющими его частями. Не уменьшая значения этих различий и многообразных противоречий на мировой арене, новое мышление подчеркивает именно нарастающую целостность и взаимосвязанность современного сообщества стран и народов.

Жизнь заставила задуматься о причинах жизнеспособности, экономической и социальной эффективности современного капитализма. Эти очевидные реалии требуют полнее и правильнее учитывать их в политике, в частности в подходе к межсистемным отношениям. Иначе, чем прежде, видится теперь весь комплекс взаимоотношений двух социальных миров. Прежде всего, неизбежным стал вывод о неопределенно длительном сосуществовании социализма и капитализма. По-новому представляются сферы и области соревнования. В частности, помимо чисто материально-технических проблем, связанных с задачами экономического роста, развития производительных сил, соревнование систем все более охватывает гуманитарные проблемы, область

развития демократии. Императивный характер, необходимость не просто более широкого, а качественно иного типа сотрудничества социальных систем в решении обостряющихся глобальных проблем требует их внутреннего приспособления к такому сотрудничеству. Отсюда — концепции и практика открытости обеих систем для обменов, взаимодействия и, по сути, для взаимовлияния и даже взаимопроникновения.

Новое видение мира представляет мировой социализм уже не как единый и однообразный, а как единый и многообразный. А отсюда и более широкий взгляд на различия во внешней политике социалистических стран. Эти различия во многом связаны с неодинаковыми объективными условиями и конкретными задачами строительства и совершенствования социалистического общества. Они возникают в ходе поисков наиболее эффективных вариантов внешней политики. Разумеется, в процессе этих поисков возможны и даже неизбежны просчеты. Порождаемое многими причинами многообразие социалистической политики, однако, вовсе не перечеркивает первостепенную значимость ее единства по существу. Поэтому новое мышление, подчеркивая закономерный характер многообразия, не считает его безбрежным, беспредельным. Отнюдь не все сущее в рамках мирового социализма, в том числе и во внешней политике, является разумным и полезным с точки зрения научного социализма, интересов развития социализма как единой по характеру общественной системы.

Как уже говорилось, новое политическое мышление выражается не только в виде прорывов в научном познании современного мира, но и в основных на этих прорывах неординарных, порывающих со старыми стереотипами политических концепциях, подходах, решениях.

Основные из них сводятся к следующему:

— классовый противник уже не рассматривается только как таковой. Он объективно видится как партнер по решению глобальных проблем, на основе взаимной заинтересованности. Причем партнерство представляется главным элементом в отношениях стран противоположных общественных систем. Такова теперь объективная диалектика соперничества социализма и капитализмом;

— в свете вывода о неопределенной длительности существования капитализма мирное сосуществование рассматривается не как некая передышка, не как форма классовой борьбы, а как единственно возможный способ существования и соревнования двух систем, сохранения жизни на Земле;

— поскольку с помощью войны невозможно решение каких-либо крупных международных проблем, постольку главным средством становятся политические меры, договоренности между конфронтирующими странами и группами стран;

— безопасность в современном мире может быть реальной только как всеобщая и равная. Она не может быть обеспечена одним странам за счет других. Отсюда принцип не делать ничего, что может рассматриваться другой стороной как нарастание угрозы ее безопасности;

— ядерное разоружение (и вообще ликвидация всех видов оружия массового уничтожения) и максимальное сокращение обычных вооружений — общая цель человечества, если оно хочет выжить и обеспечить себе достойную жизнь. На базе нового мышления как раз и выработана конкретная программа борьбы за всеобъемлющую систему международной безопасности, охватывающую военные, политические, экономические, гуманитарные аспекты отношений между странами. В процессе создания безъядерного ненасильственного мира новое мышление особое значение придает утверждению принципа разумной достаточности, выражающего необходимость чисто оборони-

тельного характера вооруженных сил различных стран;

— новое видение всей современной панорамы мира привело к признанию демократических принципов международных отношений в качестве универсальных, действующих в рамках обеих социальных систем и в межсистемных отношениях. Это отнюдь не исключает особых отношений между странами, основанных на общности их социального строя. Соревнование с противоположной системой, будучи в принципе неизбежным даже в условиях безъядерного мира, делает неизбежными и соответствующие союзы государств, хотя и в иной форме, чем в обстановке военно-политической межсистемной конфронтации.

Явления политической дезинтеграции, ныне характерные не только для капиталистической, но отчасти и для социалистической системы, вовсе не отменяют закономерную тенденцию к внутрисистемному единству. Цели и формы этого единства под влиянием меняющихся условий, конечно же, будут неизбежно варьироваться, но оно само, постоянно совершенствуясь, будет сохраняться, пока существует разделение человечества на два социальных мира.

Универсализация демократических принципов международных отношений отражает усиливающуюся взаимосвязанность, целостность мира, приоритет общечеловеческих интересов. Социалистическая мысль в немалой степени способствовала разработке этих принципов, а международные силы социализма в огромной мере содействовали их внедрению в практику отношений между государствами. Социализм дополнил указанные принципы концепцией мирного сосуществования стран с различным общественным строем.

Таким образом, демократические принципы международных отношений изначально составляют органическую часть концептуальных основ внешней политики научного социализма. Последний, однако, не только более систематически и настойчиво претворяет эти принципы в жизнь, особенно в практике внутрисистемных международных отношений. В этой практике, кроме того, во всей полноте могут раскрываться те сущностные черты социализма, которые невозможно реализовать в отношениях со странами противоположной системы. В совокупности все это и превращает отношения между странами социализма в новый тип международных отношений.

Не греша против объективной истины, невозможно при анализе современных международных отношений и мирового развития гипертрофировать роль национально-государственного фактора и списывать со счетов фактор социальный, классовый.

Историческая значимость и сила нового мышления применительно к международным отношениям, к внешней политике социализма состоит именно в том, что оно верно определяет именно классовые интересы пролетариата, мирового социализма в конкретных исторических условиях ядерно-космического века. Но в современных условиях классовые интересы могут реализоваться лишь в случае выживания рода людского. А потому ныне этим интересам соответствует и выдвигание на приоритетное место общечеловеческих ценностей, и перестройка межсистемных отношений в духе открытости обоих социальных миров для взаимного сотрудничества по самому широкому кругу вопросов и в самых различных сферах. Этим интересам соответствует и взгляд на противоположную социальную систему прежде всего как на партнера. Им в полной мере отвечает понимание объективной неизбежности многообразия во внешнеполитическом поведении социалистических государств, а также понимание того, что многообразие в конечном счете должно выражать одно и то же содержание, иметь одинаковую по социально-политическому смыслу целенаправленность, должно повышать при-

тягательную силу научного социализма.

Новое мышление впитало в себя достижения творческой общественно-политической мысли разных стран, в том числе Китая. Это, например, относится к вопросу об универсальных принципах международных отношений, об открытости стран обеих систем как важнейшем условии самого широкого и взаимовыгодного сотрудничества между ними.

Помимо всего прочего, именно благодаря своему интернациональному происхождению и акценту на общедемократические принципы и цели, новое мышление легче воспринимается и используется международными силами для решения конкретных проблем мировой и региональной политики. Уже в нынешнем его виде оно отвечает умонастроениям и устремлениям чрезвычайно широкого спектра социально-политических сил. А это позволяет более успешно решать главную задачу современности — задачу всемерного наращивания международного потенциала мира. Именно мощь и активность этого потенциала в конечном счете создают надежную гарантию и благоприятные условия для успешного решения проблем развития.

Новое мышление в короткий срок благотворно повлияло на развитие международной обстановки, в том числе в азиатско-тихоокеанском регионе. Наиболее общий результат применения нового мышления в международных делах выразился в крутом повороте к разрядке, а также в том, что, наконец, сделан важнейший — первый — шаг в сторону реального ядерного разоружения. Имеется в виду советско-американское соглашение по ракетам средней дальности, касающееся Европы, а также Азии. Подготовлен второй, еще более крупный шаг — 50 %-ное сокращение стратегических ядерных вооружений. Одним из ярких свидетельств действенности нового мышления в АТР является быстрое улучшение советско-китайских отношений с весны 1985 г., которое в свою очередь во многом способствовало полной нормализации отношений КНР с большинством других социалистических стран. Следствием нового политического мышления стали сдвиги в отношениях СССР со многими несоциалистическими государствами АТР, прежде всего со странами ЮВА и южной части Тихого океана. Новое мышление проложило путь к урегулированию локальных конфликтов вокруг Афганистана и Кампучии на основе концепции национального примирения. Эффективным направлением развития нового мышления в политике явились идеи китайского руководства, позволившие решить проблему Сянган и Аомэня на базе принципа «одно государство — две системы». Этот же принцип предлагается и для решения тайваньской проблемы, серьезно осложняющей китайско-американские отношения. Конкретный опыт Китая в использовании этого принципа создает хороший прецедент для международной практики.

Новое мышление открыло самый широкий простор для поисков и применения мер военного и политического доверия между государствами в процессе движения к безопасному ненасильственному миру. Эти поиски ведутся и в АТР. Достаточно напомнить целый комплекс предложений-инициатив, выраженных во владивостокской и красноярской речах М. С. Горбачева, в его интервью индонезийской газете «Мердека», в заявлениях Советского правительства. С новым мышлением, несомненно, связаны и шаги по одностороннему крупному сокращению сухопутных вооруженных сил в Китае и в азиатской части Советского Союза.

Новым явлением в практике межсистемного противостояния стал асимметричный подход к проблемам военного паритета, ставший одним из способов ограничения гонки вооружений.

Новое мышление покончило с известным принципом «не с нами — значит, против нас», принципом, нанесшим серьезный урон делу прогресса и борьбы

за сплочение международных антимилиитаристских сил. Тем самым, исходя из общечеловеческих интересов, сделан акцент на мобилизации и активизации миролюбивого потенциала любых социальных и политических сил современности, то есть убраны препятствия на пути формирования широкого международного антивоенного фронта, в котором одной из самых динамичных сил являются социалистические страны, международное коммунистическое и социалистическое движение.

Новое мышление позволяет, как никогда прежде, энергично и успешно добиваться подлинно тесного взаимодействия между всеми отрядами этого движения, прежде всего партиями научного социализма. Новое мышление устраняет те стереотипы единства, которые складывались на протяжении десятилетий в иных исторических условиях и утратили свою эффективность в наше время.

В заключение следует подчеркнуть, что новое мышление — это поистине исторический прорыв в области политологии и практической политики — не является некоей законченной системой координат для политического действия; возникнув как ответ на вызов времени, новое мышление — это развивающийся интернациональный процесс, оно «может и должно впитать опыт всех народов, обеспечить взаимное обогащение и слияние разных культурных традиций»<sup>3</sup>.

Думается, что новое мышление может особенно эффективно работать на улучшение международных отношений в АТР. Во-первых, большинство стран региона являются социалистическими или развивающимися, а следовательно, они более восприимчивы к новым идеям, направленным на обеспечение мира и развития; во-вторых, над всеми региональными проблемами в АТР ныне явно возвысилась проблема снижения риска ядерной войны, вызвав уникальную конструктивную активность большинства расположенных здесь государств, направленную на ее скорейшее решение, как того требует новое мышление; в-третьих, в АТР, в отличие от Европы, нет разделения государств на две организационно оформленные экономические и военно-политические группировки, что создает большой простор для налаживания межсистемного сотрудничества в духе требований нового политического мышления, для формирования модели международных отношений, основанной на универсальных общедемократических принципах.

Было бы в интересах всех народов АТР, чтобы превращению последнего в ключевой район мира сопутствовал процесс становления указанной модели. Удастся ли совместить эти два процесса, будет во многом зависеть от СССР и КНР. Отношения двух великих социалистических держав составляют важнейшую часть всей системы международных отношений в АТР. Следовательно, всемерное утверждение добрососедства между СССР и КНР уже само по себе является огромным вкладом в оздоровление международно-политической обстановки в регионе. Кроме того, и это не менее важно, обе стороны уже продемонстрировали свою способность искать и находить неординарные подходы к международным отношениям с учетом современных условий и тенденций, мирового развития, мировой политики.

<sup>1</sup> См.: «Правда», 19.11.1988.

<sup>2</sup> М. С. Горбачев. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с. 137.

<sup>3</sup> Там же, с. 162.

*А. В. ОСТРОВСКИЙ,  
кандидат экономических наук*

**В** последние годы все более важным источником пополнения рабочего класса в КНР стали предприятия местного подчинения в сельской местности — на уровне уездов, волостей и поселков. Предприятия вне сферы сельского хозяйства, находящиеся в сельской местности, постепенно занимают все большее место в экономике страны. Осуществление экономической реформы в деревне и повсеместный переход к системе семейного (подворного) подряда в начале 80-х гг. привели к появлению трудоизбыточного сельского населения, которое стало искать возможность трудоустройства в несельскохозяйственной сфере, что вызвало быстрый рост индустриализации в сельских районах. В конце 1985 г. на селе уже насчитывалось 1,569 млн. промышленных предприятий с общей численностью занятых 41,521 млн. человек (в 1980 г. насчитывалось 1,423 млн. предприятий и 29,997 млн. занятых)<sup>1</sup>. За это время заметно увеличилась валовая продукция промышленности сельских предприятий волостей и поселков (до 1984 г. — народных коммун и бригад) — с 33,1 млрд. юаней в 1980 г. до 230 млрд. юаней в 1985 г.<sup>2</sup> В 1985 г. валовая продукция промышленности волостей и поселков составила 30 % валовой промышленной продукции страны<sup>3</sup>. Таким образом, в 80-е гг. сельская промышленность стала играть заметную роль в развитии экономики, в использовании избыточной рабочей силы деревни.

К концу века намечается дальнейший рост сельской промышленности. По предварительным наметкам, в 2000 г. валовая продукция сельской промышленности составит триллион юаней, или более  $\frac{1}{3}$  всей валовой продукции страны<sup>4</sup>.

С 1984 г. начался новый этап развития сельской промышленности. Расширяются хозяйственные связи предприятий за пределами деревни или волости, в большом количестве возникают несельскохозяйственные предприятия в малых городах и поселках, различные по формам собственности — коллективные, кооперативные, индивидуальные, частные. Во многих районах КНР, прежде всего экономически развитых (провинции Цзянсу, Чжэцзян, Гуандун, Ляонин, пригороды Пекина, Шанхая, Тяньцзиня), уже к середине 80-х гг., половина рабочей силы села ушла из сферы сельского хозяйства на волостные и поселковые предприятия. В этих районах свыше 60 % доходов крестьян составляют доходы от работы на таких предприятиях<sup>5</sup>.

В КНР можно выделить два вида сельских промышленных предприятий. Так, например, известный китайский ученый-социолог Фэй Сяотун на основе анализа экономического положения мелких промышленных предприятий уезда Уцзян (провинция Цзянсу) выделяет уездную промышленность (включая предприятия государственного и коллективного сектора) и волостно-поселковую промышленность<sup>6</sup>. Уездная промышленность стала развиваться в КНР еще в 50—60-е гг. на базе капиталовложений, выделяемых на местах. Волостно-поселковая промышленность создавалась на основе объединения собственных средств производства и финансовых средств крестьян и сельских кустарей, а после «культурной революции» — на основе народных коммун и бригад.

Эти различия и определяют характер занятой на них рабочей силы. На наш взгляд, занятых на предприятиях поселков и деревень нельзя считать рабочими в полном смысле этого слова, поскольку эти предприятия находятся в коллективной собственности и труд на них носит большей частью сезонный характер. Другое дело — предприятия на уровне волостей и уездов, где произведенная продукция в большей степени учитывается государственным планом, труд приобретает все более постоянный характер с повышением уровня подчинения предприятия, а постоянному персоналу начисляется заработная плата.



Необходимо отметить, что до 1985 г. существенным различием между этими группами предприятий было еще и то, что продукция предприятий на уровне производственных бригад включалась в показатель валовой продукции сельского хозяйства, а уездов и народных коммун — в показатель валовой продукции промышленности.

Подавляющая часть сельских предприятий представляет собой сравнительно небольшие фабрики и заводы с примитивным оборудованием, простейшим технологическим процессом и небольшим числом занятых. Однако такого рода производства помогают в значительной степени решить проблему трудоустройства в деревне. Стоимость основных производственных фондов здесь невелика: на 10 тыс. юаней основных производственных фондов занято 10 человек (в среднем 1 тыс. юаней на 1 рабочее место)<sup>7</sup>. Таким образом, если учесть, что стоимость одного рабочего места на предприятии в городе составляет 10 тыс. юаней, то при тех же капиталовложениях в основные производственные фонды на сельские промышленные предприятия можно привлечь в 10 раз больше рабочей силы.

Китайская деревня играет определяющую роль в воспроизводстве рабочей силы в стране, так как здесь сконцентрирована большая часть экономически активного населения. Это объяснялось прежде всего тем, что существовавшая в течение длительного времени низкая производительность труда в сельском хозяйстве в значительной степени сдерживала отток рабочей силы из деревни в город. Подавляющая часть сельских районов страны была не в состоянии производить товарную продукцию даже при наличии большого количества занятых в различных отраслях сельского хозяйства. Лишь немногие сельские районы имели развитую товарную экономику со своими хозяйственными центрами — малыми городами с рыночной площадью. — и только в этих районах была достигнута определенная степень урбанизации.

В первые годы после образования КНР вплоть до начала «большого скачка» большая часть финансовых и материальных ресурсов выделялась в первую очередь для восстановления разрушенного войнами народного хозяйства, а затем для развития индустриализации. В этих условиях китайская деревня 50—70-х гг. стала основным источником накоплений для развития тяжелой промышленности. Село практически ничего не получало от государства. Производительность труда на предприятиях города была выше, чем в селе. Рабочие и служащие города получали более высокую заработную плату, многие из них пользовались различными льготами по социальному страхованию. Всего этого сельские жители были лишены. Это привело к тому, что с середины 50-х гг. началась неконтролируемая миграция сельского населения в города, что заметно нарушило баланс рабочей силы между городом и деревней при сложившемся низким уровне производительных сил в деревне и постоянно повышающемся в ходе индустриализации уровне развития производительных сил в городе.

Для того чтобы поставить эти социально-экономические процессы под контроль, с середины 50-х гг. после завершения кооперирования деревни была введена система централизованных закупок и нормированного распределения зерна, а затем и других продуктов сельского хозяйства. В конце 50-х гг. была введена система регистрации семей по месту жительства, которая строго привязала людей к месту получения продовольственных карточек. Одновременно с этими мерами по ограничению перемещения населения по стране было принято несколько постановлений Госсовета КНР о порядке найма рабочей силы в деревнях на городские предприятия вне сферы сельского хозяйства<sup>8</sup>.

В КНР в те годы получила распространение форма контрактации рабочей силы, прибывающей из народных коммун на промышленные предприятия города. Согласно Временному постановлению Госсовета КНР (1957) о наборе в деревнях временных рабочих, крестьяне уже не могли сами уходить в город и искать работу. Разрешалось проводить набор рабочей силы в деревнях только тогда, когда невозможно было ее набрать в городах<sup>9</sup>. При наборе временных рабочих предприятие было обязано заключать договор с народной коммуной, где указывались обязанности временного рабочего и его зарплата. Таким образом, с 1958 г. на предприятиях КНР стали использоваться две категории рабочих — «постоянные» и «временные», — резко отличающиеся друг от друга по своему социальному положению.

Аналогичная система контрактации рабочей силы, известная под названием «органайбор», существовала и в СССР в 30—50-х гг. Система контрактации рабочей силы из деревни, которая стала использоваться в годы «большого скачка», во многом



напоминала возникшую в 30-е гг. в СССР систему «оргнабора». Но в КНР пошли дальше. Принятое в 1958 г. Временное постановление Госсовета КНР о заработной плате разнорабочих и неквалифицированных рабочих на предприятиях, в хозяйственных организациях и государственных учреждениях ограничило оплату труда временных рабочих из деревни до уровня обычного дохода крестьянина той местности, где расположено предприятие, с учетом разницы стоимости жизни в городе и в деревне<sup>10</sup>. Фактически с конца 50-х гг. в КНР сложилась такая ситуация, когда за равный труд выплачивалось неодинаковое вознаграждение, что, по сути дела, узаконило неравенство между различными слоями рабочего класса и особенно между рабочими из города и деревни.

В соответствии с этими постановлениями более 20 млн. сельских жителей временно на период «большого скачка» перешли в несельскохозяйственную сферу, а в период «урегулирования» их вновь вернули на свои рабочие места в народные коммуны. В дальнейшем, в 60—70-е гг., курс на развитие тяжелой промышленности, обладающей высокой капиталоемкостью, а также на снижение удельного веса легкой промышленности и сферы обслуживания практически сократил возможности создания новых рабочих мест для жителей села вне сферы сельского хозяйства. В условиях народных коммун, централизованного управления сельскохозяйственным производством, ограничений, а временами и запретов на использование приусадебных участков и ведение ремесленно-кустарного производства, в условиях постоянно разрастающегося административно-управленческого аппарата, а также сложившейся системы централизованного снабжения и распределения сельскохозяйственной продукции производительности труда в сельском хозяйстве практически не росла. Выполнение производственных плановых заданий из центра обеспечивалось за счет растущего сельского населения. Вся избыточная рабочая сила оставалась в деревне. Система закрепления за рабочим местом, регистрация по месту жительства, централизованное снабжение и распределение продовольствия привязали крестьян к земле. Лишь в отдельных случаях (женитьба, служба в армии или поступление на учебу в вуз) крестьянин мог сменить место жительства.

При системе централизованного изъятия основных продуктов труда и нормированного распределения сельскохозяйственной продукции крестьяне были лишены возможности уйти из деревни в город. По мнению директора Исследовательского центра развития сельских районов Госсовета КНР Ду Жуньшэна, «система централизованных закупок и распределения продукции сельского хозяйства оказала на сельскую занятость более сильное влияние, чем создание народных коммун»<sup>11</sup>.

В 60—70-е гг. развитие несельскохозяйственных отраслей происходило лишь в районах, прилегающих к крупным городам, таким, как Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, и в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян. В других районах сельскохозяйственное производство не могло обеспечить необходимых накоплений для развития предприятий вне сферы сельского хозяйства в деревне. Такая ситуация при централизованном административном управлении вела к тому, что создающиеся в зонах товарного земледелия предприятия вне сферы сельского хозяйства работали только на удовлетворение потребностей предприятий, находившихся в административном подчинении вышестоящих звеньев управления. «Горизонтальные» связи между такими предприятиями, находящимися в разных уездах, округах и провинциях, а то и в рамках одного уезда, практически отсутствовали.

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), на котором было принято решение о развитии на селе семейного (подворного) подряда, экономическое положение в китайской деревне коренным образом изменилось. В результате внедрения системы семейного подряда образовались излишки продукции сельского хозяйства — система централизованного снабжения и распределения оказалась подорванной. В стране появились и стали развиваться сельские рынки, что обеспечило необходимые источники накопления для создания предприятий вне сферы сельского хозяйства. Выявилась избыточная рабочая сила на селе, особенно в тех районах, где ощущается недостаток пахотной земли. По оценкам китайских экспертов, в сельской местности в середине 80-х гг. насчитывалось 80—100 млн. человек избыточной рабочей силы<sup>12</sup>.

В таких условиях одним из основных путей решения проблемы обеспечения рабочими местами избыточного трудоспособного сельского населения явилось создание

промышленных предприятий, подсобных промыслов, развитие сферы торговли и услуг за счет местных накопленных.

Развитие промышленности в сельских районах ведет к тому, что доля населения, занятого в сельском хозяйстве, сокращается. С одной стороны, происходит приток населения из сельской «глубинки» в малые города и поселки для работы на промышленных предприятиях, транспорте, в торговле и в сфере услуг, а с другой — городского населения на строительство предприятий в сельской местности.

Особенно большой отлив рабочей силы из сельского хозяйства произошел в экономически развитых районах. Например, в округах, непосредственно подчиненных Ханчжоу (столице провинции Чжэцзян) и находящихся в дельте реки Янцзы, доля занятых в сельском хозяйстве уменьшилась с 86,7 % в 1979 г. до 67 % в 1984 г.

Значительная часть сельской рабочей силы переходит из сельского хозяйства на предприятия промышленности и в сферу капитального строительства в своей деревне. Эти предприятия в большинстве своем принадлежат волостям и поселкам. В настоящее время они включают в себя не только ранее существовавшие предприятия коммун и бригад, но и кооперативные предприятия членов бывших народных коммун, а также сельские индивидуальные и частные предприятия. Доля индивидуальных и особенно частных предприятий в валовой продукции промышленности и в общей численности занятых на предприятиях волостей и поселков пока еще не велика, хотя в отдельных районах весьма значительна (например, в округе Вэньчжоу провинции Чжэцзян). В волостях и поселках основное место занимают предприятия коллективной собственности. Средства производства на них являются коллективной собственностью, и ни одна организация не может их изъять. Предприятия волостей и поселков в своей деятельности опираются на хозрасчет, полностью несут ответственность за прибыли и убытки. Государство только решает вопросы их снабжения сырьем и материалами и сбыта произведенной продукции в рамках государственного плана. Поскольку они сами отвечают за прибыли и убытки, не исповедуют принцип «общего котла» и «железной чашки риса», то в вопросах распоряжения финансовыми, материальными и людскими ресурсами они имеют больше прав, чем государственные предприятия. Это в основном мелкие предприятия, с небольшим числом занятых. Согласно материалам 2-го рабочего совещания по аграрно-крестьянскому вопросу в КНР, в 1984 г. на волостное предприятие в среднем приходилось 46,8 работника, на деревенское — 15,8 на «новое хозяйственное объединение» — 7,62, на «индивидуально-торговый двор» — 1,45 работника<sup>13</sup>. Однако в экономически развитых районах КНР — таких, как юг провинции Цзянсу и пригороды центральных городов (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай), — этот показатель значительно превосходит средние цифры по стране. Так, в пригородах Шанхая в середине 80-х гг. на каждом предприятии волостей и поселков в среднем было занято 156 человек, а на двух предприятиях — даже более 2000 человек на каждом.

Как правило, предприятия волостей и поселков в значительной степени связаны с промышленностью крупных городов, в зоне которых они находятся. Фэй Сяотун отмечает шесть форм такой связи: 1) статус филиала крупного предприятия, когда распределяется продукция или прибыль; 2) реализация продукции, распространение запасных частей и комплектующих деталей; 3) обработка сырья при гарантии количества и качества; 4) техническая помощь и совместные расходы по освоению выпуска новой продукции; 5) помощь фондами с последующим возвратом; 6) техническое перевооружение или изменение профиля предприятия<sup>14</sup>. И такой характер производственных связей во многом предопределяет необходимость квалифицированной рабочей силы, отвечающей требованиям крупных промышленных предприятий по качеству продукции, и необходимую техническую оснащенность предприятия.

Однако путь развития села, связанный с созданием и развитием предприятий коллективной собственности, характерен в основном для промышленно развитых районов Китая, где имеются поблизости крупная промышленность, квалифицированная рабочая сила и хорошее транспортное сообщение. Образцом такой модели развития сельских районов является опыт юга провинции Цзянсу.

Другой путь развития села связан с созданием большого количества домашних кустарных мастерских, производящих предметы потребления вдали от промышленных центров. Он вызывает необходимость создания сети торговцев-посредников, которые обеспечивают доставку товара от производителя к потребителю. Наиболее характерным.

образцом этой модели развития сельских районов является округ Вэньжоу провинции Чжэцзян.

Именно эти две модели развития села определяют различные пути формирования рабочего класса сельских районов. В первом случае этот процесс идет быстро, так как поступивший на предприятие крестьянин охватывается фабрично-заводским производством. Во втором случае в силу объективных причин крестьянин должен будет пройти долгий путь от индивидуального кустаря-производителя до рабочего через мануфактуру. Рассмотрим два пути создания сельских предприятий.

**Опыт юга Цзянсу.** После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) на юге провинции Цзянсу на всех уровнях управления в сельской местности — уезд, коммуна, большая производственная бригада, производственная бригада — стали образовываться мелкие промышленные предприятия коллективной собственности, создаваемые местными властями. Как заявил в своем интервью газете «Чайна дэйли» заместитель начальника управления предприятиями волостей и поселков провинции Цзянсу, за 6 лет, с 1978 по 1984 г., было создано более 68 тыс. мелких предприятий, на которых занято свыше 4 млн. человек, получающих в среднем 700 юаней в год. В 1984 г. валовая продукция этих предприятий превысила 20 млрд. юаней (более 30 % валовой промышленной продукции провинции Цзянсу)<sup>15</sup>.

В результате на юге провинции Цзянсу рост сельских предприятий шел быстрее, чем городских государственных и коллективных предприятий. В среднем доход на одного сельского рабочего здесь почти такой же, как в городах, но иногда и значительно выше, как, например, в сельской промышленности уезда Уси провинции Цзянсу. В таких случаях сельские жители не стремятся переехать в город. Даже наоборот, городские рабочие просят перевести их на сельские предприятия<sup>16</sup>. Быстрыми темпами стали развиваться малые города и поселки, создаются индивидуальные и коллективные предприятия в различных отраслях экономики. Городские и сельские жители либо создают на собственные средства индивидуальные или кооперативные предприятия торговли, услуг, кустарной промышленности, либо идут работать на коллективные предприятия, где со временем они надеются стать квалифицированными рабочими. Причем чем больше в районе развит коллективный сектор, тем меньше людей занято на индивидуальных и частных предприятиях. В настоящее время основополагающей тенденцией развития сельских районов на юге Цзянсу является развитие коллективных предприятий волостей и поселков и перелив на эти предприятия рабочей силы из сельскохозяйственной сферы. За 8 лет, с 1979 до 1987 г., более 10 млн. крестьян провинции Цзянсу (38,5 % всей рабочей силы в сельской местности) перешли в сельскую промышленность и другие отрасли. В 1984 г. общая численность перешедших в несельскохозяйственную сферу (как уехавших в город, так и находящихся в деревне) составила более 50 % всей избыточной рабочей силы села.

Китайские экономисты делят их на 6 категорий: 1) рабочие и служащие волостей и поселков; 2) временные рабочие на предприятиях городов; 3) рабочие в строительных бригадах (часть из них работает за рубежом)<sup>17</sup> и других отраслях экономики; 4) крестьяне, занимающиеся перевозками на большие расстояния; 5) крестьяне, занятые в торговле, в сфере услуг и питания; 6) занятые в домашней промышленности<sup>18</sup>.

Если в середине 70-х гг. на юге Цзянсу доля рабочей силы, занятой вне сферы сельского хозяйства, составляла не более 10 %, то к середине 80-х гг. — уже около 50 %. Доля занятых в сельском хозяйстве уменьшилась с 71 % в 1979 г. до 45 % в 1986 г.<sup>19</sup> Таким образом, в провинции Цзянсу численность занятых в сельской промышленности и «третьей» сфере оказалась больше, чем занятых в сельском хозяйстве, и больше, чем рабочих и служащих в городах. На наш взгляд, этот путь развития сельских районов является наиболее перспективным для Китая в целом, и он сможет обеспечить быстрый рост рабочего класса в сельской местности.

**Опыт округа Вэньжоу провинции Чжэцзян** во многом определен существовавшим уровнем экономического развития района — отсутствием крупных промышленных предприятий, слабым развитием транспортной сети, нехваткой электроэнергии и др. В этом районе насчитывалось мало предприятий, которые могли бы развиваться как филиалы предприятий крупных и средних городов. Как отмечается в журнале «Жэньжоу яньцзю», «опыт модели юга Цзянсу не подходит для округа Вэньжоу по тем причинам, что там отсутствуют два основных условия для создания и развития коллективных

предприятий волостей и поселков, а именно наличие больших коллективных накоплений и близость крупных предприятий больших городов»<sup>20</sup>. Поэтому развитие волостных и поселковых предприятий шло по пути развития мелких предприятий на базе отдельных дворов, путем создания семейных предприятий за счет собственных накоплений. Фактически экономику Вэньчжоу во многом определяет 100-тысячная армия индивидуальных торговцев, которые закупают продукцию семейных промышленных предприятий на специализированных и общих рынках в малых городах и поселках и доводят ее непосредственно до потребителя. Доля индивидуальных семейных предприятий в Вэньчжоу довольно велика. По данным на 1984 г., из 132 тыс. предприятий 107 тыс. (или 80 %) составляли индивидуальные семейные предприятия<sup>21</sup>.

На работу в них привлекается и наемная рабочая сила (ученики как основная рабочая сила из других семей для обучения ремеслу и временные и сезонные рабочие на вспомогательных работах)<sup>22</sup>. В дальнейшем на базе этих семейных предприятий создаются новые хозяйственные объединения (НХО) для совместной деятельности по сбыту продукции, закупки сырья и материалов, найма помещения и т. д. Однако связи между этими предприятиями носят спорадический характер, они еще не сложились в кооперативы, хотя новых хозяйственных объединений было создано довольно много.

Там, где еще не получили развития коллективные предприятия волостей и поселков, развитие рабочего класса, видимо, будет происходить медленно из-за отсутствия необходимых условий для его формирования и малые города в основном будут развиваться как торговые, а не промышленные центры.

Анализ социально-экономического развития двух типов сельских районов показал, что сельский рабочий класс юга провинции Цзянсу и других районов с подобными экономическими характеристиками обладает наиболее типичными чертами рабочего класса, приближающегося постепенно по своим социальным характеристикам к ядру рабочего класса — городским фабрично-заводским рабочим. Именно в этих районах важным фактором трудоустройства явился рост местной сельской экономики и развитие сельских торговых центров. По данным ГСУ КНР, в 1985 г. в провинции Цзянсу из 62,130 млн. человек насчитывалось лишь 15,960 млн. человек городского населения, а в провинции Гуандун — из 62,530 млн. — 18,770 млн. человек<sup>23</sup>. Но на практике именно в этих провинциях наиболее активно развивался сельский рабочий класс.

Например, в конце 70-х гг. в Цзянсу избыточная рабочая сила в связи с нехваткой пахотных площадей составила около  $\frac{2}{3}$  всей рабочей силы, однако к середине 80-х гг.  $\frac{1}{3}$  ее была уже поглощена сельской промышленностью. В этих районах большая часть деревенского населения переместилась в другие несельскохозяйственные отрасли. При этом подавляющую часть составляло сельское население, занятое одновременно в сельском хозяйстве и промышленности.

«Покидая землю, не покидать деревню» — такой курс был провозглашен в Документе ЦК КПК № 1 от 1984 г., и он способствовал развитию рабочего класса в сельской местности. Были намечены следующие пути реализации этого курса: развитие малых городов и поселков как дополнение городской экономики; развитие трудовых услуг для города вне сферы сельского хозяйства; развитие домашних промыслов и предприятий на селе<sup>24</sup>. На наш взгляд, эта политика представляется разумной и она должна будет обеспечить не только решение проблемы трудоустройства сельского населения, но и развитие экономики сельских районов.

Все предприятия несельскохозяйственной сферы размещены в сельских городах и поселках четырех различных типов. В сельском торгово-промышленном центре, как правило, сконцентрированы предприятия торговли и услуг, обслуживающие население, проживающее в радиусе 3—5 км, а также промышленные предприятия индивидуального и частного секторов и кооперативная кустарная промышленность, на которые привлекается излишек сельской рабочей силы, а также временно занятые в сельском хозяйстве и подсобных промыслах. В центре волости расположены административные учреждения низовых органов власти на местах, а также предприятия промышленности, торговли, снабженческо-сбытовые кооперативы, финансовые учреждения. В результате складывается хозяйственный центр, который по мере роста занятого вне сферы сельского хозяйства населения будет по своему статусу постепенно приближаться к городу. В торгово-промышленном центре нескольких волостей проводится интенсивный торговый обмен, реализуется сельскохозяйственная продукция и продукция подсобных промыслов. Для обслуживания этих процессов в нем сконцентрировано

много промышленных и торговых предприятий, а кое-где имеются даже предприятия уездного подчинения. Уездные города являются, как правило, политическим и культурным центром всего уезда, а если нет рядом крупных и средних городов, то и хозяйственным центром уезда<sup>25</sup>.

Таким образом, на сельских предприятиях в экономически развитых районах крестьяне постепенно вовлекаются в промышленное производство, где, говоря словами Фэй Сяотуна, «сочетаются новые способы труда с новым объектом производства»<sup>26</sup> и постепенно формируется периферийный отряд рабочего класса. Все больше рабочей силы села вовлекается в промышленность.

<sup>1</sup> In: "Beijing Review", 1987, № 3, p. 22.

<sup>2</sup> См.: Чжунго тунци няньцзянь — 1981. Пекин, 1982, с. 134; «Жэньминь жибао», 27.1.1986.

<sup>3</sup> См.: «Жэньминь жибао», 27.1.1986.

<sup>4</sup> См. там же.

<sup>5</sup> См. там же, 22.VI.1984.

<sup>6</sup> См.: Фэй Сяотун. Малые города — большие проблемы. Наньцзин, 1984, т. 1, с. 23 (на кит. яз.).

<sup>7</sup> См.: Экономический словарь современного Китая. Пекин, 1984, с. 513 (на кит. яз.).

<sup>8</sup> В 1957—1958 гг. в КНР были приняты такие постановления Госсовета КНР в области трудового законодательства, как Временное постановление о наборе в деревнях временных рабочих, Временное постановление о заработной плате разнорабочих и неквалифицированных рабочих на предприятиях, в хозяйственных организациях и в государственных учреждениях и др. (См. подробнее: Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1955, с. 566—580.)

<sup>9</sup> См. там же, с. 566.

<sup>10</sup> См.: Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики, с. 576; Ма Вэньжуй. Разъяснение Временного постановления Госсовета КНР о заработной плате неквалифицированных рабочих и разнорабочих на предприятиях, в хозяйственных организациях и в государственных учреждениях; «Синьхуа баньюэкань», 1957, № 24, с. 92, 93; Сюй Минь. К вопросу об упорядочении заработной платы для неквалифицированных рабочих; «Лаодун», 1957, № 24, с. 11.

<sup>11</sup> In: "International Labour Review", 1988, № 3, p. 373.

<sup>12</sup> См.: «Жэньминь жибао», 28.IX.1986.

<sup>13</sup> См.: Социальные аспекты новых явлений в аграрной политике Коммунистической партии Китая. М., 1986, с. 23, 29, 37, 40.

<sup>14</sup> См.: Фэй Сяотун. Указ. соч., с. 48.

<sup>15</sup> In: "China Daily", 8.XII.1984.

<sup>16</sup> In: "Beijing Review", 1985, № 50 p. 18.

<sup>17</sup> См.: «Жэньминь жибао», 5.VII.1987.

<sup>18</sup> См.: «Цзянхай сюэкань», 1985, № 2.

<sup>19</sup> См.: «Цзянхай сюэкань», 1985, № 2; «Жэньминь жибао», 5.VII.1987.

<sup>20</sup> См.: «Жэнькоу яньцзю», 1988, № 2, с. 33.

<sup>21</sup> См.: «Шэхуэйсюе яньцзю», 1986, № 6, с. 29.

<sup>22</sup> См. там же, с. 30.

<sup>23</sup> См.: «Чжунго тунци чжайяо — 1986». Пекин, 1986, с. 22.

<sup>24</sup> См.: «Чжунго лаодун», 1985, № 3, с. 12—14.

<sup>25</sup> См.: «Цзинцзи яньцзю», 1985, № 1, с. 14, 15.

<sup>26</sup> Фэй Сяотун. Указ. соч., с. 51.

*В. Б. ВОРОНЦОВ,  
доктор исторических наук*

## Вместо введения

**В** 1985 г. лекционные дела привели автора в Свердловск. После выступления на Уралмашзаводе гостеприимные хозяева подарили лектору изданную в 1982 г. летопись Т. Ефимовой «Уралмашевцы». На 63-й странице довольно хорошо изданной книги повстречалась вдруг знакомая фамилия. Не раз приходилось слышать ее от представителей старшего поколения китайцев, она жила в памяти первостроителей Уралмаша, упоминалась и в разговорах во время различных бесед в Свердловске, а судьба человека, носившего ее, стала, по существу, передававшейся из уст в уста легендой, которая благодаря различным толкам и пересудам обростала все новыми и новыми подробностями. Так вот, фамилию (псевдоним) Николай Владимирович Елизаров получил сын главы Гоминьдана Чан Кайши — Цзян Цзинго, приехавший в Советский Союз в далекие 20-е гг. Большая часть жизни наследника Чан Кайши в России связана со строительством Уралмаша.

Нашему творческому поиску не так уж часто сопутствует везение. На этот раз автор считает, что своей, пусть и небольшой, удачей он во многом обязан перестройке нашего мышления, которое постепенно, хотя и наталкиваясь нередко на сильное сопротивление, снимает былые запреты, служившие двум взаимосвязанным целям: оправданию культа личности, преступных методов управления обществом и фальсификации ради этого истории. И, конечно же, не узнал бы читатель о неизвестных архивных материалах, если бы не содействие поиску свердловских товарищей, которые помогли восстановить одну из неизвестных страниц биографии в прошлом члена ВКП(б), а впоследствии президента Тайваня.

Готовя статью к печати, автор встретился с сомнениями ряда своих коллег: стоит ли предавать гласности подобный, слишком уж деликатный, даже в условиях сегодняшней открытости, материал? Не лучше ли как можно больше рассказывать о судьбах виднейших представителей китайского революционного, коммунистического движения, «отцов-основателей» КНР, а не о тех, кто попал в сталинскую повседневность из революционных будней Китая и незаметно перешел затем в противостоящий КПК лагерь? Один из известных наших китайцев даже обронил в разговоре: «Да и заслуживает ли Цзян Цзинго того, чтобы «вводить» его в историю?» Так и было сказано — «вводить». Видимо, слишком прочно укоренились в нашем сознании стереотипы, определяющие примат субъективизма над объективным освещением исторических событий, роли личности в истории, ее взаимоотношений с обществом. Гораздо легче подбирать факты по заранее определенному клише.

На страницах журнала «Проблемы Дальнего Востока», несомненно, будут, как и раньше, публиковаться материалы о выдающихся деятелях китайского революционного движения, о тех, кто закладывал фундамент дружественных отношений между китайским и советским народами. Но не случайно мы сегодня обращаемся к судьбе Цзян Цзинго. Ведь настало, наконец, время, когда можно глубже проникнуть в сложную диалектику развития китайской революции, ее взаимодействия с революционным движением в других странах.

Одна из многочисленных человеческих судеб, которую автор пытался осмыслить, порой мучительно, действительно уникальна. Конечно, эволюция члена ВКП(б), ставшего в расцвете своих сил ревностным защитником противоположных

социалистической идеологии ценностей, не украшает революционное прошлое, идейному настрою которого поклонялись и поклоняются миллионы людей во всем мире. Но это правда. И с ней следует считаться, стараться, по возможности, раскрыть секреты перевоплощения иных, пылких в молодости революционеров, дававших, как и Цзян Цзинго, на заре своей деятельности клятву верности идеалам социализма. Личность Цзян Цзинго принадлежит истории, независимо от воли сторонников или противников как социалистической идеологии, так и гоминьдановской бюрократии, остается со всей своей неповторимой крутизной жизненных поворотов, политической и идеологической эволюцией<sup>1</sup>.

\* \* \*

## Находка в архиве

Они расстались в конце 1925 г.— в год смерти Сунь Ятсена. Чан Кайши готовился к походу против северных милитаристов и много говорил о борьбе с империализмом, даже взывал к мировой революции. Цзян Цзинго, будучи членом китайского комсомола, искренне воспринимает призывы отца и едет на учебу в Советский Союз. Мог ли тогда молодой Цзян предположить, что решение Чан Кайши послать сына в Москву стало одним из многочисленных хитроумных шагов гоминьдановского лидера, делавшего ставку на бонапартистские методы в своей политике<sup>2</sup>. Льстивое заигрывание старшего Чан Кайши с правыми в Гоминьдане, с шанхайской мафией сопровождалось красивыми жестами в сторону Москвы. Гоминьдановский лидер, услышав о негативном отношении советских советников к своей очередной провокационной акции, обычно любил напоминать: я ведь послал сына в Москву.

Весну 1927 г. Цзян Цзинго встречает в Москве; он бродит по московским переулкам, но прохожие, увы, не удостоивают своим вниманием семнадцатилетнего, восточного типа, юношу в потертых брюках, ведь столица живет интернациональной жизнью, довольно привычным стало появление на ее улицах людей, прибывших сюда из различных уголков мира. Многие из них были связаны с Коминтерном. Участвовал в этой деятельности и сын Чан Кайши. Представители нового поколения китайских революционеров, приехавшие на учебу в Москву, отличались друг от друга, несмотря на молодость, политическими судьбами, навыками партийной работы. Если чем и был известен тогда Цзян Цзинго, то прежде всего родственными узами с главой Гоминьдана. В Советском Союзе среди слушателей Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) и Университета имени Сунь Ятсена уже тогда пользовался известностью Дэн Сяопин. Он старше Цзян Цзинго всего лишь на пять лет, но за его плечами опыт организатора-подпольщика, начавшего свою политическую биографию с распространения листовок среди китайских рабочих во Франции. Цзян Цзинго играл еще в мальчишеские игры, когда Дэн Сяопин, находясь в Париже, вступил в Социалистический союз молодежи Китая, а через два года — в европейское отделение КПК. Политический опыт Цзян Цзинго был для той поры действительно невелик, особенно, если его сравнить с опытом коллег по КУТВ. Да и сам Цзян не скрывал этого, в партийных документах он написал: «Состоял членом Гоминьдана с декабря 1925 по январь 1927 г.; входил как член Китайского комсомола», «не имел никакого определенного политического убеждения...».

Итак, свободный от «определенного политического убеждения» молодой Цзян невольно окунулся в политическую жизнь неведомой для него страны. Казалось, что все только и говорят о событиях на его родине. На голову обрушился поток противоречивой информации. Всего лишь несколько месяцев тому назад Н. И. Бухарин — «золотое дитя революции», как сказал о нем В. И. Ленин, видный деятель Коминтерна — говорил о расколе Гоминьдана, призывал к поддержке противостоящего Чан Кайши правительства в Ухани, которое, по его словам, неизбежно должно было стать «центром притяжения народных масс»<sup>2</sup>. А теперь, спустя несколько месяцев, он же, Бухарин, отмечает конец революционной роли уханьского центра<sup>3</sup>. Сверстники Цзян Цзинго из китайского комсомола со свойственным молодежи пылом требовали более радикальных, нежели их старшие



товарищи из КПК, мер: аграрные преобразования, вооружение рабочих и крестьян, демократизация Гоминьдана и т. д. Но какова социальная база китайской революции? Созрели ли объективные для нее условия? Стоило ли КПК принимать участие в деятельности Гоминьдана? Эти и другие вопросы оказались в центре партийных дискуссий. Оппозиция обвинила Н. Бухарина, выступавшего за линию единого фронта, в предательстве ленинизма. Соратники Л. Троцкого открыто потребовали от него «посмотреть в зеркало и не пенять, что рожа крива». Но и в оппозиции не было и не могло быть единой точки зрения в отношении китайских событий. «У Радека,— писал Н. Бухарин,— в Китае нет феодализма, у Зиновьева — он процветает. По Троцкому — буржуазия, пожалуй, что, никогда революционной роли в Китае не играла, по Радеку — она была другом рабочих. По Зиновьеву — нужно было всемерно поддерживать Ухань; по Троцкому (в то же время) Ухани не существовало, и нужно было немедленно против него организовать центр двоевластия. По Радеку — нужно было выходить из гоминьдана тогда, когда им же рекомендовалось сидеть в гоминьдановском правительстве...» и т. д. и т. п.<sup>1</sup>. Найти в такой несусветной путанице разумный для того времени ответ не могли зачастую и бывалые политические деятели. И по силам ли было Цзян Цзинго, оказавшемуся на крутом повороте своей судьбы, разобраться со столь сложной головоломкой? Легче было для него как комсомольца 20-х объяснить поведение Чан Кайши.

Цзян Цзинго, услышав о перевороте, совершенном отцом в 1927 г., восстает против правых в Гоминьдане. Его открытый протест усилен чувством личной обиды — отец, порвав узы первого брака, расстался с его родной матерью, предпочтя ей милостивую представительницу высшей знати Сун Мэйлин. Свойственная возрасту наивность, невежество в делах гоминьдановской политики приводили молодого Цзяна, когда он оценивал поведение отца, к единственной альтернативе. Он помнил, как Чан Кайши говорил о «необходимости борьбы пролетариата», о своем желании сделать революционером своего сына. А теперь? Расстрелы рабочих в Шанхае, услуги империалистам! Повсюду, на страницах газет, на собраниях и митингах в Москве, его отца называли предателем революции.

Бурный поток античанкайшистского движения подхватил и Цзян Цзинго. 21 апреля 1927 г. читатели, открыв свежий номер «Правды», прочли на ее страницах письмо сына к отцу. «...Я сделал то, что ты говорил мне раньше, — заявлял автор столь необычного послания. — Я стал революционером! И поэтому — я твой враг». В письме говорилось о готовности сына Чан Кайши умереть за революцию. Молодой Цзян предупреждал: «Ты использовал переворот и сделался «героем». Но победа твоя временна и непрочна. Чан Кайши, честное слово, коммунисты с каждым днем крепнут силами для будущей борьбы. Извини, пожалуйста, но мы легко разделяемся с тобой. Борясь с капиталистами, убрать с дороги тебя, их пешку — не так трудно». Сын твердо заявил о прекращении всяких связей с отцом. С этого времени Цзян Цзинго начал выступать по поводу различных политических событий в Китае с заявлениями, где содержались призывы к китайскому народу решительно бороться против «злейшего врага» — Чан Кайши. Теперь они, молодые люди, разноязычные и разноплеменные энтузиасты, в том числе из рядов подхваченных революционной волной представителей других стран, должны были надолго заменить наследнику Чан Кайши родных и близких, оставленных им далеко за Китайской стеной.

Конец 20-х—30-е гг. стали для советских людей годами самоотверженной борьбы за технический и социальный прогресс. Но это было и время, когда после смерти Ленина, набирала силу тенденция к бюрократизации аппарата управления, когда всевозможными путями в стране насаждался невиданный культ личности. Политическая культура масс, несмотря на творческое горение и социалистическую по духу мораль искренних в своей вере создателей нового общества, оставалась еще на низком уровне. Эти условия благоприятствуют упречению власти И. Сталина, что нередко и не без оснований приравнивается к перевороту, совершенному его группой. Именно тогда вовлеченные в круговорот общественной и политической жизни Страны Советов представители молодежных движений из различных уголков мира делили со своими сверстниками 20—30-х гг. не только радости, но и



свалившиеся на них тяжкие испытания. Немало пережил в начале своего жизненного пути и Цзян Цзинго. Об этом говорит находка в архиве.

Николай Владимирович Елизаров учится в КУТВ, в военной школе, затем по рекомендации Исполкома Коминтерна поступает в Академию РККА им. Толмачева в Ленинграде. Представитель революционной китайской молодежи — а его так и воспринимают в России — погружен в общественную деятельность. Он секретарь комсомольской ячейки КУТВ, член комсомольского бюро военной академии. В феврале 1930 г. Н. В. Елизарова принимают кандидатом в члены ВКП(б). Активное приспособление Цзян Цзинго к требованиям окружающей его общественно-политической обстановки — естественная реакция сына на разрыв с отцом. Елизаров-Цзян Цзинго взвалил на себя — надо признать — непосильное бремя. Нужно было соорудить прочный барьер, разрывающий родственные связи с Чан Кайши, что казалось невыполнимым в свете устойчивых традиций китайских семейных отношений. Но подобные ситуации, когда сын восставал против отца, брат против брата, нередко возникали в недалеких буднях революции и гражданской войны.

На небольшом клочке бумаги сыну китайского генерала предстояло ответить в своей автобиографии, помимо прочего, на вопрос: зачем он появился в Советском Союзе? «Руководство Коминтерна, — отвечал Елизаров, — поставило передо мной задачу — для того, чтобы стать хорошим и крепким большевиком, нужно проходить практическую большевистскую школу». И Цзян Цзинго учился жизни. Он и рабочий на заводе, и председатель подмосковного колхоза. Завод и колхоз, как признавал сам Цзян, стали «огромной жизненной, большевистской школой», где он «работал с большим желанием и подъемом, где учился у рабочих и колхозников, учился у руководителя партийной организации».

В начале 30-х гг. старший Чан Кайши блокирует и осаждает советские районы Китая, делает все, чтобы уничтожить КПК, а его сын, откликаясь на призыв Коминтерна и ВКП(б), едет на Урал, где поднимается первенец советского тяжелого машиностроения. В 1931 г. строительство Уральского машиностроительного завода было объявлено ударной стройкой, приравненной к 33-м первоочередным строящимся объектам советской индустрии. Цзян Цзинго попал в удивительный, наполненный бурными событиями мир гигантской стройки Урала. Молодых строителей Уралмаша увлекал азарт; глубокую веру в великие свершения, самоотверженность не могли, казалось, подорвать ни кампании чисток, ни голодный паек, ни тяжелейшие условия быта. Первая молодежная коммуна! Молодые коммунары делили между собой и радости и беды. Они черпали вдохновение в ярких огнях еще недавнего революционного прошлого, в пылких мечтах о рае всеобщего равенства.

Наш паровоз, вперед лети,  
В коммуне остановка...

Здесь воплощались в реальных делах труд, талант, специфические традиции, психология представителей различных национальностей: русских, украинцев, белорусов, татар, башкир, многочисленных посланцев народов Кавказа и Средней Азии. Здесь не на словах, а на деле проверялась идея братства народов.

На Урале все явственнее ощущалось биение политического пульса планеты — не редкостью на стройке стало появление немцев, открыто признававших свою приверженность к фашизму, к человеконенавистнической идеологии нацизма. Интернациональное воспитание советских людей отвергало фашизм. Не мог равнодушно воспринимать его и Цзян Цзинго. Но в это время на его родине уже возрастал интерес к нацистам. Чан Кайши усмотрел в их организациях и деятельности пример для подражания и только после событий у Лугоуцзяо, когда японские милитаристы открыто напали на китайские гарнизоны, фашисты как союзники японского агрессора неизбежно теряют свою привлекательность в Китае...

На Уралмаше постепенно росла известность Елизарова-Цзяна. Не раз в трудные моменты, когда на отдельных участках появлялись прорывы, отмечалось в книге «Уралмашевцы», партком формировал штурмовые бригады из коммунистов и комсомольцев. Слесарь коммунист Н. Елизаров стал организатором первой коммунистической штурмовой бригады. Имя Елизарова было занесено в Красную

книгу ударников<sup>в</sup>. Н. В. Елизарова выдвигают на пост заместителя начальника по административно-хозяйственной части механического цеха № 1 (начальником АХО цеха). В протоколах сохранилась запись диалога, состоявшегося на заседании специальной комиссии во время чистки партийной ячейки механического цеха — проверялась надежность Елизарова Николая Владимировича, кандидата ВКП(б) с 1930 г. Это было 30 сентября 1933 г. Вопросы задавались Елизарову председателем и присутствующими с места:

— Что тебя заставило приехать в Советский Союз?

— Приехал в СССР получить опыт революционной борьбы и учиться...

Разбирали поведение Елизарова весьма тщательно. Казалось, не было упущено ни одной детали. В центре внимания находились социальные вопросы: почему увольняют рабочих, и какие меры предпринимаются для улучшения бытовых условий трудящихся, и почему допускается, хотя и не часто, грубость в отношениях с окружающими и т. п. Напряженность разговора в комиссии по чистке отражала серьезные трудности, с которыми приходилось сталкиваться пионерам Уралмаша. 187 заявлений на улучшение жилищных условий подали рабочие цеха, где начальником АХО был Елизаров. Лишь 90 из них сумели попасть в более благоустроенные жилища. Елизаров не мог равнодушно воспринимать вопросы, затрагивающие тяжелые условия быта уралмашевцев, со знанием дела говорил о строительстве жилья. В каменные дома вселялись прежде всего «высокорядники и завербованные рабочие», остальные должны были потерпеть и получить жилье в каркасных домах и в бараках. Как быть с дровами? Начальник АХО подал заявку в отдел снабжения. А бесконечные обсчеты в бухгалтерии? Ни суды, ни смены сотрудников в бухгалтерии не помогали — обсчеты продолжались.

Тяжелое бремя легло на плечи строителей Уралмаша — недостаток жилья, проблемы отопления (а на Урале июнь — еще не лето, а июль — уже не лето), нехватка спецодежды и т. д. В это суровое время для уралмашевцев Елизаров был своим, о нем было сказано немало добрых слов. Кто-то напомнил, что Николай Владимирович не считался со своим временем и, если нужно, день и ночь проводил на работе. Другой говорил о его товарищеском отношении к рабочим, о его честном отношении к делу («решительно боролся с рвачами и прогульщиками»), третьи признавали: Елизаров достоин быть коммунистом. Речь шла и о недостатках. К ним относили нервозность и то, что проверяемый уделяет излишнее внимание «мелочам» («сам подметает пол, прибирает инструменты»), не продумывает тщательно вопрос, прежде чем принять решение и т. д.

Кто только не проходил тогда через «чистилище»? Выявлялись факты, которые в условиях растущей подозрительности ставили под сомнение не только партийность, но и саму жизнь «проходящего чистку»: родственные связи с лавочниками, белогвардейцами, деревенскими «мироедами», и, не дай бог, с белоэмигрантами. Уличенные в подобных тяжких грехах рассматривались не иначе, как чужаки, просочившиеся в партийные ряды, и для многих из них «чистка» становилась началом хождения по мукам.

Своими решительными шагами, главное — публичным разоблачением отца, умелым приспособлением к окружающей обстановке Цзян Цзинго сумел преодолеть недоверие коллег. Нет, он не выглядел, даже если принять во внимание раздававшиеся упреки, капризным отпрыском высокопоставленного представителя китайской элиты. Цзян сдал очередной, нелегкий экзамен, его авторитет не мог не повыситься среди уралмашевцев, а на фоне многих человеческих трагедий успех сына отступника от идеалов китайской революции предстал и в его собственных глазах как немаловажная победа.

Читатель, зная о том, что Н. Елизаров — сын Чан Кайши, познакомившись с материалом чистки, мог бы сказать: приспособленец, тщательно маскирующий свои карьерные устремления. Такой подход вполне закономерно привел бы к осуждению фальши в поведении сына Чан Кайши — его желания показать, будто он искренне воспринял идеалы социализма, принимает правила поведения новой для него среды, бескорыстен и прилежен в труде и общественной жизни, правильно оценивает свое прошлое, своего отца. Дело было, видимо, не в приспособленчестве, все оказалось намного сложнее.

## Перевоплощение

В многонациональном коллективе уралмашевцев не могли не проявлять себя различные культурные традиции, национальные ценностные ориентации. Когда молодой начальник АХО Н. Елизаров подметал пол в цехе, сам прибирал инструмент, писал и говорил, что он учится у руководителей, то его поведение укладывалось в русло тех конфуцианских традиций, которые оказывали на Цзяна воздействие в самый решающий период его формирования как личности. Здесь сказывалось скорее всего то сокровенное, с чем он родился, что привнесено было нравами поколения его современников-соотечественников, в чем проявлял себя дух его родины. Вместе с тем молодой Цзян потерял связи с отцом — Чан Кайши был всегда далеко от дома и сын вырос, если судить по его уральскому опыту, в более независимую и инициативную личность, что во многом определило его место среди советских людей. Но и эта причина, хотя и играет свою роль, не может быть главной для объяснения столь необычного поведения сына китайского генерала. Через общение с окружавшими его людьми молодой Цзян не мог не усваивать присущие большинству представителей поколения 20—30-х гг. чувства, эмоции, формы поведения. Его личность не только испытала на себе влияние традиционного для своей родины воспитания, но и, восприняв через контакт с окружением определенный социальный, политический багаж, сама стала носителем специфической для того времени социально-психологической информации. Кто входил в окружение Н. Елизарова? Представители международного коммунистического движения, объединенные верой в идеалы социализма, его же сверстники — передовики-производственники завода, руководящий состав, коммунисты, а многие из них показывали примеры ленинской скромности, бескорыстия (в ту пору, кстати сказать, для коммунистов-руководителей действовал партмаксимум), молодые интернационалисты из других стран, находившиеся порой во власти стойкого в их среде идеализма, популярных тогда представлений о мировой революции. Наряду с этим начинали все активнее действовать и иные факторы. Какие критерии, например, определяли главным образом выдвижение руководящих кадров? Может быть, способности, глубокое проникновение в творческое наследие марксизма-ленинизма? Сколько талантливых, отличавшихся независимостью суждений руководителей, блестящих инженеров в 30-е гг. попали в разряд «врагов народа» и безжалостно были перемолоты конвейером политических преследований и расправ. В условиях формирования диктатуры Сталина наивысшей похвалы удостоивалась демонстрация преданности «вождю и учителю». Для Цзян Цзинго, получившего начальное воспитание в духе вековых конфуцианских традиций, психоз, связанный с культом личности, преклонение перед величием «сталинского гения» выглядели вполне естественным проявлением народной воли («император — сын неба», «народ — песчинка в мироздании»), закономерным с позиций укоренившейся на его родине морали, проявлением взаимоотношений между возведенной в абсолют властью «наместника неба» и пассивной массой народа («ветер дует — трава клонится»). Сын Чан Кайши, как и многие его коллеги по работе на Уралмаше, отождествлял с именем Сталина партию, дело социализма, энтузиазм советских людей. Такого рода ложное сознание находило свое отражение в партийной документации тех времен, сказывалось на ее форме, побуждало ее авторов к казенщине, формализму. Цзян Цзинго, исполнявший обязанности ответственного редактора газеты «За тяжелое машиностроение» (с февраля 1934 по февраль 1937 г.) неизбежно воспринимает стиль и навыки, столь распространенные в окружавшей его социальной среде того времени.

И вот на столе лежит заявление, написанное собственной рукой сына Чан Кайши. Цзян Цзинго ставит вопрос о переводе его из кандидатов в ряды членов ВКП(б). С точки зрения социальных отношений, социальной психологии документ этот, думается, может представить интерес.

3. первичного организационного ВКП(б) при типографском  
устройстве завода /

От кандидата ВКП(б) Елизарова Н.В.  
№. Кандидатской Карточки 0111710.

Коммунистической партией большевиков заблаговременно  
внимательно воспитывала и вырабатывала меня  
она передо мной и сделала меня настоящим  
свободным и счастливым человеком. Настоящие  
статье это бороться за дело коммунистической  
свободы это жить, бороться и мыслить пере-  
дней революционной идеей Маркса-Ленина-Сталина.

Мое отцу - Тан-Кей-ши являлся изменником и  
предателем великой китайской революции, и в  
настоящее время главой китайской черной реакции.  
С первого же момента его измены я вел борьбу  
против него. Прошло 10 лет, пройдя школу большевизма  
мое коммунистическое убеждение стало еще тверже

еще решительнее. Топор, мой личный дора  
яков и открыться, путь коммунизма, борьба за  
до рабочего класса. Буду точно выполнять  
приказы и указы ВКП(б). Должно быть слово  
этой борьбе за дело Ленина-Сталина.

Прошу Вас перевести меня из кандидатской  
Карты ВКП(б).

Н. Елизаров 16/11/30

## Текст заявления о приеме в ВКП(б), написанный рукой сына Чан Кайши

— В первичную организацию ВКП(б) при типографии Уралмашзавода  
От кандидата ВКП(б) Елизарова Н. В.  
№ кандидатской карточки 0111710

Коммунистическая партия большевиков заботливо и внимательно воспитывала и выращивала меня, она переделала и сделала меня настоящим и счастливым человеком. Настоящее счастье — это бороться за дело миллионов, настоящая свобода — это жить, бороться и мыслить передовой революционной идеей Маркса-Ленина-Сталина. Мой отец Чан Кайши является изменником и предателем великой китайской революции и в настоящее время главой китайской черной реакции. С первого же момента его измены я вел борьбу против него. Прошло 10 лет, проходя школу большевизма, мое коммунистическое убеждение стало еще тверже, еще решительнее. Теперь моя жизненная дорога прямая и открытая. Путь коммуниста — борца за дело рабочего класса. Буду точно выполнять программу и устав ВКП(б). Отдаю всю свою жизнь за дело Ленина-Сталина. Прошу перевести меня из кандидатов в члены ВКП(б).

Н. Елизаров 16.XI.36.

Это заявление о приеме в ВКП(б) было составлено неординарным даже для тех условий человеком. В партию вступал сын руководителя находящегося в тяжелом положении соседнего нам государства, наследник предателя китайской революции. Вокруг личности Цзян Цзинго не умолкают разговоры. Повод для пересудов давала и газета «Уральский рабочий». На ее страницах печатались материалы, рассказывающие об очередных провокациях Чан Кайши, о переходе гоминьдана на контрреволюционные позиции, об отказе чанкайшистов от антиимпериалистической борьбы. Тем не менее коммунисты, обсуждавшие кандидатуру Н. Елизарова, дававшие ему рекомендации, довольно хорошо отзывались о своем товарище. «Елизаров — сын бывшего, — заявил один из них, — но понял нашу линию и пошел против отца. У наших рабочих хорошее мнение об Елизарове». 7 декабря 1936 г. решением партийного собрания в типографии газеты «За тяжелое машиностроение» Н. Елизаров единогласно переводится из кандидатов в члены ВКП(б). Его имя появилось и в списках депутатов Орджоникидзевского райсовета г. Свердловска.

Как же складывалась дальнейшая судьба молодого члена ВКП(б) Н. В. Елизарова? Стечение обстоятельств, связанных с событиями в Советском Союзе, в Китае, с деятельностью Чан Кайши, привело все же к крутому повороту в его биографии. Ровно через месяц после того, как Цзян поставил свою подпись под заявлением о приеме в ВКП(б), его отец был пленен в Сиани. Газета Уралмашзавода «За тяжелое машиностроение» подробно освещала со ссылками на информацию из Японии события в Сиани. 15 декабря в Нанкине введено чрезвычайное военное положение. Командование нанкинским гарнизоном полагает, что некоторые круги в столице связаны с восставшими. Нанкинское правительство запретило публикации о восстании и в Китае, и за границей. 16 декабря восставшие, вдохновляемые милитаристом Чжан Сюэляном, перебили охрану Чан Кайши, состоявшую из 50 человек. Назначенный временно председателем нанкинского военного совета генерал Фэн Юйсян (один из давних соперников и партнеров Чан Кайши) послал телеграмму Чжан Сюэляну, в которой предложил себя на роль пленника вместо Чан Кайши. Чжан Сюэлян взял на себя полную ответственность за безопасность генералиссимуса. Настроенные в антияпонском духе офицеры вынудили Чан Кайши принять свои требования, предполагавшие мобилизацию сил в рамках антияпонского фронта, где видную роль играла КПК.

Отец цементировал в 30-х гг. диктатуру, призванную обеспечить власть нажившейся на страданиях народа разложившейся бюрократии, продажных чиновников, местных милитаристов. Японская агрессия, обстановка осажденной крепости объективно сохраняли за Чан Кайши право сжать всех в кулак, содействовали

расцвету в Китае диктатуры, которая поднимала, хотя подчас и вопреки желанию наиболее стойких ее приверженцев, знамя антияпонской борьбы. Вполне очевидно, что нередко успех в общенациональных движениях, возглавляемых Гомиьнданом, достигался под лозунгом единого фронта, в рядах которого видную роль играла КПК. Идея единого фронта так или иначе приводила к связям политических движений в Китае и в Советском Союзе, что непосредственно сказалось на судьбе сына Чан Кайши. Вскоре, когда началась японо-китайская война, и Советский Союз протянул Китаю руку помощи в его борьбе с агрессором, для Чан Кайши появились благоприятные возможности установить контакт со своим сыном.

Для сына же в это время наступил тяжелый час испытаний. Первая в мире Страна Советов, сделавшая в октябре 1917 г. действительно рывок к демократии, вступила в наиболее драматическую полосу политического бесправия, начались жестокие репрессии против кадров в армии, среди интеллигенции, настало время невыносимых человеческих трагедий. Трудно всесторонне оценить губительные для дела социализма последствия не только массового уничтожения ни в чем не повинных людей, но и подрыва нравственных ценностей, придававших особую привлекательность социалистическому пути развития. На Урале сполна познали смысл сталинского переворота. Нарком Серго Орджоникидзе, постоянно опекавший уральское индустриальное строительство, покончил с собой, предпочтя смерть угровленной ему Сталиным постыдной роли орудия террора. Насильники уже терзали в застенках следственной особорежимной тюрьмы Чингиза Ильдрыма, начальника Магнитостроя, близкого к Кирову и Орджоникидзе, единственного курда, получившего высшее образование в СССР. Молодое государство оказалось во власти тяжелейшего недуга; мания вредительства, усиленно распространяемая сверху, захватывала различные слои общества.

Репрессии обрушились и на ближайших друзей Н. Елизарова, на тех, кто помогал ему, находившемуся вдали от родных, найти свое место в незнакомом для него обществе, рекомендовал его в партию. В архивах Свердловска сохранились пожелтевшие карточки коммунистов и беспартийных, безвременно ушедших из жизни. Сколько честных людей, искренне преданных великой идее, погибло из-за грязных наветов, живых доносов и обвинений.

Вал репрессий нарастал, 20 августа 1936 г. уральские газеты публикуют обвинительное заключение по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра». Дан сигнал для начала новых массовых арестов. Над головой Цзян Цзингю сгушаются тучи — слезка, доносы, поток обвинений.

Холодный зимний день 15 января 1937 г. ворвался в жизнь Цзян Цзингю печальными новостями, положив начало тревожным ожиданиям. Уралмашевцы, открыв в этот день газету «Уральский рабочий», внимательно знакомились с решениями высших партийных инстанций. «Бюро Орджоникидзевского райкома ВКП(б),— говорилось на страницах газеты,— вскрыло в работе редакции «За тяжелое машиностроение» ряд крупных политических ошибок, притупление политической бдительности и отсутствие самокритики». Газета, получая «сигналы» о деятельности «врагов народа», оказывается, «надлежащим образом не разоблачала контрреволюционную деятельность» в своих рядах. Такого рода сентенции все чаще появлялись в местной печати различных районов и областей Советской страны. На этот раз опубликованное в газете решение отличалось лаконичностью:

«...В коллективе редакции «За тяжелое машиностроение» не было должной самокритики и большевистской бдительности. Газета не раз допускала враждебные и мелкобуржуазные выступления. Райком постановил освободить временно исполняющего обязанности ответственного редактора Елизарова и укрепить состав редакции проверенными партийными кадрами». Было признано, что ошибки, допущенные газетой,— результат недостаточного руководства газетой со стороны РК ВКП(б). В следующем номере газеты от 16 января помещена статья Лаврентия Берия, к читателю обращаются с призывами: учиться у Л. П. Берия! Секретарь райкома, давший рекомендацию в партию Н. Елизарову, попал в ряды «врагов», а Партконференция, проходившая 7—11 февраля 1937 г., закончилась для него печально — он стал очередной жертвой преследований. Казалось, что участь сына Чан Кайши предрешена. Но он, как депутат райсовета, еще некоторое время получает поддержку в аппарате горсовета Свердловска. С марта 1937 г. Н. В. Ели-

заров числится зам. зав. орготдела горсовета, с этого поста он и был взят под стражу органами НКВД.

В эти тяжелые дни, возможно, запали в душу молодого Елизарова первые семена ненависти к коммунизму как к идеологии, что вряд ли может оправдать его перед памятью тех, кто проявлял о нем трогательную заботу и, возможно, из-за этого пострадал. В январе 1941 г. областной комитет ВКП(б) г. Свердловска, отвечая на запрос относительно членства в ВКП(б) Н. В. Елизарова, отметил: вопрос следует решить как о механически выбывшем из партии...

Весной 1978 г. автор, будучи в командировке в Сан-Франциско, включил один из каналов американского телевидения. С экрана блистал президент Цзян Цзинго. «Уж я-то знаю, что такое коммунизм!» — воскликнул он. С какой неприкрытой ненавистью говорил он о противоположной социальной системе. Он как политик видел в трагедии культа личности не беду великих народов — как в Советском Союзе, так и в КНР, а их вину за приверженность идеологическим принципам, которыми сам поклонялся в молодости. Конечно, он не мог рассуждать с экрана американского телевидения о подвиге трудящихся Уралмаша, сумевших вместе со всем советским народом выстоять и одержать победу в Отечественной войне.

Цзян Цзинго оказался в нашей стране во время крутого, полного трагизма поворота в ее жизни. Ему не стоило большого труда воспринять политический стиль окружающей его общественно-политической обстановки. Ведь и в гоминьдановском Китае соратникам его отца не требовалось какой-то моральной доблести, духовного напряжения, чтобы открыто ратовать за социализм, революцию, подъем национализма, гораздо труднее для них оказалось поднять свой голос за свободу, за парламентскую демократию, против эксплуатации. Сын Чан Кайши был не только очевидцем гигантских коллективных усилий по созданию в Советском Союзе небывалых еще в истории государственных и общественных институтов, но чуть было не стал жертвой сталинского произвола.

У многих иностранцев рушились идеальные представления о Советском Союзе как о стране «стерильного» социализма, что содействовало растущей неуверенности, растерянности в среде сторонников социализма в мире, — а это лишь помогло фашизму возобладать над социалистами и демократами. Здесь нередко рождались болезненные метастазы, разъедавшие антифашистский фронт в Европе, разрушавшие единство противостоящих японскому милитаризму сил на Дальнем Востоке.

Цзян Цзинго, принимая участие в одном из наиболее массовых современных ему движений, зачастую пренебрегал, если судить по его опыту в России, корыстными, личными интересами. Определенные традиции, складывающиеся убеждения, здоровые инстинкты могли ограничивать и, видимо, ограничивали находившиеся где-то в тайниках его души потенции к корысти, к удовлетворению необузданного тщеславия. Но подобные ограничители оказались на его жизненном пути слишком уж хрупкими и полностью утратили свое значение, когда Цзян Цзинго столкнулся с суровой действительностью в стране, впервые провозгласившей своей целью строительство социализма. Выгода раньше или позже должна была взять верх, а в данном случае — тем более: ведь речь шла не просто о благополучии, а о судьбе наследника Чан Кайши. Главную роль в деле воспитания и становления Цзян Цзинго как политического деятеля сыграл, конечно, его отец. Сын должен быть покорным.

Гоминьдановский посол в Москве Цзян Динфу (находился там в 1936—1938 гг.) частенько вспоминал, как выполнял поручение генералиссимуса о возвращении его сына. Посол обычно начинал свой рассказ с того момента, когда в Москву на его имя пришла телеграмма от генералиссимуса следующего содержания: «Пожалуйста, найдите моего сына и возвратите его». Посол тотчас же обратился к советским властям, и через несколько дней Цзян Цзинго был найден. Поэтому сыну Чан Кайши и удалось скорее всего избежать тюремного заключения. Его пригласили в посольство и сообщили о просьбе отца. «У меня трудности, — ответил Цзян, — я женился на русской девушке, и женился по любви». Посол попросил Цзяна привести его супругу. Появившаяся вскоре гостя оказалась дипломату простушкой из сельской местности. «Я сказал Цзяну, — вспоминал посол, — что он должен в любом случае возвратиться в Китай и взять с собой жену». Цзян, помня



о своем счастливом избавлении из-под ареста, поспешил дать согласие. Возвратившись в Китай через несколько лет, Цзян Динфу, встретив невестку Чан Кайши, был поражен: перед ним предстала грациозная леди, далеко не похожая на провинциалку.

Чан Кайши опасался, что сын, которого он не видел 12 лет, пробыв длительное время в чужой стране, уже не сможет воспринимать китайскую мораль, философию, национальный дух. Отец явно хотел видеть в своем наследнике яркого националиста и немало делал для этого. Нет, Цзян Цзинго не мог забыть те заповеди, которые веками чтит его предки. Этико-политическое учение Конфуция всегда цементировало семейные устои, призвано было регулировать отношения между людьми. Пусть сын еще раз откроет классическую книгу «Ли-цзы» и внемлет наставлениям предков: «Отец должен быть ласков, а сын — покорным; муж должен быть верен, а жена послушна; старший должен быть снисходителен, а младший — послушен, государь должен быть человеколюбив, а чиновник — предан».

В любом семейном храме Цзян Цзинго мог прочесть табличку о том, что следует почитать: «небо, землю, государя, родителя, учителя»<sup>6</sup>.

Период адаптации вскоре закончился, и Чан Кайши стал постепенно натаскивать своего отпрыска, чтобы он не только пользовался завоеванными отцом привилегиями, но и умел отстаивать их.

Что за фигура сын Чан Кайши? Доктор Цзян Динфу, отвечая на этот вопрос, говорил, что считает сына Чан Кайши не «глупым человеком», а скорее «жертвой обстоятельств». «Мне кажется, — заявил в разговоре с Цзян Цзинго доктор Цзян Динфу, — что ты окружен посредственностями, а должен быть в обществе хороших людей». На что Цзян Цзинго ответил: «Вы действительно полагаете, что хорошие люди будут сотрудничать со мной?.. Никто из даровитых людей не хочет быть со мной...»<sup>7</sup>. Высокопоставленная чанкайшистская элита, видимо, с трудом привыкала к мысли, что «бывший коммунист» может стать «коронованным принцем» в Гоминьдане. Но находившийся в расцвете сил — ему еще не было сорока, — Цзян Цзинго испытывал жажду деятельности. До 1945 г. он возглавлял административные органы провинции Цзянси, в 1945—1947 гг. — отдел иностранных связей военно-политической администрации Северо-Восточного Китая, руководил молодежным движением.

Поручения отца в 1945 г. связаны были и с маневрами Гоминьдана по отношению к командованию советских войск, находившихся в Маньчжурии после разгрома японских оккупантов. Цзян Цзинго едет в качестве представителя МИД Гоминьдана в Чанчунь, где вместе с рядом высокопоставленных деятелей Гоминьдана отстаивает интересы Чан Кайши. Сюда же приезжала Сун Мэйлин. Мачеха Цзяна Цзинго развила в Чанчуне бурную деятельность: она выступала на собраниях, раздавала гоминьдановские ордена советским офицерам. По всему городу с приездом первой леди и сына генералиссимуса развешивались гоминьдановцами плакаты: «Да здравствует величайший председатель Чан Кайши!»

Цзян Цзинго не раз появлялся перед советской аудиторией, и участник событий В. Я. Сидихменов в беседе с автором вспоминал: «С нами разговаривал молодой, энергичный политический деятель, продемонстрировавший незаурядное знание русского языка. Он говорил о дружбе между народами СССР и Китая. «Вас 200 миллионов, — заявил оратор, — а нас — 600, вместе мы составляем силу в 800 миллионов». А в это время в Маньчжурии участились террористические акты против советских офицеров, китайских коммунистов. Пока Цзян Цзинго произносил медоточивые речи, наймиты отца совершали свои убийства из-за угла. Чан Кайши нудался в посредничестве деятельности сына.

19 августа 1948 г. в условиях разгара гражданской войны, разрухи и невероятной инфляции объявляется валютная реформа. Цзян Цзинго поручают новое ответственное дело. Он назначается верховным администратором проведения реформы. Начинать наводить порядок решено было с Шанхая. Сын, не расставшись, видимо, с иллюзиями, рьяно принялся за дело, и с его одобрения тех, кто сопротивлялся нововведениям, подвергали наказанию прямо на улицах. Он арестовал несколько сот человек. Чрезвычайный трибунал выносил с его благословения смертные приговоры зарвавшимся спекулянтам. Цзян получил поддержку мэра Шанхая, но его руки связала подпольная мафия, члены тайного общества гангстеров



«Зеленые». Цзян недооценивал шанхайских гангстеров, их влияние распространялось даже на Чан Кайши.

Деятельность супруги Чан Кайши — мачехи Цзян Цзинго — Сун Мэйлин и ее сестры Сун Айлин — жены банкира Кун Сянси, зачастую вольно или невольно направлялась на содействие подпольным синдикатам, контролирующим черный рынок. В то время, когда их третья сестра Сун Цинлин, вдова Сунь Ятсена, приобрела добрую славу в различных слоях китайского общества, возглавляя Институт благотворительности, две другие ее ближайшие родственницы погрязли в нечистоплотных делах своих супругов.

В один из сентябрьских вечеров 1948 г. в доме мадам Чан Кайши раздался телефонный звонок. Хозяйка услышала тревожный голос своей сестры Сун Айлин. Ее племянник Дэвид Кун — в опасности. Дело выглядело вполне обычным. Агенты Цзян Цзинго в Шанхае обнаружили склад запрещенного товара. Оказалось, что товар принадлежит «Янцзы дивелопмент корпорейшн», находящейся под контролем банкира Куна. Цзян Цзинго решил было арестовать сына банкира Куна — Дэвида. Мадам Чан Кайши пришлось срочно лететь в Шанхай, чтобы как-то нейтрализовать зарвавшегося пасынка. Сам Кун выехал в США, избежав скандала. Главный штаб «Янцзы дивелопмент корпорейшн» перевели во Флориду.

Сын Чан Кайши недолго царствовал в Шанхае. 1 ноября его миссия там закончилась. Цзян Цзинго пошекотал спекулянтов, продажных бюрократов, рэкeters. «После 70 дней своей работы, — Цзян начинал привыкать к социальной демагогии, — я почувствовал, что не смог исполнить долг, который должен был исполнить... Я искренне желаю гражданам Шанхая использовать свои собственные силы для того, чтобы предотвратить контроль над Шанхаем со стороны нечистоплотных дельцов, бюрократов, политиков и вымогателей». Сын диктатора лицемерил, демонстрируя собственное бессилие, — благополучие его семьи зависело от того, что происходило на шанхайском дне. Гоминьдановская плутократия, обладавшая особыми социальными привилегиями, сливалась с мафиозными кланами, спекулянтами, королями черного рынка. Тесная связь высшей гоминьдановской бюрократии с дельцами подпольного мира удовлетворяла и тех, и других, удовлетворяла теперь она и Цзян Цзинго как представителя высшего эшелона гоминьдановской элиты. Вирус разложения в китайском обществе распространился и по вертикали, и по горизонтали. Нарыв назревал уже не по месяцам, а по дням.

В конце 1948 г. в Пекинском аэропорту царил особенная сутолока. Гоминьдановские генералы, расталкивая друг друга, с отчаянной решимостью проталкивали в самолеты свой багаж — это прежде всего золото и своих любовниц. Некоторые из них, отягощенные драгоценностями, еле-еле забирались по трапу на борт транспортных самолетов. Еще совсем недавно ведущие военачальники «личных войск» генералиссимуса хвастались своими могуществом, теперь же они представляли довольно жалкое зрелище.

После краха гоминьдановского режима на материке, Чан Кайши готовит необходимые условия для утверждения своей диктатуры на Тайване. Во главе карательных органов — самые доверенные люди. Особое положение среди них благодаря стараниям отца занимает сын Чан Кайши. Цзян Цзинго пребывает на Тайвань в 1948 г. в качестве главы гоминьдановской тайной полиции.

На Тайване воцарилась власть гоминьдана, преследовавшего цель создания сильного националистического тоталитарного государства. КНР была объявлена «зоной, охваченной коммунистическим восстанием». Тайбэй стал претендовать на роль «правительства» всего Китая, сохранил название китайского государства, принятого после Синьхайской революции 1911 г. «Тайвань является, — заявили лидеры гоминьдановского режима, — местом временного пребывания центрального правительства Китая».

Резиденция Чан Кайши расположилась в центре Тайбэя, в основном здании, как бы в эпицентре официального Тайваня. Основные городские сооружения, когда-то служившие японским губернаторам острова, горели в 1945 г., затем снова были восстановлены. Здесь билось сердце гоминьдановской бюрократии, не терявшей надежды одолеть КПК с помощью своего заокеанского союзника. Основные артерии, обеспечивавшие жизнедеятельность созданного на Тайване режима, тщательно контролировались полицейскими службами. С особым усердием агенты

тайной полиции оберегали жизнь генералиссимуса. Хорошо было известно о приказе, которому должна была подчиниться охрана Чан Кайши — стрелять без предупреждения, если кто-либо сделает подозрительное или внезапное движение.

Диктатура Чан Кайши не могла ужиться даже с, казалось бы, незначительной, чисто символической оппозицией, любые проявления независимого мышления карались самым жесточайшим образом, политические расправы на Тайване осуществлялись под предлогом борьбы с коммунистической агентурой, лазутчиками с материка. Чан Кайши оставлял в этих условиях в руках сына главное — полицейскую дубинку. Доктор Цзян Динфу однажды достаточно откровенно посоветовал Чан Кайши подобрать для Цзян Цзинго более почетное место, нежели должность полицейского босса. «А что он может?»<sup>8</sup> — спросил Чан у своего бывшего посла в России. Отец недооценил своего сына...

*Окончание следует*

---

<sup>1</sup> Подробнее эта тема освещена автором в книге, готовящейся к публикации в Политиздате: «Чан Кайши, или Судьба китайского Бонапарта».

<sup>2</sup> Н. И. Бухарин. Проблемы китайской революции. М., 1927, с. 60.

<sup>3</sup> Н. И. Бухарин. О китайской революции. Иркутск, 1927, с. 12.

<sup>4</sup> Там же, с. 24.

<sup>5</sup> Т. Ефимова. Уралмашевцы: Десять завод. пятилеток. Свердловск, 1982, с. 63.

<sup>6</sup> См.: Го Можо. Песнь о бушующей волне. М., 1962, с. 127.

<sup>7</sup> In: Peng Ming-min. A Taste of Freedom. Memories of a Formosan Independence Leader. N. Y. etc., 1972, p. 113.

<sup>8</sup> Ibid.

Ю. М. ГАЛЕНОВИЧ,  
доктор исторических наук

24 ноября 1988 г. исполнилось бы 90 лет Лю Шаоци — видному революционеру, одному из руководителей Компартии Китая и Китайской Народной Республики. Молодежный, затем профсоюзный лидер в суровую годину подполья и вооруженной борьбы за торжество дела китайской революции, он выдвинулся на ведущие позиции в руководстве КПК. Велики и общепризнаны его заслуги в победном завершении народной революции, в создании Китайской Народной Республики и становлении ее социального фундамента, в утверждении высокого авторитета Китая на международной арене.

Член ЦК КПК с 1927 г., Лю Шаоци неизменно входил в ее высшие руководящие органы. На VIII съезде КПК в 1956 г. он избирается в Постоянный комитет Политбюро ЦК, становится заместителем Председателя ЦК КПК, и с 1959 г. — Председателем КНР.

В лихолетье «культурной революции» Лю Шаоци, как и многие другие руководители, подвергся необоснованным репрессиям, был снят со всех государственных и партийных постов, исключен из рядов КПК.

5-й пленум ЦК КПК в марте 1980 г. принял решение о полной реабилитации Лю Шаоци.

В публикуемой статье рассказывается о последнем трагическом периоде жизни Председателя Китайской Народной Республики.

Год 1966-й начался для Лю Шаоци неудачно. В начале года он перенес тяжелую болезнь. Понимая всю серьезность заболевания, он говорил в кругу семьи: «Как видно, жить мне осталось недолго. За это короткое время нужно постараться сделать побольше. Если бы Маркс дал мне еще десять лет, то мы смогли бы добиться того, чтобы Китай превратился в богатое и сильное государство»<sup>1</sup>.

В то время Лю Шаоци занимал посты Председателя Китайской Народной Республики и заместителя Председателя Центрального Комитета Коммунистической партии Китая. В течение ряда лет Лю Шаоци руководил повседневной работой ЦК Компартии Китая и китайского государства. Он был общепризнанным «человеком номер два» и в партии, и в стране, более того, к середине 60-х гг. начинал выходить на роль руководителя, не уступавшего Мао Цзэду ни по престижу среди членов партии и населения страны, ни по масштабам реальной власти, сконцентрированной в его руках.

Хорошо помню неожиданные массовые манифестации в Пекине вечером 3 января 1965 г. в связи с переизбранием Лю Шаоци на пост Председателя КНР. Центральные улицы города заполнили колонны людей, которые несли в руках многочисленные портреты Лю Шаоци в знак признательности за самоотверженную работу, проделанную им в начале 60-х гг. по выправлению кризисного положения в народном хозяйстве, сложившегося после скандального провала политики «большого скачка». Лю Шаоци заявил тогда: «Экономика КНР стоит на грани краха, в чем на 70 % виноваты люди, а на 30 % — стихийные бедствия»<sup>2</sup>. Благодаря осуществлению курса на всестороннее урегулирование и укрепление народного хозяйства, разработанного по инициативе Председателя КНР, успешно преодолевались последствия «большого скачка».

1966 г. должен был стать первым годом третьей пятилетки, целью которой было сосредоточить усилия на создании базы для модернизации Китая<sup>3</sup>.

Однако в январе 1965 г. Мао Цзэдун на заседании Политбюро изложил программу грядущей «культурной революции», направленной якобы против ревизионизма. Первым ее пунктом было требование сместить с постов лиц, «стоящих у власти и идущих по капиталистическому пути». Как свидетельствует американский журналист Э. Сноу, ссылаясь на свою беседу с Мао, Лю Шаоци тут же на заседании выступил против идеи Мао, в связи с чем последний тогда же решил, что Лю Шаоци должен уйти<sup>4</sup>.

Спустя год Мао Цзэдун начал реализовывать замысел «культурной революции». Судя по тому, что Лю Шаоци в течение первых месяцев этой кампании пытался подстраиваться и даже использовать ее, он явно недооценивал угрозу, нараставшую для народа, партии и для него лично. Мао Цзэдун был настроен решительно. 24 июля 1966 г. он созвал расширенное заседание Политбюро, на котором Лю Шаоци подвергся критике<sup>5</sup>. В ходе состоявшегося в августе 11-го пленума ЦК КПК 8-го созыва Мао Цзэдун выступил с адресованной участникам пленума дацзыбао, откровенно намекавшей на существование в ЦК КПК «буржуазного штаба» во главе с Лю Шаоци и призывавшей «открыть огонь» по этому «штабу». На пленуме было переформировано руководство ЦК: Лю Шаоци — на восьмом по значению месте<sup>6</sup>. Член Политбюро ЦК КПК Чэнь И, с большим уважением относившийся к Лю Шаоци и до конца жизни считавший его своим учителем, охарактеризовал условия, в которых стало возможным сместить Лю Шаоци на этом пленуме, как «самовластие и монархизм»<sup>7</sup>. Следствие такого решения — отстранение Лю Шаоци от дел. Он ожидал окончательного решения своей судьбы.

Практика «культурной революции» была такова, что, если член партии подозревался в совершении ошибок политического характера или ставился вопрос о неясностях в его биографии, он отстранялся от дел, хотя формально своего поста не лишался. В этом состоянии человек мог находиться долго, иной раз годы. От него требовали писать «объяснения», «самокритично» анализировать свои поступки и мысли. Отстраненный от дел находился под строгим наблюдением, его свобода существенно ограничивалась. Втайне от члена партии, впавшего в немилость, продолжался сбор компрометирующих его материалов, инспирировалась массовая кампания «осуждения» его «ошибок» или «преступлений». Такой член партии фактически лишался права голоса и был обязан лишь давать ответы на вопросы вышестоящих организаций или «масс». Многие коммунисты, оказавшись в таком положении, не выдерживали и кончали жизнь самоубийством.

Лю Шаоци также был вынужден писать «самоанализ», на котором Мао начертал резолюцию: «В основном хороший»<sup>8</sup>. Как рассказывают, Лю Шаоци хранил резолюцию Мао Цзэдуна вплоть до того момента, когда был лишен свободы.

В декабре 1966 г. кампания «критики» Лю Шаоци была вынесена на улицы городов и сел. При этом ее организаторы стремились создать впечатление, будто сами массы требуют от ЦК принять меры в отношении Лю Шаоци и его «ошибочной политической линии». Лю Шаоци очень беспокоило то, что усилиями организаторов «культурной революции» намеренно создавалось искаженное представление о его взглядах и деятельности. Однако он не имел возможности публично сказать хотя бы слово в свою защиту. В кругу своих родных он с горечью говорил: «Больше всего, когда народ понимает тебя ошибочно»<sup>9</sup>.

В конце декабря 1966 г., стремясь прекратить кампанию гонений и травли, Лю Шаоци попытался уйти в отставку с поста Председателя КНР. Когда он сказал об этом Чжоу Эньлаю, тот ответил: «Так не годится. Это вопрос, входящий в прерогативу Всекитайского собрания народных представителей»<sup>10</sup>. Тогда Лю Шаоци потребовал личной встречи с Мао Цзэдунем, которая состоялась ночью 13 января 1967 г. Наступил момент последнего решительного объяснения между двумя высшими руководителями КПК. Они оказались в состоянии острой, непримиримой конфронтации, по сути отражавшей борьбу между различными силами внутри партии, которые они возглавляли, между политическими платформами, связанными с их именами. Известно содержание этой встречи,

на которой Лю Шаоци заявил, что вина за «ошибки в вопросе о линии» в первую очередь лежит на нем, и что он «готов нести главную ответственность и хотел бы скорее снять обвинения с широких кругов кадровых работников». Для того, чтобы «культурная революция смогла быстрее завершиться», он выразил готовность уйти с постов Председателя КНР, члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, председателя комиссии по изданию «Избранных произведений Мао Цзэдуна» и выехать на жительство в Яньань. Прощаясь, Мао напутствовал Лю Шаоци словами: «Хорошенько учись, береги здоровье»<sup>11</sup>.

Итак, Лю Шаоци предложил компромисс. Мао Цзэдун отверг его. На первый взгляд, Лю Шаоци потерпел поражение и не добился принятия своих предложений. Однако по существу их беседа представляла собой противоборство, в ходе которого каждый из собеседников применил традиционные приемы. В соответствии с политическими традициями Китая ни один из них не говорил напрямую о спорных проблемах, связанных прежде всего с «культурной революцией».

Мао предпочел оставаться на позициях патриарха. С его точки зрения, Лю Шаоци проиграл, выбыл из большой политической игры, и ему остается лишь смиренно покориться его, Мао, воле.

Лю Шаоци, проявляя большую сдержанность и идя на серьезные уступки (уход с постов Председателя КНР и члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, а также согласие с политическими установками Мао Цзэдуна), вел дело к тому, чтобы вынудить Мао Цзэдуна свернуть «культурную революцию» и тем самым сорвать осуществление задуманной им широкой чистки руководящих работников партии. Если бы Мао Цзэдун согласился на это, в руководстве партии сохранилась бы невыгодная для него расстановка сил, партийные кадры чувствовали бы себя обязанными Лю Шаоци за сохранение своих постов. Это была бы победа Мао Цзэдуна лишь по форме, но не по существу.

После беседы с Мао Цзэдуном Лю Шаоци и его семья не смогли прожить спокойно и двух дней. «Бунтари» из обслуживающего персонала Чжуннаньхуа — резиденции ЦК КПК, где жил с семьей Лю Шаоци, ворвались в дом, расклеили дацзыбао и провели митинг «критики и борьбы». Хозяин дома отверг все обвинения «бунтарей», заявив, что он «никогда не был против идей Мао Цзэдуна, никогда не выступал против Председателя Мао, а лишь имел расхождения во взглядах, связанных с текущей работой».

В мае 1967 г. была создана группа по «особому делу» Лю Шаоци. Возглавила ее Цзян Цин. В состав группы входили Кан Шэн, начальник канцелярии ЦК КПК, ведавший вопросами охраны руководителей партии Ван Дунсин и министр общественной безопасности Се Фучжи, который одновременно возглавлял группу, занимавшуюся расследованием «преступлений» Ван Гуанмэй, жены Лю Шаоци. Оба они были переданы в руки сотрудников специальных служб, которые заранее, до вынесения вердиктов, стали относиться к ним как к преступникам, заслуживающим высшей меры наказания.

Надо сказать, что в КПК существовал порядок рассмотрения так называемых особых дел членов партии, обвинявшихся в антипартийных действиях и в измене родине. С начала «культурной революции» группы, расследовавшие особые дела, были выведены из подчинения организационному отделу ЦК КПК и оказались в прямом ведении Кан Шэна, который входил в состав высшего руководства партии, занимая сначала пост кандидата в члены Политбюро ЦК КПК, затем — члена Постоянного комитета Политбюро ЦК и заместителя Председателя ЦК КПК.

Решения о заведении «особых дел» принимались лично Мао Цзэдуном при участии Кан Шэна. Расследование велось по партийной линии и осуществлялось без ведома коллективных органов. Решения принимала узкая группа лиц из высшего партийного руководства<sup>12</sup>.

По «делу» Лю Шаоци только в Пекине было арестовано 64 человека. Его жена Ван Гуанмэй провела в тюремном заключении одиннадцать с половиной лет; в тюрьме оказались также трое его сыновей, двое из которых там погибли; трое дочерей также подверглись различным видам «перевоспитания», включая содержание в так называемых одиночных хлевах<sup>13</sup>.

Группа, занимавшаяся «особым делом» Ван Гуанмэй, утверждала, например, что она — американская шпионка. Цзян Цин пыталась сфабриковать версию о том,

что Председатель КНР являлся «резидентом разведки США на Дальнем Востоке»<sup>14</sup>.

Летом 1967 г., когда по всему Китаю прокатилась новая волна «борьбы» против Лю Шаоци, его семья вновь попыталась поставить вопрос об уходе Лю Шаоци с поста Председателя КНР, но безуспешно.

Понимая, что приближается развязка, Лю Шаоци в июле 1967 г. ознакомил своих детей с двумя документами, которые он постоянно держал при себе как «охранные грамоты». Они подтверждали, что Мао Цзэдун одобрил действия Лю Шаоци на первом этапе «культурной революции» и работу, проведенную Ван Гуанмэй в деревне<sup>15</sup>.

Однако и это не помогло. 18 июля 1967 г. после очередного судилища Лю Шаоци отделили от остальных членов семьи и посадили под арест в кабинете собственного дома. Ван Гуанмэй держали в другой части дома. Детей поместили отдельно от родителей. Лю Шаоци и его семью лишили свободы передвижения. В доме учинили обыск<sup>16</sup>.

Митинги-судилища следовали один за другим, сопровождаясь все более изощренными издевательствами и пытками. Пожилых, изнемогавших от непрерывных допросов людей били кулаками, пинали ногами, таскали за волосы, заставляли подолгу находиться в согнутом положении и... фотографировали. Фотографии униженного и оскорбленного Лю Шаоци рассылались руководящему ядру «культурной революции»<sup>17</sup>.

5 августа 1967 г. Лю Шаоци последний раз виделся со своей женой. Вечером того же дня он продиктовал письменный протест, в котором потребовал соблюдения Конституции. Ответа на это обращение он не получил<sup>18</sup>. Вслед за тем Лю Шаоци написал письмо Мао Цзэдуну, в котором решительно протестовал против обвинений в том, что он якобы выступает против партии и социализма, вновь заявил об отставке с поста Председателя КНР, упомянув, что «уже лишен свободы»<sup>19</sup>. Однако и на этот протест ответа не последовало. Между тем механизм репрессий действовал бесперебойно.

13 сентября 1967 г. Ван Гуанмэй была официально взята под арест и заключена в тюрьму<sup>20</sup>. Спустя несколько дней Лю Шаоци через надзирателей передал детям: «Отрекитесь от меня и от матери»<sup>21</sup>. Это были последние его слова, которые дошли до детей. Лю Шаоци прекрасно понимал, как тяжело будет им выносить издевательства, знал, что их тоже ждут репрессии, и, видимо, пытался облегчить их судьбу.

По дошедшим до нас свидетельствам, к лету 1968 г. Лю Шаоци едва мог самостоятельно передвигаться, у него были выбиты почти все зубы, одна рука не двигалась. Вскоре он перестал ходить. Его лишили лекарств. Не убивали, как видно, только потому, что намеревались использовать как «живую мишень» «культурной революции».

В октябре 1968 г. на 12-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва было принято решение об исключении Лю Шаоци из партии. Самому Лю Шаоци об этом решении сообщили 24 ноября 1968 г., в день его семидесятилетия.

Ныне в Китае этим событиям дана следующая оценка: «12-й пленум ЦК КПК в крайне ненормальных условиях внутрипартийной жизни утвердил составленный Цзян Цин, Кан Шэном, Се Фучжи и другими на основе фальшивых показаний «Доклад о расследовании преступлений предателя, провокатора и штрейкбрехера Лю Шаоци», принял ошибочное решение «навсегда исключить» Лю Шаоци из партии и лишить его «всех постов в партии и вне ее». Эти полностью ошибочные политические выводы и организационные меры не только потрясли самого Лю Шаоци как человека, но и затронули тысячи членов партии, кадровых работников, представителей масс и интеллигенции. Так появилось это самое бесславное дело в истории нашей партии, была создана невиданная сумятица в политическом, организационном и идейном отношениях»<sup>22</sup>.

Финал «дела» Лю Шаоци таков. 1 октября 1969 г. его, уже в предсмертном состоянии, перевозят из Пекина в город Кайфэн, о чем Ван Дунсин распорядился лично, хотя врач предупредил, что Лю Шаоци может скончаться в любой момент<sup>23</sup>. Его доставили к самолету на носилках. В Кайфэне поместили в специальную тюрьму, окруженную высокой стеной с колючей проволокой под током высокого напряжения. В тюрьме у него началось воспаление легких, однако разрешения на

перевозку в больницу получено не было. 12 ноября 1969 г. Лю Шаоци скончался. В крематории было зарегистрировано, что сжигается труп умершего якобы от заразной эпидемической болезни. На урне с прахом было написано вымышленное имя: Лю Вэйхуан.

О судьбе Лю Шаоци его родственники узнали только в 1972 г. Представитель группы по его «особому делу» в ответ на письмо детей Лю Шаоци, направленное Мао Цзэдуну, передал им содержание резолюции Мао: «Отец уже умер. Могут повидаться с матерью»<sup>24</sup>. При этом детям было сказано, что прах Лю Шаоци не может быть выдан родственникам; им также запретили рассказывать об этом посторонним. На вопрос о судьбе Лю Шаоци рекомендовалось отвечать: «Не знаем»<sup>25</sup>. Жена Лю Шаоци Ван Гуанмэй была освобождена из тюрьмы только весной 1979 г.

На 5-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в марте 1980 г. было принято решение о реабилитации Лю Шаоци и аннулировании всех обвинений в его адрес. Лю Шаоци был назван «великим марксистом» и «пролетарским революционером». 17 мая 1980 г. в Пекине был проведен траурный митинг, посвященный его памяти. В своем выступлении на нем Дэн Сяопин сказал: «Лю Шаоци был великим пролетарским революционером, испытанным и выдающимся партийным и государственным руководителем, пользовавшимся любовью всей партии и всех народов страны».

Позднее осуждению и наказанию в партийном и уголовном порядке подверглись многие из организаторов травли и преследования Лю Шаоци.

<sup>1</sup> История здесь глубоко задумывается — факты 1966-1976 гг. Пекин, 1986, т. 1, с. 19 (на кит. яз.).

<sup>2</sup> «Хунци», 1967, № 13, с. 11.

<sup>3</sup> См.: История здесь глубоко задумывается..., т. 1, с. 19.

<sup>4</sup> In: E. Snow. The Long revolution. N. Y., 1972, p. 19—20.

<sup>5</sup> История здесь глубоко задумывается..., т. 1, с. 5.

<sup>6</sup> См.: «Гунжэнь жибао», 5, 6, 8. XII. 1980.

<sup>7</sup> См.: История здесь глубоко задумывается..., т. 1, с. 183.

<sup>8</sup> См.: «Гунжэнь жибао», 5, 6, 8. XII. 1980.

<sup>9</sup> История здесь глубоко задумывается..., т. 1, с. 11.

<sup>10</sup> «Гунжэнь жибао», 5, 6, 8. XII. 1980.

<sup>11</sup> См. там же.

<sup>12</sup> См.: История здесь глубоко задумывается..., т. 1, с. 1.

<sup>13</sup> См. там же, с. 41.

<sup>14</sup> См. там же, т. 2, с. 92-93.

<sup>15</sup> См. там же, т. 1, с. 27.

<sup>16</sup> См. там же.

<sup>17</sup> См. там же, с. 29.

<sup>18</sup> См. там же, с. 30-31.

<sup>19</sup> См. там же, с. 31.

<sup>20</sup> См. там же, с. 32.

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> Лекции по истории КПК. Тяньцзинь, 1983, с. 365 (на кит. яз.).

<sup>23</sup> См.: История здесь глубоко задумывается..., т. 1, с. 45.

<sup>24</sup> Там же, с. 36.

<sup>25</sup> См. там же.

---

## Интеллигент с большой буквы

---

*В. Ф. СОРОКИН,  
доктор филологических наук*

**К**онец октября 1957 года. Москва готовится отпраздновать 40-летие Советской власти. Страна еще впитывает в себя освежающие идеи XX съезда партии, а тут взлет первого спутника. Ожидается множество гостей со всех концов света.

Вечер, дождь, Внуковский аэродром; объявляют прибытие самолета из Праги. Еще в новинку международные авиасообщения, еще можно выйти на летное поле, к трапу самолета. И мы идем — заведующий сектором культуры Института китаеведения Лев Залманович Эйдлин и я, младший научный сотрудник сектора. Мы встречаем почетного гостя — заместителя министра культуры КНР, директора институтов литературы и археологии, члена отделения (академика) Академии наук Китая, знаменитого ученого и литератора Чжэн Чжэньдо. Это первый гость столь высокого ранга, которого принимает наш лишь год назад созданный институт.

По трапу сходит человек без шляпы, с портфелем и букетиком свежих цветов — подарком пражских друзей. Он непривычно высок для китайца. Бросались в глаза статность осанки, живость движений, блеск глаз и чернота начавших редеть волос, подчеркнутая отдельными серебряными нитями. В тот же вечер была согласована программа месячного пребывания гостя у нас в стране, а Чжэн Чжэньдо составил план цикла лекций, которые он должен прочесть в нашем институте.

Так состоялось мое знакомство с одним из самых замечательных представителей китайской культуры, китайской интеллигенции нынешнего столетия. В течение месяца я в качестве переводчика сопровождал Чжэн Чжэньдо — как мог, помогал ему в работе, видел и слушал его в часы занятий и досуга. В беседах за ужином или в вагонном купе Чжэн Чжэньдо нередко обращался мыслью к прошлому, рассказывал о людях, с которыми его сталкивала жизнь, и о событиях, в которых ему довелось участвовать. Из всего, что делал и говорил Чжэн Чжэньдо, и из того, что я позже прочел в его книгах и в посвященных ему работах, сложился удивительно цельный, благородный облик ученого, патриота, гуманиста, интеллигента в самом высоком смысле этого слова.

Род Чжэн Чжэньдо происходит из уезда Чандэ провинции Фуцзянь, но сам он, по его словам, там никогда не бывал. Родился он 19 декабря 1898 г. в городе Вэньчжоу соседней провинции Фуцзянь. При Сунах, то есть лет тысячу назад, это был заметный торговый и культурный центр, место зарождения южной разновидности китайского классического театра (наньси). В начале нынешнего века Вэньчжоу представлял собой заштатный город, населенный ремесленниками и мелкими торговцами и чиновниками. К числу последних принадлежал и дед будущего ученого (отец умер очень рано). А когда не стало и деда, заботы легли на мать. С огромным трудом, зарабатывая на жизнь шитьем, удалось ей дать сыну среднее образование. А дальше ему улыбнулась фортуна, принявшая на сей раз облик дяди со стороны отца: он оплатил расходы по поездке юноши в Пекин, где поступил в Школу железнодорожного транспорта. Случилось это в 1917 г.

Выбор места учебы объяснялся просто — в школе (заведение типа колледжа) студенты получали стипендию. Впрочем, с усмешкой вспоминал Чжэн Чжэньдо, «из чувства признательности дяде» он учился сносно и в должный срок получил диплом. Но не только конспектированием лекций и чертежами было заполнено время юноши. По утрам он пешком спешил через весь город на занятия, а потом, «пообедав» парой лепешек, бежал в библиотеку при Христианской ассоциации молодых людей. Там он жадно поглощал все — класснику и современные книги, художественные произведения



и политическую публицистику. «Христианином я так и не стал, — снова усмеяется Чжэн Чжэньдо, — но в библиотеке я познакомился с замечательными книгами и замечательными людьми». Этими людьми были Цюй Цюбо и Гэн Цзицжи.

Цюй Цюбо, видный деятель КПК, верный друг и пропагандист нашей страны и ее культуры, хорошо известен читателям. А вот о Гэн Цзицжи (1898—1947) следует сказать несколько слов. Как и Цюй Цюбо, он в ту пору был студентом Пекинской школы русского языка. Уже на студенческой скамье он начинает переводить произведения русских классиков и скоро становится одним из ведущих пропагандистов русской литературы в Китае. «Записки охотника» Тургенева, пьесы Чехова, рассказы и трактаты Толстого — с этими и многими другими шедеврами китайские читатели познакомились благодаря талантливому перу Гэн Цзицжи.

Трое молодых людей встретились в те дни, когда в стране, особенно среди молодежи, много брожение умов. Отзвуки революции в России, гром сражений мировой войны будили дремлющих, звали к борьбе за обновление Китая, за демократию, за прогрессивную культуру. Назревало «движение 4 мая» 1919 г.

И когда по пекинским площадям и переулкам-хутунам прокатилась волна демонстраций, когда зазвучали лозунги борьбы против империалистов и их прислужников, трое друзей оказались в первых рядах движения. Чжэн Чжэньдо в качестве выборного представителя студентов школы участвует в сходках, составляет прокламации, выступает на митингах. Мне было легко представить себе, что он — высокий, красивый, с горящими глазами и, что немаловажно, с хорошим пекинским произношением — привлекал общее внимание. Тогда же он начал писать для новых журналов и газет, возникавших весной и летом 1919 г., как побеги бамбука после дождя (свыше 400 названий всего лишь за полгода). Страстно хотелось поделиться своими только что приобретенными познаниями со сверстниками, расширить их представление о мире, о богатствах человеческой культуры, пробудить в них стремление к духовному и социальному раскрепощению. Вот названия лишь некоторых из пекинских и шанхайских журналов, в которых Чжэн сотрудничал в то время: «Минь до» («Народный колокол»), «Шаонянь Чжунго» («Молодой Китай»), «Цзефан юй гайцзао» («Освобождение и реконструкция»), «Сюэ дэн» («Светильники науки»), «Жэньдао» («Гуманность»)...

Особенно часто трое друзей печатались в ежемесячнике «Синь Чжунго» («Новый Китай»), выходявшем в Пекине с мая 1919 по август 1920 г. А в ноябре 1919 г. они сами — вместе с Цюй Шинном, дядей Цюй Цюбо, — основали еженедельник «Новое общество» («Синь шэуэй»). И тот и другой журналы обсуждали проблемы обновления страны, рассказывали о современных социальных и политических веяниях, пропагандировали мировую, прежде всего русскую, классическую литературу.

О своей программе учредители журнала заявили на первой странице первого номера. Отвергая опирающееся на штыки милитаристов насилие, они заявляли, что будут придерживаться демократических методов преобразования старого общества, «исходя из достижений науки и учитывая опыт других стран». Они призывали вскрывать недостатки старого строя, изменять взгляды и привычки народа, расширять его познания, повышать нравственный уровень, чтобы прийти к конечной цели — построению мирного и счастливого общества, основанного на свободе и демократии. Не вина авторов манифеста, что история не предоставила их родине возможности осуществить таким путем эти идеалы.

Спокойный, далекий от пугающего «радикализма» тон высказываний журнала не обманул бдительность реакции. Через полгода «Новое общество» было запрещено, а сам Чжэн выслан на некоторое время в Вэньчжоу. Было очевидно, что милитаристские правители Пекина перешли в контрнаступление. Центрами революционно-демократического движения становились Гуанчжоу и Шанхай.

В Шанхай как раз после окончания школы и получил назначение Чжэн Чжэньдо на должность практиканта. Предоставим вновь ему слово: «Я, конечно, не рассчитывал сразу стать начальником станции или главным диспетчером, но и никак не предполагал, что придется быть то стрелочником, то сцепщиком вагонов. Стоило для этого кончать колледж! Я приуныл, но тут меня выручил Яньбин, с которым я незадолго до того познакомился и который до сих пор остается моим самым близким другом. Он помог мне устроиться в редакционно-переводческий отдел крупнейшего издательства "Шань"».

Яньбин — это Шэнь Яньбин, более известный под псевдонимом Мао Дунь, крупнейший писатель и общественный деятель, позднее — министр культуры и председатель

Союза китайских писателей. Он уже несколько лет работал в издательстве и был редактором популярного журнала «Сяошо юэбао» («Ежемесячник прозы»). С нового, 1921 г. журнал стал выходить на разговорном языке вместо классического взъядя; в первом же номере был помещен перевод «На плоту» Горького, сделанный Чжэн Чжэньдо.

Позднее я познакомился со списком произведений русских авторов, переведенных им. Он довольно велик и охватывает самых разных писателей: А. Н. Островский («Бедность не порок») и Чехов («Чайка»), Сологуб и Арцыбашев, «Конь бледный» Ропшина-Савинкова и «Сказки народов Кавказа». (Помимо русских авторов, Чжэн переводил Тагора, Гёте, «Панчатантру».) Сам Чжэн Чжэньдо о своих переводах говорил неохотно, жалел, что не овладел русским языком и потому был вынужден следовать за английскими и немецкими переводами в выборе произведений и их интерпретации. О своих ранних статьях «Русская литература эпохи реализма», «Причины взлета русской литературы и его отзвуки» о созданном в 1923 г. «Кратком очерке истории русской литературы» он тоже отзывался прохладно: «Написаны на основе вторичных источников, главным образом английских, наверняка содержат немало ошибок». Я возражал: «Даже если и были неточности в переводах и статьях, они выполняли главную задачу — помогали китайскому читателю ориентироваться в открывшейся ему богатой и непростой для восприятия литературе другого народа». «Ну, не знаю, не знаю», — говорил привыкший к точности и абсолютной достоверности ученый.

В том же году Чжэн Чжэньдо сменяет Мао Дуня на посту редактора «Сяошо юэбао». Он объяснял: «Мао Дунь уже был членом нелегальной компартии и все больше времени должен был уделять политической деятельности. У меня же тогда были лишь смутные социалистические идеалы, я всего себя отдавал литературе». Журнал был фактическим органом «Литературного сообщества» — объединения писателей-реалистов, основателями которого были Мао Дунь и Чжэн Чжэньдо вместе с молодыми писателями Е Шэнтао, Сюй Дишанем и другими. Общество проповедовало «искусство во имя жизни», призывало отображать «кровь и слезы угнетенных». Вслед за великим Лу Синем его участники создавали новую, демократическую, правдивую литературу, нужную и понятную народу. Лучшие их произведения читаются и поныне.

Поразительно продуктивной и разнообразной была деятельность Чжэн Чжэньдо двадцатых годов. Он публикует стихи (часть их вошла в коллективный сборник «Снежное утро»), рассказы (сборник «Семейные истории»), одноактные пьесы, эссе, публицистические и литературно-критические статьи. В них — живой и искренний отклик на все, что происходит вокруг. В них и горячие порывы, и боль разочарований, и спокойные раздумья над вечными вопросами жизни и смерти, предназначении человека и художника. В самом раннем стихотворении мы читаем: «Я юноша! Я юноша!.. Во мне есть дух самопожертвования, я ни за что не поступлюсь своей свободой!.. Я вижу свет впереди. Словно разрезающий волны корабль, я несущ на себе своих несчастливых соотечественников». И пусть, как говорится в следующем стихотворении, человек с фонарем, указывающий людям путь, пока не находит отклика — он все равно идет вперед.

В статье «Литература и революция» (1921 г.) он пишет: «Сейчас самая важная, самая великая задача и долг китайского литератора — зажечь пламя революции в сердцах китайской молодежи». При этом он полагает, что такую задачу смогут выполнять не тогдашние литераторы, занятые лирикой, романтическими историями или изображением бытовых неурядиц, а новые поэты и романисты, которые «восстанут из горнила бед». Но быстро развивавшаяся революционная ситуация в стране способствовала превращению «чистых лириков» в певцов борьбы. Он и сам участвовал в ней, после расстрела империалистами 30 мая 1925 г. в Шанхае мирной демонстрации рабочих он с друзьями стал выпускать независимую газету «Гунли жибао» («Справедливость»), правдиво освещавшую политические события.

И в то же время Чжэн Чжэньдо упорно учится, поглощает огромное количество знаний в самых разных областях китайской и мировой культуры. И не просто впитывает, а осмысливает, систематизирует свои знания и делится ими с читателями. В апреле 1927 г. выходит его первый крупный труд, название которого можно перевести как «Главное в литературе». Это четыре тома со множеством иллюстраций, призванные раскрыть читателям особенности литературы как вида духовного творчества, рассказать

о жанрах и формах, познакомить с крупнейшими писателями разных стран и эпох.

Выход книги совпал с конгрессо-революционным переворотом в Шанхае, родные и друзья настойчиво советовали автору покинуть на время город. Полученный гонорар позволил осуществить давнюю мечту — поехать в Европу, своими глазами увидеть шедевры искусства, поработать в лучших библиотеках.

Поездка продолжалась более года. Основное время Чжэн провел в Лондоне и Париже, но побывал также в Австрии, Италии, Чехословакии и других странах. Когда он вспоминал об этом путешествии, глаза его светлели, казалось, перед его умственным взором проходят шпили готических соборов, яростный лик Моисея и нежные краски рафаэлевских мадонн. Но говорил он не об этом — разве слова способны передать такую красоту? — он обычно рассказывал о встречах с учеными или о занимательных путевых происшествиях. Нет сомнения, что поездка много дала для его дальнейшей деятельности, когда он руководил работой по составлению и выпуску огромной (к сожалению, оставшейся неоконченной) «Библиотеки сокровищ мировой литературы» и когда издавал альбомы репродукций западного искусства. Главное же — она помогла ему шире, под новыми углами зрения, взглянуть на культурное наследие родной страны, изучение которого в оставшиеся три десятилетия его жизни стало главным, почти всепоглощающим занятием.

В 1932 г. выходит знаменитая, тоже четырехтомная «Иллюстрированная история китайской литературы». Сейчас труды такого объема создаются целыми научными коллективами. В мою студенческую пору обладатели этой книги — а в Москве было всего один или два экземпляра — считались счастливицами. Шесть лет спустя выходит еще более новаторский труд — двухтомная «История китайской простонародной литературы», в которой впервые систематично представлены целые жанры, долгие годы и века пребывавшие в забвении или третировавшиеся как «вульгарные». Чжэн Чжэньдо показал их важность как составной части огромного здания китайской традиционной культуры и убедил читателей, что многие из возвращенных им к жизни памятников обладают достоинствами подлинности и непосредственности, которые отличают народное искусство. Статьи по вопросам истории китайской литературы, печатавшиеся в журналах и в виде сборников, после создания КНР были сведены в три объемистых тома.

Нет возможности даже коротко сказать о всех работах — художественных, публицистических, научных, — созданных Чжэн Чжэньдо в 30-е гг., о его преподавательской деятельности. Но об одной нельзя не упомянуть: об альбоме образцов печатной бумаги знаменитой мастерской «Жунбаочжай», который он составил вместе с Лу Синем. В ответ на мою просьбу рассказать о встречах с великим писателем Чжэн Чжэньдо сказал: «К сожалению, встречались мы редко и больше по делам. Ведь я в те годы жил в основном в Пекине, а когда вернулся в Шанхай, учитель был уже тяжело болен. Но мы переписывались... Вы же занимались Лу Синем, вы могли видеть его письма ко мне». Да, я их видел: в двухтомнике писем Лу Синя издания 1953 г. его переписка с Чжэн Чжэньдо занимает самое большое место, причем речь в ней идет отнюдь не только о совместных предприятиях. Лу Синь делится своими мыслями и оценками, и по всему чувствуется, что в адресате он видит человека, близкого по духу.

Признаться, мне хотелось узнать, почему Чжэн Чжэньдо, человек, безусловно прогрессивных взглядов, не стал членом Лиги левых писателей, в которой состояли и Лу Синь, и Мао Дунь. Но я счел такой вопрос не вполне тактичным, и напрасно: позже я прочел в воспоминаниях ведущих деятелей Лиги, что Чжэн Чжэньдо — как к стати сказать, и крупнейший романист Ба Цзинь — хотел вступить в Лигу. Однако шанхайские коммунисты, направлявшие деятельность Лиги, отсоветовали им это: интересы революции требовали сочетания нелегальных и полулегальных форм борьбы с легальной деятельностью, что способствовало сплочению всех здоровых сил китайской культуры. Эту важную роль Чжэн Чжэньдо выполнял, будучи одним из двух редакторов ведущего ежемесячника «Вэньсюэ» («Литература»), который выходил с 1933 по 1938 г. Активно участвовал он и в демократическом, патриотическом движении тех лет, чем навлек на себя гонения и вынужден был покинуть существовавший на американские средства Яньцзинский университет в Пекине.

Нельзя говорить о Чжэн Чжэньдо и умолчать о его неутомимой, подвижнической работе по собиранию книг, рукописей, картин и других произведений китайского

искусства. Это было не просто страстью к коллекционированию, стремлением иметь побольше раритетов, а прямым следствием его принципиальной установки: для создания полной, научной истории китайской культуры на всем многотысячелетнем протяжении ее истории необходимо собрать и обследовать все сохранившиеся памятники, проанализировать всю сумму фактов. При этом особое внимание следует уделять, полагал он, демократическим и «еретическим» линиям в развитии литературы и искусства, которыми пренебрегала традиционная наука. Собранные за долгие годы Чжэном коллекция — наверное, лучшая в Китае — была им впоследствии передана государству.

Меж тем над страной сгустились тучи — росла опасность вторжения японского империализма. В июле 1937 г. она стала реальностью. Уже в октябре Чжэн Чжэньдо выпускает сборник патриотических стихов «Боевой горн». В нем есть такие строки: «Наши ружья решают судьбу нации. Теперь от них зависит — жить ей или погибнуть. Мы слишком долго терпели, слишком много пролилось невинной крови. Только ответный удар сможет остановить жадного и честолюбивого агрессора... А когда мы упадем — пусть братья возьмут наши винтовки, пойдут вперед по нашим кровавым следам, отомстят за нашу нацию, смоят позор».

Той же осенью японские войска вступили в Шанхай. В городе создалась своеобразная ситуация: в китайской его части хозяйничали оккупанты и их приспешники коллаборационисты, а международный сэттьмент и французская концессия продолжали жить по своим законам (эта часть города получила прозвание «одинокий остров»). Покинуть Шанхай Чжэн не мог — и по семейным обстоятельствам, а главное, из-за невозможности вывезти уже большую к тому времени коллекцию. Пока существовал «одинокий остров», можно еще было работать и даже печататься. Но после Пирл-Харбора японцы заняли весь город. Ученый, чьи убеждения ни для кого не были тайной, вынужден был покинуть дом, изменить имя и внешность и взять на себя роль скромного продавца канцелярских товаров. Приходилось тяжело, однако цель была достигнута — и семью, и коллекцию удалось обезопасить.

А когда японский милитаризм был повержен, Чжэн Чжэньдо с удвоенной энергией окупился в научную и литературную деятельность. В частности, вместе с драматургом Ли Цзянью он возглавляет журнал «Фусин» («Ренессанс») — самое влиятельное и солидное из литературных периодических изданий тех лет. В нем среди многих интересных произведений был опубликован сатирический роман Цянь Чжуншу «Осажденная крепость», известный ныне и советским читателям. «Но радость была недолгой. Скоро началась гражданская война, разруха, полицейские преследования. Гоминьдановские власти запретили университетам принимать меня на работу. Все труднее стало издавать журнал — он начал «худеть», выходил нерегулярно, около редакции бродили подозрительные личности... А ведь я редактировал еще и политический еженедельник «Миньчжу» («Демократия»)... Пришлось тайком уехать в Сянган. Как это было осуществлено — долго рассказывать, но думаю, что об этом можно написать неплохой детективный роман», — рассказывал Чжэн Чжэньдо.

В Гонконге (Сянгане) он задержался ненадолго — был приглашен в Пекин участвовать во Всекитайском политическом консультативном совещании. Прибыл он туда незадолго до провозглашения Народной республики. Для Чжэн Чжэньдо, как для всей страны, началась новая жизнь. Нет, он не отошел ни от литературы, ни от науки. Печатались его стихи и статьи, переиздавались старые и публиковались новые научные труды. Под его руководством и при самом деятельном участии начали издаваться огромные по объему собрания репродукций и факсимильных изданий памятников искусства и литературы. Среди них — грандиозное (9 серий по 100—150 книг в каждой) «Собрание древних текстов традиционной драмы»; предисловие к 4-й серии, написанное накануне отлета в последнее путешествие, стало лебединой песней ученого.

И все же большую часть своих сил Чжэн Чжэньдо отдавал теперь организаторской работе по созданию новой культуры, которая — он это понимал лучше, чем кто-либо другой — могла строиться лишь как развитие и продолжение в новых условиях всего лучшего, что было создано великим народом за его историю. В министерстве культуры он возглавил Управление по охране памятников культуры, позже стал заместителем министра. В Академии наук он стал директором сначала института литературы, а потом и археологии. Не участвуя в раскопках, оказывал своими энцикло-

педическими познаниями неоценимую помощь при анализе их результатов. (Бывая с ним в музеях и рукописных фондах, нельзя было не поражаться быстроте и безошибочности, с которыми он определял возраст и другие особенности старинной вазы или рукописи.) Он находил время и для государственной и общественной работы — был депутатом высших органов народной власти, участником движения сторонников мира, руководителем делегаций деятелей китайской культуры в страны «третьего мира». Повсюду он достойно представлял свою страну, ее культуру.

Находиться рядом с Чжэн Чжэньдо, наблюдать его в работе, внимать его суждениям и беседам было крайне интересно и поучительно. Все в нем внушало уважение и симпатию: доброжелательное и равное обращение со всеми — от президента Академии до аспиранта; тщательность и добросовестность (например, он писал конспекты каждой своей лекции для московских китаистов, хотя вполне мог обойтись уже опубликованными материалами), умение насладиться вновь открывшимися красотами и почерпнуть полезные сведения, будь то способы изготовления древних фресок или методы борьбы с растительностью, разрушающей старинные постройки.

Внимательность его к окружающим не знала границ. Позволю себе сослаться на личные примеры. Как-то я упомянул о том, что хотел бы в дальнейшем заняться историей классической драмы. Ученый ничего не сказал, но перед самым отъездом вручил мне собственноручный список основной литературы и перечень наиболее важных для меня, с его точки зрения, проблем. Узнав, что у меня произошло прибавление в семье, он нанес личный визит роженице с поздравлением (думаю, что ему было небезынтересно посмотреть, как живут рядовые москвичи).

Мне не приходилось слышать, чтобы он плохо говорил о ком бы то ни было, даже политическим противникам он давал взвешенные, по возможности объективные характеристики. Не знаю, знал ли он относящееся к прошлому веку определение «интеллигенция — часть народа, которая мыслит самостоятельно», но своим коллегам по делегациям на международные форумы настоятельно советовал делиться со слушателями собственными размышлениями, а не насыщать свои выступления газетными формулировками. Единственный пример явно пристрастного его суждения, который остался в памяти — неоднократно повторенное утверждение о том, что на картинах Сюй Бэйхуна «у всех лошадей три ноги». Как мне казалось, дело было в том, что Чжэн не сочувствовал стремлению прекрасного художника сочетать приемы китайской и европейской живописи: он горячо любил и ту, и другую, но раздельно.

На склоне дней ему самому довелось услышать пристрастные оценки своего научного творчества. Летом 1958 г. прокатилась кампания критики ученых «старой школы», которым противопоставлялась научная молодежь и даже студенты. В институте литературы состоялось несколько заседаний, посвященных критике трудов Чжэн Чжэньдо. Один за другим сотрудники — кто резко, кто помягче — упрекали своего директора во всякого рода упущениях, искажениях, непонимании... Присутствовавший на одном из заседаний Л. З. Эйдлин рассказывал, что ученый выслушивал бесконечные упреки сосредоточенно, стараясь найти в них рациональное зерно. И только раз у него вырвалось: «Неужели во всех моих работах нет никаких достоинств?»

На служебном и общественном положении Чжэн Чжэньдо эта односторонняя критика не отразилась. В октябре он во главе делегации деятелей культуры отправился в Афганистан и Египет. Путь лежал через Москву, где в то время находился после Ташкентской встречи писателей Азии и Африки Мао Дунь.

Утром я пришел к Мао Дуню в гостиницу — писатель обещал ответить на вопросы, возникшие у меня в ходе работы над монографией о его творческом пути. Дверь номера открылась не сразу. Когда писатель, наконец, вышел в коридор, я с трудом его узнал, хотя мы расстались накануне вечером. «Только что позвонили из посольства, — произнес он еле слышно. — Ночью разбился самолет, на котором летел Чжэнь Чжэньдо». По щекам Мао Дуя, обычно столь сдержанного в выражении эмоций, текли слезы.

Несчастье произошло в небе Чувашии, близ Канаша. Впоследствии я читал, что у первых образцов ТУ-104 на определенной высоте в специфических атмосферных условиях могла развиваться опасная для самолета вибрация (дополнительные усовершенствования устранили этот дефект). Очевидно, это и произошло в данном случае.

В дни, когда отмечается 90-летие со дня рождения и 30-летие со времени гибели Чжэн Чжэньдо хочется низко склонить голову перед памятью выдающегося ученого, гуманиста, патриота, интернационалиста — Интеллигента с большой буквы.

---

## Посол народной дипломатии

---

*В. Н. БУНИН,  
кандидат исторических наук*

**П**резидент-ректор университета Токай, президент Японской ассоциации культурных связей с зарубежными странами (ЯАКС) — уже одно перечисление занимаемых им постов говорит о том, что личность профессора Сигэёси Мацумаэ неординарна. Он снискал признание не только как крупный ученый в области электротехники, но и как общественный деятель, посвятивший свою жизнь благородным идеалам борьбы за мир и процветание человечества. Многие японские исследователи по праву воздают должное заслугам С. Мацумаэ на ниве служения обществу, особо отмечая его усилия в налаживании культурного сотрудничества между народами.

Профессор не раз бывал в нашей стране. Несмотря на свои 87 лет, он продолжает отдавать много сил развитию культурного сотрудничества между Японией и СССР. За большой вклад в это благородное дело Советское государство в 1978 г. наградило С. Мацумаэ орденом Дружбы народов. Он избран также почетным доктором Московского государственного университета.

В апреле 1988 г. С. Мацумаэ приехал в Москву в очередной раз во главе большой делегации ЯАКС. В ходе этого визита был подписан протокол о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Японской ассоциацией культурных связей с зарубежными странами, призванный служить делу взаимовыгодного развития науки в обеих странах.

21 апреля 1988 г. С. Мацумаэ был принят в Кремле Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко. Во время беседы японский гость высоко оценил советские внешнеполитические инициативы, в частности позицию СССР на советско-американских встречах в верхах, предложения, выдвинутые М. С. Горбачевым во Владивостоке, и высказал ряд соображений, которые, с его точки зрения, могли бы содействовать обеспечению стабильности в азиатско-тихоокеанском регионе, развитию советско-японских отношений.

Как же складывались политические убеждения этого человека, который во время второй мировой войны занимал крупные посты в императорской Японии? Как формировались его идеалы, взгляды и позиция по многим вопросам внутренней и внешней политики Японии, по глобальным проблемам современности? Довольно полное представление о личности С. Мацумаэ можно почерпнуть из выпущенной в 1988 г. в японском издательстве «Токай юниверсити пресс» книги «Жизнь и деятельность борца за мир (Вклад в историю Сигэёси Мацумаэ)»<sup>1</sup>.

Книга, основанная на интервью с С. Мацумаэ, подробно знакомит читателя с его юношескими годами, школьными и студенческими впечатлениями, научной деятельностью. Весной 1933 г. С. Мацумаэ, работавший в то время в министерстве связи, был командирован в Германию для продолжения исследований проблем эксплуатации подводных кабелей. В 1934 г. возвратился на родину, а через два года защитил по избранной теме диссертацию на соискание ученой степени доктора инженерно-технических наук при императорском университете Тохоку. С 1937 г. занимает в министерстве связи должность заведующего исследовательской секцией технического бюро, а в декабре 1941 г. назначается, как высоко подготовленный специалист, генеральным директором технического бюро. Одновременно продолжает преподавательскую работу, являясь

---

<sup>1</sup> Hisaya Shirai, *The Life and Struggles of a Fighter for Peace. Shigeyoshi Matsumae's Contribution to History*. Tokyo, 1988, p. 371.



профессором Токийского технологического института. Несмотря на свое высокое служебное положение, С. Мацумаэ, будучи человеком либеральных взглядов, выступил против агрессивной политики японского правительства, возглавляемого Х. Тодзё, за что его разжаловали и направили на филиппинский фронт рядовым второго класса.

«За что же правительство Тодзё,— спрашивает С. Мацумаэ,— так строго обошлось со мной во время Тихоокеанской войны?» И отвечает: «За мою активную вовлеченность в борьбу за свержение генерала Тодзё. Я глубоко осознавал, что в этом был единственно возможный путь для спасения Японии от уничтожения».

В конце второй мировой войны С. Мацумаэ был реабилитирован и 30 августа 1945 г., за два дня до подписания Японией акта о капитуляции, назначен президентом совета связи (фактически министром связи) в правительстве Хигасикуни, что роковым образом повлияло на его дальнейшую карьеру. В январе 1947 г. решением союзнической комиссии имя Мацумаэ оказалось в числе лиц, которым было запрещено занимать официальные посты, поскольку он был министром при императорском правительстве до начала американской оккупации. В июне 1951 г. после снятия запрета Мацумаэ был назначен на пост президента и председателя совета правления университета Токай, а в следующем году был избран депутатом палаты представителей японского парламента от социалистической партии, куда в последующем избирался еще шесть раз.

С. Мацумаэ занимает в настоящее время многие официальные и почетные должности как в Японии, так и за рубежом. Однако общественности он известен в первую очередь как активный поборник развития отношений Японии с Советским Союзом и социалистическими странами, о чем подробно рассказывается в последней главе упомянутой книги, озаглавленной «Двадцать лет личной дипломатии».

В октябре 1964 г. известный общественный деятель Японии, депутат парламента от СПЯ Ситиро Мацумото предложил С. Мацумаэ возглавить Японскую ассоциацию культурных связей с зарубежными странами, идёю о создании которой выдвинул председатель ЦИК СПЯ Т. Нарита, посетивший в том году Советский Союз. Учреждение ЯАКС состоялось 10 января 1966 г., председателем ее был избран С. Мацумаэ.

В августе 1966 г. во главе представительной делегации членов ЯАКС С. Мацумаэ посетил Советский Союз и ряд социалистических стран Европы. В Москве, Берлине, Будапеште и Софии им были подписаны соглашения о научных и культурных обменах Японии с СССР, ГДР, ВНР и НРБ. Среди серии последующих соглашений с Советским Союзом С. Мацумаэ особенно выделяет документ, касающийся обмена студентами между Московским университетом и университетом Токай. Он предусматривает десяти-месячную стажировку (ежегодную) по 10 студентов от каждой стороны. Всего со дня вступления в силу соглашения с 1972 г. взаимным обменом было охвачено более 200 студентов. Значительным явлением в отношениях между двумя странами явилось проведение восьми японо-советских симпозиумов по проблемам рыбодовства в бассейне Тихого океана. С 1981 г. симпозиумы стали четырехсторонними, к ним подключились США и Канада, непосредственно заинтересованные в сохранении и пополнении рыбных запасов в регионе.

Большой позитивный вклад в развитие японо-советских отношений вносят регулярно проводимые конференции «круглого стола», учрежденные в 1978 г. по инициативе С. Мацумаэ. Первая подобная конференция на тему «Роль и задачи общественности в движении за укрепление дружбы между народами Советского Союза и Японии» состоялась в Токио в декабре 1979 г. Эти конференции проходят попеременно в Токио и Москве. В их работе участвуют многие японские и советские политические деятели, ученые, экономисты, журналисты, деятели культуры. Работа проходит обычно в пяти подкомиссиях: международно-политической, японо-советских политических отношений, японо-советского торгово-экономического сотрудничества, японо-советского научного и культурного сотрудничества и японо-советских связей по линии общественных организаций.

Вначале министерство иностранных дел Японии, отмечает С. Мацумаэ, возражало против проведения конференций «круглого стола», называя их собраниями «двойной дипломатии», но после четвертой конференции японский МИД изменил свое мнение и даже направил на пятый «круглый стол» представителя в качестве наблюдателя.

С. Мацумаэ широко известен как спонсор многих спортивных движений, используя которые он стремится достичь главной цели — установления прочного мира на земле.

Он является президентом Международной федерации дзюдо, вице-президентом Японской студенческой бейсбольной ассоциации.

Добиваясь включения бейсбола в перечень Олимпийских игр, С. Мацумаэ заручился поддержкой национальных олимпийских комитетов КНР и СССР, способствовал культивированию этой игры в Китае и Советском Союзе, подарив Пекинскому университету и студентам Московского университета бейсбольные стадионы.

Самой насущной проблемой человечества двенадцатого столетия стала задача предотвращения ядерной войны, быстрейшего избавления от ядерного оружия и установления действительно надежного и безопасного мира. В качестве первого шага для достижения этой цели необходимо, считает С. Мацумаэ, чтобы все народы мира укрепляли дружбу и взаимопонимание путем научных и культурных обменов. Вот та главная причина, которая побуждает его предпринимать усилия для расширения и развития обменов, в этом и состоит его «личная дипломатия».

В одном из интервью С. Мацумаэ сказал, что в последнее время он с большим энтузиазмом включился в организацию конференций ректоров университетов и директоров научных учреждений азиатско-тихоокеанского региона. В АТР возрастает напряженность, увеличивается военное противостояние, нарастает угроза миру и безопасности. Необходимо, по его мнению, чтобы ректоры университетов и директора научных учреждений основных стран региона собирались и обсуждали такие проблемы, как гарантии коллективной безопасности, экономическое развитие, мирное использование космоса и принимали по результатам своих обсуждений апелляции к миру.

8—9 февраля 1986 г. по предложению С. Мацумаэ в Токио собралась инициативная группа представителей США, СССР, Китая и Японии, решившая провести 17—19 августа 1987 г. I конференцию ректоров университетов и директоров НИИ АТР. Конференция состоялась в намеченный срок. На нее прибыло 73 участника из 56 стран, в том числе 5 представителей Советского Союза.

Участники форума приняли Токийскую декларацию, в которой было отмечено, что сотрудничество университетов и научно-исследовательских институтов региона будет способствовать ликвидации социальных, культурных и политических различий. Такое сотрудничество, подчеркнуто в документе, не только внесет вклад в спокойствие и процветание региона, но также в дело мира на всей планете. Для того чтобы создать действительно стабильное и благоприятное международное окружение, конференция призвала всех участников использовать образование и просвещение в целях улучшения взаимного понимания и доверия.

Возглавляемая С. Мацумаэ Японская ассоциация по культурным связям с зарубежными странами наряду с Академией наук СССР и японской газетой «Эмиури» стала одним из организаторов состоявшейся 25—26 ноября 1987 г. в Токио консультативной встречи представителей общественности и научных кругов двух стран («встреча мудрецов»), предпринявшей попытку создать механизм для неформального диалога, в ходе которого можно было бы выйти на осмысление нового политического мышления применительно к японо-советским отношениям. В Японии давно уже могли убедиться, что советский народ проявляет большой и доброжелательный интерес к различным сторонам жизни соседней страны, ее культуре, истории, традиционной этике и т. д. На Японских островах также высок интерес к советской и русской культуре, к происходящим в СССР в последние годы революционным преобразованиям. Но нельзя не заметить и явную враждебности к нашей стране со стороны определенных кругов, стремления отравить атмосферу японо-советских отношений.

Хотя участникам встречи не удалось достичь взаимопонимания по всем обсуждавшимся проблемам, можно сказать, что в ходе дискуссии наметился новый канал двустороннего диалога, были обозначены проблемы, начался интенсивный обмен мнениями, который в будущем может быть продолжен на более высоком уровне.

Даже краткие штрихи из многогранной деятельности С. Мацумаэ позволяют представить яркую личность крупного ученого и общественного деятеля, подчинившего всю свою жизнь утверждению мира, активизации японо-советских контактов. С. Мацумаэ считает, и это нельзя не приветствовать, что ради мира и безопасности народов в Азии и в бассейне Тихого океана Япония должна взять на себя инициативу создания атмосферы доверия и развития сотрудничества между государствами, что явилось бы гарантией здоровых международных отношений в АТР.



ЦЗЯН ЧУНЬФАН

**В** сороковых годах в Шанхае издавался ежемесячный журнал «Советская литература и искусство». Он был рожден к жизни особым стечением обстоятельств. После вторжения в Шанхай японцев 13 августа 1937 г. китайская армия была вынуждена оставить этот район: международный селтльмент в городе оказался на положении изолированного острова посреди океана японской оккупации. Англо-американские власти селтльмента объявили о своем нейтралитете в японо-китайской войне, так что китайские газеты в селтльменте не могли свободно освещать ход военных действий. Однако за деньги можно было нанять издателя — англичанина, американца или француза, зарегистрировать газету как иностранное коммерческое издание и таким способом получить право свободно сообщать новости. Поэтому все газеты в селтльменте превратились в иностранные коммерческие издания. Левые из них, включая выпускаемую Компартией газету «Ибао», очень скоро заслужили ненависть врага и их марионеток.

В 1939—1940 гг. некоторые издания были перекуплены японцами, — лишившись прикрытия, они вынуждены были закрыться. На изолированном островке уцелело лишь несколько коммерческих газет и гоминьдановских изданий, продолжавших выходить как иностранные.

Коль скоро англичане и американцы оказались ненадежными, почему бы не привлечь в качестве издателя других иностранцев, например, советских граждан? Тоже нельзя: в международном селтльменте, контролируемом англо-американскими колонизаторами, советским людям не разрешалось издавать газеты во избежание распространения «красной заразы».

И лишь когда в июне 1941 г. гитлеровцы напали на СССР, а между Англией, США и Советским Союзом сложилась антигитлеровская коалиция, советские граждане получили право издавать газеты в международном селтльменте. Шанхайская подпольная партийная организация, учтя это обстоятельство, направила для связи с отделением ТАСС в Шанхае представителя с просьбой выступить с инициативой выпуска газеты на китайском языке. Учредить газету тогда, однако, не удалось, но решено было использовать журнал «Эпоха», издававшийся советскими гражданами. Так, в августе 1941 г. появился литературный еженедельник «Шидай», возникло советское коммерческое издание на китайском языке.

Когда 8 декабря 1941 г. Япония развязала войну на Тихом океане и заняла шанхайский международный селтльмент, «изолированный остров» утонул в море оккупации, и все издания на китайском языке, выходявшие под видом коммерческих, были закрыты. Оставалась только одноцветная японская и марионеточная пресса. Агрессоры продолжали захваты в бассейне Тихого океана, но, опасаясь осложнений, были вынуждены поддерживать «дружественные» отношения с СССР. Поэтому советское коммерческое издание «Эпоха» по-прежнему выходило в оккупированном Шанхае. Руководитель отделения ТАСС В. Н. Рогов начал выпускать еженедельник «Сулянь вэнь» («Советская литература и искусство»). Сам он был главным ре-

---

*Публикуемый материал (пер. А. Н. Желуховцева) — фрагмент обширной статьи, напечатанной в журнале «Сулянь вэньсюэ» («Советская литература»), 1980, № 2.*

доктором, а товарищи из подпольной шанхайской организации переводили для него произведения советской и русской литературы. Произошло небывалое: начал выходить журнал, специально посвященный революционной советской литературе, что до этого было немыслимо ни на территории международного селтльмента, ни вообще в Китае\*. Первый номер торжественно вышел в свет к XXV годовщине Октябрьской революции, 7 ноября 1942 г. Это было «чудо», возможное лишь в исключительных условиях того времени.

Хотя «Сулянь взньи» был объявлен ежемесячником, но иногда выходили сдвоенные номера. Так, в июле 1943 г. появился шестой номер за июнь-июль. После отъезда В. Н. Рогова из Китая главным редактором (с седьмого номера) стал новый заведующий отделением ТАСС Н. И. Шевцов.

Зимой 1943 г. полицейское управление, подчинявшееся марионеточному правительству, потребовало, чтобы все китайские рукописи журнала «Сулянь взньи» представлялись на официальный просмотр до публикации. Так появились сокращения и белые пропуски на его страницах. А спустя еще несколько месяцев полицейское управление потребовало и вовсе прекратить издание под предлогом того, что иностранцы не имеют права издавать в Китае журналы на китайском языке.

Японцы, с одной стороны, преследовали журнал, а с другой — стремились поддерживать хорошие отношения с Н. И. Шевцовым, приглашая его на банкеты чуть ли не каждый день, надеясь на посредничество СССР в отношениях между Японией и США. В апреле 1945 г. Советская Армия уже наступала в пределах Германии и ворвалась в Берлин. Советское коммерческое издательство «Эпоха» воспользовалось этим и на глазах японской жандармерии и марионеточной полиции «на свой страх и риск» возобновило выпуск на китайском языке ежемесячника «Сулянь взньи» и журнала «Шидай», также запрещенного в 1944 г. Однако китайский персонал издательства «Эпоха» стал подвергаться грубым преследованиям со стороны японцев.

В мае 1945 г. весь номер «Сулянь взньи» был отдан стихам, песням и рассказам о вступлении Советской Армии на территорию врага. Журнал «Шидай» напечатал фотографии о штурме Берлина, в частности было помещено фото: над рейхстагом реет красное знамя, и даже военные репортажи публиковались открыто.

После капитуляции Японии в Шанхае появились американцы. Понаехали военные чины и партийные боссы Гоминьдана. Журналу «Сулянь взньи» предстояло пережить еще одно испытание: дозволит ли его издание гоминьдановские власти?

СССР, так же как и три западные державы — США, Англия и Франция, — был союзником Китая по антифашистской коалиции, и гоминьдановское правительство подписало с СССР договор о дружбе, поэтому ему приходилось поддерживать «дружественные» отношения с Советским Союзом. Издания, выходившие в Шанхае при японских и марионеточных властях как советские коммерческие, Гоминьдан тоже не посмел немедленно запретить. Журналы «Сулянь взньи», «Шидай» и газета «Шидай жибао» продолжали выходить в силу необычного стечения обстоятельств, открыто пропагандируя политику Компартии, успехи социалистического строительства в СССР, литературу и искусство.

И хотя «Сулянь взньи» был бельмом на глазу у гоминьдановских властей, он просуществовал вплоть до освобождения Шанхая в 1949 г.

Первый главный редактор «Сулянь взньи» В. Н. Рогов в октябре 1946 г. снова вернулся в Шанхай и принял руководство журналом (с 24-го номера). В то время нарастала народно-освободительная война, и пропагандистское значение этого издания было очень велико.

\* Из неопубликованных воспоминаний В. Н. Рогова: «...Мы решили использовать выходившую в Шанхае на русском языке ежедневную газету «Новости жизни», принадлежавшую советскому гражданину В. И. Чиликину, и небольшой двухнедельной журнал «Эпоха», в котором перепечатывались статьи и рассказы из советских журналов. Используя эти коммерческие издания, отделение ТАСС начало издавать литературный еженедельник «Эпоха» на русском, английском, китайском, а вскоре и немецком языках. В нем печатались ежедневные сводки Совинформбюро. Вскоре в Шанхае было создано советское коммерческое издательство «Шидай» («Эпоха»). По предложению переводчика Цзян Чуньфана оно приступило к выпуску книг и брошюр на китайском языке. (Прим. ред.).

После освобождения стало возможным в большом количестве публиковать переводы советской художественной литературы. Необходимость издания журнала под вывеской советского коммерческого предприятия отпала.

«Сулянь вэньи» в течение семи лет удачно использовал особые условия при японцах, их марионетках и гоминьдановском господстве, выполнив свою историческую миссию.

## Послесловие

Недавно вышел в свет очередной том Большой китайской энциклопедии («Чжунго да байкэ цюаньшу»). Это поистине уникальное издание занимает достойное место среди таких всемирно известных энциклопедий, как Британика, Ларусс, Брокгауз, Большая советская энциклопедия и др. БКЭ стала своеобразным памятником одному из инициаторов ее создания, основоположнику и редактору Цзян Чуньфану, скончавшемуся в декабре прошлого года. Более полувека своей жизни этот мужественный, высокообразованный человек отдал делу служения китайской революции. Был подпольщиком, партийным организатором, но с полной силой его талант вернулся на культурном поприще, в качестве издателя и переводчика с русского. Его вклад в развитие китайско-советского культурного сотрудничества поистине велик.

Еще до освобождения Китая Цзян Чуньфан трудился в журнале «Шидай» («Эпоха»), о котором пишет в публикуемой статье, скромно умалчивая о своей роли в нем. Ничего не говорит он и о личном вкладе в издание ежемесячника «Сулянь вэньи», газеты «Шидай жибао», где был главным редактором. Все эти издания, выходявшие до освобождения на базе издательства «Эпоха», внесли немалую лепту в удовлетворение интереса китайцев к Стране Советов и ее литературе.

После создания КНР Цзян Чуньфан организовал в Шанхае Школу русского языка. Много сил отдавал подготовке специалистов со знанием русского, так не хватавших тогда новому Китаю. Одновременно он являлся членом Шанхайского отделения Общества китайско-советской дружбы. Затем его перевели в Пекин, где он стал заместителем заведующего кафедрой истории партии Института марксизма-ленинизма при ЦК КПК. В те годы он работал в тесном контакте с советскими товарищами — сотрудниками журналов «Жэньминь Чжунго» («Народный Китай») и «Жэньминь хуабao» (иллюстрированный журнал «Китай»). Когда же в начале 1953 г. было создано Бюро переводов при ЦК КПК, Цзян Чуньфана перевели туда на работу. Здесь он плодотворно трудился вплоть до наступления черных дней «культурной революции». В 1968 г. Цзян Чуньфан был репрессирован.

Ему было известно, что в Китае еще две тысячи лет тому назад начали выходить книги «лэйшу» (предметные, тематические справочники). За все годы появилось более 400 наименований. Во второй половине XVIII в., в годы правления императора Цяньлуна, родилось справочное издание «Сыку цюаньшу» (1773—1783) — «Полная книга по четырем разделам» — классика, история, философия, поэзия. Это был уникальный для того времени труд, уступавший по времени издания лишь Британской энциклопедии (1768). Позже энциклопедические издания появились во Франции (1780), Германии (1808), США, России, Японии и других странах. В Китае был выпущен энциклопедический словарь «Цыхай» (1937), но не было издания, отвечавшего современному уровню знаний. Необходимо было восполнить этот пробел. Цзян Чуньфан был в этом убежден. После «культурной революции» было принято специальное решение о создании такого рода издания в 80 томах. Цзян Чуньфану поручили сформировать издательство, подобрать его кадры и авторов. Ему удалось привлечь многих специалистов, некоторые из них были по его представлению еще до официальной реабилитации освобождены из лагерей и тюрем, где они оказались в период «культурной революции».

Первый том БКЭ, посвященный астрономии, вышел в свет в конце 1980 г. и получил высокую оценку как в Китае, так и за его пределами. К сегодняшнему дню издан 31 том, подписаны к печати 9 томов, над следующими работа продолжается. Ее осуществляют соратники и ученики Цзян Чуньфана, полные решимости довести до конца его грандиозный замысел.

*В. И. АНТОНОВ*

---

## Три выставки

---

### ГЭ БАОЦЮАНЬ

**З**натоком русского языка и нашей литературы Гэ Баоцюань не один десяток лет трудится во имя дружбы китайского и советского народов. Началось это в 1935 г., когда молодым двадцатилетним человеком он впервые приехал в СССР как корреспондент газеты «Дагунбао», сменив на этом посту своего дядю, известного журналиста Гэ Гунчжэня. С тех пор он не однажды приезжал к нам, прожив в общей сложности в Советском Союзе десять лет. В 1949 г. был первым поверенным в делах КНР в СССР, долгое время является заместителем генерального секретаря Общества китайско-советской дружбы.

Благодаря его неутомимой деятельности китайские читатели познакомились с произведениями Пушкина и Тургенева, Л. Толстого и Чехова, Блока и Горького и многими другими, в том числе и с творчеством писателей наших республик. Труд этот настолько многообразен и велик, что не поместился и в пяти томах избранных переводов. Перу Гэ Баоцюаня принадлежит более 50 собственных книг — «Беседы о Советском Союзе», «Беседы о советской литературе», «Лермонтов и Китай», «Ленин и китайская литература», «Маяковский в Китае» и др.

В мае прошлого года Гэ Баоцюаню был вручен диплом почетного доктора МГУ за крупный вклад в развитие литературной науки, дружбы и сотрудничества между народами СССР и КНР. А в июне нынешнего года за пропаганду и перевод произведений русской и советской литературы и в связи с 75-летием он удостоен еще одной высокой награды — ордена Дружбы народов.

Мы публикуем фрагмент из статьи Гэ Баоцюаня «Лу Синь и советская графика».

\* \* \*

Лу Синь проделал очень большую работу по собиранию произведений советской графики, издавал их и популяризировал, это принесло огромную пользу для становления и развития молодой графики Китая и еще много лет оказывало на нее влияние. И сегодня мы помним об огромном вкладе Лу Синя.

С конца 20-х гг. Лу Синь стал покупать книги по зарубежному искусству, а с начала 30-х гг. начал также коллекционировать оригинальные оттиски зарубежных гравюр. Коллекция составила весьма богатая, что было редкостью для Китая. Он считал, что нельзя все эти книги и произведения держать под замком. Кроме планов об их издании, он лелеял мечту о выставках, чтобы любители искусства могли наслаждаться этими произведениями. Однако в условиях, когда в стране шли карательные походы Гоминьдана против революционной культуры, свирепствовал белый террор, найти подходящее место для проведения выставки было делом далеко не легким. Но ему оказал большую помощь издатель Учияма. Как вспоминает Сюй Гуанпин, «господин Учияма не только взял на себя заботу по изданию книг, но и использовал культурный обмен между Китаем и зарубежными странами». Он также оказал большое содействие Лу Синю в пропаганде искусства гравюры. «Лу Синь и господин Учияма не раз сотрудничали при организации выставок гравюр. В то время проникнутую революционным духом гравюру нельзя было выставить отдельно, ее можно было экспонировать только среди других графических работ. Из-за того, что ее нельзя было выставлять открыто, однажды выставка была даже устроена дома у господина Учияма. Это принесло пользу китайской революционной культуре»<sup>1</sup>.

С октября 1930 по декабрь 1933 г. Лу Синь организовал при содействии Учиямы три выставки гравюры. Первая проходила 4—5 октября 1930 г. в Шанхае на пересечении улиц Бэйсы чуаньлу и Диксуэлл роуд (ныне Лиянлу, 812) на втором этаже дома, в котором японец открыл торговое общество (то есть снабженческо-сбытовой кооператив). Это была «Выставка мировой гравюры». Было представлено свыше 70 полотен советских, немецких, французских и других работ — все из личной коллекции Лу Синя. 4 октября Лу Синь сделал такую запись в дневнике: «Сегодня и завтра — два дня вместе с Учияма проводим выставку гравюры в первом магазине торгового общества, во второй половине дня пойдем туда с Сюй Гуанпин». 5 октября он вновь записал: «Во второй половине дня ходил на выставку». Позднее Учияма вспоминал: «Я неоднократно предлагал Лу Синю организовать выставку гравюры, а он спрашивал: «Где ее провести?» В то время я организовал курсы изучения японского языка и решил использовать для выставки две учебные комнаты. Мы тут же вместе отправились их осматривать, чтобы решить, можно ли повесить там 70—80 работ. Лу Синь сказал, что надо сделать рамки, и мы договорились позвать плотника, чтобы у меня дома заняться этим. Я должен был прикрепить таблички, а Лу Синь — написать название каждой работы на китайском, японском и английском языках и фамилию автора. Я даже сейчас помню, что написал он очень красивыми иероглифами, но к большому сожалению не знаю, куда подевались эти подписи. В тот раз было выставлено около 70 работ небольшого формата, и я напечатал их каталог. Выставка проходила два дня, и, возможно, это была самая первая выставка гравюры в Шанхае»<sup>2</sup>. Выставка была открыта в помещении торгового общества, основанного японцем. Сюй Гуанпин вспоминала: «В октябре 1930 г. Лу Синь организовал выставку гравюры на улице Бэйсы-чуаньлу в помещении торгового общества. Подготовка помещения и размещение работ стоили ему немалых усилий. Огромное значение имеет правильное освещение, помогающее вызывать чувство прекрасного. Однако арендовать такое помещение в то время, когда гравюра подвергалась гонениям, а к художникам, занимающимся гравюрой, относились как к коммунистам, было нелегко. Поэтому не оставалось другого выхода, как устроить ее в японском торговом доме. Кроме специально подобранных японских гравюр, протест вызвала серия гравюр Кете Колюице, намеренно размещенных в нескольких помещениях. Выставка привлекла всеобщее внимание, вызвала интерес к гравюре у деятелей культуры»<sup>3</sup>. Учияма говорил об успехе выставки: «Можно сказать, что в Китае это была первая настоящая выставка гравюры. Когда она в конце концов открылась, ее посетили около 400 японцев и китайцев, это был первый успех»<sup>4</sup>. Позднее он писал, что это событие было «достойно большой книги».

Вторая выставка была проведена 14—15 октября 1933 г. под названием «Выставка немецкой и русской гравюры». Она состоялась в свободном доме на Чэррилейн, 40 (ныне Шаньиньлу 2, переулок № 40). В то время управляющий Учияма жил на той же улице в доме № 3, рядом со своим книжным магазином. Лу Синь в апреле того же года переехал на улицу Далусиньцунь в дом № 9 (ныне Шаньиньлу, 132, переулок № 9), это было недалеко от места, где проходила выставка. Лу Синь записал в дневнике 11 октября: «Оформлял с Гаунпин гравюры», а 14 октября: «Во второй половине дня мы с Гаунпин, взяв Хайпина, ходили на выставку гравюры». На другой день снова запись о том, что «во второй половине дня ходили на выставку гравюры». Об этом вспоминает Сюй Гуанпин: «После шанхайских событий 28 января 1932 г.\*, к которым надо прибавить два-три года, когда приходилось спасаться от бедствий, мы опасались растерять собранные гравюры и всегда думали о том, чтобы при случае их выставить. В октябре 1933 г. на Чэрри-роуд устроили выставку гравюры, которая была намного богаче первой и оставляла хорошее впечатление. Лу Синь ликовал, наблюдая из окна нашего дома на Далусиньцунь непрерывающийся поток людей по Чэрри-роуд. Временами не мог удержаться и прибежал на выставку, чтобы посмотреть». А вот, что пишет график Лю Сянь, вспоминая посещение выставки: «Хотя выставка занимала лишь две боль-

\*Нападение японцев на Шанхай (Прим. перев.).

шие комнаты, она была очень искусно оформлена. По стенам висело более 100 гравюр советских и немецких мастеров, сделанных ручным способом. Лу Синь уделял выставке много времени. Он не только пояснял молодым художникам-граверам содержание работ и уровень мастерства автора, но и отвечал на их вопросы. И каждому подарил репродукцию с иллюстрацией к «Железному потоку». Когда Лу Синь покинул зал, все принялись разглядывать гравюры, и никто не заметил, как неожиданно он вернулся с двумя толстыми книгами в руках. Он сказал: «Это то, что я недавно купил, иллюстрации прекрасные, можете с ними познакомиться». Он сел на стул, как будто немного устав, но не переставал переворачивать страницы, показывая окружающим те два альбома в синем переплете, которые были более цуня толщиной»<sup>5</sup>.

2 декабря того же года Лу Синь при содействии Учяма устроил третью выставку советской и французской книжной графики в помещении Японской молодежной христианской ассоциации Лаобацзылу (Воопе-роуд 40, ныне — Уцзиньлу, 183). В тот же день Лу Синь записал в дневнике: «Во второй половине дня ходил в Японскую молодежную христианскую ассоциацию смотреть выставку советской и французской книжной графики». На этот раз было выставлено 40 работ, главным образом советских. Было немного и французских работ, чтобы избежать нападков реакции. Лу Синь об этом написал в письме 5 декабря переводчику Яо Кэ: «В течение двух дней в помещении Японской молодежной христианской ассоциации была выставка графики, половина работ прислана оттуда, публики — китайская молодежь — собралось более 200 человек». А 6 декабря в письме специалисту по гравюре У Бо он писал: «Сейчас устраивать выставки нелегко. Во-первых, проблема с помещением. Необходимо договориться об аренде, к тому же это должно быть безопасное место. Во-вторых, что выставлять? Советские работы трудно показывать отдельно, надо привлекать кого-нибудь еще. На этот раз были выставлены французские книжные иллюстрации».

Широкие массы любителей гравюры с любовью и интересом приветствовали проведение Лу Синем этих трех выставок.

*Перевод с китайского И. Кульчицкой*

<sup>1</sup> Сюй Гуанпин. Воспоминания о Лу Сине. Пекин, 1961, с. 91.

<sup>2</sup> См.: «Баньхуа», 1952, № 3.

<sup>3</sup> Сюй Гуанпин. О жизни Лу Синя. Пекин, 1954, с. 49—50.

<sup>4</sup> Учяма. Вспоминая Лу Синя. Пекин, 1979, с. 57, 58.

<sup>5</sup> «Мэйшу», 1956, № 10.

## Поездка в СУАР

*М. Я. СУШАНЛО,  
член-корреспондент АН  
Киргизской ССР*

О сенью прошлого года в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР побывала делегация общественности Казахстана, Киргизии и Узбекистана. Это была третья поездка, проходившая по линии Общества советско-китайской дружбы. Начало было положено в 1985 г., когда Общество китайско-советской дружбы пригласило представителей наших республик на празднование 30-летия образования СУАР. С тех пор ежегодно проводится обмен делегациями. В Казахстане, Киргизии, Узбекистане побывали две делегации из СУАР.

В нашу делегацию входили председатель киргизского Союза обществ дружбы с зарубежными странами Д. Ч. Ташибекова, ректор Ташкентского института иностранных языков профессор Дж. Б. Буранова, заместитель председателя общества «Ватанг» Узбекистана А. Борбиев, ученый секретарь Института уйгуроведения АН КазССР А. Макпиров, заведующий Отделом дунгановедения, член-корреспондент АН Киргизской ССР М. Я. Сушанло. Возглавил ее министр иностранных дел Казахской ССР, депутат Верховного Совета республики М. И. Есеналиев.

Не претендуя на полноту охвата, автор этих строк видит свою задачу в том, чтобы сообщить читателю некоторые факты и наблюдения, увиденные за сравнительно короткое время пребывания в СУАР.

Урумчи, главному городу автономного района, более ста лет. Здесь живут и трудятся более 1 млн. 200 тыс. человек, так же, как в Кульдже (Ининь), с которого собственно и началось наше путешествие. В Урумчи глинобитные домики с дувальными ограждениями соперничают с современными зданиями, и все же построек прошлых времен значительно больше. Однако такие здания, как Постоянный комитет Собрания народных представителей, Дом-музей науки и техники, аэропорт — прекрасные творения современной архитектуры. Следует отметить, что правительство СУАР с согласия руководства КНР заключает соглашения с частными фирмами Гонконга, Японии, Пакистана о строительстве общественных зданий и жилых домов.

В городе находятся Академия естественных наук, Академия общественных наук, 15 институтов с 21 тыс. студентов, 32 техникума, 192 средние школы, 333 неполные средние школы, 52 больницы и 512 лечебных пунктов. Среди молодежи еще есть безработные. Однако городские власти делают все, чтобы обеспечить молодых людей работой по профессии. Одаренных юношей и девушек правительство посылает на учебу в другие города Китая и за рубеж.

Побывали мы и в загородной зоне отдыха — Байёngu (Долина тополей), где встретились с многочисленными зарубежными туристами из Японии, Гонконга и США.

1 октября (годовщина образования КНР) мы встретили в Урумчи. Был обычный день. Нигде и ни в чем не чувствовалось праздничного и торжественного настроения. Этот день в Китае является просто днем отдыха.

Наши спутники — сотрудники департамента внешних сношений СУАР — объяснили, что в стране отменены демонстрации и шествия по случаю праздника. Демонстрации трудящихся впредь будут проводиться только по круглым датам.

После Урумчи мы прибыли в древний город Кашгар. Он ведет оживленную торговлю с Пакистаном и многими арабскими странами, а также с Индией. На кашгарском базаре нас поразило обилие торговцев из Пакистана, бойко торгующих различными товарами из своей и других стран. нас это несколько озадачило. Возникли вопросы, на которые, однако, мы не получили исчерпывающих ответов.

Визит в Артуш, центр Кызылсу-Киргизского автономного округа, для меня оказался вдвойне приятен. Здесь я встретился с профессором Центрального института национальных меньшинств Б. Анваром, с которым познакомился еще в 1958 г. в Пекине. Тогда он был студентом института, в котором сейчас является ведущим специалистом в области истории и культуры киргизского народа, собирает материалы для написания истории киргизов с древнейших времен до наших дней.

В СУАР издается около семидесяти журналов на шести языках (уйгурском, китайском, казахском, монгольском, киргизском и сибо) общим тиражом более 640 тыс. экземпляров.

Средства массовой информации широко пропагандируют идеи XIII съезда КПК и других правительственных решений о строительстве начального этапа социализма. Главный печатный орган СУАР — газета «Синьцзян жибао» («Синьцзян газети») — выходит с декабря 1969 г. на четырех языках — уйгурском, китайском, казахском, монгольском. На уйгурском и казахском языках газета печатается на арабской графике. Тираж газеты — более 300 тыс. экземпляров, по формату соответствует газете «Жэньминь жибао».

Помимо газеты «Синьцзян жибао» в Урумчи издаются и другие периодические издания — газета «Урумчи ваньбао» («Вечерний Урумчи»), иллюстрированный журнал «Синьцзян», литературно-художественные журналы «Искусство Синьцзяна» и «Тарим», а также «Молодежь Синьцзяна», «Физкультура и спорт Синьцзяна», «Синьцзянские дети», «Просвещение СУАР». Распространяется здесь и центральная китайская пресса: газета «Жэньминь жибао», журнал «Хунци» на китайском и уйгурском языках, «Китай» на уйгурском, китайском, казахском и монгольском языках и др.

В автономных округах свои печатные органы. Так, в Кызылсу-Киргизском автономном округе — выходит ежедневно на киргизском и китайском языках «Кызылсу жибао», а в Или-Казахской области — «Или жибао» и др. Тираж газеты «Кызылсу жибао», выходящей на киргизском языке, более 3 тыс. экземпляров (на арабской графике).

В СУАР сегодня насчитывается 9 основных издательств. Полиграфическая база автономного района может обеспечить издание 3 млн. экземпляров газет, журналов и свыше 13 млн. экземпляров книг в год. Наиболее крупной и техниче-ски оснащенной является урумчинская типография «Синьхуа».

Наибольшее развитие в СУАР получило программное проводное радиовещание. Во всех городах и уездных центрах Синьцзяна есть свои радиотрансляционные станции, откуда вещаемые программы передаются на радиоузы. Вещание ведется на многих языках.

Что касается телевидения, то оно создано сравнительно недавно. Телецентр был построен в Урумчи в 1970 г., передачи ведутся по двум программам главным образом на двух языках (уйгурском и китайском) в черно-белом и цветном изображении.

Два года назад начала действовать сеть спутниковой связи, через которую с помощью ретрансляторов передается программа китайского центрального телевидения.

В магазинах мы видим в продаже телевизионные приемники как китайского производства, так и производства США, Японии, Югославии, Румынии, Гонконга и других стран.

В прошлом году было подписано соглашение между вузами Синьцзяна и 21 вузом США. Достигнута договоренность об отправке на учебу в нынешнем году 14 человек из СУАР в США.

Синьцзянский университет является одним из престижных вузов. Он был основан в 1935 г. и сегодня имеет 11 факультетов, в том числе и факультет иностранных языков. Преподавание здесь ведется на трех языках — английском, японском и русском. В перспективе — арабская филология. Синьцзянский университет располагает хорошей библиотекой (около 1 млн. томов), немало здесь изданий и на русском языке.

В университете обучается молодежь 15 народностей. Занятия ведутся и на уйгурском языке. Обучение пятилетнее. С 1984 г. началось техническое оснащение университета современным оборудованием и ЭВМ. При университете есть типография и зоологический музей.



На территории СУАР, особенно в Кашгарском округе, много памятных мест, среди них гробница Акпак-ходжи, мечеть Этигер. Сегодня исторические памятники реставрированы. В 65 км к югу от Кашгара покоится прах выдающегося ученого Махмуда Кашгарского.

В Урумчи живет и знаменитый сказитель киргизского эпоса «Манас» Джусуп Мамыш улуу, с которым у нас состоялась встреча. Он — член Союза писателей КНР. В мае прошлого года Синьцзянскому отделению Союза писателей исполнилось 30 лет. В настоящее время оно объединяет 690 человек.

До освобождения запись эпоса не производилась. Планомерная работа по сбору и записи началась лишь после образования КНР. В 1964 г. была создана рабочая группа по изучению этого памятника. Она опросила 70 сказителей. На сегодня собрано и записано более 200 тыс. строк. Комиссией по подготовке и изданию эпоса (руководитель — профессор Ху Чжэньхуа) уже опубликовано два тома — «Манас» и «Семетей», готовится к изданию третий — «Сейтек». Всего выйдет восемь томов, заключительный — под названием «Чаготай». Памятник публикуется на казахском, уйгурском и китайском языках.

Знакомясь с жизнью и культурой СУАР, мы убедились, что народы этого региона Китая не забыли былую дружбу с нашей страной и стремятся к ее возрождению. Отчуждение осталось позади, хотя подчас еще и сказывается страх, порожденный в годы «культурной революции».

Китайское руководство пересматривает прежние установки и положения в области экономики, социальных отношений, культуры, идеологии. Провозглашен курс на модернизацию, выработку новой социалистической концепции развития Китая. XIII съезд КПК главный акцент сделал на перестройку политической системы общества. В дальнейшем она должна привести к созданию «жизнеспособной системы с высокоразвитой демократией, современным законодательством и высокой эффективностью».

В последнее время наблюдается улучшение советско-китайских отношений, расширяются экономические и торговые связи. Ширится и приграничная торговля между СССР и Китаем в среднеазиатском и казахстанском регионах. Приграничная торговля в синьцзянском направлении так же, как и на Дальнем Востоке, создаст условия для поддержания добрососедства и взаимопонимания между нашими народами. Нам предопределено жить рядом «отныне и во веки веков». И мы искренне стремимся к развитию сотрудничества двух стран.

*г. Фрунзе*

## Находкинский форум

Т. В. КАРЫМОВ

С 19 по 24 июля в Находке прошла IX Международная молодежная встреча по проблемам безопасности и сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе. Подобные семинары молодых исследователей, проводимые под эгидой Комитета молодежных организаций СССР раз в два года (в 1974—1977 гг. — ежегодно), стали доброй и устойчивой традицией. Потенциал общения и взаимопонимания, нарабатываемый здесь, тем более ценен, что возможности для организации контактов представителей молодежных организаций и молодых ученых стран региона пока ограничены. Авторитет встречи подчеркнуло приветствие, поступившее в ее адрес, от заместителя Генерального секретаря ООН по разоружению Ясуси Акаси. Трудно переоценить значение и того обстоятельства, что принимал зарубежных гостей именно советский Дальний Восток, переживающий ныне во многом переломный этап в своем развитии.

Принципиальные моменты азиатско-тихоокеанского направления политики Советского Союза были изложены в речи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Владивостоке 28 июля 1986 г. и в его интервью год спустя индонезийской газете «Мердека». Многие аспекты советской позиции в АТР нашли отражение на многосторонних научных форумах, одним из которых, причем весьма представительным, стала находкинская встреча.

В небольшой город-порт на побережье залива Петра Великого съехалось более восьмидесяти участников из одиннадцати стран — Австралии, Вьетнама, Китая, КНДР, Канады, Колумбии, Монголии, Папуа — Новая Гвинея, СССР, США и Японии. В советскую делегацию вошли представители КМО, институтов Академии наук СССР и ее Дальневосточного отделения, МИД СССР, Дипломатической академии, МГУ, МГИМО, ДВГУ. После советской делегации самой многочисленной была американская — 18 человек, большинство из которых работают или учатся в различных университетских центрах США. Впервые во встрече приняла участие делегация КНР в составе заместителя директора Института Советского Союза и Восточной Европы профессора Син Шугана и сотрудника этого института Сюй Чжисиня.

Приглашение на находкинский форум получили молодые ученые и деятели молодежного движения, выражающие различные политические взгляды, и организаторы не ставили перед участниками задачу достижения единства взглядов по всем обсуждаемым вопросам, как это случалось раньше. Предполагалось проведение конструктивных дискуссий по тем первоочередным проблемам, которые волнуют народы стран АТР. В регионе сохраняется несколько острых конфликтов, продолжается милитаризация как суши, так и океана, уровень политического взаимопонимания стран региона оставляет желать большего. Экономическое сотрудничество, несмотря на благоприятные тенденции, еще далеко от мыслимых масштабов. Сама за себя говорит, казалось бы, незначительная и — увы! — привычная деталь: некоторые участники из Японии, Китая и США добирались на Дальний Восток, несмотря на географическую близость к нему своих стран, через... Москву и Лондон.

Работа форума проходила по трем секциям: военно-политической, экономической и молодежной. В первой секции участники от СССР, США, Японии, КНДР, Монголии, Китая, Вьетнама представили 21 доклад. Были затронуты и обсуждены практически все региональные и субрегиональные проблемы. Участники от СССР, США, КНР попытались со своих позиций обрисовать общую ситуацию и главные тенденции в АТР. Отдельно обсуждались советско-китайские и советско-американские отношения, включая советско-американское противостояние в регионе. Много внимания уделялось вопросу о продолжающейся милитаризации АТР. В центре

отдельных заседаний были проблемы объединения Кореи и положение в Кампучии.

Как и следовало ожидать, участники часто не соглашались друг с другом. Так, при обсуждении кампучийской проблемы делегаты Вьетнама и КНР высказали противоположные суждения. По-разному оценили события 60—70-х гг. в ЮВА представители Вьетнама и США. Не смогли прийти к компромиссу по вопросу присутствия американских войск в Корее делегаты КНДР и США. Однако в отличие от многих подобных встреч в прошлом на этот раз удалось создать конструктивную, откровенную и заинтересованную атмосферу дискуссий. Большинство участников стремилось услышать и понять доводы оппонентов, а не предлагать заранее известный набор контраргументов. Во многом это оказалось возможным благодаря действительно свободному обмену мнениями. На характере дискуссий, несомненно, отразилось влияние нового политического мышления, требующего отказа от раз и навсегда установленных постулатов, стереотипов, ориентирующего участников диалога на достижение согласия или компромисса. В результате на встрече присутствовали и гибкость в суждениях и подходах, и определенное взаимопонимание в научном поиске приемлемых решений, что выгодно отличало ее от политизированных диспутов.

В такой атмосфере стало возможным выдвижение смелых идей, которые, возможно, лягут в основу научной работы участников конференции. Были и конкретные предложения, например об «объединении» договоров Тлателолко и Раротонга и образовании «безъядерного южного полушария», о создании консультативной военно-морской комиссии по предотвращению инцидентов, об образовании «единого анти-ядерного фронта» в АТР. Высказывались идеи о возможности взаимодействия военно-морских сил СССР и США (или всех постоянных членов Совета Безопасности) по предотвращению инцидентов с гражданскими морскими и воздушными судами и многое другое. С трактовкой широкомасштабных мирных инициатив своих стран выступили делегаты КНДР и Монголии. Практическое значение имел обмен мнениями по интерпретации понятия «национальный интерес». Затрагивались проблемы адекватной оценки угрозы интересам той или иной страны и приоритетности этих интересов. В духе времени прозвучала мысль аспиранта Колумбийского университета из Нью-Йорка Теодора Холфа о том, что если удастся сбалансировать интересы всех сторон в АТР, то вооруженные столкновения уйдут в историю. Пожалуй, все делегаты (за исключением представителей Демократической лиги японской молодежи, выступивших с критикой нового политического мышления с левацких позиций) поддержали призыв профессора Син Шугана из КНР: «Развивать все, что объединяет, преодолевать все разногласия!».

Экономическая секция работала по трем направлениям: 1) глобальные проблемы экономики; 2) реформы в отдельных странах; 3) экология.

Внимание советских участников форума, в частности, привлекло сообщение представительницы американского штата Аляска Вирджинии Брелсфорд, являющейся советником губернатора штата по вопросам международных экономических связей. Выступая от лица нескольких фирм США, она заявила о возможности создания смешанных рыболовецких предприятий по отлову и переработке краба. Как она утверждала, скорость обработки улова по американской технологии в пять раз выше, чем по советской. При этом обеспечивается лучшее качество конечного продукта. Однако промысел должен будет вестись в советских территориальных водах.

Как показала дискуссия, богатые возможности таит Приморье в такой отрасли, как туризм. Американские и японские круизные суда заходят изредка в Находку, однако в этой области есть ряд нерешенных пока проблем, связанных с неразвитостью гостиничного комплекса, «индустрии развлечений» в городе и т. п.

Был затронут вопрос о возможности экономических, культурных и туристских связей непосредственно между Камчаткой и Аляской.

С большим интересом участниками была воспринята дискуссия между представителями советской и китайской делегаций по вопросу взаимовлияния и даже взаимодействия перестройки в СССР и КНР. На экономической секции особо выделялось обсуждение экологических угроз в АТР.

В целом очередная встреча в Находке получилась деловой, интересной, полезной в плане сближения позиций молодых ученых разных стран на основе стремления к разрядке, разоружению, мирному решению всех проблем региона.

## Встреча в Улан-Баторе

С. Э. КУДАСОВ

С 9 по 11 июня 1988 г. в Улан-Баторе состоялась встреча за «круглым столом» ученых и экспертов из Австралии, Афганистана, Вьетнама, Индии, Канады, Китая, КНДР, Лаоса, Монголии, Японии, СССР и США. Обсуждались вопросы обеспечения мира и сотрудничества в АТР.

Участников встречи приветствовал президент Академии наук МНР Н. Содном, отметивший возрастающее значение азиатско-тихоокеанского региона в международных отношениях. Поскольку, сказал он, здесь по разным причинам продолжают сохраняться очаги напряженности и конфронтации и еще остро ощущается дефицит доверия друг к другу, важно совместно вести поиск путей обеспечения мира и сотрудничества в регионе. Как подчеркнул академик, роль ученых в этом процессе велика, так как их исследования и оценки не могут не влиять на решение насущных проблем, стоящих перед народами, населяющими регион.

Известный американский ученый Р. Скалапино выступил с обстоятельным анализом перспектив политического, экономического и военного развития стран региона, различных аспектов советско-китайских, американско-японских отношений. От дальнейшего развития этих отношений, подчеркнул он, во многом зависит, будет ли в Азии установлена атмосфера доверия и взаимопонимания.

Директор Института востоковедения АН СССР профессор М. С. Капица говорил о положительных тенденциях в международных отношениях, наметившихся после подписания первого договора о практическом разоружении, когда появилась возможность серьезно взяться за работу по выработке структуры мира и безопасности. Это относится и к АТР, где существует целый ряд как двусторонних, так и региональных проблем. Необходим, заявил он, комплексный подход к обеспечению безопасности в Азии путем объединения усилий азиатских государств вплоть до проведения в перспективе общеазиатского форума для обмена мнениями и совместных поисков конструктивных решений.

Профессор международных отношений Военной академии в Токио М. Нишихара охарактеризовал причины военной и экономической напряженности в регионе, главной из которых, по его мнению, является возросший уровень военного противостояния в регионе. Разрядке напряженности в регионе призваны способствовать соглашения о сокращении вооружений при условии их неукоснительного соблюдения, отказ от односторонних преимуществ в вооружении, расширение экономических контактов между странами различных общественных систем.

Ученый из Монголии Л. Хашбат отметил, что в АТР все большую силу набирает антиядерное движение, получает признание политика национального примирения, которая выступает в качестве специфического и действенного инструмента в рамках мирного урегулирования региональных конфликтов, расширяется процесс экономического взаимодействия стран региона.

Сохранить мир и безопасность в АТР — это чаяние всех азиатских народов, подчеркнул ученый из КНДР, директор Института международных отношений Тен Дон Ук. Коснувшись корейской проблемы, он сказал, что для ее решения необходимо в качестве первоочередных мер добиться разрядки напряженности на корейском полуострове и вывезти американские войска.

Доцент Пекинского университета Ни Шэньюань рассказал о процессах обновления, происходящих в Китае, которым «необходимы мирные внешние и внутренние условия». Китайское руководство четко заявило, что оно будет делать все возможное для укрепления мира и безопасности в Азии и во всем мире.

Хорошим примером мирного урегулирования регионального конфликта назвал ученый из Афганистана А. Х. Курайши подписание в апреле 1988 г. Женевских

соглашений по Афганистану. Важно претворить в жизнь каждый пункт соглашения и не ослаблять внимания международной общественности к этим вопросам, сказал афганский ученый.

Участники встречи единодушно подчеркивали настоятельную необходимость скорейшего урегулирования положения вокруг Кампучии. В последнее время наметились обнадеживающие сдвиги в этом направлении. Была выражена надежда на возможность создания в Кампучии представительного коалиционного правительства, предотвращения угрозы кровопролития после полного и окончательного вывода вьетнамских войск и скорейшего созыва международной конференции для достижения урегулирования конфликтной ситуации в Индокитае на основе учета интересов всех заинтересованных сторон.

В дискуссии, затронувшей наиболее актуальные политические, экономические и военные аспекты обстановки в АТР, приняли участие также представители Вьетнама, Лаоса, Индии и Канады. Участники высказали пожелание продолжить встречи за «круглым столом» на регулярной основе и выдвинули ряд предложений относительно их организации в будущем.

Р. С. БЕЛОУСОВ

К таинственной земле их  
гнал широкий вал.

*Ж.-М. де Эредиа*

С моря силуэт сегодняшнего Макао (Ломынь) выглядит вполне современно — над городом возвышаются громады многоэтажных зданий. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным внешнее его своеобразие. Проявляется оно прежде всего в обилии католических церквей и старинных зданий, построенных в западном стиле, напоминающих о четырехсотлетнем господстве португальцев на этом клочке азиатской земли. Впрочем, немало здесь и процветающих буддийских храмов. В остальном же облик Макао типично китайский: скопление лачуг, всякого рода лавочек и мастерских мелких ремесленников. В китайских кварталах на улочках оживленно и шумно. Особенно многолюдно в этих районах бывает в дни традиционных праздников. Туристические бюро всячески пропагандируют красочные карнавалы с причудливыми масками, иллюминацией и множеством танцующих.

Надо сказать, что туристская индустрия развивается в Макао чрезвычайно быстро. Многих привлекают сюда прежде всего игорные дома. Местные казино битком набиты состоятельными гостями из Западной Европы, США, Австралии и Юго-Восточной Азии.

Со страниц рекламных проспектов на вас смотрят богатые отели, шикарные лимузины и улыбающиеся красотки. Здесь же — катера на подводных крыльях, доставляющие пассажиров из Гонконга; новый паром, курсирующий в бухте Чжуцзянкуо, между Макао и Гонконгом; золотые пляжи и, наконец, двухкилометровый мост, соединяющий остров Тайпа с Макао.

Но где же одна из главных достопримечательностей Макао — знаменитый грот Камозэнса, в котором, по преданию, великий поэт прожил не один месяц? О нем в проспекте для туристов, попавшем мне в руки, сказано чуть ли не в самом конце и весьма кратко. Не говорится и о том, каким образом поэт оказался на юге Китая, за тысячи миль от родной Португалии. Восполним этот пробел и обратимся к его биографии. Она тем более поразительна, что певец Лузитании побывал здесь, по представлениям тогдашних европейцев на краю света, у самой восточной каймы «бахромы мира», в середине XVI века!

Сегодня большая часть того, что известно о Камозэнсе, — результат неустанных поисков исследователей, постепенно рассеявших туман, окутывавший эту мощную фигуру эпохи Возрождения. И все же до сих пор в биографии величайшего португальского поэта немало белых пятен. Кое-что следует отнести к области вымысла, иное остается спорным. Мнения ученых нередко расходятся, поскольку биографические материалы подчас известны в версиях, искаженных воображением не слишком шепетильных исследователей. Нелегко, скажем, разобраться в обстоятельствах, принудивших поэта покинуть родину. А скитания на Востоке! Камозэнс был вторым после своего земляка Мендеша Пинту (автора знаменитых «Странствий») европейцем<sup>1</sup>, кто посетил многие неизведанные моря и земли в Азии, в том числе Китай, и описал свои путешествия. Разница между сочинениями Пинту и Камозэнса в том, что последний рассказал о своих странствиях в звучных октавах ставшей всемирно известной поэмы «Лузнады».

Долгие, длившиеся без малого двадцать лет странствия Камозэнса на Востоке начались в марте 1553 г. Неблагодарную отчизну, как говорит он сам, пришлось покинуть из-за сложившихся обстоятельств. Что имел в виду поэт? Камозэнса

отправили в изгнание за «преступление против королевской власти» — он ранил в схватке на улице королевского коюшего. Но была более серьезная причина — его любовь к инфанте, сестре монарха Жоана III, чего последний стерпеть не мог<sup>2</sup>.

Поэту предстояло плыть на корабле «Сан Бенто» в Индию в качестве простого солдата и согласно контракту прослужить здесь пять лет. До этого Камоэнс бывал в Северной Африке, в Сеуте, где во время стычки с маврами потерял глаз.

Теперь ему предстояло более далекое путешествие по пути, за полвека до этого проложенному Васко да Гамой.

Вначале плыли вдоль берегов Северной Африки. Оставив по левому борту Мавританию, где когда-то царствовал мифический Антей и Геспериды возделывали свои сады, судно повернуло на юг и углубилось в просторы безбрежного океана. Позади осталась Мадейра, прошли знаменитый мыс, который тогда называли Зеленым. Проплыли «среди счастливых островов», куда «некогда удалились любезные дочери Геспериды», пишет Камоэнс, имея в виду Канарские острова.

Это был маршрут в общем довольно известный тогдашним португальским морякам. Его энергично осваивали со времен Генриха Мореплавателя — португальского принца, целью жизни которого стало проложить морской путь в Индию. Ради своих дерзких, тогда казавшихся едва ли не фантастических, планов неутомимый организатор, талантливый исследователь и умный политик Генрих одну за другой снаряжал армады в сторону «Моря мрака», как со страхом называли в те времена неизведанные просторы Атлантики. Именно он, Генрих Мореплаватель, в первой половине XV столетия заложил основы будущей широкой колониальной экспансии португальских конкистадоров. И именно ему довелось

Впервые углубить в незнаемый предел

Торжественный полет тяжелых каравелл...

Мечту Генриха Мореплавателя воплощали в жизнь отважные мореходы, гордость и слава Португалии — Бартоломеу Диаш, Диегу Кан, Педру Алвариш Кабрал, Васко да Гама и многие другие. Километр за километром отвоевывали они у Неизвестности, вспахивая своими судами целину дальних морей. Так прошли от экватора до мыса Бурь, или Доброй Надежды — надежды на то, что отсюда легко достичь желанной Индии. И наконец, три каравеллы Васко да Гамы в 1498 г. дошли до заветного Малабарского берега. Завершилась многолетняя эпопея, потребовавшая неимоверных усилий и многих человеческих жизней. С тех пор минуло чуть более полвека исторического опыта. Морской путь из Лисабона в Индию был, можно сказать, освоен.

Когда-то же, еще при Генрихе Мореплавателе, наитруднейшим препятствием для португальцев в Атлантике был мыс Бохадор — самая южная точка на западном африканском побережье, известная тогдашней географической науке. На пути к этому мысу приходилось преодолевать не только коварные отмели, взрывающие поверхность воды на многие километры вокруг и которые, как считали, отбрасывали корабли в открытое море, но и не менее страшные басни об ужасных чудовищах, обитающих в море за этим мысом, о том, что всякий, кто осмелится пройти мимо Бохадора, непременно обратится в пепел или будет сварен заживо, и другие суеверия, способные тогда отпугнуть любого смельчака.

Чтобы убедиться в этом современнику достаточно было взглянуть на морские карты той эпохи. Сегодня они кажутся нам, как говорил писатель-мореход Дж. Конрад, «сумасбродными, но в общем интересными выдумками». В те же времена карты читались так, как теперь мы читаем фантастические романы. Об этом однажды написал Оскар Уайльд, мечтавший воскресить искусство лжи и не случайно вспомнивший при этом о прелестных древних картах, на которых вокруг высоких галер плавали всевозможные чудовища морские<sup>3</sup>.

Разрисованные пылким воображением их творцов, древних космографов, карты и в самом деле выглядели чрезвычайно красочно. На них пестрели аллегорические рисунки, были очерчены границы «страны пигмеев», обозначены мифические Острова Птиц, загадочные Гог и Магог, отмечены места, где обитают сказочные единороги и василиски, сирены, крылатые псы и хищные грифоны. Здесь же были указаны области, где будто бы жили люди с глазом посередине груди, однорукие и одноногие, собакоголовые и вовсе без головы.

Создатели этих карт руководствовались не столько наблюдениями путешественников, посетивших дальние страны, в том числе и Китай (Плано Карпини, Рубрук, Марко Поло и

другие создатели ранних глав великого приключения человечества — познания Земли), сколько черпали сведения у античных авторов Птолея и Плиния, следуя за их «географическими руководствами» в описании мира.

Точно так же и рассказы древнегреческих писателей привлекали прежде всего сообщениями о таинственных, мифических странах и чудесах, которыми они знамениты. У Гомера поражало описание страны одноглазых циклопов, а у Лукиана — легенды об «индийских чудесах». Образы чудес загадочной Индии влияли и на средневековую фантастику. Тогда же начал складываться жанр вымышленного путешествия. Его творцы свои вымыслы о неведомых землях преподносили как достоверные свидетельства очевидцев, а подлинные сведения землепроходцев и мореходов переосмысливали, бывало, в традиционном ключе, стремясь лишь к тому, чтобы поразить чудесами впечатлительных современников.

Можно представить, как действовали на воображение, пребывавшее в плену тогдашних представлений, «свидетельства» об изрыгающих пламя дьяволах, обитающих в загадочной Индии, где якобы находилось и «Царство просвитера Иоанна». Следуя легенде, португалец капитан Себастьян Кабот на своей карте поместил эту святую землю обетованную в Восточной и Южной Индии. И не случайно Рабле, в эпоху которого легенда эта продолжала возбуждать всеобщий интерес, писал о предполагаемом сватовстве Панурга на дочери «Короля Индии» просвитера Иоанна. Намечал автор «Пантагрюэля» и путешествие своего героя в эту страну, где будто бы находился вход в преисподнюю.

Представления о сказочных странах, населенных фантастическими существами, отразились и в творчестве других писателей. Отелло, рассказывая венецианскому Совету о своих скитаниях, о больших пещерах и степях бесплодных, упоминает и об «антропофагах — людях с головами, что ниже плеч растут». Легенды о призрачном острове Св. Брандана вдохновляли Т. Тассо при описании садов Армиды в поэме «Освобожденный Иерусалим». Описание «индийских чудес» встречается у Деккера и Бекона, Бен Джонсона и Флетчера, у других авторов.

В середине XIV в. французы и англичане зачитывались списками сочинения сэра Джона Мандевиля, поведавшего о своем поистине необычайном 34-летнем хождении по Свету.

Где только не побывал сэр Джон: ступал по земле Кадилья, что к востоку от владений китайского хана, был в «стране пигмеев», видел и описал грифона засвидетельствовал о существовании живого растения «баранца» и сказочной магнитной горы, притягивающей железные части кораблей, что ведет к их гибели, горы которую после этого тщетно пытались отыскать; наконец, разрешил еще одну загадку — пояснил, что Нил берет начало в Раю...

Долго верили этим выдумкам, сразу же переведенным чуть ли не на все европейские языки и оттиснутым в 1484 г. только что изобретенным типографским прессом, пока не выяснили, что популярное сочинение — мистификация. Автором ее оказался некий Жан де Бургонь, бельгийский врач и математик. Было установлено, что он — всего-навсего ловкий компилятор древних и средневековых авторов, искусно повторявший за ними были и небылицы.

Еще в XVIII в. современники Свифта были уверены в реальном существовании тех стран и народов, о которых рассказывал капитан Гулливер. Эту уверенность разделяли и по отношению Утопии — страны, описанной Т. Мором, и даже намечали послать миссионеров на остров Тапробана (Цейлон), где, кстати говоря, предполагали заодно обнаружить и город Солнца, придуманный Т. Кампанеллой, — так же как на Бермудских островах со временем будут пытаться найти шекспировскую скалистую «державу Просперо».

Этот небольшой экскурс показывает, какой дерзкой отвагой надо было обладать, чтобы решиться выйти в море и пуститься в плохо изведанные морские просторы. Плавания Колумба, Васко да Гамы, Магеллана были все равно, что в наш век полеты в космос. Это всегда был подвиг, ибо риск был слишком велик, а надежды на благополучное возвращение почти никакой. Моряков подстерегали многие опасности — штормы и бури, голод и болезни, стрелы туземцев. Но сначала надо было преодолеть страх, порожденный тогдашними суеверными представлениями об устройстве мира.

Когда же каравелла Жюль Эаннеша в 1434 г. прошла страшный Бохадор, то



оказалось, что море за ним несколько не отличается от обычного, а на берегу растут те же, что и в Португалии, растения.

Преодолев этот рубеж, португальские каравеллы отважно устремились на юг, опровергая древние небылицы и рассеивая страх, так долго удерживающий европейцев на пути в Индию.

Продвигаясь вдоль восточного побережья Африки на север, моряки «Сан Бенто», как когда-то спутники Васко да Гамы, увидели на обрывистом берегу белый столб. Это была вежа — «падран», поставленная Бартоломеу Диашом, «предел открытый другого португальского отряда, опередившего нас в этих отдаленных странах», говорит Камоэнс словами Васко да Гамы.

Наконец португальцы бросили якорь в порту мавританского городка Маллинди. Когда-то здесь Васко да Гама заполучил знаменитого кормчего, корифея морской науки того времени Ахмада ибн Маджида. Правда, настоящее имя его осталось тогда неизвестным, его просто называли «Мавром из Гузерата» или Малемо Кана. «Малемо» на языке суахили означает «знаток морского дела», а «кана» — «звездочет». Иначе говоря, «мавр из Гузерата» был «знатоком морского дела и астрономом»<sup>4</sup>.

Камоэнс ясно представлял, какую роль в открытии морского пути в Индию европейцами сыграл этот «мавр», искусство которого помогло преодолеть просторы Индийского океана.

Пользуясь тем, что в это время года дул попутный юго-западный муссон, необходимое условие для благополучного пересечения океана, «Сан Бенто» успешно достиг заветной цели — Гоа на Малабарском берегу Индии, центр заморской восточной португальской империи<sup>5</sup>.

Португальцы давно обосновались в Шауле и Дну, в Каликуте, создали фактории в Кочине, Конлуне, Конануре и многих других местах, большей частью на Малабарском берегу. В том числе и в Гоа. Опорные базы в Индии и на восточном побережье Африки, кольцом охватившие бассейн Индийского океана, мощный флот, постоянно находившийся здесь, — все это сделало португальцев хозяевами данного района.

Итак, «шесть месяцев ужасной жизни в этом море», как признается Камоэнс в письме другу, остались позади, под ногами была твердая земля. Что сулило ему пребывание на ней? Что ожидало в неведомой стране?

Напомню, что Камоэнс прибыл в Гоа в качестве солдата. Это значило, что ему предстояло быть участником захватнических экспедиций. Он совершает плавание на военных судах в Персидский залив, к мысу Гвардафуй на восточном берегу Африки, гоняется за турецкими пиратами, сражается с туземными царьками и султанами.

Прошло два года. По условиям контракта Камоэнсу оставалось служить еще три.

И тут ему пришлось отправиться в еще одно плавание. На этот раз по новому, малоизвестному маршруту в сторону Островов пряностей, как тогда называли Молуккские острова.

Это была полувоенная, полуторговая экспедиция, во главе которой стоял капитан-купец Франшишку Мартинш, обладавший специальной лицензией короля на торговлю со всем Дальним Востоком.

О том, где довелось побывать поэту во время этого плавания, мы узнаем из его поэмы. В ней Камоэнс описывает Малакку — главный рынок пряностей и одновременно цитадель, охраняющую вход в Индийский океан с востока, остров Тернате, где собирают «обильную жатву гвоздики» (здесь ему пришлось участвовать в подавлении бунта португальского гарнизона, и он был ранен), острова Банда с их рощами мускатного ореха, Тимор, откуда получают драгоценное сандаловое дерево, и другие, где у португальцев имелись опорные базы. Наконец, в том же 1557 г. Камоэнс оказался в Макао. Видимо, он попал сюда, на юг Китая, вместе с кораблем Франшишку Мартинша.

В ту пору Макао был пустынным полуостровком, соединенным с сушей узкой полоской земли. Здесь нашли себе пристанище пираты. Прибрежные города Южного Китая, в том числе и Кантон, постоянно подвергались их набегам. Особенно славился среди морских разбойников Шансилау, сильно допекавший китайцам. Тогда они прибегли к помощи португальцев, которые обосновались рядом, на острове Саншан, осуществляя отсюда торговлю с китайцами (оборот достигал ежегодно миллиона юаней)<sup>6</sup>. Как раз

в это время Шансилау угрожал Кантону «Тогда местные мандарины, — рассказывает об этих событиях современник и, возможно, их свидетель священник Диего Рейнел, — обратились к португальцам, у которых находились корабли в Саншане; те пришли на помощь Кантону и заставили пирата снять осаду; они одержали полную победу над пиратом, которого преследовали вплоть до Макао, где он покончил позже самоубийством. Китайский император, узнав о помощи португальцев Кантону, был им очень признателен и подарил им Макао»<sup>7</sup>. Справедливости ради следует привести слова китайского историка по этому же поводу. В 1553 году, при правлении минского императора Шицзуна, «португальские купцы, сославшись на то, что их торговые корабли попали в бурю, попросили предоставить им Аомынь (Макао) для просушки товаров, а затем, подкупив минского чиновника Ван Бо, заместителя управляющего морскими сообщениями, добились права обосноваться в Аомыне». С 1557 года «португальцы уже окончательно рассматривают Аомынь как колонию, создают там свое поселение и учреждают администрацию для управления им»<sup>8</sup>.

С этого года португальцы и начали базироваться на Макао<sup>9</sup>, получив новый опорный пункт для растущей торговли. Друг поэта и его учитель Гарсиа де Орта, известный в свое время ботаник и врач, находившийся вместе с Камозисом в Индии, писал о торговле с Китаем: «Товары, получаемые оттуда, следующие: серебряные изделия и посуда, богато позолоченная, шелк-сырец и тканый, золото, медь, другие металлы, фарфор, который иногда стоит столько, что в два раза дороже серебра»<sup>10</sup>.

Что касается фарфора, то это действительно была наивыгоднейшая статья доходов. Еще Марко Поло писал, что «юаньский фарфор находит сбыт во всем мире». Это было в XIII в. А два века спустя в Южный и Восточный Китай полагали португальские купцы, которые пытались организовать в Китае широкие закупки, чтобы с выгодой для себя выступить комиссионерами в торговле Китая с Западом. Китайский фарфор в больших количествах проникал тогда и в Японию<sup>11</sup>.

Надо заметить, что процесс этот отнюдь не был односторонним. Мол, только европейцы прокладывали морские пути в Китай и Японию. Шло встречное движение — китайцы и японцы из своих стран стремились на Запад. Достаточно вспомнить путешествие в VII в. от Кантона до Суматры китайского пилигрима И Цзина. А семикратное великое плавание Чжэн Хэ<sup>12</sup> в XV в., достигшего и Малабара, и берегов Африки? Не говоря о сухопутных путях в Индию, проложенных еще в V в. китайским пилигримом Фа Сянем, следовавшим по Великому шелковому пути. «...Мировая эпоха великих географических открытий XV—XVI веков, — пишет академик Н. И. Конрад, — эпоха двустороннего движения в страны Южных морей...» Именно здесь «произошла встреча этих двух великих исторических движений. Открылась новая всемирно-историческая эра: эра широкого международного общения, в которое были вовлечены народы Дальнего Запада — португальцы, испанцы, голландцы и англичане — и народы Дальнего Востока — китайцы и японцы»<sup>13</sup>.

Неудивительно, что, выступая в роли посредников в торговле Китая с Западом и получая огромные барыши, португальские купцы всеми способами стремились закрепиться на китайской земле. (У них уже были фактории в Восточном Китае близ порта Нинбо, к югу от города Фучжоу, и др.) Именно поэтому португальцы с готовностью встретили предложение покончить с пиратом. Есть основание предполагать, что в операции по его уничтожению участвовал Франсишку Мартинш. Если это так, то Камозис, по всей вероятности, был участником этого похода, поскольку по контракту он все еще состоял на военной службе у короля.

Это объясняет, почему поэт попал в Макао. Возникает, однако, вопрос, что заставило его находиться здесь почти десять месяцев. Ответ следует искать в климатических условиях этого района, в особенностях навигации, зависящей от ветрового режима.

Обычно весной, в апреле, отплывали из Гоа в Малакку. Здесь некоторое время дожидались попутных муссонов и тогда плыли в Макао. Там в течение девяти месяцев или немногим больше снова ожидали попутных ветров, которые отнесли бы корабли к берегам Японии. И вновь несколько месяцев приходилось ждать попутного ветра, чтобы вернуться в Макао. Таким образом, на путешествие туда и обратно уходило три года.

Из этого вытекает, что Макао был важным пунктом на пути следования «корабля серебра и шелка» — так называли судно, совершавшее рейс из Малакки в Японию и об-

ратно: туда везли шелк, оттуда — серебро. «И серебром, блестящим столь чудесно, нам издавна Япония известна», — пишет Камозэс в «Лузнадах».

Когда Камозэс высадился в Макао, португальцы жили здесь на берегу бухты. Со временем, лет через двадцать, тут возведут форты и бастионы, вырастет город с кафедральным собором. Тогда же приходилось ютиться в жалких хижинах подле складов с товарами.

Поэт, склонный к уединению, предпочел поселиться в гроте на горе, севернее бухты. Легенда, рисующая жизнь Камозэнса в этом гроте, слишком красива, чтобы от нее отказаться. Топография места, теперь называемого Гротом Камозэнса, соответствует описанному самим поэтом в сонете, здесь сочиненном. Речь идет о двух скалах, стоящих близко друг от друга, почти перпендикулярно возвышающихся над землей и поддерживающих третью скалу, как бы служащую крышей. С этого возвышенного места вдали была хорошо видна китайская деревушка, а дальше, в море, среди волн бухты Чжусянкоу, на противоположной стороне которой расположен Кантон, отчетливо просматривались два небольших острова — Тайпа и Колоан.

В этом гроте, как гласит легенда, в одиночестве и в полной отрешенности от мирских забот Камозэс продолжал плодотворно трудиться над своей поэмой. Не здесь ли были написаны ее строфы, в которых упомянуты «краса империи старинной», раскинувшейся с севера на юг, необъятная Великая стена, «что две державы мощных разделяет», сокровища Хайнаня? Идеализируя правление императора в Поднебесной, поэт полагал, что владыку избирает народ «из праведников мудрых иль героев, известных всюду славой боевой». Среди загадочных стран называет он и прекрасные острова, «где рдеет луч денницы алой» и «влею природы полновластной краса земли рассветной просияла» — то есть Японию<sup>14</sup>.

Видимо, в Макао поэт пережил не только счастливые минуты творческого горения, но и душевного покоя, которого он был лишен<sup>15</sup>. Таким и изобразил Камозэнса на своей картине художник прошлого века Франсишку Метраш: в гроте, у подножия скалы поэт с пером в руке трудится над поэмой, рядом с ним, у его ног, туземная девушка — возможно, та, которая воспета в его сонетах под именем Динамене. Некоторые исследователи полагают, что это искаженная транскрипция от китайского Ти Хамен. Другие, в частности современный литературовед Жозэ Эрману Сарайва, высказывают иное предположение. В названии «Динамене», по его мнению, скрыта анаграмма, которую следует расшифровывать как Донна Иоанна Норонья Андраде Менезеш — действительно существовавшая девушка, разлученная с поэтом по воле ее родителей.

Тем временем истек срок контракта (в Макао Камозэс исполнял обязанности попечителя имущества умерших и отсутствующих). Наконец он был свободен. Но чтобы выбраться из захолустного Макао, надо было дожидаться из Японии «корабля серебра и шелка», которым он мог бы вернуться в Малакку, а оттуда в Гоа.

Пока Камозэс коротал дни в гроте, в поселке о нем начали распространять небылицы. Поселенцы, люди грубые и ограниченные, все помыслы которых были сосредоточены на презренном металле, нетерпимо отнеслись к человеку, который презирая их общество, не захотел жить среди них. Они стремились вытолкнуть из своей среды ставшего им ненавистным гордого пришельца. Поэта оклеветали. Губернатор, не сочтя необходимым вникнуть в дело, приказал взять поэта под стражу и отправить в Гоа.

Из бухты Макао очередной «корабль серебра и шелка» вышел сразу же по окончании сентябрьских штормов. В качестве арестанта на его борту находился опальный Камозэс.

Во время плавания недалеко от дельты Меконга корабль попал в жестокий шторм. Спасаясь от разъяренной стихии, судно попыталось укрыться в устье реки, но затонуло. Камозэсу удалось доплыть до берега. А девушка-китаянка, которую он взял с собой, погибла в пучине. Случай этот обернулся еще одной красивой легендой. Будто поэт плыл, одной рукой рассекая волны, а в другой держал, подняв над водой, рукопись своей поэмы. Возможно, легенда эта родилась из слов самого поэта, рассказавшего в «Лузнадах» о певце Португалии, который со своими стихами будет искать на берегах Меконга приюта, весь измоченный пенящимися волнами. Легенда эта в свою очередь вдохновила многих поэтов и художников. И, пожалуй, чаще всего Камозэнса изображали в стихах и на картинах в момент спасения, на берегу с рукописью в руках. (Из живописных работ на эту тему наиболее известна

картина бельгийского художника Э. Слингенейера «Камозэнс после кораблекрушения».)

В стихотворении швейцарского классика К.-Ф. Мейера на вопрос, обращенный к Камозэнсу, правда ли, что он плыл, «подняв высоко над волнами вашу шуйцу и держа в ней ваши песни», поэт отвечает:

Правда, друг, так поступал я  
 На житейском бурном море.  
 Против злобы, лжи и козней  
 Защищал существование  
 Лишь одной моей рукою,  
 А другой моей рукою  
 Над пучиной черной смерти,  
 Под лучами бога солнца  
 Поднимал я Лузнады.  
 И для вечности созрела  
 Торжествующая песня<sup>16</sup>.

Несколько месяцев Камозэнс провел на земле Камбоджи, куда его вынесли волны. Но ничто не радует его — ни радушный народ, ни плодородные поля и красивые города. Все труднее ему преодолеть чувство тоски по родине, куда, освободившись от контракта, он стремится всей душой. К этому добавлялась обида за «несправедливое гонение, жертвою которого он стал», и за что предстояло еще держать ответ. В то же время его терзает раскаяние, что когда-то он осмелился поднять глаза на «королевскую орлицу» — инфанту, недостойную такого, как он, бедняка поэта. Удручает и неблагодарность соотечественников, чью славу он воспевает. Но и в поэзии трудно найти ему удовлетворение. «К чему мне петь, когда отечество меня не слышит..., единственной страстью которого является золото!»

Как удалось Камозэнсу добраться до Малакки, неизвестно. Видимо, он нанялся на какой-нибудь португальский парусник, предложив свои услуги солдата, поскольку на торговых судах всегда находился хорошо вооруженный гарнизон для защиты от пиратов.

Ненадолго задержавшись в Малакке, Камозэнс в мае или июне 1561 г. возвратился в Гоа. Не так, как ему хотелось бы, а под стражей, арестованным. На берегу его тут же упрятали в тюрьму Тронку, напоминающую лисабонскую, только еще более мрачную.

Вице-король Гоа — им в ту пору был дон Каштантину де Браганша — человек грубый и жестокий, не удосужился разобраться в обвинениях, выдвинутых против Камозэнса. И палец о палец не ударил, чтобы хоть как-то облегчить его положение. Поэту предстояло быть заживо погребенным в отвратительной темнице.

К счастью для Камозэнса правление де Браганши оказалось недолгим. И когда в сентябре 1561 г. власть перешла к дону Франсишку Коутанью, друзьям Камозэнса удалось добиться его освобождения, без труда доказав, что поэт пал жертвой необоснованного доноса.

Прошли годы. Камозэнс вернулся на родину, и величественные горы Синтры приветствовали его шапками своих синих вершин. Мало кого из прежних друзей и знакомых застал он в Лиссабоне. Иные так изменились, что их трудно было узнать: годы брали свое. А сам он разве остался прежним? Вот что сказал о нем современник: «Что за странный человек! Со своими растрепанными седыми волосами и резко выделяющейся пустой глазницей он напоминает фигуру, сошедшую со страниц дантова ада. А его беспокойный и раздражительный нрав лишь подчеркивает гротескные черты наружности, недаром его прозвали дьяволом».

После весны 1570 г., когда он снова спустя много лет увидел зеленые холмы и роции Португалии, Камозэнсу оставалось жить еще десять лет. За эти годы он успеет издать свою поэму. Она вышла в свет в 1572 г.

Принесло ли великое творение славу своему автору. Увы, при его жизни «Лузнады» оценили лишь немногие. И поэт, как и раньше, влачил полную лишений жизнь, «к столбу позорной бедности прикован». Эти же слова Камозэнса выбили и на его гробнице, когда он умер в 1580 г.

- <sup>1</sup> См.: М. Ф. Пинто. Странствия. Роман. Пер. с португ. М., 1972.
- <sup>2</sup> Подробнее см. в кн.: Роман Белоусов. Хвала Каменам. М., 1978, с. 5—44.
- <sup>3</sup> См.: Оскар Уайльд. Замыслы. М., 1906, с. 32—33.
- <sup>4</sup> См.: Ахмад ибн Маджид. Книга пользы об основах и правилах морской науки. М., 1985.
- <sup>5</sup> In.: Alfred Braganta. The discovery of Goa. Panjim, 1964.
- <sup>6</sup> М. Ф. Пинто. Указ. соч., с. 24, 541.
- <sup>7</sup> Mario Domingues. Camões; A Sua Vida e a Sua Época. Lisboa, 1968, p. 382.
- <sup>8</sup> Шан Юэ. Очерки истории Китая (с древности до «опиумных» войн). М., 1959, с. 433.
- <sup>9</sup> См.: М. Ф. Пинто. Указ. соч., с. 538.
- <sup>10</sup> Mario Domingues. Op. cit., p. 380.
- <sup>11</sup> См.: Люй Босю. Национальная керамика и фарфор. Шанхай, 1953 (на кит. яз.).
- <sup>12</sup> См.: Н. Е. Боровская. Сравнительный анализ «Лузиады» и романа «Плавания Чжан Хэ по Индийскому океану». — «Народы Азии и Африки», 1969, № 4, с. 110—116.
- <sup>13</sup> Н. Конрад. Очерки японской литературы. М., 1973, с. 452.
- <sup>14</sup> См.: Луис де Камоэнс. Лузиады. Сонеты. М., 1988, с. 327. Это первый стихотворный перевод на русский язык всемирно известной поэмы «Лузиады».
- <sup>15</sup> In.: Aubrey F. G. Bell. Luis de Camoens. Oxford, 1923, p. 37.
- <sup>16</sup> К. Ф. Мейер. Новеллы. — Стихотворения. М., 1958, с. 657.

## Непокоренная

*В. С. КУЗНЕЦОВ,  
доктор исторических наук*

Среди экспонатов Британского музея в Лондоне есть несколько портретов одной и той же женщины. У нее овальное матовое лицо, удлинённый разрез черных глаз. На одном портрете она изображена в облике римской богини Минервы, богини мудрости. На ней латы, шлем, меч на боку. На другой картине художник представил ее в виде садовницы с большой корзиной грибов. Но вот опять та же женщина в восточной одежде, которая так соответствует ее облику. Две косы змеятся по плечам. Душевную чистоту подчеркивают только что распустившиеся белые цветы, которых касается ее золотисто-смуглая рука.

Кто она — эта женщина? Обратимся к событиям минувшего.

1758 год явился годом великого бедствия для уйгурского народа. Знойным июнем на кишлаки и города Кашгарии, как саранча, поползло цинское войско. Борьбу уйгур за независимость своей страны, за честь жен и дочерей возглавили братья-ходжи Хан-Ходжам и Бурхан ад-Дин. Мужественно дрались уйгурские воины, но силы были неравны. Вот уже цинские войска взяли Кашгар, Яркенд... Братья-ходжи со своим отрядом отступают все дальше и дальше на запад, отбиваясь от идущего по пятам врага.

И на покинутой ими земле бесчинствует цинская солдатня: грабит, насилует, убивает.

Длинные караваны, груженные бледно-зеленым и белым нефритом из Юрун-каша и Кара-каша, коврами дивной работы, выделанными искусными руками уйгурских мастериц, мехами и золототканными материями потянулись по пыльным дорогам, по пескам Гоби в далекую столицу Цинской империи — Пекин.

А вот везут бесценный груз, предназначенный для самого императора Хун Ли<sup>1</sup>. Ни днем, ни ночью не спускают глаз стражники с цветастого паланкина. Внутри него прячется редкой красоты и необычайного очарования молодая женщина. Это жена Хан-Ходжама. Ее схватили в Яркенде цинские солдаты и теперь везут в Пекин. Молва о редкой красоте ханум дошла до ушей пятидесятилетнего хозяина имперского дворца Поднебесной. Тоска одолевала последнее время его. Почти равнодушно внимал он победным реляциям с далекого Запада. И весть о поимке необыкновенной прелести дикарки словно вернула к жизни. Еще не видя ее, вдруг неодолимо возжелал, чтобы она услаждала его своими ласками.

Топоршил вислые усы, считал дни, которые отделяют от прибытия пленницы, и учащено билось сердце.

И вот дочь Джеты-Шаара<sup>2</sup> в дворцовых чертогах. Она — пленница, ее судьба в руках грозного Хун Ли. Огненные у нее нет собственного имени, Япархон. Ее переименовали на придворный лад в Сянь Фэй, что значило «Благоухающая наложница». Но она не стала наложницей императора.

Он делал все, чтобы сделать пленницу податливой. «Построить ей отдельное жилище, — отдал распоряжение начальнику дворцового приказа. — И чтоб скорей, как только можно!» И в считанные дни (работы шли днем и ночью) вырос терем «Ван цзя лоу», то есть «Терем, откуда бросают пристальные взгляды на родину»<sup>3</sup>. Единственной хозяйкой терема стала Сянь Фэй, но признательности она не проявила государю. «Наверное, все же грустит по родным местам, — рассудил Хун Ли. — Ну что ж, мы в состоянии сделать так, чтобы было больше такого, что напоминает ей места, где прежде жила». И рядом с теремом «Ван цзя лоу» были построены маленькая мечеть, турецкая баня и даже поставлены торговые лавки, как в родном Яркенде.

Но все старания Хун Ли были тщетны. А взять ее силой он, очевидно, не осмелился. «Если он только дотронется до меня пальцем,— пригрозила Сянь Фэй,— я всажу ему в сердце кинжал, а потом убью себя».

Угрозы эти не принимал Хун Ли всерьез. Он был не робкого десятка. Собственноручно как-то уложил медведя, охотясь в лесах Гиррина<sup>1</sup>.

Так она провела в дворцовом заточении около двух лет. Однообразно и безрадостно тянулись дни. На одной из улиц Пекина в железной клетке выставили для обозрения толпы голову ее мужа. Но из дворцового павильона ее не было видно.

Как-то ночью угрозы Сянь Фэй убить Хун Ли услышала его мать, привередливая Сяо Шэн. Улучив момент, когда Хун Ли не было в Западном городе, Сяо Шэн приказала закрыть все ворота. Потом позвала к себе непокорную уйгурку. «Тебе действительно лучше покончить с собой»,— согласилась в конце беседы старая императрица. Сянь Фэй поблагодарила ее за аудиенцию, как этого требовал придворный этикет, и ушла в соседние покои.

На глаза попался толстый шнур, за который по утру тянут штору на окне. Тонкие пальцы потрогали нити шнура.

— Вот так, как с кокона нить шелка, тянулись дни мои... С той самой поры, как в плен попала я к неверным. Не я сама, рука чужая направляла, куда идти сегодня, делать что. И вот теперь вольна я в том, чтобы прервать те тенеты, которые держат меня в неволе здесь. Стены ломать не надо вовсе, достаточно лишь прервать нить жизни и быть совсем свободной...

Оцепенело взирал евнух на висевшее у окна тело. Толстый шелковый шнур крепко держал его на весу.

Возвратившись, Хун Ли застал уже бездыханное тело Сянь Фэй. Как послушный сын, он не сказал матери ни слова упрека.

Облик дочери Джеты-Шаара, погибшей в золоченых чертогах Запретного дворца в Пекине, сохранила до наших дней кисть художника Джузеппе Кастильона — уроженца Милана, служившего при дворе Хун Ли и известного в Китае под именем Лан Шиннина.

<sup>1</sup> Хун Ли — имя императора династии Цин, девиз правления — Цянь Лун (1736—1795).

<sup>2</sup> Джеты-Шаар (Йети-Шаар) — тюркское название Кашгарии или Восточного Туркестана (южная часть нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР).

<sup>3</sup> Это сооружение можно было видеть в Пекине на улице Чанань еще в начале нашего столетия.

<sup>4</sup> Не будучи лишенным тщеславия, событие это повелел увековечить. В одном из дворцовых помещений было поставлено изображение медведя и сделана соответствующая надпись, где, в частности, сообщались вес и размер зверя.

старых коммуникаций. Хаотичная и иррациональная западная часть города. Яманотэ, представляется сейчас беспорядочным лабиринтом улиц и переулков. Между тем если современную карту города наложить на старинную, то выяснится, что нынешние улицы этой части города повторяют прежние дороги эпохи Эдо. Тогда на лесистых холмах Яманотэ селились приезжавшие в столицу удельные князья и их воины-самураи, а в долинах обрабатывали землю крестьяне. Пешие дороги, ставшие в наши дни столь неудобными для автомобилей городскими улицами, в то время были проложены с учетом особенностей местности. Иначе выглядела раньше восточная часть столицы — Ситамати, заселенная торговцами, ремесленниками, людьми искусства. Кварталы с достаточно правильной сеткой узких улиц строились здесь по берегам рек и каналов, служивших основными транспортными путями. Вблизи мостов сосредоточивалась вся жизнь Ситамати, шла оживленная торговля, устраивались гулянья и праздники. Недаром вода и мосты на гравюрах «укиёэ», изображающих Ситамати, встречаются так же часто, как и видная тогда отовсюду гора Фудзи, которая на рисунках тех времен возвышается вдали над едва намеченными холмами Яманотэ. Сейчас в тесно застроенном Токио мало осталось мест, откуда можно увидеть знаменитую гору даже в очень благоприятные ясные дни, когда ветер разгоняет нависшую над столицей дымку смога. А токийские реки, за исключением разве что самой главной — Сумиды, почти полностью утратили и свое транспортное, и свое развлекательное значение. Многие из них взяты в трубы, поверх которых разбиты скверы с однообразными бульварами. Тем не менее старинные водные пути Ситамати, как и сухопутные дороги Яманотэ, были использованы для прокладки новейших магистралей. Стремясь обойтись без покупки дорогостоящей земли, городские власти часто строили скоростные приподнятые шоссе над реками, иногда засыпанными. Классической для современного Токио стала фотография такого шоссе, которое нависло над знаменитым мостом Нихомбаси и погубило один из наиболее интересных видов города.

Неискушенному приезжему кажется поначалу, что и на старых и на новых дорогах современные виды транспорта вытеснили пеших путешественников. Даже восхождение на Фудзи большинство паломников совершают, предварительно добравшись на машине до пятой из девяти станций отдыха, устроенных на склонах. Покрыт сетью автомобильных дорог гористый полуостров Идзу — любимое место отдыха токийцев. Не выходя из автомобиля или туристского автобуса, здесь можно любоваться сверху морем и плантациями мандаринов, вулканическими скалами и сосновыми рощами, горой Фудзи, возвышающейся над холмами. И только прожив несколько лет в Японии, постепенно узнаешь, что пешеходные пути, сохранившие подлинный аромат старины, на самом деле можно отыскать здесь повсюду — даже в самом Токио.

По двадцати девяти маршрутам в разных уголках страны совершаются на Новый год или в День становления весны паломничества к семи божествам. Они имеют самое разное происхождение, но объединены народной фантазией в единый пантеон «семи богов счастья». Обычай совершать такое паломничество получил особо широкое распространение в начале XIX в. — в период расцвета городской простонародной культуры. Но возник он гораздо раньше, вместе с другим, более известным ритуалом — класть под подушку картинку с изображением семи богов, плывущих на корабле с сокровищами. Считается, что те, кто увидит этот корабль в своем первом новогоднем сне, обеспечены счастьем и богатством на весь предстоящий год. В Токио старейший и, пожалуй, наиболее интересный маршрут «семи богов счастья» проходит по кварталу Мукодзима. Некогда этот район был известен своими живописными полями, садами и уединенными старинными храмами. Здесь собирались компании художников и литераторов, чтобы полюбоваться луной, снегом или — по особо распространенной моде тогдашнего времени — цветами, побеседовать в тишине и уединении на возвышенные темы. Одна из таких компаний и задумала найти шесть богов в дополнение к символизировавшему долгодетие Фукурокудзю, алтарь которого находился в местном «Саду тысячи цветов».

Обзор по маршруту Мукодзима мы начали со старинного синтоистского храма Минэгури на берегу реки Сумида. В былые времена к храму подъезжали на лодках, а сейчас паломники прибывают на автобусах или в вагонах электрички. Поэтому ворота, ведущие к реке, большую часть года закрыты. Главный алтарь храма посвящен синтоистскому богу урожая Инари, скульптурные изображения которого в виде лис выставлены в центре храма. А на боковом каменном алтаре-стеле выбиты имена сразу



двух из «семи богов счастья» — Эбису и Дайкоку. Эбису некогда был покровителем рыбаков и поэтому изображается с удочкой в одной руке и большим морским окунем в другой. Впоследствии горожане превратили Эбису в бога торговли, и сейчас его модернистское изображение можно увидеть перед одним из самых современных банков в Токио.

Дарующий богатство Дайкоку вроде бы появился в Японии вместе с буддизмом, но, как это часто бывает, слился в сознание своих почитателей с местным божеством. Изображается Дайкоку стоящим на больших оплетенных соломой рисовых тюках, с мешком сокровищ за спиной и молотком-амулетом в руках для «выколачивания» монет. Гостей приветствуют и угощают зеленым чаем лавочники. Она издавна продавали в округе сладости из риса и красной фасоли, а сейчас объединились в общество, поддерживающее традиции маршрута «семи богов счастья». Один из лавочников — старичок с круглым добродушным лицом и жиденькой бородкой — наряжен Эбису и охотно позволяет фотографировать себя на память. По традиции в первом храме паломники покупают белый керамический «корабль сокровищ» с иероглифом «сокровище» на его бумажном парусе. После посещения каждого алтаря к кораблю прикупают маленькие темно-коричневые фигурки божеств с тем, чтобы дома выставить на палубе всю семерку. Каждая фигурка завернута в листок традиционной бумаги, на котором сделан оттиск особой художественной печати с каллиграфическим названием храма, именем божества и соответствующей символикой. В случае Эбису и Дайкоку, например, оттиск имеет форму изящно перевязанного мешка с богатствами. Оттиск печатей можно сделать и самим — в книжечке с описанием маршрута даже предусмотрены для этого особые места. Такие оттиски, как и фотографии, очень распространены в Японии сувенир, поэтому во время путешествий большие круглые печати и разноцветные чернильные подушечки можно обнаружить и в зонах отдыха на скоростных дорогах, и в традиционных гостиницах — «рёканах», и в приютах на горе Фудзи. А на токийской телебашне памятный оттиск делает для посетителей робот.

Совсем близко от Мимэгури находятся два следующих храма, относящихся к маршруту «семи богов счастья». В первом из них, построенном, как и многие другие буддийские храмы, в ярко выраженном китайском стиле, можно посетить алтарь бога счастья и довольства Хотэя — китайского монаха танской эпохи, считавшегося воплощением будды Майтреи. И изображается Хотэй обычно в виде Майтреи: большой живот, круглая бритая голова, добродушное улыбающееся лицо и уши с длинными мочками. Во втором храме, тоже буддийском, имеется алтарь Бэндзайтэн — индийской богини вод, ставшей в Японии покровительницей искусств. Перед храмом установлены длинные низкие столы, покрытые нарядной красной тканью, а продавщицы в сине-белых кимоно предлагают чай и сласти, которыми издавна славится этот храм.

В старые времена к «Саду тысячи цветов», где некогда и был задуман маршрут «семи богов счастья», вела по берегу Сумиды живописная тропа. Сейчас она превратилась в проезжую улицу, рядом с которой, прямо вдоль реки, проложена приподнятая скоростная автодорога. Исчезли романтические поля и сады. На их месте поднялись унылые многоквартирные дома, чередующиеся с убогими развалахами, подобных которым в других районах Токио и не встретишь. Асфальт, бетон, автозаправочные станции, навязчивый запах бензина. Но как в прошлом веке, течет от одного храма к другому оживленный людской ручеек — так что и дорогу спрашивать не надо.

Вот за поворотом показывается кумирня буддийского божества Дзидзо, каменные изображения которого часто устанавливаются на перекрестках, около мостов и в других опасных местах. Они, как считается, охраняют путников. Дзидзо не относится к «семи богам счастья», но, как полагают перед буддийскими алтарями, многие заодно возжигают на этом месте благовония, выставляют цветы, кладут монетки. Затем паломники углубляются в небогатые кварталы вокруг «Сада тысячи цветов». Еще в начале прошлого века его первый владелец, богатый торговец антиквариатом, собрал в саду множество растений, по очереди цветущих круглый год. Многие из них упомянуты в китайских или японских классических произведениях и поэтому вызывали когда-то у просвещенных гостей различные литературные ассоциации. И цветы сада, находящегося ныне в ведении муниципальных властей, в течение всего года привлекают посетителей. А паломники на маршруте «семи богов счастья», как встарь, посещают алтарь Фукурокудзу, имя которого записывается тремя иероглифами: «фуку» (счастье), «року» (карьера, успех на чиновничьих экзаменах старого Китая) и «дзю» (долголетие).

Те, кому знакомы китайские народные верования, с первого взгляда могут узнать в бородатом старце Фукурокудзю древнее «звездное божество» долголетия Шоусина — те же необыкновенно высокий «двойной» лоб, длинный китайский халат и привязанная у пояса тывка-горлянка, которая обещает многочисленное, как на тывквенной плети, потомство. А иероглифы «счастье», «карьера» в имени японского Фукурокудзю были, очевидно, заимствованы у двух других «звездных божеств», часто изображаемых вместе с Шоусином на китайских народных картинах: «звезды счастья» Фусина и «звезды больших чинов» Лусина.

Путь к следующему пункту — самому древнему на маршруте храму X в. — лежит по небогатому жилому кварталу. Как две капли воды, его улочки похожи на сотни таких же улочек в других районах города. На тротуарах, отделенных от узкой проезжей части только полосой желтой краски, выставлены горшки с цветами, заменяющие садики. На редких здесь деревьях сохранились с осени яркие оранжевые плоды хурмы — их берегут ради красоты. Кое-где поставлены автоматы с прокладительными напитками. На столбах повсюду виднеются столь характерные для Токио таблички с указанием точного адреса того места, где вы находитесь. На перекрестках иногда укреплены большие круглые зеркала. Они позволяют видеть транспорт, вынырывающий из-за поворота, с другой такой же неправдоподобно узкой улицы. Но вот и переулок, ведущий к храму Сирасигэ — следующему пункту маршрута. Перед высокой лестницей расположились торговцы лапшой — видно, как раз ко времени посещения этого храма паломники успевают как следует проголодаться. А рядом установил свой допотопный велосипед-лавку старичок в старомодной кепке и поношенной одежде. Из горячей конфетной массы он вытягивает шипчиками удивительных зверей, затем слегка раскрашивает их, обертывает целлофаном и выставляет на палочках для продажи. Зрителей много, но покупать фигурки никто особенно не торопится. Современные дети избалованы игрушками и зрелищами. Может быть, поэтому бродячих скульпторво-кондитеров в Токио осталось очень мало. Считается, что в храме Сирасигэ паломники посещают еще одного старца, дарующего долголетие Дзюродзина. Но на самом деле алтаря этого божества в свое время просто не нашлось в округе, и оно было заменено синтоистским богом Сирасигэ — тоже старцем и тоже бородатом. Это обстоятельство, однако, мало смущает паломников. Не задумываются они и над другим совпадением. Ведь по своему происхождению Дзюродзин, оказывается, все тот же китайский Шоусин, который на всякий случай изображен без знаменитого «двойного» лба, но зато в сопровождении своего обычного спутника — оленя. Сделав от-тиски памятной печати с контурами оленя и надписью «Дзюродзин, храм Сирасигэ», паломники начинают переход к самому отдаленному пункту маршрута — буддийско-му храму Тамондзи.

Дорога к Тамондзи идет вдоль прежней унылой магистрали, рядом с которой выстроен современный многоэтажный, очень протяженный дом. В известной степени такие дома воспринимаются японцами как символ не слишком обеспеченной жизни, так как они мечтают хотя и о крошечном, пусть в отдаленном пригороде, но все-таки своем домишке с садиком. Как-то неожиданно вдруг видишь около дороги деревянные ворота Тамондзи с тростниковым навесом, столь редким в Токио наших дней. В прекрасном даже зимой вечнозеленом храмовом саду паломники покупают фигурку грозного буддийского божества Бисямон — воинственного стража севера Вайшраваны, ставят печать с изображением лагоды, которую обычно держит в руках это божество. — и паломничество закончено. Не слишком уж длинный маршрут, всего каких-нибудь три с лишним километра, но путники чуть-чуть притомились и рады вернуться к обычным способам передвижения по городу — электричке, метро, автобусу.

Многие пешеходные маршруты в Японии начинаются в двух шагах от общезвестных туристических центров. Так обстоит дело, например, в древней Камакуре, куда мы попали в самом начале января — разгар новогоднего экскурсионного сезона. Несмотря на напряженное движение, 80 км от Токио до Камакуры мы проехали немногим более чем за час. Столько же времени ушло и на проезд по главной улице этого небольшого старинного городка. Пешеходы по тротуарам двигались куда быстрее, чем машины по дороге, забитой экскурсионными автобусами. Казалось, что воздух в приморском курорте, где живут многие писатели и художники, загазован больше, чем в Токио. Рябило в глазах от лавчонок, предлагающих знаменитые камакурские изделия из лака, самурайские мечи и изделия из ракушек. Повсюду пестрели рекламные щиты, зазывающие

в отели, гостиницы традиционного японского стиля реканы и семейные пансионаты «минсюку», где постояльцы живут как бы в гостях у хозяев. Около знаменитого камакурского Большого Будды высаживались из автобусов, сменяя друг друга, экскурсионные десанты, послушно следующие за гидом — девушкой в форме, белых перчатках и с высоко поднятым ярким флажком в руке. Закупив сувениры, экскурсанты устремлялись к следующему обязательному пункту — храму Хатимангу с его знаменитой парадной лестницей и огромным священным деревом рядом с ней. Часть туристов посетила в тот же день расположенный неподалеку остров Эносима, который славится пещерами с изваяниями будд и прекрасным видом на Фудзи, но, кажется, уже сплошь застроен грязноватыми сувенирными лавками. Для полноты (или нестроты?) впечатлений некоторые совмещают поездку в древнюю Камакуру еще и с экскурсией в океанариум, где можно увидеть диковинных обитателей морских глубин и представленные дельфинов.

Между тем в пределах самой Камакуры сохраняется более восьмидесяти храмов — буддийских и синтоистских, а на лесистых холмах вокруг нее можно совершить пешие путешествия от одного святилища к другому по древним тропам. Проложенные в старые времена, они и в наши дни не известны и не беспризорны. Муниципальные власти ставят на маршрутах указатели из некрашеного, под старину, дерева, чинят ступеньки на крутых склонах и призывают путешественников «уведать с собой не только воспоминания о древней Камакуре, но также и мусор». Хотя многие туристы — несмотря на призывы — ведут себя в отношении мусора далеко не идеально, тем не менее на пеших маршрутах царит особый дух, который ощущаешь сразу, как только всташь на горную тропу: встречные путники здороваются друг с другом, многие ведут с собой по нелегким подъемам совсем маленьких детей в рюкзаками за спиной.

Не самый длинный, но, пожалуй, самый интересный маршрут в Камакуре начинается в двух шагах от знаменитого Большого Будды и тут же круто уходит к лесистым холмам. Здесь, в сумеречной густой чаще, затерялся небольшой синтоистский храм с его кажущейся бесконечной узкой лестницей среди вековых деревьев. Над лестницей установлено множество маленьких ритуальных синтоистских ворот киноварного цвета, а на ступеньках сидят серые каменные лисы — воплощение божества Инари — в ярко-красных матерчатых шапочках и пелеринках. Вокруг двух скромных деревянных святилищ храма также множество лис, каменных и маленьких фарфоровых. Паломники бросают в ящик несколько монет, хлопают по синтоистскому обычаю в ладоши, дергают за толстую веревку с бубенцом, а старик-служитель машет метелкой из перьев, отгоняя все нечистое. Еще один из храмов этого маршрута, который не сразу найдешь в путанице троп, славится тем, что паломники моют в его источнике деньги, а затем сушат над благовониями. Согласно поверью, вымытое «богатство» должно непременно утрониться.

По-своему любопытен и самый длинный из камакурских маршрутов, хотя это всего лишь лесная дорога. Начинается маршрут рядом с буддийским храмом Дзуйсэндзи, сад которого, разбитый по законам паркового искусства секты «дзэн», считается самым живописным в городе. Монахи учли при его создании естественную красоту горного склона со скалистыми пещерами, а в январе здесь уже цветут нарциссы и особый сорт сливы с ароматными желтыми цветами. В конце пути горная дорога постепенно переходит в каменные ступени, затем широкую каменную лестницу со статуями фантастических крылатых существ с длинными носами — горных духов Тэнгу. Путники оказываются на территории большого буддийского храма Кэнтёдзи — среди окруженных вековыми деревьями величественных деревянных построек.

Иногда поиски пеших маршрутов, не обезображенных массовым туризмом, оказываются не таким уж простым делом. В этом мы еще раз убедились во время путешествия к озеру Тюдзэндзи, где любят отдыхать токийцы. Поездка началась по забитому тяжелыми грузовиками шоссе, идущему на север от Токио. Обычная здесь скорость — 20—30 км/ч, обычный пейзаж по сторонам — заводы и склады, оптовые лавки-ангары и придорожные закусовые для автомобилистов, втиснутые кое-где у дороги многоквартирные дома, причудливые по своей архитектуре «отели любви», где комнаты сдаются на часы. Но вот промышленные районы — спутники столицы остаются наконец позади. Машины веселее бегут в несколько рядов по широкой скоростной магистрали. Оставив в стороне город Никко с его известными на весь мир храмами, шоссе переходит в извилистую горную дорогу, ведущую к озеру. Чем выше в го-

ры, тем меньше осенних красок — листья здесь уже начинают опадать. Наконец появляется указатель к многометровому водопаду Кэгон, образованному потоком, вытекающим из озера Тюдзэндзи. Экскурсионные автобусы, ларьки со съестным, надписи «Добро пожаловать» на разных языках — в том числе и по-русски, — остовы лестниц между бетонными смотровыми площадками — все это с трудом позволяет узнать Кэгон, столь романтично выглядящий на старинных гравюрах и современных рекламных фотографиях. Освоена туристическим бизнесом и та часть озера, которая примыкает к водопаду. Все те же лавочки с обилием сувениров, все те же дорогие столовые, все те же гостиницы разного размера и стиля прямо рядом с шоссе и дорогой, проложенной вдоль озера. Пешеходные маршруты есть и вокруг Тюдзэндзи, но хочется как можно быстрее оторваться от обычных туристских центров, и мы поднимаемся еще выше в горы. Здесь уже царит поздняя осень. Темнеет, над холмами восходит луна. В домиках на берегу зажигается свет, и на одном из домов мы видим знакомую вывеску «Справочный пункт рёканов». Сколько раз, приезжая в совершенно незнакомые места, мы обращались в такой пункт и тут же направлялись в гостиницу, соответствующую нашему вкусу и кошельку. И сейчас дежурный — он же владелец крошечной лавочки в соседнем помещении и, как тут же выясняется, владелец рёкана «Миякава», к которому прилепился пункт, — всячески приветствует нас и, конечно же, приглашает остановиться у себя. В горах межсезонье, нет ни летних туристов, ни зимних лыжников, поэтому рёканы и пансионаты крошечного поселка стоят совершенно пустые.

Гостиницы традиционного стиля встречаются в любой части страны десятками. Особо роскошные отделаны благородными сортами дерева, украшены настоящими произведениями искусства и принимают клиентов, как знатных гостей, — с соблюдением всех правил традиционного этикета. Рёканы, рассчитанные на массовые заезды туристических групп, представляют собой простые современные здания с лифтами, застланными синтетическими коврами коридорами. В них по-японски устроены только комнаты. Самые же распространенные и общедоступные занимают, подобно «Миякава», небольшие дома и часто обслуживаются членами одной семьи. Конечно, каждый такой рёкан стремится как-то украсить себя, чем-то отличаться от своих собратьев. Один привлекает к себе внимание вывеской — лакированным срезом толстого ствола с каллиграфическими иероглифами названия. Другой построен между линией электрички и стоянкой автомобилей, но зато его раздвижные окна-двери смотрят в ухоженный японский садик с каменным фонарем и изящно подстриженными кустами, которые делают незаметной глухую бетонную стену. А украшением «Миякава» служит небольшая арка с фигурной черепицей над входом да, пожалуй, внутренняя лестница из темного дерева, ведущая наверх к комнатам постояльцев. Во всем остальном «Миякава» похож на сотни других рёканов средней руки, которые, как и японский дом, прошли свой путь модернизации и упрощения.

В прихожей, перед приподнятой частью пола, постояльцы меняют уличную обувь на шлепанцы. Слева от входа — деревянные полки с ячейками, куда можно эту обувь поставить, чтобы она не мешала другим входящим. Здесь же дверь в привратническую, где дежурит кто-нибудь из хозяев. В отделке всех помещений сейчас широко используются искусственные материалы, особенно пластик под дерево. При входе в туалет — вполне европейский, застланный линолеумом — стоят, как и повсюду в домах, пластиковые туалетные тапочки. На выходе их вновь меняют на коридорные шлепанцы, и горе тому иностранцу, который появится в тапках с надписью «туалет» на чистой половине дома, почему-то это считается необыкновенно смешным. Отдельная обувь выставляется и при входе на кухню. Ни один японский туалет не обходится в наши дни также без пластиковых коробок с ароматизаторами воздуха. Туалетам и автомобилям в Японии разрешается благоухать лимонами, бананами и любыми другими ароматами, но человек, по японским представлениям, «не должен пахнуть ничем, кроме чистоты».

Как и в старину, замков на раздвижных дверях в рёканах нет, но зато постояльцы могут кое-где пользоваться личными сейфами. Пол в комнатах застлан соломенными матами, по которым ходят уже только в носках. Ночью на матах расстилают постельные принадлежности, которые хранятся в стальных шкафах. Как сказал кто-то из иностранцев, японское жилище — это одна большая кровать, на которой едят, читают, играют,

спят. Посреди комнаты на низком столике постояльцев ждет термос с кипятком, поднос или большая круглая коробочка для чайных принадлежностей — пластиковые или под лак. Из пластика сделана и цилиндрическая коробочка для чая, и другая коробочка, в которую вытряхивают спитый чай. Обязателен в современных рёканах и небольшой платный телевизор. Хочешь посмотреть — опусти монету, кончилось оплаченное время — следующую. Иногда раздвижные двери комнат открываются как бы в крошечный европейский холл, где на коврике стоят пара кресел и журнальный стол с пепельницей, а уже следующие раздвижные двери или окна открываются наружу.

Истари в рёканах обязательно кормят гостей утром и вечером. К каждой трапезе полагается рис. Он подается в традиционной двустенной посуде, сохраняющей тепло, — в наши дни тоже пластиковой, — а затем накладывается в пиалы. Завтрак обычно состоит из супа, заправленного особой соевой пастой, сушеной соленой рыбки на квадратном блюде, сырого яйца, листов сушеных водорослей, соленых овощей и, конечно, зеленого чая. Ужин богаче завтрака: к нему в зависимости от сезона добавляют более существенные блюда. Каждый рёкан стремится подать своим гостям какие-нибудь местные деликатесы. В приморском городе это моллюски в ракушках, в горах — соленые грибы с гречневой лапшой. Кое-где постояльцы едят уже не только у себя в комнатах, как это полагается по обычаю, но и в общих столовых и японского, и европейского стиля.

В начале холодного сезона в рёканах, как и в традиционных японских домах, согреваются, засовывая ноги под одеяло, прикрепленное к низкому столику с электрожаровней, которая пришла на смену угольной. Позже, когда на севере страны и в горах выпадает снег, а ночная температура в Токио приближается к нулю, одной электрожаровней современные японцы уже не обходятся. В это время помещения по-прежнему сплошь и рядом начинают отапливаться керосиновыми обогревателями, и запах керосина начинает преследовать вас повсюду: в небольших гостиницах и маленьких ресторанах, в приемных мелких фирм и на автозаправочных станциях, даже на узких улицах горных и морских курортов, где керосиновое зловоние не смешивается с автомобильными выхлопами и поэтому особенно ощутимо. Керосиновые обогреватели и пожароопасны, и очень вредны для здоровья — они делают воздух в комнате чуть ли не более загрязненным, чем на самой крупной токийской магистрали. Но ничего не поделаешь — приходится выбирать между холодом и неприятным запахом, поскольку обогрев электрическими приборами и тем более кондиционирование воздуха лишком дороги. Вот и пестрят зимние газеты и теленовости сообщениями о пожарах — горят гостиницы и жилые дома, гибнут люди, подробности несчастий смакуются ястными телестанциями, падкими на низкопробные сенсации.

Ни один рёкан не обходится без купальни, куда гости отправляются перед ужином, переодевшись в хлопковое кимоно. Как и в любой японской общественной бане, в купальнях рёканов есть мужская и женская половины, совместное мытье почти исчезло в Японии. Однако ванна-бассейн, где отдыхают в горячей воде от дневных забот, часто совместные. Вода в японских купальнях очень горячая, зимой прогревает до костей, а в душный сезон дождей и в августовскую жару, как ни странно, освежает. Часто она поступает в купальни прямо из горячих минеральных источников, «онсэнов», и обладает лечебными свойствами. Один из таких источников, остро пахнущий сероводородом, имеется и рядом с гостиницей «Миякава». Он был открыт еще в VIII в. странствующим буддийским монахом. Впоследствии «Храм на горячем источнике» стали посещать чиновники высокого ранга, а в эпоху Мэйдзи купальни стали доступны всем, в том числе и женщинам, ранее сюда не допускавшимся. Сейчас источник питает и местные скромные рёканы, и многочисленные отели, построенные вокруг озера Тюдзэндзи. Сохраняется около источника и буддийская мельница, к которой проложена деревянная гать по приростному болоту.

Ритуал купания, который так любят японцы, зародился много веков назад. Уже на первых страницах древнейшего памятника «Кодзики» погружается в воду мифический герой Идзанаги. Очищающее не только тело, но и душу купание приветствовали и синтоизм, и буддизм. Известно, что первая общественная баня в Эдо существовала уже в 1591 г. А к середине нашего столетия в Токио насчитывалось свыше 20 тыс. общественных бань. Тогда их посещали и бедные, и богатые. Баня была не просто местом для мытья, но и своеобразным клубом, где обменивались новостями соседи. «Нет лучших друзей, чем те, кто вместе купаются», — говорили японцы. Однако

прошло всего каких-нибудь 40 лет, и в больших городах традиция общественного купания начала отмирать. Число бань сократилось за это время в Токио почти в десять раз. И дело не только в том, что две трети токийцев могут пользоваться дома своими ваннами. Изменилась вся жизнь людей в большом городе, ослабли связи, когда-то существовавшие между жителями одного квартала. Зато у горожан появилась возможность чаще выезжать из города для отдыха, и предпочтение при этом отдается поездке к горячим источникам.

Вулканическая Япония покрыта горячими минеральными источниками от Хоккайдо до Окинавы. Красные железистые, остро пахнущие сернистые, молочно-белые и желтоватые, грязевые и совершенно прозрачные — каждый из двух с лишним тысяч используемых онсэнэнов по-своему целебен. Многие из них издавна считались «даром богов» и увенчивались синтоистскими воротами. Находили и освещали онсэнэны странствующие буддийские монахи, стремившиеся в уединенные места для молитв. Укрывались в горах после битв целые армии израненных воинов, державшие местонахождение своих «стратегических» источников в глубокой тайне. Покончив с уборкой урожая, отправлялись принимать горячие ванны крестьяне. Начиная с эпохи Мэйдзи купальни на горячих источниках превратились в своего рода курорты, где горожане не только лечились, но также отдыхали и развлекались.

Среди книг о путешествиях есть и специально посвященные онсэнэнам. О самых интересных купальнях рассказывает в еженедельных радиопередачах, которые ведет писатель — знаток онсэнэнов. Недавно он совершил свое юбилейное купание в двухтысячном по счету источнике. Другой писатель в специальном телефильме странствует по знаменитым курортам, рассказывая об истории и целебных свойствах каждого онсэнэна своей спутнице. Она исполняет в фильме роль купальщицы и традиционной для японского телевидения слушательницы, поддакивающей рассказчику. Путешественники то наслаждаются своей беседой в вымощенном большими плоскими камнями бассейне на берегу моря, то оказываются в горном ущелье среди бьющего повсюду из-под камней пара, то разделяют купание со знаменитыми горными обезьянами, спасающимися в горячей воде от холода и снега.

Считается, что настоящий бассейн на горячих источниках должен находиться под открытым небом, но все чаще купальни устраиваются в помещениях. У молодежи пользуются успехом пансионаты, которые совмещают онсэнэны с катанием на лыжах. Некоторые фешенебельные купальни специализируются на приеме одиноких постояльцев, путешествующих вместе с любимыми домашними животными. А в многоэтажных гостиницах с огромными бассейнами обслуживание поставлено на поток, и клиенты — часто это сотрудники одной и той же фирмы или члены какого-либо клуба, — искупавшись и облачившись в кимоно, отправляются в большой общий зал, где идет современное эстрадное представление. Но все больше людей тяготеет шумными курортами и полупринудительными служебными поездками, призванными укреплять «дух коллективизма». В моду входят небольшие уединенные рёканы, расположенные вдали от обычных туристских маршрутов, «секретные источники в горах», куда можно пробраться только вместе с проводником, где, купаясь в компании близких друзей, забываешь о сутолоке городской жизни. Растет популярность старинных пешеходных троп, которые, похоже, еще долго не исчезнут в стране суперэкспрессов и скоростных автомагистралей.

К. Ю. ФЕДОРОВ

**В** последнее время под воздействием динамично развивающегося у нас процесса ликвидации «белых пятен» и восстановления подлинного облика истории растет интерес китайской научной общественности и к советской истории, и к общим судьбам мирового социализма. Помимо переводов практически всех основных материалов советской газетной и журнальной периодики по вопросам истории пресса КНР публикует немало статей, отражающих взгляды китайских авторов.

Характерной и наиболее примечательной особенностью исторического направления в деятельности китайской советологии сейчас является оживление дискуссий по некоторым событиям, имевшим место в истории Советского Союза и Китая, попытки сопоставить и проанализировать их. Автор обзора, посвященного обсуждению в КНР проблем советской истории, Чжан Кэвэнь отмечает, что китайские ученые все чаще проводят прямую параллель между двумя трагедиями — сталинскими репрессиями и «культурной революцией» в Китае, происходившими в разных странах и в разных условиях, но имевших одни и те же корни<sup>1</sup>.

Серьезную попытку разобраться в вопросе о массовых нарушениях социалистической законности в СССР в 30-х и 40-х гг. и в Китае в период десятилетия «культурной революции» предпринял Юй Хаочэн, опубликовавший в журнале «Синь гуаньча» статью «Вышинский: личность и деяния». Разбирая юридические воззрения Вышинского, именуемого в статье «главным подручным Сталина, помогавшим тирану в его злодеяниях», китайский исследователь с тревогой отмечает, что и сегодня в Китае «есть еще немало людей, намертво цепляющихся за правовые концепции Вышинского».

В научных кругах КНР велик интерес к усилиям советских историков и обществоведов с позиций сегодняшнего дня глубоко вскрыть корни той административно-командной системы, которая сформировалась в конце 20-х — начале 30-х гг. Как подчеркивалось на проведенном в июне 1985 г. в Шанхае симпозиуме по проблемам «сталинской модели», она «оказала важное воздействие на Китай и другие социалистические страны», в связи с чем «выработка на основе исторического материала ее всесторонней оценки может принести пользу нынешней реформе экономической структуры Китая»<sup>2</sup>. К аналогичному выводу приходит автор обзорной статьи, опубликованной в журнале «Шицзе чжиши» и озаглавленной «Новое обсуждение вопроса о Сталине». По его мнению, «важно по-деловому и реалистически проанализировать субъективные причины ошибок Сталина, объективную обстановку, условия и почву, на которой они возникли, избежать повторения подобной ситуации. Это имеет огромное практическое значение, причем не только для Советского Союза»<sup>3</sup>.

Особо следует, на наш взгляд, остановиться на оживленной дискуссии ученых КНР вокруг «Краткого курса истории ВКП(б)», который, как подчеркивала газета «Жэньминь жибао», «оказал широкое и глубокое влияние на СССР, Китай, все социалистические страны, международное коммунистическое движение в целом»<sup>4</sup>. Первые статьи, авторы которых пытались поставить под сомнение бытовавшие прежде в Китае оценки этой книги, появились в открытой печати еще в начале 80-х гг.<sup>5</sup> и сразу привлекли внимание читателей, вызвали оживленную дискуссию. В ноябре 1987 г. по инициативе Бюро переводов произведений классиков марксизма-ленинизма при ЦК КПК в Восточно-Китайском педагогическом университете (Шанхай)



был проведен симпозиум, специально посвященный «Краткому курсу истории ВКП(б)». Как отмечалось на симпозиуме, после образования КНР «Краткий курс» был утвержден как общий для всех вузов страны политический и теоретический учебник по предмету «Основы марксизма-ленинизма». Поэтому, если говорить о широких массах кадровых работников и представителей интеллигенции, которые до и после образования КНР начали постигать марксизм, «Краткий курс» был для них азбукой и классическим учебником о революции и социалистическом строительстве.

Вместе с тем, как подчеркивают все китайские исследователи, «Краткому курсу истории ВКП(б)» присущи «серьезные ошибки и недостатки», в результате чего «марксизм-ленинизм превратился в догму... сильно сковавшая мышление людей и препятствовавшая процессу реформ в социалистических странах»<sup>7</sup>.

Эти недостатки, по мнению участников симпозиума в Шанхае, имели три проявления.

Во-первых, были искажены многие исторические факты. История своевольно компоновалась и приукрашивалась, приобретает ярко выраженный оттенок культа личности. Дело доходило до того, что «Сталин изображался вождем, всегда и во всем правым, причем даже им самим признанные ошибки скрывались и камуфлировались». Одновременно с обожествлением Сталина предавалась анафеме оппозиция внутри партии, очернялся внесенный этими людьми вклад в революцию.

Во-вторых, всемерно пропагандировались некоторые ошибочные «левые» теоретические концепции: обострение классовой борьбы по мере развития социализма, отрицание существования противоречий в социалистическом обществе, преувеличение серьезности внутрипартийной борьбы и т. п.

В этой связи китайский историк Ван Цзиншэн отмечает, что в результате такой постановки вопроса в «Кратком курсе» «в истории Компартии Китая тоже стали чрезмерно подчеркивать «борьбу линий» внутри партии и абсолютизировать роль отдельных личностей, например Мао Цзэдуна именовать единственным всегда правым руководителем КПК, а другим политическим, идеологическим, теоретическим и военным деятелям КПК уделять недостаточно внимания»<sup>8</sup>.

В-третьих, книга «обожествляла и возводила в догму модель строительства социализма в СССР, причем квалифицировала ее как единственную модель». А между тем, как считают Ван Цзиншэн и другие ученые, экономическая, политическая и культурная системы, сформировавшиеся в СССР в специфической обстановке и отличавшиеся высокой степенью централизации власти, «отнюдь не были совершенны».

В Китае отмечают, что «после того, как Сталин в 1936 г. преждевременно заявил, что в СССР построен социализм, на страницах «Краткого курса» пошли еще дальше, объявив о вступлении Советского Союза в период перехода к коммунизму». «Такого рода теория и практика, когда при классификации этапов общественного развития не учитывают уровень развития производительных сил и обращают внимание только на перемены в системе собственности, способствовали росту утопических теорий, для которых характерны торопливость с выполнением и слепое стремление к однородности. Все это искажало некоторые принципы научного социализма, что привело к серьезным последствиям в международном коммунистическом движении»<sup>9</sup>.

Более детально рассматривается пропагандируемая в «Кратком курсе» модель строительства социализма в статье историка Цзинь Юнхуа. Изучение этой модели, которая «оказала глубокое влияние на Китай», автор прямо увязывает с необходимостью понимания нынешнего курса на реформу и открытую политику, а также выдвинутой КПК теорией начального этапа социализма. «Краткий курс», по его мнению, практически перечеркнул новую экономическую политику, разработанную В. И. Лениным. Цзинь Юнхуа считает, что с позиций сегодняшнего дня совершенно очевидно, что введение НЭПа «внесло полезный вклад в строительство социализма в стране с первоначально довольно отсталой экономикой»<sup>10</sup>.

По мере укрепления Советской власти Сталин, основываясь на левацких представлениях, в условиях низкого уровня развития производительных сил, товарности и обобществления, поставил во главу угла не развитие производительных сил, а изменение форм собственности. По мысли китайского ученого, этот «поспешный и слепой курс практически стал отрицанием социалистической товарной экономики, закона стоимости и роли рынка», а «способствовавшие в тот период развитию производительных сил мелкая торговля в городах и новые зажиточные крестьяне



в деревнях квалифицировались как капиталистические явления, объявлялись враждебными и уничтожались».

Автор критически оценивает оправдание «Кратким курсом» насильственных методов, допущенных при осуществлении коллективизации сельского хозяйства, а также декларирование перехода к коммунизму, что в условиях низкого уровня развития производительных сил в СССР в 30-е гг. могло стать «лишь нищенским переходом».

В заключение Цзинь Юнхуа пишет, что «Краткий курс истории ВКП(б)», «повлиявший на несколько поколений китайских марксистов», утверждал концепцию строительства социализма, следуя которой в СССР была создана сверхцентрализованная экономическая и политическая система. Такая модель «была заимствована Китаем и рядом других социалистических стран, задержала развитие производительных сил, привела к косности мысли и препятствовала развитию активности масс».

В обзоре дискуссий китайских ученых по проблемам советской истории следует упомянуть и о том значительном интересе, который в КНР проявляется к биографии<sup>11</sup> и трудам Н. И. Бухарина. В ряде специальных статей подчеркивается, что работы Бухарина<sup>12</sup>, особенно по экономике переходного периода, сыграли важную роль при подготовке политики реформ в КНР. Сделав еще в самом начале 80-х гг. вывод о том, что Бухарин «обогастил теоретическую сокровищницу марксизма-ленинизма в вопросе о переходном периоде от капитализма к социализму и социалистическом этапе развития»<sup>13</sup>, китайские обществоведы неоднократно отмечали те аспекты его воззрений, которые перекликаются с практикой современных китайских реформ: бухаринские идеи строительства социализма путем экономической смывки с крестьянством; идеи о рациональном сочетании плана и рынка, социалистических и несоциалистических форм; необходимость сбалансированного развития народного хозяйства, товарного обеспечения накоплений; предостережения о возможности превращения государственного аппарата — в случае его бюрократизации — в оковы на пути развития производительных сил; о свободе дискуссий и научной критики и недопустимости административного вмешательства а культурную и научную области и т. д.

Интересную оценку разработанной Бухариным теории социалистического строительства дал в своей статье Сюй Бохань<sup>14</sup>: «Это — достаточно гибкая, в значительной мере учитывавшая обстановку в отсталой стране и рассчитанная на длительную перспективу теория социалистического строительства. По сравнению со сталинской моделью она более близка последним идеям Ленина и представляла собой альтернативный путь строительства социализма».

Важно отметить, что китайские ученые отнюдь не склонны механически переносить идеи Бухарина в практику сегодняшних социалистических преобразований. Как подчеркнул исследователь экономических трудов Бухарина Линь Ган, «осуществляемые ныне реформы по степени глубины и широте охвата далеко превосходят познания Бухарина переходного периода»<sup>15</sup>.

В Китае с одобрением было воспринято решение компетентных советских инстанций о полной реабилитации Н. И. Бухарина, ряда других видных деятелей. Сообщая, например, о восстановлении Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова в рядах КПСС, газета «Жэньминь жибао» писала, что «в своей политической деятельности они допускали отдельные ошибки. В острой идейной борьбе внутри партии они занимали в ряде случаев «особые позиции» в определении путей и методов социалистического строительства, однако их ошибки и «особые позиции» не носили антипартийного характера»<sup>16</sup>.

Отдельно следует сказать о статье известного китайского обществоведа Су Шаочжи «Переоценка роли Бухарина», опубликованной в журнале «Макэсычжунь яньцзю». В ней предпринята интересная попытка рассмотреть вопрос об альтернативе «сталинской модели» строительства социализма в СССР. Полемизируя с известным положением «Краткого курса истории ВКП(б)» о Сталине как «продолжателе дела Ленина», Су Шаочжи высказывает мнение, что на самом деле с момента окончания гражданской войны и начала НЭПа ленинизм унаследовал и развил именно Бухарин, а Сталин «взял на вооружение крайние проявления политики «военного коммунизма» — усиление классовой борьбы, всеобъемлющее государственное вмешательство, применение насильственных методов». Подчеркивается, что идеи и политические установки Бухарина, непосредственно связанные с ленинской новой экономической политикой, «давали альтернативу по сравнению со сталинским путем строительства». Более того, «сегодня, когда все социалистические страны осуществляют отвечающие их национальным особенностям реформы, становится все более очевидным тот факт, что в деле строительства социализма действительно имеются отличные от сталинской системы пути».

Весьма примечательным является вывод, к которому приходит Су Шаочжи: «Весь смысл реабилитации Бухарина и других репрессированных в 30-е гг. деятелей заключается в том, чтобы показать смелое стремление компартии к истине, разоблачению и очищению от всех темных и антигуманных наслоений в облике социализма с целью восстановления его авторитета». Китайский общественный позитивно оценивает такой важнейший аспект нашей перестройки, как развенчание культа личности и командно-административной системы управления, сложившейся в 30-е гг. При этом отмечается, что «успех перестройки и демократизация зависит от ликвидации корней, породивших сталинскую систему», которая «оказала сильное воздействие на все социалистические страны, включая Китай», привела к «огромным трудностям и ошибкам». Именно поэтому, заключает Су Шаочжи, и «важно изучить идеи Бухарина, особенно касающиеся опасности зарождения тоталитаризма и сталинской системы в целом»<sup>17</sup>.

Вопросу о дискуссиях в СССР на исторические темы посвящена обзорная статья шанхайского еженедельника «Шицзе цзинци даобао»<sup>18</sup>. Ее автор Лоу Бинь считает, что нынешнее широкое переосмысление и переоценка истории в Советском Союзе являются «наиболее последовательными и радикальными», поскольку преследуют цель не «сведения счетов», а «размежевания в идейном плане со всем тем, что было присуще сталинизму», «ликвидации причин, его породивших», чтобы, «сбросив груз прошлого, смелее продвигать вперед советскую перестройку».

Пристальное внимание китайских ученых привлекает переоценка деятельности Н. С. Хрущева. Еще совсем недавно период советской истории, связанный с именем этого руководителя, оставался, по словам китайских исследователей, «закрытой зоной» при изучении СССР. В конце 1986 г. в городе Цзиньхуа (провинция Чжэцзян) состоялся второй научный симпозиум Всекитайского общества по изучению истории Советского Союза и стран Восточной Европы, специально посвященный обсуждению «периода Хрущева». Участники симпозиума<sup>19</sup> единодушно высказались за то, что «необходимо избавляться от конъюнктурных факторов, включая эмоции», рассматривать деятельность Хрущева в широком историческом контексте, отбросив разного рода ярлыки типа «узурпатор и интриган, главарь современного ревизионизма» и т. п.

Воздавая должное начатой Н. С. Хрущевым борьбе против культа личности, за восстановление коллективности в руководстве партией и укрепление правопорядка, а также «смелой критике сталинской модели», и реформам, особенно в сельском хозяйстве, китайские ученые в то же время отмечают, что эти реформы были половинчатыми и «не затронули основы сталинской модели».

Восстановление подлинной истории развития СССР, включая объективную оценку роли в ней тех или иных деятелей, находит отклик не только среди ученых КНР, но и в широких кругах китайской общественности. Видный представитель творческой интеллигенции, ветеран китайской революции Ся Янь в интервью шанхайскому еженедельнику «Шицзе цзинци даобао» сказал: «В сфере идеологии Советский Союз шагает быстрее нас. Гласность М. С. Горбачева намного радикальнее нашего уровня открытости. Посмотрите, насколько остро они критикуют Сталина. А кто из нас осмелится на открытую критику Мао Цзэдуна?.. Почему сталинская модель бытует в Китае, как и раньше? Да потому прежде всего, что наши знания о Сталине по-прежнему остаются на прошлом уровне. Вследствие своей замкнутости мы неизменно полагали, что Сталин поступал правильно, как, например, в деле Бухарина. Только после того, как сегодня мы соприкоснулись с истиной, стало очевидно, что это дело было величайшей фальсификацией... Сегодня, когда произошла переоценка Сталина, множество вопросов требуют переосмысления...»<sup>20</sup>

В статье, посвященной реабилитации Бухарина<sup>21</sup>, говорилось: «История беспощадна: поставленная с ног на голову, она в конце концов восстанавливает свой подлинный облик». С этим выводом китайского автора нельзя не согласиться. Но верно и другое — для восстановления исторической правды потребуются долгая, упорная и кропотливая работа, глубокий научный поиск. В этой связи ознакомление с развернувшимися сейчас в Китае дискуссиями может быть полезным в целях всестороннего раскрытия многих сложных проблем советской истории.

<sup>1</sup> См.: «China Daily», 18.V.1988.

<sup>2</sup> См.: «Синь гуаньча», 1988, № 9, с. 14—16.

- <sup>3</sup> Чжунго лишисюэ няньцзянь 1986 (Ежегодник исторической науки в Китае 1986 г.), Пекин, 1986, с. 211.
- <sup>4</sup> «Шицзе чжиши», 1988, № 4, с. 25.
- <sup>5</sup> «Жэньминь жибао», 1.IV.1988.
- <sup>6</sup> См., например: «Некоторые соображения насчет «Краткого курса истории ВКП(б)». — «Шулинь», 1982, № 1.
- <sup>7</sup> «Гуанмин жибао», 1.II.1988.
- <sup>8</sup> «Данши яньцзю», 1987, № 6, с. 34.
- <sup>9</sup> «Гуанмин жибао», 1.II.1988.
- <sup>10</sup> «Вэньхуэй бао», 26.IV.1988.
- <sup>11</sup> В августе 1987 г. в издательстве «Хуася» была выпущена «Биография Бухарина» (автор Фань Юйчуань).
- <sup>12</sup> Почти все основные работы Н. И. Бухарина были переведены и изданы в 1980—1983 гг. в издательствах «Жэньминь», «Саньянь шудянь» и «Чжунго шэхуэй кэсюэ».
- <sup>13</sup> См.: «Шицзе цзинцзи цзэнкань», 1981, № 2, с. 7.
- <sup>14</sup> См.: «Шэхуэй кэсюэ пинлунь», 1985, № 3. Цит. по: Чжунго лишисюэ няньцзянь 1986, с. 168.
- <sup>15</sup> См.: «Макэсычжун яньцзю», 1988, № 2, с. 243-269.
- <sup>16</sup> См.: «Жэньминь жибао», 11.VII.1988.
- <sup>17</sup> См.: «Макэсычжун яньцзю», 1988, № 2, с. 91—110.
- <sup>18</sup> См.: «Шицзе цзинцзи даобао», 4.VII.1988.
- <sup>19</sup> «Шицзеши яньцзю дунтай», 1987, № 1.
- <sup>20</sup> «Шицзе цзинцзи даобао», 20.VI.1988.
- <sup>21</sup> См.: «Синь гуаньча», 1988, № 9, с. 14—16.

## Новое о Сунь Ятсене и Гоминьдане

*Н. Л. МАМАЕВА,  
кандидат исторических наук*

**В** исследованиях китайских историков 80-х гг. по проблемам новейшей истории Китая тема китайской революции занимает одно из центральных мест. Особенно активизировалось изучение революционного движения 20-х гг. в преддверии 60-й годовщины I съезда Гоминьдана, состоявшегося в январе 1924 г. Появился новый фактический материал, дополняющий традиционную схему истории китайской революции; более глубокое и детальное освещение, чем в предыдущий период, получили политическая деятельность Сунь Ятсена и политика Гоминьдана.

В центре исследований по-прежнему оставалась тема политики и идеологии КПК, ее роль в установлении «первого сотрудничества с Гоминьданом», в создании и укреплении «единого национального антиимпериалистического фронта», сыгравшего исключительно важную роль в развитии революционного движения. Вместе с тем к середине 80-х гг. в китайской историографии намечается тенденция к изучению собственно истории партии Гоминьдан, наиболее слабо изученной среди вопросов китайского революционного движения. К 120-й годовщине со дня рождения великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена, широко отмечавшейся в Китае, китайские историки, и среди них прежде всего историки университета им. Сунь Ятсена (Гуанчжоу), подготовили целый ряд статей по темам: «Сунь Ятсен и Гоминьдан», «Сунь Ятсен и КПК», «Сунь Ятсен и вопросы первого сотрудничества Гоминьдана и КПК»<sup>1</sup>. Изучение теории и революционной практики Сунь Ятсена — для китайской историографии тема не новая, однако для современной историографии характерны следующие особенности: более глубокое и детальное освещение теории и политики Сунь Ятсена и тесно связанная с этим тенденция перехода от схематичного изложения политики Гоминьдана в революции 1925—1927 гг. к изучению его истории, политики, идеологии.

Новое развитие получила тема контактов Сунь Ятсена с Советской Россией, с представителями ВКП(б) и Коминтерна в период, предшествовавший I съезду Гоминьдана. Отмечается большая положительная роль этих контактов в формировании новой интерпретации Сунь Ятсена трех народных принципов, в выработке политической программы и устава Гоминьдана, в разработке курса на создание антиимпериалистического демократического единого фронта.

Как известно, серия непосредственных контактов открылась общением Сунь Ятсена с представителем Коминтерна Г. Н. Войтинским в ноябре 1920 г. Беседа с представителем Коминтерна Г. Марингом (Снефлитом), состоявшаяся в конце 1921 г., определяется как исходный пункт политики сотрудничества Сунь Ятсена с Советской Россией и КПК. Исключительно важное значение в процессе выработки политики реорганизации партии и сотрудничества с Советской Россией и КПК придается беседам Сунь Ятсена с С. А. Далиным — представителем Исполкома КИМ, имевшим место в течение апреля — июня 1922 г. Столь же высоко оценивается и совместное коммюнике Сунь Ятсена и полпреда РСФСР А. А. Иоффе от 26 января 1923 г., в котором Сунь Ятсен официально заявил о своей согласии с принципами политики Советского государства в отношении Китая. Подчеркивается положительная роль контактов с А. А. Иоффе ближайшего соратника Сунь Ятсена Ляо Чжункая в деле уточнения и развития идей реорганизации Гоминьдана. И, наконец, отмечается большая помощь главного политического советника Гоминьдана М. М. Бородин в подготовке I съезда Гоминьдана и принятого им Манифеста. Китайские историки однозначно положительно оценивают роль данных контактов для революционизи-

рования мировоззрения Сунь Ятсена, развития революционного движения в Китае в период, предшествовавший съезду<sup>2</sup>. Принятие I съездом Гоминьдана Манифеста и Устава оценивается с точки зрения утверждения и победы в партии политического курса на союз с Советской Россией<sup>3</sup>.

В последние годы китайские историки подвергли тщательному рассмотрению и анализу тему влияния китайских коммунистов на формирование мировоззрения Сунь Ятсена, их роли в подготовке и проведении I съезда Гоминьдана<sup>4</sup>. Подчеркивается, что с самого начала процесса вступления коммунистов в Гоминьдан в 1922 г. их деятельность отличалась высокой активностью. Они участвовали в разработке проектов Программы и Устава Гоминьдана 1923 г., позднее вошли в состав Временного ЦИК Гоминьдана, осуществлявшего подготовку реорганизации партии и проведения I съезда<sup>5</sup>. Новые исследования китайских историков свидетельствуют о высокой степени активности коммунистов на I съезде: они принимали участие в работе мандатных комиссий по обсуждению проектов Устава и Манифеста Гоминьдана, в дискуссиях по вопросам вступления членов КПК в Гоминьдан, организационного строения высших органов партии, определения условий по выборам в ЦИК Гоминьдана<sup>6</sup>. Китайские историки убедительно показывают выдающуюся роль коммунистов в реорганизации Гоминьдана как по организационным, так и по идеологическим и политическим вопросам. При этом подчеркивается, что хотя Сунь Ятсен самостоятельно пришел к осознанию необходимости реорганизации партии еще в 1919 г., однако конкретные формы, методы и содержание реорганизации определились им лишь в результате контактов с представителями Коминтерна, Советского государства и КПК<sup>7</sup>.

По мнению китайских ученых, именно влиянием коммунистов объясняется включение Сунь Ятсеном в сферу своей политики народных масс. Так, впервые появившееся в официальных документах Гоминьдана положение о роли народных масс в национальной революции — в Манифесте от 1 января 1923 г. — связывается непосредственно с влиянием КПК<sup>8</sup>. Во многих работах отмечается, что по мере работы коммунистов в Гоминьдане, уважение и доверие к ним со стороны Сунь Ятсена непрерывно возрастали, о чем свидетельствует весь ход первого съезда и его решения, в частности позиция Сунь Ятсена в дискуссии по вопросу вступления коммунистов в Гоминьдан, поддержка Ли Дачжао в его полемике с правыми гоминьдановцами<sup>9</sup>. Современная китайская историография занимает позицию признания объективной необходимости и целесообразности той формы сотрудничества Гоминьдана и коммунистов (индивидуальное вступление коммунистов в Гоминьдан при сохранении их принадлежности к КПК), которая была принята I съездом, по-прежнему рассматривая ее как форму равноправного сотрудничества двух партий.

Современная китайская историография о Сунь Ятсене уже не ограничивается изучением диалектики его взаимоотношений с КПК. Китайские историки в настоящее время пытаются анализировать учение Сунь Ятсена в комплексе его идеологических и политических аспектов, обращая особое внимание на изучение принципа народовластия и демократических идей его политической программы<sup>10</sup>. «Три больших политики», сформулированные Сунь Ятсеном и I съездом Гоминьдана, — курс на союз с СССР, с КПК и на поддержку рабочих и крестьянских масс — занимают уже не самодовлеющее положение в теории и практике Сунь Ятсена, но рассматриваются современной китайской историографией в тесной связи со всем его учением о трех народных принципах<sup>11</sup>. Это свидетельствует о стремлении китайской исторической науки дать взвешенную оценку отдельным, причем очень важным, направлениям политической стратегии и тактики Сунь Ятсена и Гоминьдана в общей системе мировоззренческих и политических установок вождя китайской революции и руководимой им партии.

В последнее время наблюдается тенденция нового подхода к оценке военной политики Сунь Ятсена, в частности к оценке использования им в ходе революционного движения временных союзов с отдельными милитаристами. Констатируя объективный характер особой роли военного фактора в политической жизни Китая, китайская историография объясняет объективной необходимостью использование Сунь Ятсеном в революционной борьбе этих традиционных методов борьбы<sup>12</sup>.

Тесно связан с новыми тенденциями в подходе к оценке теории и революционной практики Сунь Ятсена как вождя китайской революции и партии Гоминьдан поворот к серьезному изучению истории и политики Гоминьдана, хотя в на-

стоящее время можно констатировать лишь первые шаги китайской историографии в этом направлении.

К настоящему времени введен в оборот целый ряд новых фактических данных о подготовке Гоминьдана к I съезду, о ходе самого съезда, о содержании проводившихся дискуссий. Шире и глубже, чем прежде, ставится проблема реорганизации партии. Современная китайская историография предпринимает попытку выйти за рамки понимания реорганизации исключительно с точки зрения утверждения курса на сотрудничество двух партий, хотя организационному оформлению единого фронта и подготовке политических основ сотрудничества по праву придается очень важное значение для развития революции.

Предметом тщательного изучения стал период, предшествовавший созыву I съезда Гоминьдана. Его оценка китайскими историками представляет большой интерес, ибо в эти годы зарождались различные подходы к стратегии и тактике революционного движения, закладывались основы революционных и контрреволюционных тенденций, получивших свое развитие впоследствии.

Современная китайская историография дает более подробный, чем прежде, материал о борьбе мнений среди партийных соратников Сунь Ятсена по вопросам реорганизации Гоминьдана. Показано, что и для самого Сунь Ятсена процесс перехода на позиции политики реорганизации партии и тесно связанных с ней «трех великих политик» был нелегким, что осуществлялся он при непосредственной помощи китайских коммунистов, представителей Коминтерна, ВКП(б) и Советского государства. Как свидетельствуют приводимые историками факты, созыв I съезда оказался возможным лишь после ожесточенной борьбы Сунь Ятсена, Ляо Чжункая, Сун Цинли и др. с «правыми» элементами, выступавшими против реорганизации Гоминьдана<sup>13</sup>. Разногласия относительно целесообразности политики реорганизации были уже в то время столь глубоки, что в начале 1923 г. привели к тяжелому партийному кризису. Большая группа гоминьдановцев, преимущественно из Северного Китая — У Чжихуэй, Ли Шицэн и др., поддержав контрреволюционный переворот Чэнь Цзюньмина, решительно отошла от Сунь Ятсена, вышла из партии<sup>14</sup>.

Чжоу Синьян обращает внимание на то, что до I съезда водораздел между «левыми» и «правыми» проходил главным образом в плоскости вопросов целесообразности вступления коммунистов в Гоминьдан и ведения пропагандистской работы в среде рабочих и крестьян<sup>15</sup>, а также возможности установления дружеских связей и отношений сотрудничества с Советской Россией. Болезненное отношение у части гоминьдановцев к участию коммунистов и советских соратников в реорганизации Гоминьдана, к реорганизации вообще вылилось накануне I съезда в ряд письменных и устных заявлений-протестов. Значительное внимание китайскими историками уделяется как известному выступлению группы «правых» — Дэн Цзэжу, Линь Чжимяня и др. в ноябре 1923 г., так и менее известным сторонам деятельности «правых» в Шанхае. Цитируются выступления шанхайских «правых» Се Чи, Люй Чжиу. Отмечается, что шанхайский комитет Гоминьдана оказывал наибольшее сопротивление реорганизации, созыву I съезда и особенно проведению политики сотрудничества с коммунистами. Самоотверженная борьба с «правыми» левого крыла Гоминьдана, во главе которого стоял сам Сунь Ятсен, обеспечила победу курса на реорганизацию партии и созыв I съезда<sup>16</sup>.

Таким образом, согласно новым исследованиям, уже задолго до первого съезда среди членов Гоминьдана шел процесс расслоения на левое и правое крыло, сопровождавшийся ожесточенной борьбой между ними. Эволюция разногласий в общем плане выглядит следующим образом: возникнув в связи с вопросом о целесообразности реорганизации, понимаемой прежде всего в плане изменений организационных и программных основ партии, они все более и более переносились в область революционной стратегии и тактики. На первый план постепенно выдвинулись вопросы сотрудничества с Советской Россией и коммунистами, социальной опоры и привлечения к решению революционных задач широких народных масс<sup>17</sup>. При этом проблема установления отношений сотрудничества с Советской Россией вызывала в Гоминьдане острейшие разногласия, была одним из центральных моментов расхождения во взглядах между Сунь Ятсеном и Чэнь Цзюньмином и одной из причин отхода от Сунь Ятсена значительной части партийцев. Из ближайших помощников Сунь Ятсена лишь Ляо Чжункай безоговорочно и последовательно проводил линию на

сотрудничество с Советской Россией, в то время как Ван Цзинвэй и Ху Ханьминь принимали эту линию, преодолевая сильное внутреннее сопротивление<sup>18</sup>.

Не менее серьезные трения вызывал и вопрос о сотрудничестве с КПК. Если до первого съезда центр тяжести в дискуссиях по этой проблеме концентрировался вокруг целесообразности такого сотрудничества вообще, то на I съезде речь шла уже о целесообразности практикующейся формы сотрудничества.

Различного рода предложения «правых» при обсуждении на съезде Устава Гоминьдана, как это следует из привлеченного историками документального материала, преследовали в конечном итоге цель выхода коммунистов, вступающих в Гоминьдан, из КПК, а также запрещения исконным членам Гоминьдана вступать в КПК. Именно такую направленность носили выступления и предложения Ван Жуйлиня, Хуан Цзилу, Ван Цзинвэя, Ли Силяня<sup>19</sup>. Отклоняя предложения Ван Жуйлиня о необходимости введения в Устав специальной статьи, регламентирующей вступление коммунистов в Гоминьдан, Сунь Ятсен и «левые» гоминьдановцы исходили из позиции абсолютного доверия к коммунистам. Именно отсутствие в Уставе специальной статьи по этому вопросу, согласно дебатам, описываемым китайскими историками, выступает мерой доверия к коммунистам и гарантией их полноправного положения в Гоминьдане<sup>20</sup>. Подобная интерпретация данного вопроса значительно проясняет сложившееся ко времени I съезда соотношение сил в Гоминьдане и в едином фронте, представляет новый подход к объяснению одной из проблем сотрудничества двух партий.

Если при обсуждении проекта Устава разногласия между левой и правой группировками концентрировались вокруг вопроса о форме сотрудничества с коммунистами, то при обсуждении Манифеста спектр разногласий значительно расширился. Китайские историки дают интересные сведения о том, что наиболее ожесточенная внутрипартийная борьба разгорелась по вопросу, имевшему глобальное значение — о направленности политической программы партии. Сущность борьбы заключалась в том, что «правые», среди которых особой активностью отличался Хуан Цзилу, стремились выхолостить революционное содержание проекта Манифеста<sup>21</sup>. Наибольший протест «правых» вызвали антиимпериалистические формулировки Манифеста. Конкретные программные положения Манифеста, направленные на подрыв империалистического влияния в Китае, они пытались заменить «абстрактными» формулировками. Лишь решительное вмешательство Сунь Ятсена позволило съезду сохранить первоначальный проект Манифеста с ярко выраженными антиимпериалистическими формулировками.

Другим вопросом, потребовавшим специальных разъяснений Сунь Ятсена, был вопрос о содержании принципа народного благосостояния и его соотношении с идеологией коммунизма<sup>22</sup>.

Из введенных в научный оборот материалов дискуссий, имевших место на I съезде, также следует, что «правые», в своей попытке противопоставить Манифесту план создания Национального правительства, стремились, с одной стороны, к большей конкретизации политической революционной программы, а с другой — к смягчению или, по словам Чжоу Синьяна, к «выхолащиванию» ее антиимпериалистической направленности.

При характеристике внутрипартийных разногласий в Гоминьдане послесъездовского периода, вплоть до смерти Сунь Ятсена, китайской историографией отмечается резкое обострение борьбы правой группировки с коммунистами. Отрицательное отношение «правых» к сотрудничеству с коммунистами в установленной I съездом форме вылилось в требование «правых» Гуанчжоу, Шанхая, Пекина об исключении коммунистов из Гоминьдана. Китайские историки приводят интересный материал — всевозможные резолюции, петиции и письма «правых» Шанхая, Пекина, Гуанчжоу в ЦИК Гоминьдана и Сунь Ятсену, — позволяющий судить о широком распространении в Гоминьдане недовольства работой в нем коммунистов<sup>23</sup>.

Как следует из китайской историографии, сопротивление «правых» вступлению коммунистов в Гоминьдан и их революционной деятельности постоянно нарастало, несмотря на то, что на официальном уровне курс партии на сотрудничество с коммунистами в установленной форме неизменно подтверждался. Более того, форма устных и письменных протестов правого крыла эволюционировала в форму организационной и идеологической его оформления: учреждение клубов товарищей Гоминьдана в Пекине и Шанхае, созыв незаконного 4-го пленума ЦИК Гоминь-

дана (ноябрь 1925 г.), создание незаконного ЦИК в Шанхае. С основанием обществ по изучению суньятсенизма в Гуанчжоу, Шанхае, Пекине обозначилась тенденция подведения под организационное оформление «правых» идеологической основы — «дайцитаоизма»<sup>24</sup>.

Знакомство с фактами внутрипартийной борьбы свидетельствует о том, что уровень ее ожесточенности и напряженности был значительно выше, чем это представлялось до сих пор. Новый конкретный материал о борьбе Сунь Ятсена и группировавшихся вокруг него «левых» гоминьдановцев с «правыми» показывает высокую степень преданности революционным идеям и самоотверженности вождя китайской революции, его соратников и последователей, свидетельствует о том, какие огромные усилия им потребовались для обеспечения поступательного развития революционного движения.

Современная китайская историография, проделав большую работу по изучению отдельных тем революционного движения в Китае 20-х гг. (внутрипартийная борьба в Гоминьдане, вопросы его реорганизации, вклад коммунистов в реорганизацию Гоминьдана и их роль в национальной революции, мировоззрение Сунь Ятсена, его роль в революционном движении и т. д.), безусловно, сделала значительный шаг вперед в освещении истории китайской революции.

К сожалению, ряд аспектов и вопросов революционного движения 20-х гг. традиционно остается вне поля зрения китайских историков. Тщательное освещение роли и влияния коммунистов на мировоззрение Сунь Ятсена, на формирование политических и революционных установок Гоминьдана не распространяется на последовательное систематическое изучение политической и революционной программы партии в национальной революции. Намечившаяся в последние годы тенденция к изучению Гоминьдана носит в значительной степени односторонний характер, определяемый главным образом изучением тех сторон деятельности партии, которые непосредственно были связаны с участием или помощью КПК. Ставя в центр исследований I съезд Гоминьдана, китайская историография незаслуженно обходит вниманием II съезд (январь 1926 г.) и другие политические форумы партии. Хотя тема внутрипартийной борьбы в Гоминьдане 20-х гг. получила значительное развитие, все же не все аспекты и периоды этой борьбы вызвали интерес у китайских авторов. В частности, не получили достаточного освещения вопросы разногласий Сунь Ятсена и «левых» гоминьдановцев с военной оппозицией в партии, представленной в различное время фигурами генералов Чэнь Цзюньмина, Ян Симиня, Лю Чжэньхуаня, их политические платформы, связи с правыми элементами.

Приоритет в изучении гоминьдановской тематики принадлежит вопросам, связанным, с одной стороны, непосредственно с историей коммунистической партии, с другой — имеющим выход на современность. Это вопросы сотрудничества Гоминьдана с КПК в годы национальной антиимпериалистической революции 1925—1927 гг. и в период создания единого антияпонского демократического фронта. Политической подоплекой обращения китайских историков к данной тематике является стремление обосновать, подкрепить политику современного китайского руководства в отношении Тайваня. Статья Чэнь Сици, посвященная изучению наследия Сунь Ятсена, заканчивается призывом к народу «приложить усилия к полному объединению Родины и к осуществлению четырех модернизаций»<sup>25</sup>. Столь же тесно связано с политикой и обращение к теме изучения планов Сунь Ятсена об экономическом развитии Китая, в частности идеи привлечения иностранного капитала в промышленность страны<sup>26</sup>. Несмотря на определенную заданность как в выборе тематики, так и в освещении отдельных проблем, можно говорить об известном прогрессе в развитии китайской историографии новейшей истории Китая, тем более, что развитие историографии осуществляется параллельно с развитием источниковедения.

Развернувшаяся в КНР широким фронтом с начала 80-х гг. работа над публикацией документов по истории КПК дополнилась в настоящее время публикацией документов по истории Гоминьдана 20—40-х гг.<sup>27</sup> Развитие историографии и источниковедения истории КПК и Гоминьдана чрезвычайно важно для выработки и уточнения концепции новейшей истории Китая.

<sup>1</sup> См.: Сборник статей, посвященных 60-л годовщине I съезда Гоминьдана. Пекин,



1984; Сборник статей по изучению трудов Сунь Ятсена. Гуанчжоу, 1983; Сборник статей по изучению трудов Сунь Ятсена. Гуанчжоу, 1984; Сборник статей по изучению трудов Сунь Ятсена. Гуанчжоу, 1985; Сборник статей по изучению трудов Сунь Ятсена. В празднование 120-й годовщины со дня рождения Сунь Ятсена и 62-й годовщины основания университета им. Сунь Ятсена. Гуанчжоу, 1986 (все на кит. яз.).

<sup>2</sup> См.: Чжоу Синьлянь. К вопросу о борьбе левой и правой группировок в Гоминьдане до и после первого съезда Гоминьдана.— Сборник статей по изучению трудов Сунь Ятсена, 1984, с. 149, 150, 151; Лю Дэси. Первые шаги в построении отношений сотрудничества между Сунь Ятсеном и Советской Россией.— Сборник статей по изучению трудов Сунь Ятсена, 1986, с. 206, 207, 209—210; Ли Цзюкуй. К вопросу о создании Манифеста первого съезда Гоминьдана.— Сборник статей по изучению трудов Сунь Ятсена, 1984, с. 118, 123; Чэнь Сици. Сунь Ятсен и первый съезд Гоминьдана.— Сборник статей, посвященных 60-й годовщине I съезда Гоминьдана, с. 20.

<sup>3</sup> См.: Сборник статей, посвященных 60-й годовщине I съезда Гоминьдана, с. 30, 31.

<sup>4</sup> См.: Сяо Чаожань. Вклад китайских коммунистов в I съезд Гоминьдана.— Сборник статей, посвященных 60-й годовщине I съезда Гоминьдана, с. 217, 218, 219; Чжан Цзинжу, Ян Шушэн. Вклад Ли Дачжао в сотрудничество Гоминьдана и КПК.— Там же, с. 177—190; Чэнь Тецзянь Цюй Цюбо в начале сотрудничества Гоминьдана и КПК.— Там же, с. 203—215; Чэнь Сици. Указ. соч., с. 22, 23, 24, 28.

<sup>5</sup> См.: Чэнь Сици. Указ. соч., с. 22; Сяо Чаожань. Указ. соч., с. 220.

<sup>6</sup> См.: Сяо Чаожань. Указ. соч., с. 225, 226, 227; Чжоу Синьлянь. Указ. соч., с. 152, 155, 156, 157, 158; Чэнь Сици. Указ. соч., с. 32.

<sup>7</sup> См.: Цю Цзе. Сотрудничество и борьба Сунь Ятсена в последние годы его жизни с анхуэйской военной кликой.— Сборник статей по изучению трудов Сунь Ятсена, 1983, с. 96; Чжоу Синьлянь. Указ. соч., с. 28, 30, 31, 34; Сяо Чаожань. Указ. соч., с. 217, 218, 219, 220.

<sup>8</sup> См.: Чэнь Сици. Указ. соч., с. 23.

<sup>9</sup> См.: Там же, с. 32; Чжоу Синьлянь. Указ. соч., с. 155, 156; Юй Яньгуан. Ляо Чжункай и I съезд Гоминьдана.— Сборник статей, посвященных 60-й годовщине I съезда Гоминьдана, с. 145—148; Чжан Цзинжу, Лу Чжэньсян. Вклад Ли Дачжао в сотрудничество Гоминьдана и КПК.— Там же, с. 183—185.

<sup>10</sup> См.: Оуян Чжэшэн. К вопросу о демократических взглядах Сунь Ятсена.— Сборник статей по изучению трудов Сунь Ятсена, 1986, с. 61, 62, 67—68.

<sup>11</sup> См.: Чжоу Синьлянь. Указ. соч., с. 149; Чэнь Сици. Указ. соч., с. 34, 35, 36; Ван Сюэчжуан. К вопросу о новых трех народных принципах Сунь Ятсена.— Сборник статей, посвященных 60-й годовщине I съезда Гоминьдана, с. 79—99; Цзян Ихуа, У Гэнлянь. Сунь Ятсен и выработка трех больших политик.— Там же, с. 100—116; Сяо Чаожань. Указ. соч., с. 219, 223, 224.

<sup>12</sup> См.: Оуян Чжэшэн. Указ. соч., с. 67; Го Лянсун. Развитие военных идей Сунь Ятсена и создание вооруженных сил Хуанпу.— Сборник статей по изучению трудов Сунь Ятсена, 1984, с. 165—169; Чэнь Сици. Указ. соч., с. 22; Цю Цзе. Указ. соч., с. 96.

<sup>13</sup> Чжоу Синьлянь. Указ. соч., с. 154; Цю Цзе. Указ. соч., с. 137, 138.

<sup>14</sup> См.: Чжоу Синьлянь. Указ. соч., с. 150.

<sup>15</sup> См. там же, с. 151.

<sup>16</sup> См.: Чжоу Синьлянь. Указ. соч., с. 154; Чэнь Сици. Указ. соч., с. 29, 30.

<sup>17</sup> См.: Чжоу Синьлянь. Указ. соч., с. 151.

<sup>18</sup> См. там же, с. 151; Цю Цзе. Указ. соч., с. 137, 138.

<sup>19</sup> См.: Чжоу Синьлянь. Указ. соч., с. 155, 156; Сяо Чаожань. Указ. соч., с. 225, 226; Чэнь Сици. Указ. соч., с. 33.

<sup>20</sup> См.: Чжоу Синьлянь. Указ. соч., с. 155, 156, 157; Чэнь Сици. Указ. соч., с. 33, 34; Юй Яньгуан. Указ. соч., с. 145—148.

<sup>21</sup> См.: Чжоу Синьлянь. Указ. соч., с. 156, 157; Чэнь Сици. Указ. соч., с. 35.

<sup>22</sup> См.: Чжоу Синьлянь. Указ. соч., с. 157; Чэнь Сици. Указ. соч., с. 32.

<sup>23</sup> См.: Чжоу Синьлянь. Указ. соч., с. 159—162; Цю Цзе. Указ. соч., с. 143—145.

<sup>24</sup> См.: Чжоу Синьлянь. Указ. соч., с. 163, 164.

<sup>25</sup> Чэнь Сици. Указ. соч., с. 38.

<sup>26</sup> См.: Ло Яоцзю. Патриотические чувства Сунь Ятсена и его взгляды на идею открытых дверей.— Сборник статей по изучению Сунь Ятсена, 1985, с. 1—11.

<sup>27</sup> См.: «Данши яньцзю изыляо», 1980, № 13, 14, 15; Документы политического консультативного Совета Гоминьдана. В 2-х т. Чунцин, 1985; Сборник избранных материалов о переговорах Гоминьдана и КПК. Цзянсу, 1984.

# АНТОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ КЛАССИКИ

*Сегодня мы открываем новую рубрику, содержанием которой станут не исследования, а только сами тексты — с необходимыми сведениями и минимумом комментариев. Пусть эта рубрика хоть в малой степени послужит благородной цели — дать читателю не только знания, но и частицу той мудрости, которую лучшие умы прошлого оставили нам в наследство.*

*Рубрику ведет доктор филологических наук И. С. Лисевич.*

---

## У истоков китайского летописания.

---

Появление такой рубрики имеет несколько причин, и в числе первых следует назвать наметившийся в последнее время поворот к фундаментальным исследованиям. Применительно к востоковедению таким фундаментальным исследованием является перевод текста — ведь любая работа в сфере исторических наук, литературоведения, лингвистики, культурологии, религиоведения и проч. основывается прежде всего на тексте — в широком или узком смысле этого слова. К сожалению, даже многие важнейшие канонические книги Дальнего Востока до сих пор либо не переводились на русский язык вовсе, либо давно стали библиографической редкостью. И если мы раскроем, например, знаменитое собрание трудов китайских мыслителей «Чжуцзы цзичэн», вобравшее в себя все главное из древности и раннего средневековья, то увидим, что за последние двадцать лет ни одно из вошедших в него произведений не появлялось у нас в полном переводе. Трудно поверить, но на русском языке нет даже перевода китайского конфуцианского канона, лежащего в основе всей многовековой культурной традиции Китая, да и других стран Дальнего Востока. Конечно, скромная антология не заменит отсутствующих изданий — но и она поможет заполнить некоторые проблемы в изучении традиции. Ей вполне по силам стать своеобразной экспресс-информацией, которая будет знакомить читателя с готовящимися работами в области источниковедения и текстологии, она позволит читателю прикоснуться ко многим первоисточникам задолго до того, как они выйдут из печати в полном и законченном виде.

Впрочем, вряд ли стоит сводить все только к познавательной стороне. И тому, кто никогда не задумывался над значением греческого слова «антология», быть может, стоит напомнить, что оно означало «собрание цветов» — и, следовательно, изначально предполагало наслаждение прекрасным. Думается, что у нашей антологии есть все возможности соответствовать своему названию, ибо произведения восточной классики всегда оставались творениями «изящного слова», а совершенство словесного воплощения соседствовало в них с богатством мысли и глубиной философского осмысления действительности. Ведь классическое наследие — это то лучшее, что каждый народ сохранял в процессе своего духовного развития, оставляя по пути преходящее, необязательное, сиюминутное. Оно выходит за пределы своей эпохи, будучи примером «на все времена», заставляет человека задуматься о его месте в мире, о смысле человеческого существования, о целях и средствах, о том главном, что, собственно, и делает человека человеком — о нравственных ценностях. Не случайно, что именно в наше время духовного обновления общества так велик интерес к классике — свойственное ей акцентирование нравственных основ как нельзя более отвечает духу сегодняшнего дня.

Строго говоря, классика и традиция в широком смысле всегда актуальны, поскольку они есть не что иное, как приобретенный человечеством опыт — позитивный или негативный, а «прошлое есть учитель будущего». Однако если даже пренебречь этим общим соображением, и просто обратиться к наследию такого мыслителя, как Конфуций, то можно с удивлением обнаружить, сколь современно и, я бы даже сказал, злободневно звучат его мысли более чем двухтысячелетней давности.

Конфуция не раз упрекали в банальности, хотя это означает лишь то, что высказанные им когда-то впервые идеи ныне настолько общепризнаны, что вызывают досаду своей привычностью. Однако от этого они не становятся менее верны. И именно Конфуций, быть может, оказался первым, кто обнаружил в себе смелость во всеуслышанье заявить о правде прошлого. Его идея «исправления имен» в фальсифицированной истории была предельно проста: называть благородного человека благородным, а кровавого убийцу — убийцей, хотя бы тот и достиг высшей власти. И пусть угодливые летописцы превозносили на все лады узурпировавшего трон тирана, заменяя в тексте одно слово другим, Конфуций ставил все на свои места — его рукой история творила свой последний суд, предостерегая будущие поколения. Сам по себе призыв говорить правду достаточно банален, но какого мужества это подчас требует и как бывает нужна такая правда людям, вполне может быть оценено нашим поколением.

Классическое наследие стран Дальнего Востока весьма многогранно — и хотелось бы, чтобы читатель познакомился с ним в наиболее полном объеме. Разумеется, в антологию войдут фрагменты конфуцианских, даосских, буддийских канонических книг, которые в полном соответствии с этимологией китайского слова «цзин» (канон) послужили как бы основой традиционной культуры, определили ее развитие на многие столетия. Среди наших публикаций будут памятники философской и исторической мысли, столь многочисленные в древней и средневековой литературе дальневосточных стран. Антология познакомит читателя с произведениями художественной прозы и литературно-критической мысли, которые, быть может, дадут повод для серьезного разговора о проблемах перевода дальневосточной классики. Наконец, не следует забывать и об истории науки как таковой, о специфике развития путей познания — разного рода натурфилософские трактаты и книги, ознаменовавшие собой первые шаги восточной протонауки, тоже найдут свое место на страницах нового раздела.

\* \* \*

Свою ретроспективу дальневосточной, по преимуществу китайской классики, мы открываем жанром, который больше других обращен в прошлое — сочинениями историческими. Надо сказать, что старому Китаю вообще была свойственна особая историчность мышления, стремление упорядочить местоположение как реального, так и вымышленного в общем потоке времени. Кстати, именно в этом некоторые исследователи усматривали отличие мировосприятия древних китайцев от мировосприятия древних греков, говоря об историзированном сознании первых и мифологизированном — вторых. Даже дошедшие до нас осколки древних китайских мифов часто бывают привязаны к определенному временному отрезку: знаток традиции легко мог вычислить, когда жил Хуан-ди, летавший к солнцу на волшебном драконе, когда случился великий потоп и когда «китайский Прометей» Суй-жэнь одарил людей огнем. Исчислено было все — даже годы между царствованием изначальных «небесных правителей» и эпохой появления огня (согласно «Записям о поколениях Владык и Правителей» их оказалось 10 802 760 лет!). Это давало основания говорить об «историзации мифа» в Китае, хотя скорее всего мы имеем здесь дело с иной формой исторической памяти, когда мифологический образ с самого начала существует в хронологическом поле.

Нет нужды напоминать о том, насколько велик был пиетет к прошлому в старом Китае, создавшем и на века сохранившем подлинный культ старины. Древность продолжала там жить в современности как неизменный пример и недостижимый идеал, с ней постоянно сверялись — и она возвышалась над днем нынешним, привлекая все взоры. «Высокая древность» («шан гу») — говорили испокон

веков в Китае о самом отдаленном прошлом, но отнюдь не «глубокая», как привыкли говорить мы, как бы подразумевая тем самым, что мы-то поднялись выше. Собственно говоря, преклонение перед стариной было свойственно всем древним обществам, однако китайцы принадлежали к числу тех, кто, не ограничиваясь простым поклонением, связал себя хронологической лестницей с сияющими вершинами золотого века совершенномудрых. Годы, подобно ступенькам, пронумерованным прилежными писцами, восходили к высокой древности — и по ним уходили в прошлое поколение за поколением, не теряя связи со своими живущими потомками. Прошлое не было небытием — оно оставалось как бы живой реальностью, и история всегда интересовала китайца самым непосредственным образом.

Отцом китайской историографии называют обычно Сыма Цяня (ок. 145—86 гг. до н. э.) и действительно его «Исторические записки», связавшие воедино «век нынешний и век минувший», поражают грандиозностью замысла и мастерством воплощения. Однако китайская историография, а точнее — хронография, родилась задолго до него. Традиция утверждает, что еще со времен династии Чжоу (XI—VIII вв. до н. э.) установился обычай иметь в приемной зале дворца писцов. «Левый записывал речи, правый — деяния», — уточняет другой древний историк Бань Гу (I в. н. э.). Считается, что из записей разного рода знаменательных высказываний, фиксированных при династии Чжоу, было создано знаменитое «Писание», или «Книга исторических преданий», «Книга документов», как переводят в нашей литературе «Шу цзин». Что же касается событий и деяний, более поздних (с 722 по 481 г. до н. э.), то они составили другой канон — «Весны и осени» (то есть «Летопись»), также вошедший в знаменитое конфуцианское «Пятикнижие».

Летопись «Весны и осени» первоначально создавалась писцами-хронографами небольшого, но обладавшего прочными культурными традициями царства Лу, родины Конфуция. Лу было расположено неподалеку от императорского домена и было когда-то пожаловано брату основателя чжоусской династии, мудрому Чжоу-гуну. Это обстоятельство ставило лусских царей выше прочих правителей, выделяя их во всем — вплоть до того, что их похороны совершались по тому же ритуалу, что и погребение самого Сына Неба. Отсюда понятен ревнивый интерес к ритуалу и истории именно в царстве Лу.

Конфуций привел в порядок и отредактировал ведшиеся на протяжении нескольких веков записи летописцев. Начал он «Весны и осени» с 722 г. до н. э., «изначального» года правления Инь-гуна — первого царя, при котором Лу обрело подлинную самостоятельность, закончил же 481 г. до н. э., когда в западных пустошах царства был пойман единорог-линь. Завершение не такое случайное, как может показаться на первый взгляд — ведь единорог, которого легенда рисовала как бы плывущим над землей, не попирая ее копытом и не причиняя вреда ничему живому, был символом гуманного правления мудрого Сына Неба. Поистине, таким светлым предзнаменованием стоило закончить — оно как бы прорицало светлое будущее Поднебесной, раздираемой войнами и смутами, позволяло взглянуть в завтрашний день с надеждой. Сам же текст летописи настолько лаконичен и выверен, что согласно легенде, когда Конфуций предъявил его ученикам, те оказались не в состоянии изменить хотя бы одно слово. Достигнув совершенства в использовании титулатуры, глаголов и прилагательных, древний мыслитель, не прибегая к прямолинейному «осуждению», доносил свою мысль до читателя совершенно точно. Вовсе не обязательно было именовать тирана узурпатором. Он просто не добавлял незаслуженного титула — и имевший глаза видел, а имевший уши слышал. Рассказывая о военном походе, Конфуций писал «покарал» вместо обычного «победил» — и каждому становилось ясно, что речь шла о мятежнике, поднявшемся против законного государя. Восстанавливать историческую справедливость было нелегко и две с половиной тысячи лет назад, но Конфуций сделал это, снискав почтительное восхищение потомков. Кстати, и сам он ставил свой труд историка значительно выше прочего: «Я стану ведом будущим поколением благодаря «Веснам и осеним», — говорил он ученикам.

Надо сказать, что систематическая фиксация событий осуществлялась не только в Лу, но и в других царствах. Известно, например, что летописи царства Цзинь именовались «колесницами», видимо, по аналогии с колесницей Солнца, колесом времени. В царстве Чу летописи носили имя монстра Таоу — своего рода «сфинкса»

«с туловищем тигра и человеческим лицом», «обитавшего в пустынях Запада», который ассоциировался со смертью, а летопись, соответственно — с подведением итогов земного существования. Хроники ряда других царств просто именовались «Записями» (цзи) — название, которое дал впоследствии своему труду и Сыма Цянь.

К сожалению, мало, что из летописей царств сохранилось — все они были сожжены по приказу Цинь Шихуана, оставившего в неприкосновенности лишь записи хронографов собственной династии и на некоторое время установившего таким образом историческое «единомыслие». «Циньскими записями» еще располагал во II в. до н. э. Сыма Цянь; по его словам, в них «не были проставлены дни и месяцы, а текст краток и неполон», однако эти записи охватывали гораздо больший период, чем знаменитые «Вёсны и осени», так что в них было все-таки немало ценного для историка. Наконец, еще одна из летописей древних царств по случайности также избежала участи остальных. Об этом мы находим упоминание в «Истории династии Цзинь» («Цзинь шу»). В 281 г. некто Бу Чжунь, «воровски вскрыв курган Вэйского царя Сян-вана, добыл несколько возов бамбуковых книг, среди которых были «Погодные записи» в тринадцати частях», начинавшиеся с легендарной династии Ся (ок. 2140-1711 гг. до н. э.) и подробно излагавшие историю раннечжоуской династии вплоть до вынужденного перенесения столицы на восток в 770 в. до н. э. Всего этого, как мы знаем, не было в «Вёснах и осени» Конфуция. В дальнейшем же изложении событий, как утверждает «История династии Цзинь», в них «многое перекликалось».

Увы, момент для счастливого открытия был самым неподходящим — обстановка в империи становилась все более беспокойной, а через сто с небольшим лет север Китая, где жили потомки Бу Чжуна, надолго оказался поработанным кочевыми племенами. Горел деревянный Китай, горели и книги — от находки почти ничего не сохранилось, аутентичность же дошедшей до нас части «Бамбуковых анналов»<sup>3</sup> вызвала большие сомнения. «Анналы» снова привлекли к себе внимание только недавно, когда японские и американские ученые использовали имеющиеся в них сообщение о солнце, «восходившем дважды». Интерпретировав его как затмение во время восхода, ученые вычислили новую, более позднюю дату основания династии Чжоу. Впрочем, это открытие еще требует проверки.

К счастью, из многочисленной летописной литературы древности (а Бань Гу некогда причислял к ней 948 единиц хранения императорской библиотеки!) сохранилось еще несколько произведений. Три из них входят ныне в конфуцианское «Тринадцатикнижье» и числятся там в качестве комментариев или толкований к каноническим «Вёснам и осени» Конфуция. Однако не исключено, что первоначально они были вполне самостоятельными произведениями. Ныне они именуются: «Чуньцю Цзо чжуань», или «Толкования Цзо к «Вёснам и осени»», — наиболее обширный и значительный труд такого рода; «Гуньян чжуань», или «Толкования Гуньяна»; «Гулянь чжуань», или «Толкования Гуляна».

Об авторе «Чуньцю Цзо чжуань» известно, что он жил некогда в том же царстве Лу, что и Конфуций (лусцем был также и составитель «Гулянь чжуань»), однако других определенных сведений о нем имеется совсем немного. Известно точно даже, как его звали: одни старые авторы (а таких большинство) полагают, что его фамилия Цзо (левый), а имя Цюмин (буквально — «обретший просветление у холма»), в чем, при желании, можно усмотреть намек на Конфуция, которого звали «Цю» — «Холм»<sup>4</sup>. Некоторые считали, что автор этой летописи, подобно авторам двух других, только что перечисленных нами — Гуньян Гао и Гулянь Си — носил старинную двусложную фамилию Цзоцю (левый холм), а имя его было «Мин» (просветленный), что звучало довольно двусмысленно, поскольку известно, что автор ослеп на оба глаза. Наконец, третьи склонялись к мнению, что «Цзо» — вообще не имя, а просто указание на того «левого» писца, который, сидя в тронном зале за колонной записывал, по одной версии, речи, по другой — деяния. В примечаниях к каталогу императорской библиотеки в «Ханьской истории» («Хань шу») Бань Гу мы находим указание, что Цзо Цюмин был начальником писцового приказа в царстве Лу, то есть занимал ту же должность, которую позднее занимал великий Сыма Цянь, и, следовательно, был придворным историографом и астрологом.

Очень многие авторы рассматривают Цзо Цюмина как современника и даже уче-

ника Конфуция. Эта точка зрения, в частности, зафиксирована в новой редакции словаря «Цыхай» («Море слов»)⁵, однако традиционно большей поддержкой пользуется та, которая помещает его в более позднее время. Очень уж смущает, что среди всех известных семидесяти двух ближайших учеников Конфуция нет имени Цзо Цюмина. Трудно поверить, что подобный гений не был замечен и оставался в трехтысячной толпе полупосвященных, не поднимавшихся даже на ступени дома учителя... Скорее можно довериться Сыма Цяню, который относит его уже к последователям, «восстановлившим» учение: «Благородный муж из царства Лу, Цзо Цюмин был обеспокоен тем, что, придерживаясь каждый своего мнения, ученики (Конфуция) начинают отходить друг от друга, утрачивая истину, потому-то он и создал «Вёсны и осени Цзо», следуя историческим записям Конфуция и подробно толкуя им сказанное».

Как и во многих подобных случаях, доступная нам история текста «Вёсен и осеней Цзо» начинается уже с ханьского времени. Собственно говоря, только с этого времени начинается и сам текст в его известном нам теперь виде. Согласно легенде, один его экземпляр избежал сожжения при Цинь Шихуане, ибо был заранее замурован вместе с сотнями других свитков в стену того зала, где некогда Конфуций наставлял своих учеников. «Когда же во времена Почтительного к предкам Воинственного государя лусский князь Гун порушил конфуциев Зал для обучения, дабы построить дворец, он обрел тридцать томов утраченных «Весен и осеней», а именно — «Цзо Чжуань», — сообщают Ван Чун (I в.) и другие авторы. Текст «Цзо Чжуань» был написан древними иероглифами, уже вышедшими к тому времени из употребления, да и сам язык памятника выглядел достаточно архаичным. И если канонический текст «Вёсен и осеней», принадлежавший кисти Учителя, был гарантирован от своевольного вмешательства, то летопись Цзо Цюмина, подобно многим другим древностям, по-видимому, претерпела очень серьезную редактуру со стороны Лю Синя (ок. 53 г. до н. э. — 23 г. н. э.) — знаменитого библиографа, текстолога и собирателя литературного наследия древности.

Язык нынешней летописи Цзо Цюмина, которая обычно дается параллельным текстом с «Вёснами и осенями» Конфуция, очень отличается от их языка — это обстоятельство обычно служит аргументом против признания Цзо современником первоучителя. Но есть и еще одно различие — в манере изложения. Учитель предельно лаконичен, он старается избежать всего необязательного, видя идеал совершенства в том, чтобы ни один знак текста невозможно было заменить другим. Такой текст предполагал либо огромную эрудицию, либо добавочные пояснения Учителя. Что же касается летописи Цзо, то она сама способна служить таким пояснением. В пределах свойственной древним лаконичности Цзо любит характерную подробность, яркую деталь, исторический анекдот, чего совершенно нет у Конфуция. При всем уважении к высокому принципам Учителя, его труд не только строг, но и сух — в отличие от повествования Цзо, в котором подобно крупицам золота в песке, блистают образы истинно прекрасные. Конечно, в наш многословный век и эта книга покажется чрезмерно лапидарной — нам непривычна подобная теснота слов. Именно из снисходительности к читателю, чтобы не затруднять его обширным комментарием, нарушающим впечатление цельности, переводчик кое-где добавил необходимые в русском языке слова (они даны в квадратных скобках) и поясняющие фразы «от себя» (они даны в круглых скобках). Очень хотелось, чтобы выбранные нами фрагменты не только дословно передавали китайский оригинал, но по возможности позволили читателю ощутить атмосферу того далекого времени, извечную драматичность нравственного выбора, перед которым оно ставило героев. Насколько удачна такая форма перевода — судить читателю.

Тексты с древнекитайского впервые переведены на русский язык С. Е. Яхонтовым.

---

## Летопись «Цзо чжуань» (фрагменты)

---

### Сыновья князя Вэй

Шестнадцатый год правления Хуань-гуна<sup>6</sup> (696 г. до н. э.).

В прошлом Сюань-гун, князь государства Вэй, имел незаконную связь с одной из жен гарема своего отца, И Цзян (И из рода Цзян). Она родила сына Цзи-цзы. Сюань-гун поручил заботиться о нем Правому княжичу [Чжи, своему сводному брату]. Княжич сосватал для него жену в Ци; князь, увидя, что она очень красива, [не отдал ее сыну и] сам взял ее в жены. Она родила двух сыновей — Шоу и Шо. Князь поручил заботиться о них Левому княжичу Се. И Цзян [видя, что князь охладел к ней] повесилась.

[Княгиня] Сюань Цзян и [ее младший сын] княжич Шо, замышляли убить Цзи-цзы. Князь послал Цзи-Цзы с поручением в государство Ци. Тем временем княгиня подослала разбойников, которые должны были подстеречь Цзи-цзы [на границе] в местности Шэнь и убить его. (Она сказала им: «Убейте первого, кто проедет на колеснице с флажком, украшенным белыми перьями»). Шоу предупредил Цзи-цзы и советовал ему бежать. Но тот не согласился и сказал: «Если я не выполню приказ отца — зачем ему такой сын? Если бы была такая страна, где не [почитали бы] отцов, тогда можно было бы [бежать туда].»

Когда Цзи-цзы должен был отправляться в путь, его напоили вином. [Тем временем] Шоу переставил его флажок на свою колесницу и выехал раньше его. Разбойники убили его. Цзи-цзы [спешил за ним и] кричал: «Это меня вы ищете! А этот чем виноват? Меня убейте!» Они убили его тоже.

[После смерти Сюань-гуна Шо стал князем; он известен под именем Хуэй-гуна.] Два княжича [воспитатели его братьев] давно его ненавидели. В одиннадцатом месяце Левый княжич Се и Правый княжич Чжи возвели на престол княжича Цяньмоу. Хуэй-гун бежал в государство Ци.

### Смерть Сян-гуна, князя Ци

Восемнадцатый год правления Хуань-гуна (694 г. до н. э.)

Весной наш князь (то есть князь царства Лу — государства, с точки зрения которого излагаются события в летописи «Цзо чжуань») собирался совершить путешествие. Итак, он вместе со [своей супругой] из рода Цзян, сводной сестрой князя Ци, Сян-гуна, направился в Ци. Шэнь Сюй [не одобряя того, что он взял с собой жену] сказал: «У женщины есть семья, у мужчины [для встречи с женой] есть внутренние покои, и они не должны вести себя вольно по отношению друг к другу; тогда говорят, что правила приличия соблюдены. Кто поступает иначе, тот погибнет».

Наш князь встретился с князем Ци на [берегу пограничной реки] Лу. Затем он вместе со [своей супругой] Вэнь Цзян (Вэнь из рода Цзян) направился в Ци. Князь Ци [ее сводный брат] имел с ней незаконную связь. Наш князь упрекал ее; она сказала об этом [брату].

Летом, в четвертом месяце, в день под знаками бин-цзы, [князь Ци] давал пир в честь нашего князя. [После пира] он велел княжичу Пэншэну помочь нашему князю подняться на колесницу. Князь скончался на колеснице. (Подозревали, что Пэншэн убил его по приказу князя Ци.)

Люди Лу послали сказать в Ци: «Наш государь, преисполненный благоговения перед величием вашего повелителя, не осмелился спокойно пребывать [в своих

владениях] и направился [к вам], чтобы упрочить старинную дружбу [между нашими государствами]. После того как должный обряд был совершен, он не вернулся. Мы не знаем, на кого возложить вину за это. Это позор [для нас и вас] перед лицом всех князей. Мы просим смыть его, наказав Пэншэна». Люди Ци убили Пэншэна.

Восьмой год правления Чжуан-гуна (686 г. до н. э.).

Князь Ци (Сян-гун) послал Чэна и Гуань Чжифу охранять границу в Куйцю. Они уехали в сезон [созревания] дынь, и князь сказал: «Когда [следующий раз созреют] дыни, я прикажу сменить вас». Срок их службы кончился, но приказ князя не пришел. Они просили сменить их, но князь не дал согласия. Поэтому они замыслили бунт.

Си-гун [отец Сян-гуна] имел младшего брата, рожденного от той же матери; его имя было И Чжуннянь. У него родился сын, княжич Учжи. Си-гун любил его и разрешал носить ту же одежду и пользоваться теми же почестями, что и наследнику (его дяде, будущему князю Сян-гуну). Сян-гун [вступив на престол после смерти отца] все это отменил. Воспользовавшись этим, те двое (Лянь Чэн и Гуань Чжифу) вовлекли его в заговор.

У Лянь Чэна была младшая двоюродная сестра в гареме князя. Она не пользовалась его милостью. Лянь Чэн велел ей следить за князем и обещал: «Если мы победим, мы сделаем тебя первой женой нового государя».

Зимой, в двенадцатом месяце, князь Ци ездил гулять в Гуфэнь; потом он охотился в Бэйцю. [Во время охоты] он увидел огромного кабана. Спутники князя сказали ему: «Это [оборотень, дух] княжича Пэншэна [которого вы убили, чтобы угодить государству Лу]». Князь, разгневавшись, воскликнул: «Пэншэн еще смеет являться мне!» — и выстрелил в него из лука. Кабан встал на дыбы, как человек, и жалобно закричал. Князь испугался, упал с колесницы, повредил ногу, потерял туфлю. Когда вернулись, он стал требовать потерянную туфлю у своего слуги Би. Слуга не мог найти ее, и князь исхлестал его плетью до крови. Тот выбежал за дверь и здесь столкнулся с заговорщиками. Они схватили его и связали. Но Би сказал: «Чего ради я стану останавливать вас?». Обнажил спину и показал им [следы плети]. Ему поверили. Он просил разрешения войти первым. [Войдя] он спрятал князя, вновь вышел и сразился [с бунтовщиками]. Он был убит в дверях. [Другой слуга] Шичжи Чэньжу тоже сразился и был убит у лестницы. После этого заговорщики смогли войти. [Третий слуга, Мэн Ян, пытался подменить собой князя.] Они убили Мэн Яна на кровати, но [кто-то] сказал: «Нет, это не князь, он не похож». Они увидели ноги князя под дверью; тогда они убили его и поставили князем Учжи.

## Война между Цинь и Чжэн

Тринадцатый год правления Си-гуна (630 г. до н. э.).

В девятом месяце, в день под знаками цзя-у<sup>7</sup>, князья государств Цинь и Цзинь осадили город Чжэн [мстя] за то, что [князь Чжэн] не оказал почестей князю Цзинь [когда тот был в изгнании] и за то, что он [нарушил союз с Цинь и] перешел на сторону Чу. Армия Цзинь встала лагерем у Ханьлина, армия Цинь — на берегу реки Фань.

И Чжиху сказал чжэнскому князю: «Государство наше в опасности. Но если поручить Чжу Чжиу встретиться с князем Цинь, ручаюсь, что его армия уйдет». Князь последовал совету.

Чжу Чжиу отказался, сказав: «Даже когда ваш слуга был в расцвете сил, он считался хуже других. Сейчас ваш слуга состарился и уже ничего не может сделать». Князь ответил: «Я не сумел вовремя использовать ваши таланты, а сейчас, в минуту отчаяния, обращаюсь к вам с просьбой — в этом моя вина. Но как бы то ни было, если Чжэн погибнет, для вас тоже не будет пользы». Тогда тот согласился.

Ночью Чжу Чжиу спустился по веревке с городской стены, [проник в лагерь Цинь], пришел к циньскому князю [Му-гуну] и сказал: «Армии Цинь и Цзинь осаждают Чжэн — можно сказать заранее, что Чжэн обречен на гибель. Даже если бы



погубить Чжэн было действительно в ваших интересах, государь, я бы дерзнул раздосадовать ваших чиновников [своими советами]. Вы сами знаете, государь, что держать в подчинении отдаленную территорию, к тому же отделенную землями другого государства, трудно. [Цзинь лежит как раз между Цинь и Чжэн. Ясно, что моя страна достанется не вам, а Цзинь]. Так есть ли смысл губить Чжэн только для того, чтобы удвоить владения соседа? Если сосед станет сильнее, это будет значить, что вы государь, станете слабее. [Наоборот] если вы оставите Чжэн хозяином пути [из вашего государства] на восток, то путников, едущих туда и обратно, будут здесь снабжать всем, в чем у них будет недостаток, и вы, государь, тоже не будете иметь от этого никакого вреда.

И потом — вспомните: в свое время вы уже оказали [покойному] князю Цзинь большую услугу; он обещал вам за это города Цзяо и Ся. Утром он переправился [через Хуанхэ и вернулся в свое государство], а уже вечером велел ставить [временные укрепления из] досок [чтобы защищать от вас эти города]. Все это вы, государь, знаете. Разве Цзинь когда-нибудь насытится? После того как на востоке оно получит власть над Чжэн, оно захочет расширить свои земли на западе. А откуда оно возьмет там землю, если не начнет отрывать куски от Цинь? Отрывать куски от Цинь ради выгоды Цзинь — государь, обдумайте это!».

Князь Цинь остался доволен разговором. Он заключил договор с людьми Чжэн, оставил Ци-цзы, Фэнсуня и Янсуня охранять границы Чжэн, а сам с остальной армией вернулся в Цинь.

Цзыфань [родственник и советник цзиньского князя Вэнь-гуна] просил позволения напасть на армию Цинь. Князь ответил: «Нельзя так поступить. Без помощи этого человека (князя Цинь) я не смог бы занять престол. Воспользоваться помощью человека, чтобы его же унижить — это было бы негуманно. Потерять союзника — это было бы неумно. Заменить ясность [в отношениях с соседями] на беспорядочные столкновения — это было бы невыгодно с точки зрения военной науки. Лучше мы тоже вернемся». И он тоже ушел из Чжэн.

Тридцать второй год правления Си-гуня (628 г. до н. э.).

Зимой умер Вэнь-гун, князь Цзинь. В день под знаками гэн-чэнь<sup>8</sup> гроб с его телом повезли в Цюю [где его должны были похоронить]. Когда выезжали из [столичного города] Цзянь, из гроба раздался голос, подобный реву быка. Гадатель Янь велел всем знатым людям поклониться до земли и сказал: «Государь поручает вам очень важное дело. С запада придет армия, она пройдет по нашей земле. Если мы нападём на нее, будет большая победа».

Между тем Ци-цзы [оставленный циньским князем в Чжэн] послал из Чжэн человека в Цинь и велел передать: «Люди Чжэн поручили мне ключи от северных ворот столицы. Если вы тайно пришлете войско, город можно будет захватить». Князь Му-гун спросил совета у Цзянь Шу. Цзянь Шу сказал: «С уставшей армией напасть неожиданно на отдаленную страну — я никогда о таком не слышал. [Пока армия дойдет до места], люди устанут, силы их будут на исходе, а хозяин далекой страны успеет хорошо подготовиться [для защиты]. Нет, это невозможно! Армия будет знать, куда он идет. Значит, Чжэн несомненно тоже будет это знать. [Когда воины увидят, что] все их усилия ни к чему не привели, они откажутся повиноваться. Вообще, когда армия идет в поход за тысячу ли, кто же не узнает об этом?».

Князь отказался послушать его совета. Он призвал к себе Мэн Мина, Си Ци, Бай И и повелел им выступить с войском в поход из восточных ворот столицы. Цзянь Шу, громко плача, глядел на них; [окликнув Мэн Мина] он сказал: «О Мэн-цзы! Я вижу сейчас, как армия уходит, но я никогда не увижу, как она вернется». Князь велел передать ему: «Что ты понимаешь? Тебе скоро сто лет, деревья на твоей могиле должны были бы уже стать двух пядей в обхвате».

Сын Цзянь Шу участвовал в походе. Цзянь Шу сказал, провожая его и плача: «Люди Цинь, конечно же, преградят путь нашей армии у гор Сяо. [Из Цинь нет другого пути на восток]. В Сяо есть два больших холма. На южном — могила Гао, императора династии Ся; на северном Вэнь-ван, [отец основателя нынешней династии Чжоу] искал убежища от ветра и дождя. Вы все умрете между этими холмами. Там я соберу твои кости».

Итак, армия Цинь двинулась на восток.

Тридцать третий год правления Си-гуна (627 г. до н. э.).

Весной армия Цинь [благополучно миновав Сяо] прошла мимо северных ворот [резиденции императора] города Чжоу. Лучники, стоявшие на боевых колесницах слева, и копейщики, стоявшие справа, сняв шлемы (но оставаясь при оружии, что было непочтительно по отношению к императору), спустились на землю, проходили пешком мимо ворот и затем снова вспрыгивали на колесницы; и так проехало триста колесниц. Царевич Мань, внук императора, еще мальчик, смотрел на них. Он сказал императору: «Циньские воины несерьезны и непочтительны; конечно, они будут разбиты. Несерьезны — значит мало думают; непочтительны — значит, невнимательны. Кто будет невнимателен, оказавшись в опасном месте, да еще не умеет думать — может ли избежать поражения?».

Армия пришла в [крошечное княжество] Хуа. [В это время там оказался] купец из Чжэн, Сянь Гао, который вез свои товары в Чжоу. Встретив неожиданно армию Цинь [он выдал себя за посла князя Чжэн]. Он поднес полководцам сначала четыре бычьих шкуры (по обычаю, перед тем как сделать большой подарок, дарили сначала что-то менее важное), а затем пожертвовал двенадцать коров, чтобы угостить воинов, и при этом сказал: «Услышав, что вы, господа, вместе с вашим войском намереваетесь мимоходом посетить наш ничтожный город, мой государь осмелился предложить угощение тем, кто сопровождает вас. Наш небогатый город, зная, что вы давно уже находитесь в пути, охотно предоставит вам продовольствие на целый день, если вы захотите у нас остаться, или охрану на всю ночь, если вы сообразовали идти дальше». А тем временем он послал в Чжэн человека с сообщением.

Чжэнский князь Му-гун распорядился следить за подворьем иноземных гостей (то есть циньского отряда, оставленного охранять границы Чжэн) — а те уже увязывают вьюки, точат оружие и кормят лошадей. Князь послал Хуан Уцзы попрощаться с ними и сказать им так: «Вы, господа, уже долго находитесь в нашем ничтожном городе. И вот теперь наши запасы сушеного мяса и зерна, убитого и живого скота кончились. Если вы, господа, собираетесь уехать, то в Чжэн есть заповедный лес Юаньпу, так же как в Цинь есть заповедный лес Цзююю; вы можете брать себе оттуда хвостатых и пятнистых оленей, освободив наш ничтожный город от забот о вашем пропитании. Что вы об этом думаете?».

Ци-цзы бежал в государство Ци; Фэнсунь и Янсунь бежали в государство Сун.

Мэн Мин сказал: «Государство Чжэн готово [встретить нас!] Мы уже не можем надеяться [напасть на него неожиданно]. Если мы будем штурмовать город, мы не победим; если мы осадим его, мы не можем ждать подкреплений. Лучше вернемся». Армия Цинь разрушила город Хуа и пошла назад...

Сянь Чжэнь из государства Цзинь сказал: «[Князь] Цинь не послушал советов Цзянь Шу и из жадности злоупотребил усердием своего народа; это значит, что Небо отдает нам Цинь. То, что дают, нельзя упустить; врагу нельзя позволить свободно действовать. Дав волю врагу, мы будем иметь много забот; послушавшись Неба, мы не будем иметь удачи. Мы должны напасть на циньское войско». Луань Чжи возразил: «Вместо того чтобы отблагодарить Цинь за услугу, которую оно оказало [нашему покойному государю], напасть на циньское войско — не значит ли это забыть покойного государя?». Сянь Чжэнь на это ответил: «[Князь] Цинь не пожалел нас в дни траура по нашему государю и напал на князя, носящего одну фамилию с ним. Значит, это именно Цинь вел себя не должным образом; о какой же еще благодарности может идти речь? Я слышал, что те, кто один раз не помешают действовать врагу, навивут забот на несколько поколений».

После этого [наследник престола (он не мог считаться князем, пока не был похоронен его предшественник)] отдал приказ [выступить в поход]; срочно собрали также войско варваров Жунов из рода Цзян. Наследник был в черной траурной одежде и шляпе. Лян Хун правил его колесницей, Лай Цзюй стоял справа с копьем. Летом, в четвертом месяце, в день под знаками синь-сы<sup>3</sup> [наследник] разбил армию Цинь у гор Сяо и взял в плен Мэн Мина, Си Ци и Бай И. Затем, по-прежнему одетый в черное, он похоронил Вэнь-гуна. Тогда впервые цветом траура в Цзинь стал черным (обычный цвет траура — белый).

## Смерть Лин-гуна, князя Цзинь

Второй год правления Сюань-гуна (607 г. до н. э.).

Линь-гун, князь Цзинь (ему было около пятнадцати лет) не вел себя как подобает государю. Он собирал большие налоги, чтобы разрисовать стены [своего дворца]. С террасы на крыше башенки он стрелял в людей глиняными шариками из маленького лука для охоты на птиц и смотрел, как они старались увернуться. Когда повар недоварил медвежью лапу, он убил его (медвежью лапу надо было очень долго варить, а князь требовал, чтобы ему подали ее немедленно); труп он положил в большой куль из рогожи и велел [прислуживавшим ему] женщинам вынести его из дворца. Нести надо было через двор, где князь принимал чиновников. Чжао Дунь и Ши Цзи увидели руку [торчавшую из куля] были этим озабочены и спросили, что случилось. Чжао Дунь хотел увещевать князя; Ши Цзи сказал ему: «Если ваши увещевания не будут приняты, некому будет говорить после вас (там как вы — канцлер, и в государстве нет никого выше вас по чину). Прошу позволить мне говорить первому; если государь не послушает, вы продолжите».

Ши Цзи трижды выходил вперед [и падал ниц (показывая этим, что хочет говорить с князем), но тот делал вид, что не замечает]. Он оказался уже у желоба, куда стекала вода с крыши дворца; только тогда князь посмотрел на него и сказал: «Я знаю, в чем я виноват, но постараюсь исправиться». Ши Цзи, коснувшись лбом земли, ответил: «Кто из людей не делает ошибок? Но не может быть ничего лучше, чем, совершив ошибку, суметь исправиться. В «Книге песен» сказано: «Каждый имеет [добрые намерения] вначале, но редко кто может довести дело до конца». Это значит, что редко встретится такой, кто действительно может исправить свою ошибку. Если вы, государь, доведете дело до конца, то не только мы, ваши верные подданные, сможем быть уверены в непоколебимости алтарей духов земли и урожая. И еще сказано в «Книге песен»: «Если в парадном халате императора есть изъян — только [канцлер] Чжун Шаньфу может исправить это». Это значит, что он может исправить ошибки государя. Если вы, государь, сможете исправлять свои ошибки, вы никогда не лишитесь императорского халата».

Но он не исправился. Чжао Дунь еще более настойчиво увещевал его. Князь был этим раздражен и послал Чу Ми убить Чжао Дуня.

Ми отправился на рассвете. Двери опочивальни были уже открыты; [канцлер] придворном платье и чиновничьей шапке был готов отправиться во дворец, но было еще очень рано, и он сидя дремал. Ми отступил назад и, вздохнув изумленно, сказал: «Он не забывает о почтительности — это настоящий глава народа! Кто убьет главу народа, тот не думает о благе государя; но кто не выполнит приказ государя, тот не предан ему. Чем быть виновным в том или в другом, лучше умереть». И он покончил с собой, с разбегу ударившись головой об акацию [которая росла во дворе].

Осенью, в девятом месяце, князь Цзинь угощал Чжао Дуня вином [в своем дворце; за дверью] были спрятаны латники, готовые напасть на Чжао Дуня. Телохранитель канцлера Тими Мин, стоявший с копьём справа на его колеснице, понял, в чем дело, и быстро поднявшись в зал, сказал: «Если подданный, на пиру прислуживая государю, выпивает более трех кубков, это есть нарушение этикета». И, поддерживая Чжао Дуня под руку, стал спускаться с ним по ступеням. Князь натравил на него огромного пса; Мин задушил его голыми руками. Чжао Дунь воскликнул: «Вы отвергаете людей и берете на службу псов, но что может сделать для вас пес при всей его свирепости?». Ему удалось отбиться от воинов князя и уйти, но Тими Мин погиб, защищая его.

Однажды, задолго до этого, Чжао Дунь охотился на горе Шоушань. Остановившись отдохнуть под развесистым тутовым деревом, он увидел исхудавшего от голода человека, Лин Чжэ. Дунь спросил его, отчего у него такой измученный вид; тот ответил: «Я уже три дня не ел». Чжао Дунь дал ему поесть, но тот отложил половину. Чжао Дунь снова спросил его, и тот ответил: «Я три года служил вдали от дома; не знаю, жива ли еще моя мать, но иди мне уже недалеко, и я прошу разрешения оставить для нее часть того, чем вы меня угощаете». Чжао Дунь уговорил его съесть все, приготовил корзину просяной каши и мяса, положил все это в мешок [чтобы было удобнее нести] и отдал ему. Позже Лин Чжэ служил цзинь-

скому князю и оказался среди латников, сидевших в засаде. [В решающий момент] он повернул копье против княжеских слуг и, сдерживая их, дал Чжао Дуню время уйти. Чжао Дунь спросил его, кто он, но тот ответил только: «Я тот, кто умирал от голода под развесистым тутом». Не сказал ни имени своего, ни где он живет, ушел и больше не показывался.

В день под знаками и-чоу<sup>10</sup> Чжао Чуань (племянник Чжао Дуня) напал на Лин-гуна в Персиковом саду [и убил его]. Чжао Дунь, который [в это время скрывался, но] еще не успел перейти через горы [на границе государства], вернулся. [Дунь Ху] главный историограф, записал в летописи: «Чжао Дунь убил своего государя» — и показал эту запись чиновникам при дворе. Чжао Дунь сказал: «Это было не так!» Но историограф ответил: «Вы, господин, занимали высшую должность в государстве; вы скрывались, но не пересекли границу (то есть все еще отвечали за все, что происходило в стране), а вернувшись, не наказали злодея. Кто же убийца, если не вы?». Чжао Дунь воскликнул: «Горе мне! Обо мне можно сказать словами «Книги песен»: «Тот, кого я люблю, сам принес мне несчастье»».

Конфуций сказал: «В древности Дун Ху был замечательный историограф: его принцип был — писать, ничего не утаивая. В древности Чжао Дунь был замечательный государственный муж: его принцип был — терпеть обиду ради блага государства. Жаль его: если бы он успел перейти границу, избежал бы обвинения».

### Осада города Гу

Пятнадцатый год правления Чжао Гуна (527 г. до н. э.).

Сюнь У из государства Цзинь с армией напал на государство варваров Сяньюй и осадил город Гу. Некоторые люди в Гу предлагали взбунтоваться и передать город [осаждающим]. Сюнь У не согласился на это. Его приближенные говорили: «Вы можете получить город так, что это не потребует никаких усилий от ваших воинов; почему вы не сделаете этого?». Сюнь У ответил: «Я слышал от [мудрого человека] Шусяна, что если [те, кто наверху] не смешивают хорошее и дурное, то народ знает, к чему он должен стремиться, и все дела удаются. Если бы это у нас кто-то взбунтовался и сдал врагу наш город, я бы считал это очень дурным поступком; что же хорошего в том, что кто-то приходит ко мне, предлагая чужой город? Если я дам награду за очень дурное, что я должен обещать за хорошее? А если я приму у кого-то город и не дам за это награду, получиться, что мне нельзя доверять; как же я тогда могу охранять народ? Когда сил достаточно, надо идти вперед, иначе — надо отступать; надо действовать, оценивая свои силы. Я не могу встать рядом с предателями из-за того, что желаю получить город: я потеряю на этом гораздо больше [чем получу]». Он передал в Гу, чтобы там казнили бунтовщиков и усилили защиту городских стен.

Через три месяца после начала осады некоторые люди в Гу снова просили разрешения сдаться. Они прислали к Сюнь У людей из простого народа (чтобы показать, что они не бунтовщики и говорят от имени всего города). Сюнь У посмотрел на них и сказал: «У вас вид людей, у которых еще есть что есть. Идите пока и укрепляйте городские стены». Офицеры из его армии сказали ему: «Вы можете получить город — и не хотите взять его. Вы требуете лишних трудов от народа и лишних мучений от армии. Так ли вы служите государю?». Сюнь У ответил: «Именно так я служу государю. Если, захватив один город, я покажу нашему народу пример равнодушия [к судьбам государства], то зачем нам этот город? Если за город придется заплатить равнодушием [народу], пусть лучше город останется у старого [хозяина]. Тот, кто готов платить равнодушием [народу], плохо кончит; того, кто легко отвергает старого [господина], тоже ждет несчастье. Люди Гу могут служить своему государю, а мы — нашему. Я буду выполнять свой долг, не отклоняясь от него, я не буду смешивать хорошее и дурное, и тогда мы получим город, но и народ будет знать свой долг. Люди будут готовы умереть, выполняя приказ, и у них не будет даже мысли о чем-то другом. Неужели это плохо?».

Только когда люди Гу сообщили, что их припасы кончились и силы исчерпались, Сюнь У принял город. Победив Гу, он вернулся, не казнив ни одного человека, и увез с собой пленного Юаньди, князя Гу.

<sup>1</sup> «Диван шици цзинцунь», Пекин, 1864, с. 3.

<sup>2</sup> Так, во всяком случае, говорит Сыма Цянь. Современный же текст доведен до дня смерти Конфуция /479 г./ и сообщает о самом этом факте.

<sup>3</sup> Под таким названием эта летопись вошла в синологическую традицию.

<sup>4</sup> Не каждый знает, что имя Конфуций (лат. Confucius), под которым древний философ известен в Европе, воспроизводит сочетание его фамилии «Кун», с почтительными приставками «фу» (отец) и «цзы» (мудрец, учитель). Что же касается собственно имени Конфуция, то оно почти неизвестно нашему читателю, хотя имеет особую историю. Согласно легенде, когда престарелый отец Конфуция взял себе юную жену, у супругов некоторое время не было детей. По обычаю они совершили молебствие духу расположенной неподалеку горы Ницю шань, и родившийся вслед за тем сын получил имена, включавшие иероглифы названия этой горы. Себя Конфуций называл первым именем «Цю», другие же обычно именовали его «Чжунни» (иероглиф «чжун» означал, что он был у своего отца вторым отпрыском мужского пола). Впрочем, относительно родителей Конфуция существует много неясностей — ряд авторов, например, полагает, что их связь была «противоречащей ритуалу» и даже случайной (подробнее см.: И. С. А р а ц к и й. Предварительные данные о происхождении Конфуция. — В кн.: «Девятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов». М., 1988, ч. I, с. 96—99).

<sup>5</sup> Цыхай (серия «История», вып. Древняя история Китая. Шанхай, 1984, с. 426.

<sup>6</sup> Через черточку после имени даются либо титулы (ван-царь, гун-князь и др.), либо почтительная приставка к имени «цзы» (учитель, мудрец). Однако, в случае с Цзи-цзы (см. ниже) иероглиф «цзы» также имеет значение титула («княжич»).

<sup>7</sup> С древнейших времен в Китае дни (а приблизительно с начала новой эры также и годы) делятся на шестидесятиричные циклы. Название каждого дня (или года) в такой системе образуется сочетанием двух иероглифов. Первый обозначает один из десяти так называемых «небесных стволов», второй — одну из двенадцати «земных ветвей», пересечение которых и определяет любой из дней шестидесятиричного цикла. День «цзя-у» — тридцать первый день. Система «стволов» и «ветвей» воплощает идею единства земного и небесного, мировых начал инь и ян в любой момент времени.

<sup>8</sup> Гэн-чэнь — семнадцатый день шестидесятиричного цикла.

<sup>9</sup> День под знаками синь-сы — восемнадцатый день шестидесятиричного цикла.

<sup>10</sup> И-чоу — второй день шестидесятиричного цикла.

И. С. ЛИСЕВИЧ

# КНИЖНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

## Становление государственности

Государственный строй Китайской Народной Республики. Отв. ред. Л. М. Гудошникова. М.: Наука, 1988, 232 с.

Рецензируемая монография представляет собой первое в советской литературе целостное исследование современного конституционного строя социалистического Китая. Она непременно привлечет внимание не только тех читателей, которые специализируются на изучении разных сторон жизни нашего великого соседа, но и всех тех, кто в поисках оптимальных решений сложных социальных проблем, порождаемых перестройкой советского общества, обращается к опыту мирового социализма. В книге коллектива советских китаеведов собран и обобщен интересный и во многом поучительный нормативный и фактический материал, характеризующий опыт государственного строительства в КНР в исключительно трудных условиях преодоления трагического наследия «культурной революции» 60-х гг.

Авторы правильно поступили, предпослав анализу современных проблем краткую характеристику истории конституционного развития китайского социалистического государства, начиная с Конституции Китайской Советской Республики, провозглашенной в 1931 г., и вплоть до действующей Конституции КНР 1982 г. Жаль только, что изложение не завершается выводами относительно тенденций этого развития. Недостаточно констатировать, что Конституция КНР 1982 г. — документ более прогрессивный, чем предшествовавшие основные законы Китая, и что проведение в жизнь ее прогрессивных положений целиком зависит от политики руководства КНР и КПК (с. 34). Политика партийно-государственного руководства — важный, но не единственный фактор реализации социалистической конституции. Действующий основной закон КНР следовало бы оценить на фоне совокупного конституционного опыта стран мировой социалистической системы, тем более что социалистические китайские конституции, включая и Конституцию 1982 г., создавались не без его учета.

Одно из центральных мест в книге занимает глава «Общественно-экономическое

устройство КНР». Содержание этой главы шире ее названия (более точным было бы название «Общественный строй») и охватывает не только систему экономических и социальных отношений в нынешнем китайском обществе, но и основные институты его политической системы — государство, политические партии, Единый фронт и массовые общественные организации.

Анализируя экономическую систему КНР в условиях осуществляемого ныне ее преобразования, исследуя широкое разнообразие и своеобразие происходящих здесь процессов, авторы показывают, как концепции экономической реформы, разрабатываемые и проводимые в жизнь КПК, отражаются в Конституции и как Конституция, в свою очередь, оказывает на них регулирующее воздействие. Для широких кругов читателей здесь представит несомненный интерес изложение проблем, связанных с динамикой социально-экономической структуры Китая после 1978 г., с разработкой и совершенствованием нового хозяйственного механизма, характеристика (хотя и фрагментарная) теоретических позиций китайских специалистов и представителей партийно-государственного руководства по вопросам развития экономической системы. Специалистов же по конституционному праву заинтересует освещение эволюции норм основных законов, регулирующих формы собственности и другие институты экономической системы; авторы сумели четко выявить смысл различий в, казалось бы, сходных формулировках Конституций 1978 и 1982 гг. Изменения, внесенные в действующую Конституцию в апреле 1988 г., продолжают эту линию и свидетельствуют, что авторы правильно подметили соответствующую тенденцию. Правда, авторам не следовало бы отождествлять обобществление средств производства с их огосударствлением (с. 40); действительного обобществления не обеспечили в КНР (и не только в КНР) ни национализация, ни сплошная коллективизация сельского хозяйства, ибо труженик остался по существу отчужденным от управления организацией и результатами своего труда.

Внимание читателей привлечет и анализ тенденций, проявляющихся в социальной структуре современного китайского общества. Тенденции эти неоднозначны, а в чем-то и своеобразны. К этому вопросу, как и к другим, авторы стремятся подойти максимально объективно, однако некоторые их суждения следовало бы аргументировать более основательно во избежание недопонимания. Так, из общей тональности рассуждений авторов о процессах в китайской деревне напрашивается вывод об отрицательном их отношении к семейному подряду, который влечет социальную дифференциацию крестьянства (с. 75). Но ведь распределение по труду в противоположность уравниловке неизбежно влечет расслоение трудящихся вследствие неравенства доходов, и это одна из движущих сил

общественного развития при социализме. Ведь даже использование наемного труда не всегда означает эксплуатацию наемных работников. Если же вследствие социального расслоения китайских крестьян возникает эксплуатация человека человеком, то это надо было показать. Да и не семейный подряд тому виной.

Авторы почему-то отказались от целостной характеристики политической системы китайского общества, ограничившись главным образом, как отмечалось, описанием ее институтов. Это описание, разумеется, полезно, ибо вводит в научный оборот многие новые для советского читателя данные. Но прошлое и настоящее китайской политической системы дают немало поводов к размышлениям теоретического характера, и авторы в связи с характеристикой государственной власти некоторые такие суждения высказывают. Например, сущность власти в период «культурной революции» определяется авторами как открытая террористическая диктатура мелкобуржуазных левацких элементов, близкая по форме к линии штурмовиков в фашизме (с. 84 — 85). Идея весьма интересная, но думается, что ею не следовало ограничиваться. Ведь естественно возникает вопрос, почему социалистическая власть может перерождаться в диктатуру, подобную фашистской, и наоборот, тем более что феодально-фашистские режимы под флагом социалистических — явление истории не только Китая.

Авторы прошли мимо такой особенности экономической реформы в Китае по сравнению с реформами в СССР и некоторых других социалистических странах, как отсутствие самоуправления трудовых коллективов на государственных предприятиях. Вопрос этот имеет общетеоретическое значение и в Китае возникал тоже. Не дает ли факт такого отсутствия основание для вывода об определенном отставании политического развития от экономического? Как известно, у нас такое отставание обрело на успех экономическую реформу 1965 г.

Отдельная глава книги посвящена территориальной организации КНР — ее административно-территориальному и национально-территориальному устройству. Авторы рассматривают историю территориальной организации и ее нынешнее состояние. Большой интерес представляют здесь анализ Закона о районной национальной автономии 1984 г., содержание которого не было известно сколько-нибудь широкому кругу советских читателей, а также характеристика статуса «особых административных районов», давших авторам основание для вывода о незавершенности процесса территориальной интеграции Китая (заключение, с. 217).

Основам правового положения граждан КНР в книге уделено сравнительно немного места. Заслуживают внимания рассмотрение проблематики китайского гражданства в свете Закона о гражданстве 1980 г., а также ма-

териалы, иллюстрирующие конституционное регулирование социально-экономических и личных прав и свобод китайских граждан. Стоило бы, однако, сказать подробнее, почему китайские юристы считают неприемлемой для современного Китая презумпцию невиновности (с. 149). К сожалению, скороговоркой перечислены политические права и свободы и практически не сказано о конкретных конституционных обязанностях граждан КНР.

Весьма значительное место авторы отвели рассмотрению проблем системы государственных органов, исследовав не только их правовой статус, но и практическую деятельность, что весьма ценно.

Так, в разделе об избирательной системе приводятся данные, характеризующие практику выборов в Собрания народных представителей, показаны направления, по которым намечается демократизация избирательной системы. Надо, правда, признать, что при всем этом интерес к данной проблеме удовлетворен не полностью. Хотелось бы, в частности, знать, каково долевое соотношение территориальных и производственных избирательных округов, голосуют ли работающие избиратели только в одном округе или по месту работы и по месту жительства (особенно при территориальном несовпадении этих мест). Неудачным представляется термин «самоотзыв» (с. 163): по существу речь идет о праве депутата подать в отставку или просить разрешения на сложение полномочий, но окончательное решение принимается ведь не самим депутатом.

Интересны материалы о динамике состава депутатов Всекитайского Собрания Народных Представителей 5-го и 6-го созывов, анализ практики проведения сессий, содержания их работы, в частности, производства выборов и назначений высших должностных лиц государства, формирования постоянных комиссий. Ныне наше особое внимание не могут не привлечь обстоятельно рассмотренные в книге нормативное регулирование и практика распределения компетенции и взаимоотношения между Всекитайским Собранием Народных Представителей и его Постоянным Комитетом, которые (в отличие от других социалистических стран) осуществляют законодательную функцию: ведь и у нас согласно решениям XIX Всесоюзной партконференции предполагается создать на союзном уровне два законодательных органа вместо одного — Съезд народных депутатов СССР и Верховный Совет СССР.

Своеобразны роль и значение таких специфических высших органов китайского государства, как Председатель КНР и Центральный Военный Совет, конституционный статус и деятельность которых также получили освещение в книге. Примечательны организация и деятельность правительства КНР — Государственного Совета, в частности его специфических органов: Ревизионного

управления и Министерства государственного контроля. Это свидетельствует, что контроль за деятельностью исполнительно-административного аппарата осуществляется пока что преимущественно его собственными подразделениями.

В то же время приходится сожалеть, что авторы отказались от анализа состава Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей с точки зрения его представительности, не показали динамику системы правительственных ведомств, включая современный ее состав. Следовало бы рассмотреть всю номенклатуру правовых актов, издаваемых высшими органами КНР, и показать их соотношение; частично это сделано применительно лишь к актам Государственного Совета и министерств.

Немало своеобразия содержит система местных государственных органов — представительных и административных, изложенная авторами с учетом изменений, внесенных в конце 1986 г. в Закон об организации местных Собраний народных представителей и местных народных правительств различных ступеней. Примечательно, что в местных Собраниях народных представителей, начиная с уездного уровня, действующие постоянные комитеты — органы, в некоторых отношениях сходные с будущими президиумами наших Советов народных депутатов, создание которых предусмотрено решениями XIX Всесоюзной партконференции. Правда, в данном разделе книги почти полностью отсутствуют сведения о практике реализации соответствующих законоположений, в частности вне поля зрения авторов остался вопрос о взаимоотношениях местных Собраний народных представителей и местных народных правительств с центральными ведомствами и неподчиненными предприятиями, учреждениями, организациями. Больше хотелось бы узнать и о практике функционирования комитетов населения — являются они на деле органами самоуправления жителей или образуют наподобие наших домкомов и селькомов бесполезные придатки местной администрации.

Особую проблему для Китая представляет собой правоохранительная деятельность, основные задачи которой возложены на органы суда и прокуратуры. Характеризуя судебную и прокурорскую системы, авторы обращают внимание на специфические трудности осуществления правосудия и поддержания законности в КНР. Это — наличие неблагоприятных, идущих еще от феодализма традиций и представлений, нечеткость ряда законодательных формулировок, предусматривающих юридическую ответственность, организационная зависимость судов и прокуроров от местной администрации.

В заключение два небольших общих замечания. Первое касается названия книги. Оно несколько архаично: в настоящее время термин «государственный строй» почти не употребляется в правовой науке вследствие своей

неточности, недостаточности. Государственный строй, т. е., другими словами, устройство государства, рассматривается ведь не изолированно, а вместе с общественным строем, по крайней мере с его конституционными основами. Поэтому рецензируемую книгу более правильно было бы назвать «Конституционный строй КНР».

Второе замечание сводится к тому, что отсутствие сравнений институтов КНР, рассматриваемых в книге, с соответствующими институтами других социалистических стран придает изложению, если можно так выразиться, одномерный характер. Читателю, не имеющему достаточного представления об опыте мирового социализма в государственном строительстве, трудно понять, что же в практике КНР общего с другими социалистическими странами, а что представляет собой национальную специфику, каково значение этой специфики для Китая и всей мировой социалистической системы.

В целом же следует подчеркнуть, что авторами проделана огромная работа по отбору правовых норм и относящихся к их реализации фактов, цифр, высказываний представителей китайской теории и практики. Проведенное исследование позволило авторам прийти к обоснованным обобщениям и выводам по подавляющему большинству рассмотренных проблем. И думается, не вина, а беда авторов в том, что по отдельным вопросам им не удалось найти достаточно представительный фактический материал. Тем не менее они подготовили серьезный научный труд, имеющий значение для целого ряда направлений в рамках различных наук.

Что же касается изложенных в настоящей рецензии критических замечаний, то почти все они, как нетрудно видеть, не опровергают высказанных авторами суждений и оценок, а продиктованы преимущественно желанием увидеть в книге то, чего в ней еще нет. Это и понятно: голод на информацию о китайском опыте среди научных работников — юристов и политологов весьма силен, и одна монография, даже столь основательная, утолить его не в состоянии. Поэтому поздравим коллектив авторов с творческой удачей и будем с нетерпением ожидать результатов их дальнейших научных изысканий.

*Б. А. СТРАШУН,  
доктор юридических наук,  
профессор*



## Методом проб и ошибок

Гао. Шанцюань. Цзю нянь лайды Чжунго цзинцзи тичжи гайге (9 лет реформы экономической системы в Китае), Жэньминь чубаньшэ, Пекин, 1987, 186 с.

Рецензируемая книга представляет интерес уже потому, что содержит первичный анализ 9-летнего опыта экономической реформы в Китае и написана заместителем председателя Государственного комитета по реформе экономической системы Гао Шанцюанем, который непосредственно участвует в осуществлении реформы.

В предисловии, написанном известным китайским экономистом Сюэ Муцяо, дается краткая характеристика состояния экономики Китая в годы, предшествовавшие реформе, и отмечаются основные достижения в области экономической теории в ходе 9-летнего проведения реформы. Сюэ Муцяо выделяет два важнейших «прорыва» в теории: 1) решение вопроса о соотношении планового и рыночного начал в экономике и 2) определение стадии экономического развития Китая. Он показывает, как постепенно происходила эволюция взаимодействия плана и рынка от их первоначального противопоставления до теснейшего переплетения и взаимовлияния через этап их параллельного независимого сосуществования в рамках одного хозяйственного механизма.

Положение о том, что Китай находится на начальном этапе строительства социализма в известной степени развязало руки китайским исследователям, дав возможность теоретически обосновать допустимость для Китая различных форм распределения (в том числе не по труду), а также неизбежность существования различных экономических укладов (с учетом активного развития индивидуальных и даже частных хозяйств). Вместе с тем автор говорит и об отставании экономической теории от практики хозяйственного строительства. Необходимо заметить, что этот тезис весьма характерен для китайской действительности: экономическая реформа в Китае представляет собой серию различных по формам и масштабам экспериментов, в ходе которых выявляется жизнеспособность тех или иных хозяйственных форм. Однако, не имея теоретических разработок, моделирующих возможные варианты развития, экономическая реформа нередко идет методом проб и ошибок. В этом, на наш взгляд, заключается известная слабость реформы. Гао Шанцюань, раскрывая историческую необходимость и теоретические основы реформы, считает, что реформа на-

правлена на совершенствование и развитие социализма, на выявление его преимуществ по сравнению с капитализмом. Реформа, по его мнению, нацелена на устранение недостатков старой хозяйственной системы и создание новой системы, соответствующей модели социализма, «наполненной жизненной силой» (с. 4).

Автор отмечает, что проведение экономических реформ является характерной чертой развития не только Китая, но и социалистических стран в целом. Начиная с Югославии, которая в 1950 г. сделала попытку внедрить самоуправление предприятий, и кончая СССР, который провозгласил курс на ускоренное социально-экономическое развитие страны, в основе которого лежит реформа хозяйственного механизма, социалистические страны встали на путь отказа от традиционной модели хозяйствования, основанной на чрезмерном централизме. Реформы в социалистических странах рассматриваются автором как объективная потребность развития их хозяйственных механизмов (с. 16).

Большое внимание уделено автором успехам, достигнутым в ходе 9-летнего осуществления экономической реформы. Крупнейшим итогом 9-летнего осуществления экономической реформы являются существенные изменения в облике китайской деревни. Это связано прежде всего с отказом от повсеместной коммунизации и введением системы подворного семейного подряда, которым к настоящему времени охвачено 98 % крестьянских хозяйств. Вторым важнейшим фактором, оказавшим стимулирующее воздействие на развитие сельского хозяйства, стали изменения в системе закупочных цен. Так, например, в 1979 г. закупочные цены были повышены на 20,1, а в 1980 г. — на 8,1 %. Это позволило сократить ножицы цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства. В 1979—1980 гг. доходы крестьян увеличились на 46 млрд. юаней (с. 18). С 1985 г. ликвидирована система централизованных закупок сельскохозяйственной продукции, совершается переход к закупкам на основе контрактов. По мнению автора, этот шаг упрочил основы новой хозяйственной системы в деревне, способствовал вступлению китайской деревни на путь плановой товарной экономики.

За годы реформы удалось провести первоначальное упорядочение производственной структуры сельского хозяйства. Государство с помощью материальных ресурсов и кредитов поддерживает развитие на селе предприятий промышленности, торговли и транспорта, поощряет строительство различных сооружений. Особого внимания заслуживает быстрое развитие волостных и поселковых предприятий, количество которых к 1986 г. достигло 15,15 млн. и на которых занято 20,9 % всех сельских тружеников (с. 22). Автор, отмечает, что эти предприятия представляют собой иллюстрацию китайского варианта урбанизации страны, значительно отличающегося от

процесса урбанизации на Западе. Западный вариант урбанизации основан на поглощении сельского населения и доходов деревни в целях развития городов. Китайская же стратегия урбанизации нацелена на интеграцию города и деревни, выражающуюся в размещении производительных сил промышленности в деревне и в переливе избыточной рабочей силы деревни на эти предприятия, т. е. крестьянин «отрывается от земли, но не отрывается от деревни» (с. 23). На наш взгляд, китайский вариант урбанизации заслуживает самого серьезного изучения и является одной из важных специфических черт осуществления реформы в сельском хозяйстве.

Одним из важнейших достижений 9 лет реформы является, по мнению Гао Шанцюаня, упорядочение структуры собственности и развитие многообразных форм хозяйственной деятельности, что выразилось в переходе от одной общественной формы собственности к сосуществованию различных форм собственности при сохранении ведущей роли общественной собственности и разделению права собственности и права хозяйствования. Активно внедрялись такие формы хозяйственной деятельности, как подряд и аренда. Так, например, к середине 1987 г. 51,8 % крупных и средних промышленных предприятий страны работали по подрядным принципам, а мелкие государственные промышленные предприятия начали передаваться в аренду. По данным статистики Шэньяна, Ухани и еще четырех городов, к 1986 г. 6,5 % всех промышленных предприятий были сданы в аренду (с. 25).

Автор анализирует ход реформы в области кредитно-финансовой системы, системы цен и зарплаты, раскрывает сущность реформы в сфере обращения, подводит первые итоги преобразований в области науки, техники и образования (с. 37—68).

Результативность реформы в Китае сегодня определяется тем, в какой степени она способствует развитию производительных сил. С этой точки зрения 9 лет реформы, отмечает автор, не только обогатили марксистскую экономическую теорию, но и способствовали развитию экономики Китая и повышению уровня жизни народа. В подтверждение своих слов он приводит данные об изменении производственной структуры: соотношение трех секторов в экономике\* страны в 1980 г. составляло 30,8:48,2:21,0, а в 1985 г. — соответственно 29,8:44,5:25,7. Более рациональным стало соотношение между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью: в 1978 г. — 27,8:31,1:41,1, а в 1986 г. — 34,1:31,5:34,4 (с. 69). Укрепился экономический потенциал страны. В сопоставимых ценах к 1986 г. ВВП возрос на 102 % по сравнению с 1978 г., национальный доход — на 95 %, финансовые доходы государства — на 98 %, внебюджетные средства в от-

раслях, на предприятиях и на местах возросли в 4,8 раза. По показателям валового производства электроэнергии, стали, угля, и нефти в 1978 г. Китай занимал соответственно седьмое, пятое, третье и восьмое место в мире. К 1986 г. по этим же показателям он вышел на пятое, четвертое, второе и пятое место в мире (с. 71).

Произошли заметные изменения и в жизни народа. Чистый доход крестьян со 134 юаней в 1978 г. увеличился до 424 юаней в 1986 г. В структуре потребления снизился удельный вес продуктов питания, улучшилось положение с обеспечением жильем. В городах доходы, используемые на потребление увеличились за тот же период с 316 до 828 юаней. Сумма вкладов населения в сберкассах возросла с 21 до 230 млрд. юаней. В городах и поселках было трудоустроено 60 млн. чел. Снизился коэффициент «ожидающих работу» (с. 5, 3 до 2,0). Разница в уровне потребления городских и деревенских жителей сократилась с 1:2,9 в 1978 г. до 1:2,3. Произошли изменения в структуре потребления, связанные с быстрым ростом товаров длительного пользования. По данным выборочного обследования ГСУ КНР, в 1986 г. на 100 семей городских жителей приходилось 60 стиральных машин, 52 магнитофона, 12 фотоаппаратов, 13 холодильников, 27 цветных телевизоров (с. 71).

Отдельный раздел автор посвящает расширению связей с внешним миром, рассматривая открытую политику как неизбежную тенденцию общественного развития, а также открытости внутри страны как результату отказа от старых, замкнутых организационных структур, препятствовавших развитию страны как единого целого. Положительно оценивая процесс привлечения иностранного капитала, техники, технологии и передового опыта управления, Гао Шанцюань приводит следующие данные: к 1986 г. сумма иностранных займов превысила 20 млрд. ам. долл., было создано более 7700 различных типов предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале, а также полностью основанных на иностранном капитале. Активизация внешнеэкономических связей Китая выразилась также в увеличении объема внешней торговли, который достиг в 1986 г. 73,86 млрд. ам. долл. (с. 77).

В главе, посвященной изучению девятилетнего опыта экономической реформы, автор анализирует связь реформы с экономическим развитием и ростом производства, ход выполнения трех главных задач реформы (оживление деятельности предприятий, развитие рынка и переход к косвенному управлению), рассматривает проблемы сочетания различных экономических интересов разграничения функций центральных и местных органов, вопросы правового обеспечения мероприятий реформы, необходимость реформы политической системы как одного из условий дальнейшего развития экономической реформы и ряд других вопросов. На наш взгляд, особый

\* т. е. сельского хозяйства, промышленности и строительства.

интерес представляют рассуждения автора о характере дальнейшего осуществления реформы и о взаимодействии элементов плана и рынка в экономике Китая.

Касаясь перспектив развития реформы, Гао Шанцюань отмечает две основные точки зрения. Сторонники одной из них предлагают — проводить реформу поэтапно, ссылаясь на отсутствие достаточного опыта в этом новом деле. Сторонники другой — выступают за проведение комплексной реформы в соответствии с тщательно разработанным планом. По мнению автора, обе точки зрения имеют свои плюсы и минусы, поэтому он выступает за разработку наряду с краткосрочными также среднесрочного плана реформы, однако этот план должен носить индикативный характер, быть гибким и подвижным, чтобы постоянно корректироваться и совершенствоваться с учетом накапливаемого опыта (с. 114). Комплексная реформа является целевой моделью VII пятилетки. Эта комплексность отражается в выполнении трех главных задач, о которых речь шла выше. Три задачи представляют собой главные особенности новой хозяйственной системы, они взаимосвязаны, находятся в единстве и требуют комплексного подхода, поэтому, по мнению автора, необходимо проводить комплексную реформу, затрагивающую изменение системы планирования, материально-технического снабжения, ценообразования, кредитно-финансовой системы и др.

Принципиальный характер, на наш взгляд, носит понимание взаимодействия планового и рыночного начал в экономике. Утвержденный в Китае тезис о плановой товарной экономике исходит из единства плана и рынка, из органического сочетания плановой и товарной экономики. Свое конкретное воплощение сочетание плана и рынка находит в сокращении сферы директивного планирования и расширении границ направляющего планирования и рыночного регулирования. По мнению автора, создание социалистической товарной экономики, основанной на общественной собствен-

ности на средства производства, является иллюстрацией единства плана и рынка (с. 99).

В перспективе предполагается создать систему различных видов социалистического рынка, включая рынки средств производства, денежных средств и трудовых услуг в качестве основы и рынки техники, информации и недвижимого имущества в качестве дополнения. Эти виды рынков будут взаимосвязаны, дополняя друг друга, оказывая взаимное стимулирующее воздействие и представляя собой единое целое. Однако из-за серьезных различий в уровне развития производительных сил отдельных районов Китая, их изолированности друг от друга, а также вследствие того, что в рыночной деятельности участвуют различные экономические уклады, создание рыночной системы, по мнению Гао Шанцюаня, должно идти по пути формирования региональных рынков, из которых сложится единый национальный рынок (с. 103).

В последней главе, посвященной созданию нового хозяйственного механизма, соответствующего социалистической товарной экономике с китайской спецификой, автор довольно подробно рассматривает особенности начального этапа строительства социализма в Китае как исходного пункта социалистической товарной экономики, как этапа перехода от традиционной экономики к экономике, использующей все новейшие достижения науки и техники, как этапа углубления экономической реформы и замены старого хозяйственного механизма новым, в основе которого будут лежать экономические методы управления народным хозяйством, учитывающие действие закона стоимости.

В приложении к данной работе содержится перечень основных событий экономической реформы, составленной в хронологическом порядке, и несколько статистических таблиц.

*И. А. БАЛЮК*

## В Новом «Великом походе»

Наташа Сильна, Ярослав Шкваржил. Китай: со дня вчерашнего по сегодняшний. Братислава, «Смена», 1987.

Что же послужило импульсом к созданию этой книги о Китае? Вот как отвечают на этот вопрос сами авторы в предисловии: «...Когда

мы в конце 1982 года вернулись из Китайской Народной Республики, где были полгода, то убедились, что на родине нас ожидал буквально водопад вопросов: «А что, собственно говоря, представляет из себя нынешний Китай? Правда ли, что китайцы уже не должны носить синюю или зеленую униформу? Как живет средняя семья в Пекине? Удастся ли китайцам успешно проводить в жизнь их реформы? Повлияла ли «культурная революция» на сознание молодежи?»

И так далее. И тому подобное.

Нас засыпали вопросами друзья и знакомые, случайно встреченные на улице, а некоторые даже звонили нам домой, приглашая к себе на беседу. «Приезжайте, порасскажите нам о...» О чем же? Ну, конечно, о Китае, стране, которая до сих пор в отличие от других

государств сохранила в себе удивительный аромат экзотики и еще, кажется, она владеет какой-то тайной. Может быть, она укрыта за знаменитой Великой китайской стеной? Кстати, про нее говорят, что это — единственное творение рук человеческих, которое можно лицезреть даже с Луны!

Свою книгу авторы адресуют прежде всего молодому читателю. Но отнюдь не тому, кто любит занимательную интригу, захватывающий сюжет, кто в поисках острых ощущений готов, хотя бы мысленно, преодолевать тысячи километров.

Нет, эта книга совсем для другого читателя. Вдумчивого и неторопливого. И авторы могли бы назвать ее по-иному. Например, так: «Малая энциклопедия Китая». В ней масса сведений о самых разных сторонах жизни этой удивительной страны. Есть таблицы с процентами, квадратными километрами и всевозможными цифрами. Дотошный читатель может узнать много интересного о рельефе Китая, его полезных ископаемых и водных ресурсах, о климате этой страны, ее флоре и фауне. И еще — об административном делении, различных провинциях, городах. Об истории Китайской Народной Республики, ее политической системе, об экономике в разные периоды — от обновления в 1949—1952 гг., первой пятилетки, «большого скачка» до нынешних хозяйственных преобразований.

Отдельные главы повествуют о разных отраслях промышленности и сельского хозяйства, о системе школьного образования, о языке и письменности (разумеется сведения только самые основные). Еще авторы рассказывают о китайской литературе, изобразительном искусстве и архитектуре, о развитии физкультуры и спорта.

Словом, как видите, название «Малая энциклопедия Китая» вполне подходит к этому изданию. Причем, авторы побывали в КНР дважды, собрали огромный материал. Впервые они приехали сюда в 1982 г. Второй раз — спустя четыре года. В общей сложности они провели в этой стране более года.

Вторая поездка проходила при более благоприятных условиях для иностранных журналистов. Многие провинции и города, куда прежде чужеземцам въезд был запрещен, стали «открытыми» зонами. Авторы побывали не только в Пекине, Шанхае, Кантоне или чудесном городе садов Сучжоу, но и в Ланьжоу, Урумчи, Чэнду, Куньмине и даже в тибетской Лхасе. И контакты с самими китайцами стали проще, люди более открытвенны, разговорчивы, внутренне свободнее.

Китай — огромная страна! Это знает любой. И путешествовать по ней можно разными транспортными средствами. И с помощью авиации, и по железным дорогам, и по шоссе, и по рекам. Можно передвигаться с помощью велосипедов или же просто шагать на своих двоих с рюкзаком за плечами. Кажется, авторы использовали все эти средства, примечая

во время своего странствия все самое интересное и самобытное. Они видели, какие огромные перемены происходят в китайском обществе, с помощью фантазии пытались даже заглянуть в будущее. И всегда в центре их внимания были люди.

«Сегодняшний Китай — это прежде всего сами китайцы, люди гордые, трудолюбивые и оптимистичные, — отмечают авторы книги. — На каждом шагу мы видели перемены в их жизни, видели прогресс и динамику развития. Там, где всего четыре года назад лепились друг к другу жалкие лачуги, ныне возвышаются современные здания. Возникли огромные новые жилые массивы, новые учебные и торговые центры... Можно сказать: они растут, словно «грибы после дождя!» Нас поразило, как быстро строят китайцы. Каркас большого здания готов уже через два месяца, а весь дом-великан менее, чем за год!»

Пожалуй, особенно бросаются в глаза изменения в развитии транспорта, замечают авторы. Раньше, как известно, самым популярным средством передвижения здесь был обычный велосипед, а теперь на улицах видишь множество легковых автомобилей. В городах широко развита сеть троллейбусного и автобусного сообщения.

В Пекине прокладывается второе внешнее кольцо автострады. Работа будет завершена, как считают строители, к открытию XI Олимпийских игр стран Азии (они пройдут в Пекине в 1990 г.).

Новая экономическая политика, предоставление предприятиям большой самостоятельности, по мнению авторов книги, сулит прекрасные перспективы. Жизнь становится более зажиточной. К 2000 г. каждая семья будет обеспечена отдельной квартирой или собственным домом.

Немало внимания уделяют авторы действиям КНР на международной арене, ее борьбе за то, чтобы мир на Азиатском континенте был более прочным. Как известно, Китай выступает против милитаризации космического пространства и планов «звездных войн» США, за запрещение химического и бактериологического оружия. В этом вопросе он поддерживает инициативы СССР и других стран социалистического содружества.

Наташа Сильна и Ярослав Шкваржил вспоминают о своих встречах с рабочими и крестьянами, студентами и педагогами, партийными работниками и учеными.

«Мы убедились, что простые китайцы дружелюбны и гостеприимны. Они мечтают жить в мире, спокойно работать и учиться, растить детей, думать о будущем... Они проявляют живой интерес к событиям в мире, в частности к тем, что происходят в странах социалистического содружества», — пишут авторы книги. И далее замечают: «Китайцы, конечно, знают, что их ожидает немало трудностей и проблем на пути преобразования общества. Многие трудности и проблемы перекочевали из прошлого. Иные поставило

перед людьми новое время. Но в будущее жители КНР смотрят спокойно и уверенно. И их планы охватывают не только конец нынешнего столетия, но и начало XXI в. Видимо, к середине будущего столетия Китай превратится в одну из самых высокоразвитых стран мира...

Так думают авторы книги, чехословацкие журналисты. Завершая свой рассказ, они пишут: «Мы часто слышали в Китае о новом «Великом походе». Это символ новейшей

истории страны, символ того пути, который предстоит пройти ее народу. Это продолжение революции китайских трудящихся, коммунистов, их борьбы против реакции, сил агрессии и всего отжившего. «Великий поход» — это национальный символ, который напоминает о героизме, воле и мужестве народа древней страны».

И. К. ЧАЙКО

## Ключ к эффективности

М. Моритани. Современная технология и экономическое развитие Японии. Сокр. пер. с англ. М., «Экономика», 1986, 264 с.

Быстрый рост индустриального потенциала Японии, по своим темпам опережающий развитие других капиталистических стран, породил ставшее уже традиционным представление о Японии как об «экономическом чуде», «технологической сверхдержаве», безусловном лидере научно-технического прогресса. К началу 80-х гг. Япония практически обошла Западную Европу по своему научно-техническому развитию и неуклонно сокращает пока еще существующий разрыв с США. Высокие темпы предсказываются японскими специалистами и на перспективу. Факторы, обусловившие столь значительные успехи в экономическом развитии, многочисленны, их анализу посвящен целый ряд серьезных исследований у нас в стране и за рубежом. Ученые единодушны в оценке таких специфических факторов эффективности японской экономики по сравнению с другими капиталистическими странами, как особая форма организации и управления производством, а также сочетание национальных традиций с требованиями современной технологии. Не случайно к началу 80-х гг. в США и Западной Европе интерес к специфике японского управления превратился в настоящий бум: западные специалисты ищут в тайнах японского менеджмента рецепты роста эффективности и качества. Этим же определяется интерес к генезису и специфике японской системы управления у нас в стране.

Рецензируемая книга одного из ведущих японских специалистов в области научно-технического прогресса Масанори Моритани привлекает поэтому особое внимание. Данная работа представляет собой исследование до-

стижений и перспектив промышленно-технического потенциала Японии, анализ ее позиций в области передовой технологии через призму управленческих аспектов японской индустрии. В современных условиях, когда динамичное развитие экономики немисливо без освоения передовых рубежей науки и техники, естественно желание познакомиться с прогрессивным опытом и содержанием важнейших нововведений, прогнозами их использования. В основе книги лежит обширный фактический материал, раскрывающий причины, позволившие Японии занять передовые позиции в мировом научно-техническом прогрессе. Соответственно в структуре книги можно выделить две взаимосвязанные линии исследования — анализ приоритетных направлений развития технологии в современных условиях и обеспечивающей его японской модели научного потенциала, с одной стороны, и специфических национальных форм управления этими процессами — с другой.

Рассматривая различные аспекты технического прогресса в области микрокомпьютеров и волоконной оптики, М. Моритани справедливо полагает, что в ближайшем будущем эти изобретения, положившие начало новой технологической эре, окажут влияние на все стороны человеческого бытия. В книге дан детальный анализ причин мощного воздействия полупроводниковой технологии на экономическое развитие японского общества и его образ жизни. Так же, как в свое время массовое производство автомобиля послужило стимулом роста американской индустрии в целом и превратило автомобиль в символ Америки XX в., массовое освоение полупроводниковой технологии явилось, по мнению М. Моритани, важнейшим импульсом развития целого спектра различных отраслей промышленности Японии, обеспечивающим изменение экономики страны в целом.

В настоящее время японские фирмы осуществляют выпуск электронного оборудования, объем которого равен примерно половине американского. Однако в деловых кругах США уже высказываются опасения, что американские производители электроники и оборудования в скором времени могут оказаться зависими от Японии в поставках полупроводников. Японо-американское противостояние затронуло и многие другие сферы экономи-

ки — ключевые отрасли тяжелой промышленности, производство многих потребительских товаров и даже автомобилестроение. Известно, что США, где впервые в мире было налажено серийное массовое производство автомобилей, трансформировавшее экономику и привычный образ жизни американцев, многие десятилетия оставались лидером мирового автомобилестроения. На обширном конкретном материале М. Моритани рассматривает причины, позволившие Японии занять ведущее место в этой области. Главная из них состоит, как убедительно показано в книге, в изучении меняющихся запросов потребителей. Япония выпускает автомобили, конструкция которых обеспечивает экономичность расходования топлива и отвечает высоким экологическим стандартам. Не менее насущной оказалась проблема создания энергосберегающих технологий, особенно актуальная для страны, импортирующей 85 % сырьевых и энергетических ресурсов.

Проводя сопоставление научно-технических потенциалов развитых капиталистических стран, М. Моритани не мог, разумеется, оставить вне поля зрения производство и использование промышленных роботов — область, в которой японские производители захватили безусловное лидерство. Перспективы развития этой отрасли связаны с синтезом таких основополагающих компонентов современного производства, как информация, связь, машины и механизмы. Примерами такого синтеза служат гибкие автоматические системы, автоматизированное проектирование и робототехника. Речь идет о практическом создании системы производства, предполагающей автоматизацию всех стадий производственного цикла от проектирования и производства до отгрузки готовых изделий.

Автор прав, когда пишет, что обострение конкурентной борьбы и усиление позиций Японии в капиталистическом мире не является лишь эпизодом в практике экономических отношений двух стран или случайным результатом удачной государственной политики Японии. Однако причины конкурентных преимуществ Японии неправомерно сводить, как это склонен делать автор, лишь к национальным традициям. Они коренятся в качественных сдвигах современного производства, в закономерностях перехода к новому интенсивному способу воспроизводства, повышенной эффективности, основанной на них, чем прежде, принципах мобилизации живого труда, способах его включения в производственный процесс. М. Моритани уделяет самое пристальное внимание указанным принципам, и хотя он связывает их со спецификой японской национальной модели управления, многие из них имеют интернациональный характер, применимы в различных экономических условиях. Именно поэтому книга М. Моритани интересна и советскому читателю. Известно, что на необходимость внимательного изучения и использования достижений организационно-технической стороны ка-

питалистического производства неоднократно указывал В. И. Ленин. Ленинский подход к использованию прогрессивного опыта развитых капиталистических стран приобретает особую актуальность в условиях перестройки нашей экономики, практической реализации стратегии социально-экономического развития страны.

Важнейшей составной частью японской системы является, указывает М. Моритани, высокий уровень кооперации между подразделениями японских фирм, которую автор характеризует как «открытость» внутренней структуры корпораций (с. 55). В организационных структурах управления японских фирм весьма велика роль органов, обеспечивающих горизонтальные связи на разных уровнях управления — различного рода постоянно действующие совещания руководителей разных рангов; комитеты, включающие представителей разных подразделений и служб. Подобные группы могут формироваться как формальные (штатные) и как неформальные, временные подразделения — например, группы контроля качества. Групповая ответственность и групповое стимулирование являются центральными моментами японской организационной структуры управления. Значение указанного подхода к решению управленческих задач автор раскрывает на примере кружков качества, деятельность которых привлекает внимание во всем мире. Это тем более оправданно, что само понятие «качество» ассоциируется у японцев с понятием «совершенство», а действующий принцип «ноль дефектов» как стандарт качества работы позволил добиться на сегодняшний день наивысшего в мире качества промышленных товаров. Стержнем японской системы контроля качества является участие в этом процессе всего персонала завода — от руководителей производственных участков, конторских работников до мастеров и рядовых рабочих. Думается, что содержащаяся в книге подробное описание деятельности кружков качества в японских корпорациях вызовет живой интерес советского читателя.

Значительное место в книге отведено исследованию морально-психологического климата в японских компаниях. М. Моритани на широком фактическом материале показывает, что в центре внимания японской системы управления находятся человеческие ресурсы, персонал. И это не случайно. Успехи японского капитала связаны прежде всего с тем, что Япония раньше других стран сумела уловить новые требования к организации производства, адекватные уровню развития производительных сил на современном этапе научно-технического прогресса. Во все более автоматизируемом производстве объективно возрастает роль человека, управляющего сложными процессами, повышается его ответственность за точность выполнения технологических требований, ибо дорогостоящее оборудование и возможные опасные экологические послед-

ствия увеличивают цену ошибки. Новая технология выдвигает новые требования к рабочей силе, а следовательно, и к организации управления, взаимодействия людей в производстве. Такова объективная нацеленность всей системы японского управления: практика пожизненного найма рабочих и служащих в крупных корпорациях и учреждениях, система оплаты и служебного продвижения «по старшинству», система принятия решений «рингисэй», а также ярко выраженная национальная форма, придаваемая этим методам и процедурам, о чем весьма интересно и остроумно рассказывает автор на страницах рецензируемой книги. Однако главное в этой системе — не национальная форма, а ориентация на использование потенциала кооперации труда, его мотивации, которые и позволили достичь столь впечатляющих успехов.

Серьезный научный и практический интерес представляют рассуждения М. Моритани о роли духовного потенциала в экономике страны. Автор объединяет материальную и духовную культуру, возражая против противопоставления человеческого духа («культуры») и материальных объектов («вещей»). «Если техника страны — продукт ее культуры, тогда культура и дух страны должны воплощаться в ее промышленной продукции» (с. 145). М. Моритани признает, что большинство производимой Японией продукции разработано в США и Европе, но применяя эти разработки в самобытных условиях, Япония придала выпускаемым товарам неповторимое национальное своеобразие: миниатюрность, высокое качество, надежность и т. д. Он подчеркивает: чтобы понять природу индустриальной мощи Японии, воспринять что-либо из японского опыта, надо «...изучить культурные, социальные и исторические корни, взрастившие мощь Японии» (с. 30). Эти корни автор видит в высоком уровне массовой культуры, достигнутой в период Эдо. «Традиционное мастерство «бонсай» и «нэцке» — кропотливый труд, создающий изысканные миниатюрные шедевры. — живет в производимых сегодня миниатюрных и высокоточных промышленных изделиях» (с. 29). Автор неоднократно возвращается к этому утверждению, опираясь на бесспорный тезис о неразрывной связи материальной и духовной культур. Успехи японского дизайна, создание продукции, значительно превосходящей стандартные требования к эстетическому оформлению, — это результат влияния все более утонченных запросов потребителей, которые в свою очередь испытывают мощный прессинг японской индустрии.

Однако, как отмечает М. Моритани, «ныне Япония усвоила все, что Европа и Америка могли в этом плане представить» (с. 44) и, следовательно, дальнейший рост Японии должен опираться на собственные НИОКР. Современный этап научно-технической революции, связанный с появлением сложнейших технологических будущего, требует решения таких научных задач, которые под силу только людям

высокого творческого потенциала. «Возник спрос на творчество» — таков вывод автора. Это наблюдение заставляет его критически проанализировать существующую систему отбора и подготовки специалистов, которую он характеризует как «экзаменационный ад», порождающий почти патологическую озабоченность результатами тестирования. Эта практика, справедливо полагает автор, позволяет выявлять «просто способных студентов», но не отбирать, а тем более формировать творческие личности. А между тем «сейчас Япония остро нуждается не в одинолкей массе просто способных студентов, а в людях, необычайно одаренных, неортодоксальных, в людях, располагающих потенциалом для решения самых сложных задач» (с. 139). И автор прав, выражая опасение, что «индивидуальности, способные посвятить себя долгим и одиноким восхождениям по непроторенным путям... пополняют ряды отринутых действующей системой образования» (с. 139).

Рассуждения автора высвечивают болевые точки и нашей системы подготовки специалистов. Как известно, решения февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС ориентируют на умножение именно творческого потенциала нашей страны. Выполнение этой задачи требует учета положительного и отрицательного опыта других стран. Конечно, конкуренция и изобретения в Японии тесно связаны, но коль скоро возникают новые запросы современного научно-технического развития, а именно, запросы в творчестве, то необходимы и адекватные механизмы жизнеобеспечения творческого процесса, опирающиеся на имманентные законы творчества. Не случайно М. Моритани особо останавливается на характеристике слагаемых творчества. Каковы они? Во-первых, наличие талантов, а значит, и создание принципиально иной системы отбора абитуриентов и сотрудников, способной выявлять таланты. Во-вторых, создание условий для деятельности, отмеченной импровизацией и «духом игры». «Исследователь должен идти на риск», — утверждает автор. Ориентация на «прибыльную» технологию хороша в разумных пределах. Автор приходит к парадоксальному, с точки зрения бизнесмена, выводу, что отсутствие в японских корпорациях, занятых НИОКР, примеров действительно крупных неудач свидетельствует об «ограниченности замыслов у слишком робких исследователей, играющих только на выигрыш» (с. 140). Поэтому необходимо отойти от традиционных приемов управления и «создать такую атмосферу, которая не ограничивала бы исследователей в проявлении творческого начала» (с. 141—142). В-третьих, нужна настоящая, сильная, настоятельная потребность в творчестве. Поэтому «формирование современной национальной культуры и соответствующего образа жизни» (с. 145) автор рассматривает как важнейшее условие творческого отношения к любому делу.

Подчеркнем, что многие стимулы экономи-



ческого роста Японии принципиально чужды социалистической системе хозяйствования. Но независимо от того, какие общественные потребности и процессы стоят за научно-техническим развитием различных стран, объективно для всех индустриально развитых стран мира — капиталистических и социалистических — общим является перемещение центра тяжести на наукоемкие и технологические интенсивные отрасли, интернационализация исследований и разработок, необходимость создания экологически чистых производств, внедрение ресурсо- и трудосберегающей технологии и т. д. Это порождает и потребность в создании таких организационных и экономических структур производства, которые были бы восприимчивы к новациям и требованиям высокого качества продукции. Они требуют комплексного, системного подхода к решению социально-экономических задач, то есть обеспечению благоприятных социальных условий, стимулирующих высокопроизводительный, квалифицированный, ответственный и добросовестный труд.

Они предполагают осуществление реформы подготовки специалистов различных уровней, формирование творческих личностей. Было бы наивно искать ответы на все эти сложнейшие вопросы в книге М. Моритани. Но пожелание автора, чтобы его книга помогла читателям не только понять место Японии в мире, но и «стала стимулом к развитию в других странах собственных специфических и сильных качеств, в какой-то, пусть в малой мере вносящих вклад в их технологический рост», — вполне оправданно и приемлемо.

*Н. Ф. БУЧИЛО,*  
кандидат филологических наук

*И. Г. ЧЕРНЯКОВА,*  
кандидат экономических наук

## Современная японская культура: пути формирования

Л. Д. Гришелева. Формирование японской национальной культуры (конец XVI — начало XX века). М., «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1986. 286 с. + илл.

Проблема генезиса современной японской национальной культуры привлекает внимание специалистов как в самой Японии, так и за ее пределами. Однако часто при трактовке явлений японской культуры недостаточно учитывается действие всеобщих закономерностей культурного процесса и его внутренней диалектики, ряду образцов и даже целым течениям японской культуры приписываются черты, ставящие их в исключительное положение в истории мировой культуры. Такой подход в исследованиях зачастую используется для доказательства «превосходства национального художественного и духовного наследия» Японии, «уникальности ее культурных традиций», якобы не имеющих себе аналогов и ставящих японскую нацию в особое положение. Само собой разумеется, что

при обсуждении достоинств и недостатков произведений искусства, а также социально-идеологического содержания культурного процесса возможна немалая амплитуда колебаний мнений и взглядов. Однако совершенно ясно, что к наиболее правильным выводам и суждениям по данному вопросу могут привести лишь такие методологические принципы культурологического анализа, которые опираются на подлинно научное, материалистическое толкование истоков общественной и духовной жизни и самих начал творческой деятельности во всех ее сферах.

Недавно в издательстве «Наука» вышла новая книга известного советского исследователя японской культуры Л. Д. Гришелевой, в которой сделана успешная попытка дать ответ на ряд ключевых вопросов истории ее становления и развития сквозь призму общественно-политической роли различных культурных сфер, анализа их связи с материальной и духовной жизнью японского народа.

В монографии Л. Д. Гришелевой национальная культура Японии рассматривается как достояние общности людей, складывавшейся в ходе возникновения и утверждения в стране капиталистического способа производства. На основе марксистско-ленинской методологии прослеживается процесс становления духовной культуры японской буржуазной нации в ходе ее формирования, с момента



образования централизованного государства и зарождения капиталистических отношений в недрах феодального строя и до утверждения Японии на международной арене в качестве империалистического государства.

Общие тенденции в развитии духовной культуры нации характеризуются на основе тех ее областей, где они проявились наиболее отчетливо. Среди них — общественно-политическая мысль, религия, просвещение, книгопечатание и издательское дело, театр, музыка, изобразительное искусство, архитектура, декоративно-прикладное искусство и бытовая культура. Основное внимание при их рассмотрении уделяется социально-политическим аспектам культурного процесса, что придает книге особую актуальность.

В работе Л. Д. Гришелевой исследуется механизм взаимопроникновения культур различных сословий феодальной Японии (придворной аристократии, воинского сословия, городских слоев) и их формирование в единый общенациональный комплекс традиционной культуры. Рассмотрено также взаимодействие этого комплекса с широким потоком западной культуры, оказавшей на культурный процесс в Японии влияние, неоднозначное по своему общественно-политическому и эстетическому значению.

Автор подробно анализирует основные исторические этапы становления культуры Японии, выявляет ее связи с общественно-политической и духовной жизнью страны. Оцениваются и характеризуются социально-политические условия и некоторые течения общественной мысли Японии, оказывавшие влияние на формирование тех особенностей мировосприятия и эстетических воззрений, которые в эпоху ломки феодальных отношений легли в основу складывавшейся национальной культуры. Особо подчеркивается мысль, что в период образования централизованного японского государства на рубеже XIV—XVIII вв. религиозное мировосприятие буддистского толка под воздействием утвердившихся в обществе социально-политических и экономических реалий начало терять свое монопольное положение. В таких условиях усиливались антиклерикальные, гуманистические взгляды на человеческую жизнь, что нашло отражение во всех сферах бытия. Возросло влияние конфуциан-

ства, рассматривавшегося в качестве учения, необходимого для ведения и организации гражданских дел. К этому же времени относится начало контактов Японии с западной цивилизацией. Единая для всех культур мира закономерность, выражавшаяся в постепенном утверждении светской морали и ослаблении религиозного влияния, наглядно проявилась и в Японии, хотя в период изоляции страны (XVII — первая половина XIX в.) произошла определенная консервация традиционных взглядов в рамках конфуцианства, буддизма и синтоизма.

Большое внимание в книге уделено заключительному этапу культурной эволюции, завершившейся становлением тех форм и видов творческой деятельности во всех ее проявлениях, которые составляют ныне содержание чрезвычайно разнообразной культуры японского народа, вбирающей в себя различные течения и направления. Автор особо подчеркивает, что в конце XIX в. в ходе буржуазных преобразований, последовавших за революцией Мэйдзи, поток западной культуры буквально захлестнул страну, вызвав серьезные изменения в образе жизни, в моральных и духовных ценностях общества. При анализе этого важного этапа истории культурного наследия автор исходит из марксистского положения о сущности мировых процессов, сопровождающих развитие капитализма. В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «На смену старой местной и национальной замкнутости... приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными»<sup>1</sup>.

В монографии наглядно, с использованием большого фактического материала показан процесс усиления всесторонней связи Японии с западным миром и отхода от идей национальной замкнутости под воздействием интенсивного развития в стране капиталистических производственных отношений. Заметим, что основные усилия правящего класса в тот период были направлены на заимствование западной

материальной цивилизации. Что же касается западных духовных ценностей, то господствующие круги стремились к распространению тех из них, которые в наибольшей степени соответствовали задаче упрочения абсолютистского режима, взявшего курс на проведение буржуазных реформ. Одновременно принимались меры для сохранения традиционных консервативных взглядов — синтоизма, ставшего государственной религией, а также буддизма и конфуцианства.

В исследовании Л. Д. Гришелевой показывается, как наряду с буржуазными культурными ценностями и представлениями реакционно-идеалистического толка в Японию с Запада проникали передовые общественно-политические взгляды, социалистическая идеология. Они стали основой новой демократической культуры. Автор пишет: «Распространение революционных социалистических идей сыграло чрезвычайно важную роль в формировании японской национальной культуры, предопределив развитие ее оппозиционного слоя, что в дальнейшем нашло яркое выражение в широком движении за пролетарскую культуру и в создании мощного лагеря демократической культуры, противоречащего лагерю культуры официальной» (с. 200).

Одной из наиболее удачных научных разработок, которыми так богато исследование Л. Д. Гришелевой, является трактовка понятий национализма нации угнетенной и нации угнетающей применительно к истории японской культуры и общественно-политической мысли. Исследование этой проблемы в книге увязано с анализом политико-идеологического содержания различных течений буржуазной культуры в Японии в период ее становления в конце XIX — начале XX в.

Известно, что после революции Мэйдзи проводимая сверху европеизация стала вступать в противодействие с мнением широкой общественности. Наплыв западных моделей и норм поведения, проникновение непривычных стереотипов мышления и мировосприятия в японскую среду вызвали протест, в котором проявилось стремление защитить сложившееся в стране национальное сообщество от угрозы духовного порабощения, отстаивать традиционное культурное наследие.

Поэтому представляется исключительно плодотворной мысль автора, утверждающего, что эта первая волна мэйдзийского национализма по характеру была близка к национализму нации угнетенной, обладающему определенным демократическим содержанием (с. 204).

Однако, как правильно отмечается в книге, доведенное до крайности стремление сохранить самобытность на основе отказа от всего иностранного стало превращаться в тормоз прогресса и в конечном итоге сомкнулось с правым национализмом и шовинизмом.

Проследившая дальнейшую эволюцию японского буржуазного национализма, автор дает емкие по содержанию, яркие по форме характеристики культурно-идеологического процесса на рубеже XX в. По мере продвижения Японии к империализму амбиции правящих националистов усиливались. «С середины 90-х гг., — говорится в книге, — Японию захватила вторая волна мэйдзийского национализма, который в это время носил совершенно другой, ярко выраженный агрессивный характер. Вопросы европеизации культуры отошли на задний план... Резкое усиление реакционности крупной японской буржуазии и ее экспансионистских устремлений оказало сильное влияние на формирование японской буржуазной культуры» (с. 207). Так национализм в Японии из идеологии нации, которая в условиях политической и духовной экспансии Запада находилась на положении нации угнетенной, превратился в национализм буржуазной нации, стремящейся к внешним захватам. Он использовался господствующим классом в качестве средства идеологического воздействия на население в период расширения империалистической агрессии с целью ее обоснования и оправдания. Особая роль при этом возлагалась на реакционные идеологические институты и формы, сохранившиеся в культурном наследии.

Несмотря на то что хронологические рамки исследования Л. Д. Гришелевой ограничены началом XX в., временем вступления Японии в число империалистических держав, монография весьма актуальна для наших дней.

Во-первых, она прямо подводит к выводу о том, что своеобразие японской культуры объясняется не какими-то исключительными качествами националь-

ного характера японцев, а особенностями исторического развития страны и что она создавалась усилиями всех слоев японского общества, хранит в себе коллективный творческий опыт многих поколений японцев, являясь достоянием всего народа.

В наши дни японская культура стала одной из существенных сфер противоборства правящих консервативных сил страны и широкой демократической общественности. И те, и другие обращаются к ней, но с различными целями. Первые, всячески подчеркивая «уникальный характер культурных традиций», стремятся использовать культуру для нагнетания националистических и шовинистических настроений с целью укрепления своего идеологического и политического господства. В отличие от этого прогрессивный лагерь обращается к демократическому ядру национальной культуры в интересах освободительной борьбы, стараясь сделать ее достоянием широких народных масс, использующих культурное наследие в качестве своего духовного оружия.

Во-вторых, используемая автором монографии методология исследования такого феномена, как национализм, в сфере идеологии и культуры помогает дать научно-политическую оценку идеологической борьбе, развертывавшейся в Японии на разных этапах ее послевоенного развития. В годы американской оккупации Япония еще раз пережила вспышку национализма угнетенной нации, ибо движение за демократическую национальную культуру преследовало цель ее защиты от духовного порабощения Соединенными Штатами. Однако затем по мере развития «обратного курса» в политике в ходе наступления реакции на демократические права японского народа произошло возрождение националистических тенденций другого

характера, сомкнувшихся с настроениями шовинизма и реваншизма. Для оживления этих тенденций стала использоваться традиционная культура.

В-третьих, книга дает ответ на вопрос о судьбе традиционной японской культуры, сформировавшейся в феодальную эпоху. Автор обоснованно указывает на то, что процесс исторического развития необратим. Поэтому в Японии наших дней, превратившейся в высокоразвитую капиталистическую страну, культивирование традиционных ценностей носит искусственный характер, ибо естественный путь развития современной японской культуры заключается в ее глубокой интернационализации. Этот путь отвечает историческим реалиям Японии, включившейся в рамках капитализма в широкие мирохозяйственные связи.

Однако книге Л. Д. Гришелевой присущи некоторые недостатки. Так, в ней неполно освещены весь комплекс элементов, вошедших в историю японского общества в качестве составной части культурного процесса. Ценность исследования во многом бы обогатилась, если бы оно содержало хотя бы общие данные культурологического анализа художественной литературы Японии. Нельзя не упрекнуть автора и в том, что исследование приобретает подчас не столько культурологический, сколько обществоведческий характер. Но эти и другие недостатки с лихвой окупаются достоинствами книги, о которых речь шла выше и которые позволяют расценивать ее как серьезный вклад в советскую востоковедческую литературу.

**Б. В. ПОСПЕЛОВ,**  
*доктор исторических наук*

<sup>1</sup> К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 428.

**20** декабря 1988 года исполняется 85 лет известному советскому японоведу доктору филологических наук, лауреату Государственной премии СССР Попову Константину Алексеевичу.

К. А. Попов родился в крестьянской семье. Октябрьская революция открыла перед ним путь к науке. В 1924 г. он окончил факультет общественных наук Иркутского государственного университета, а в 1928 г. — японское отделение восточного факультета Дальневосточного государственного университета во Владивостоке.

Константин Алексеевич был оставлен при кафедре и стал преподавателем ДВГУ, а затем с 1940 г. — Московского института востоковедения. Он с увлечением передавал свои знания студентам, участвовал в становлении и развитии молодого советского японоведения, методики преподавания японского языка.

С 1943 по 1951 г. К. А. Попов находился на дипломатической службе. По возвращении на родину К. А. Попов с 1952 по 1986 г. работал в качестве старшего научного сотрудника в Институте востоковедения АН СССР в Москве. Его научная деятельность охватывала многие области японской филологии. В 1953 г. Константин Алексеевич защитил кандидатскую, а в 1970 г. — докторскую диссертацию, им опубликовано свыше 100 работ.

Будучи одним из немногих японоведов, изучающих древние памятники японской государственности, он внес значительный вклад в трудную и сложную область классической филологии и своими работами, в сущности, открыл дорогу новому направлению в японоведении. Константин Алексеевич, продолжая традиции одного из основоположников советского японоведения академика Н. И. Конрада, впервые ввел в научный оборот ранее не публиковавшиеся на европейских языках важнейшие древние письменные памятники японского права, описания территории Японских островов.

Большое внимание К. А. Попов уделял японской лексикографии. Его работа, как одного из авторов — составителей Большого японо-русского словаря (М., 1970), отмечена Государственной премией СССР 1972 г. Помимо того им опубликован ряд трудов по различным разделам японской филологии: диалектологии, топонимике, социолингвистике.

С самого основания Общества «СССР — Япония» (1958) К. А. Попов много и плодотворно работает в качестве его члена и заместителя председателя Центрального правления. За активную деятельность награжден почетным знаком и грамотами ССОД.

К. А. Попов, став в 1986 г. пенсионером, продолжает исследования древних письменных памятников Японии, трудится на пользу советского японоведения, которому посвятил более 50 лет жизни.

Редколлегия и весь коллектив редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» желают юбиляру крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов.

---

## Гости редакции

---

**23** августа 1988 г. редакцию посетили коллеги из китайского журнала «Международная торговля» — главный редактор Ван Цзяньминь, заведующая редакцией Ни Юнь, а также сотрудник НИИ международной торговли Министерства внешних экономических связей и торговли КНР У Сюэхай и второй секретарь Посольства КНР в СССР Ван Юнцзя.

В ходе дружеской откровенной беседы состоялся полезный обмен мнениями и опытом по вопросам, одинаково интересным и актуальным для нас и китайских гостей. Это — перестройка, реформы, гласность: как они подаются в печатных изданиях наших стран, какие при этом встречаются трудности, как организуется творческий процесс и строится оперативная редакционная работа. Поднималась и острая тема рентабельности изданий, подобных нашим, и связанная с нею проблема источников финансирования.

Небезынтересно было узнать, например, что журнал «Международная торговля», который выходит на китайском и английском языках, а печатается на отличной бумаге в Гонконге, существует, и безбедно, за счет рекламы товаров и услуг, помещаемой иностранными фирмами и компаниями.

Журнал, как мы вновь убедились, делается на высоком профессиональном уровне. Можно позавидовать ее великолепному полиграфическому исполнению. Отсюда и его широкая популярность как в своей стране, так и за ее пределами.

На страницах «Международной торговли» не редки материалы о Советском Союзе, его экономических отношениях с внешним миром, прежде всего с Китаем, о ходе перестройки международных экономических связей, о нашем, скромном пока, по мнению китайских собеседников, опыте использования иностранного капитала путем создания смешанных предприятий. В Китае, заметил между прочим один из китайских гостей, вопрос об учреждении смешанного предприятия — при обоюдном согласии сторон — решается в течение одного дня. Санкции центра при этом не требуются, достаточно получить «добро» местных властей (провинции или города).

Наши гости проявили большой интерес к работе журнала, ходу его организационной и творческой перестройки и получили обстоятельные ответы на поставленные вопросы.

**СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА  
«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА»  
ЗА 1988 ГОД**

Ответы М. С. Горбачева на вопросы редакции журнала «Ляован», № 2 (68)

Владивостокская программа: два года спустя, № 4 (70)

**КАУЛЬ Т. Н.** Региональные конфликты и азиатская безопасность, № 5 (71)

**СКОРОХОДОВ Ю. Г.** Советский Дальний Восток — проблемы и перспективы, № 2 (68)

#### **ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА**

**АВСЕНЕВ Ю. М., СТЕПАНОВ С. В., АНДРЕЕВ В. П.** Торгово-экономические связи Китая с социалистическими странами, № 1 (67)

**АНДРИАНОВ В. Д.** «Новые индустриальные страны» Азии в мировом капиталистическом хозяйстве, № 2 (68)

**АРТЕМЬЕВА О. С.** Китайская пресса о социально-политическом аспекте перестройки в СССР, № 1 (67)

**БАТБАЯР Ц.** Об экономической реформе в Автономном районе Внутренняя Монголия (1979—1986), № 3 (69)

**БУНИН В. Н.** Япония и СОИ, № 1 (67)

**ВОРОНЦОВ А. В.** Корейский полуостров: между войной и миром, № 3 (69)

**ГОНЧАРОВ С. Н., ВИННОГРАДОВ А. О.** К вопросу об эволюции внешнеполитической концепции КНР, № 4 (70)

**ДАВИДОВ О. В.** Капиталистическая «модернизация» и некоторые аспекты политического развития Южной Кореи, № 1 (67)

**КЛЮЧНИКОВ Б. Ф.** Советский Дальний Восток в «тихоокеанском столетии» (К разработке новой концепции развития региона), № 3 (69)

**КОВАЛЬ М. В.** Американская синология: конфликт поколений?, № 3 (69)

**КУЗНЕЦОВА В. В.** Поиск путей развития сельского хозяйства КНР, № 3 (69)

**КУКУШКИН К. В.** XIII съезд Компартии Китая, № 1 (67)

**КУЛИКОВА Г. В.** Во имя взаимопонимания, дружбы и сотрудничества (К 30-летию Общества советско-китайской дружбы), № 2 (68)

**МАНСУРОВ А. Ю., МИХЕЕВ В. В.** Финансово-промышленные группы в экономике Южной Кореи, № 4 (70)

**МАРКОВ А. П.** Роль невоенных факторов в военно-политической стратегии США в Азии, № 2 (68)

**МИРОВ С. Т.** КНР и развивающиеся страны: новые направления в политике, № 1 (67)

**МИХЕЕВ В. В., ЦУПНИКОВ В. П.** Деятельность КНДР в движении неприсоединения: исходные позиции, цели, интересы, № 2 (68)

**ОСТРОВСКИЙ А. В.** Положение секторов общественного производства в Китае, № 1 (67)

**ОСТРОВСКИЙ А. В.** Рабочий класс КНР: проблемы трудоустройства, № 2 (68)

**ПАШЕНКО Е. Г.** Китайские ученые о юридических основах самостоятельности государственных предприятий, № 3 (69)

**ПОРТЯКОВ В. Я.** Разработка в Китае концепции «социалистического товарного хозяйства», № 2 (68)

**ПОРТЯКОВ В. Я., СТЕПАНОВ С. В.** Экономика КНР в 1987 г., № 4 (70)

**РАЙКОВ А. В.** Империалистическая Япония и индийское освободительное движение в период войны на Тихом океане, № 3 (69)

Свет идей Великого Октября, № 2 (68)

**СЕНИНА М. В., СОЛОВЬЕВА А. А.** К вопросу о борьбе за рынок компьютеров в АТР, № 3 (69)

**СТОЛЯРОВ Ю. С.** Проблемы торгово-экономических отношений СССР в азиатско-тихоокеанском регионе, № 3 (69)

**ТРИГУБЕНКО М. Е.** Сотрудничество СЭВ — СРВ: преодоление торможения, № 3 (69)

**ФЕДОРОВ Б. Г.** Перестройка банковского дела в КНР, № 1 (67)

**ФЕДЯИНОВ В. Т.** Профсоюзное движение Японии перед выбором пути, № 4 (70)

**ФЕОКТИСТОВ В. Ф. В. И. Ленин и Коминтерн о закономерностях революционного процесса в странах Востока, № 1 (67)**

#### **ПУЛЬС РЕГИОНА**

**БОГАТОВА Е. Р.** Вьетнам: поиск путей обновления, № 5 (71)

**ЗАНЕГИН Б. Н.** Стратегия США в АТР, № 5 (71)

**КАТАСОНОВА Е. Л.** Корпорации-меценаты, № 6 (72)

**КИКАБИДЗЕ Э. В.** Новая стратегия НИОКР, № 6 (72)

**МУН Д.** «Малый дракон» наступает, № 6 (72)

**МУРАДЯН А. А.** Нравственность и политика, № 6 (72)

**ОСТРОУХОВ О. Л.** Взгляд из Пекина, № 5 (71)

**ПОСПЕЛОВ Б. В.** Японский подход, № 5 (71)

**ТИТАРЕНКО М. Л.** Резервы сотрудничества, № 6 (72)

#### **ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ**

**АВДОКУШИН Е. Ф.** Теория и практика плавной экономики, № 5 (71)

**ИМАМОВ Э. З.** Рынок технологий, № 5 (71)

**КУКУШКИН К. В.** Высвобождая энергию партии, № 6 (72)

**МОЛОДЦОВА Л. И.** Модернизация статистики, № 5 (71)

**МОРОЗОВ А. П.** Военная промышленность: смена акцентов, № 6 (72)

**ОВЧИННИКОВ В. В.** 35 лет спустя, № 6 (72)

**ПОТАПОВ В. И.** Как накормить миллиард, № 6 (72)

**РЕМЫГА В. Н., ЯН ИМИНЬ.** Развитие приморских районов, № 5 (71)

**САЗОНОВ С. Л.** Транспорт на хозрасчете, № 6 (72)

**СЮЭ МУЦЯО.** Коренные преобразования, № 6 (72)

**ТО ЧЖЭНЬ.** Новое поколение предпринимателей, № 5 (71)

**ФАН КАНЬЮАНЬ, ВАН ШОУПЭН.** Социалистическое товарное хозяйство в деревне, № 5 (71)

**ЯН ЦЗЕ.** Бэньсиский феномен, № 6 (72)

## ИДЕОЛОГИЯ

### Китайские авторы о вопросах теории

**ЛИ ПЭН.** Реализовать научно-технический потенциал, чтобы внести большой вклад в экономическое строительство, № 4 (70)

**СИН БЭНЬСИ.** Некоторые теоретические вопросы общественных реформ в Китае, № 4 (70)

**ЧЖАН ШИХУН.** Навстречу вызову эпохи, № 4 (70)

**ЧЖЭН БИЦЗЯНЬ.** Основа нашей концепции, № 4 (70)

**ЮЯ ГУАНЬЮАНЬ.** В процессе нового познания социализма, № 4 (70)

## ИСТОРИЯ

**ВОЛОХОВА А. А.** Чжоу Эньлай и дипломатия КНР, № 4 (70)

**ВОРОНЦОВ В. Б.** Наследник диктатора, № 6 (72)

**ГРИГОРЬЕВ А. М., ШЕВЕЛЕВ К. В.** К 60-летию VI съезда Компартии Китая, № 4 (70)

**КОРОВЯКОВСКИЙ П. П., РУСАНОВ Н. П.** Чжан Тайлэй: из когорты первых, № 4 (70)

**МАЛУХИН А. М.** К 60-летию Кантонской коммуны, № 1 (67)

**ОВЧИННИКОВ Ю. М.** Разработка стратегии единого фронта сопротивления Японии на опыте борьбы в Маньчжурии, № 2 (68)

**САРАН А. Ю.** Китайская революция 1925—1927 гг. в освещении англо-американской историографии, № 1 (67)

**ЧУДОДЕЕВ Ю. В.** Советские военные советники в Китае (1937—1942 гг.), № 2 (68)

## Из архивных материалов

**ГОРБУНОВА С. А., МАМАЕВА Н. Л.** Новые архивные документы о китайских интернационалистах (1918—1922), № 2 (68)

**КАРТУНОВА А. И.** К вопросу о контактах представителей Китайской секции РКП(б) с организациями КПК (По новым документам 1921—1922 гг.), № 2 (68)

Устав организаций китайских коммунистов в России, № 2 (68)

## Из истории отечественного востоковедения

**МЯСНИКОВ В. С.** Пекинские письма доктора Кирилова, № 3 (69)

**МЯСНИКОВ В. С.** Пекинские письма доктора Кирилова, № 4 (70)

## Историография

**ДОРОНИН Б. Г.** Современный этап развития китайской историографии, № 2 (68)

**БЕЛОУСОВ С. Р.** Китайская историография: заполнение «белых пятен», № 4 (70)

## Портрет ученого

**МЯСНИКОВ В. С., ИПАТОВА А. С.** Видный советский ученый, дипломат, общественный деятель (К 70-летию академика АН СССР С. Л. Тихвинского), № 4 (70)

## ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ

**БЕЛОУСОВ Р. С.** Грот Камозанса, № 6 (72)

**ГИЛЕНСОН Б. А.** Хемингуэй в Китае, № 5 (71)

**ЗАДОРНОВ Н. П.** Глава из нового романа, № 4 (70)

**КУЗНЕЦОВ В. С.** Непокоренная, № 6 (72)

## НАУКА И КУЛЬТУРА

**АДЖИМАМУДОВА В. С.** Тянь Хань — «совестливое дитя Китая» (К 90-летию со дня рождения), № 3 (69)

**БЕЛКИН Д. И.** Грандиозный замысел (Горький и издательство «Всемирная литература»), № 4 (70)

**ИПАТОВА А. С.** Жизнь большая и яркая (Память Цао Цзинхуа), № 2 (68)

**САДВАКАСОВ Г. С.** Уйгуроведение в СССР, № 3 (69)

**СОРОКИН В. Ф.** Важные вехи в изучении культуры Китая, № 1 (67)

**ФЕДОРЕНКО Н. Т.** Принципы изучения китайской литературы (Опыт и проблемы), № 3 (69)

## КЛУБ КОНФУЦИЯ

**ПЕРЕЛОМОВ Л. С.** Символ китайской нации, № 5 (71)

## СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ БАРОМЕТР

*ОСТРОВСКИЙ А. В.* Рабочий класс на селе?, № 6 (72)

*ЧЖАН СИНЬСИНЬ, САН Е.* Исповедь хун-вэйбинки, № 5 (71)

## ТОЧКА ЗРЕНИЯ УЧЕНОГО

*ЯКОВЛЕВ А. Г.* Слагаемые нового мышления, № 6 (72)

## ПРОФИЛИ

*БУНИН В. Н.* Посол народной дипломатии, № 6 (72)

*ГАЛЕНОВИЧ Ю. М.* «Особое дело» Лю Шао-ци, № 6 (72)

*САНДРОВ А. Е.* Палачи и жертвы, № 5 (71)

*СОРОКИН В. Ф.* Интеллигент с большой буквы, № 6 (72)

## МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

*АХМЕТШИН Н. Х.* Тибет. Размышления в пути, № 5 (71)

*ДОЛИН А. А.* Легендарный монастырь, или Традиции ушу, № 4 (70)

*ДОЛИН А. А.* Легендарный монастырь, или Традиции ушу, № 5 (71)

*ДОЛИН А. А.* Легендарный монастырь, или Традиции ушу, № 6 (72)

*ЗАВЬЯЛОВА О. И.* По старым и новым дорогам Японии, № 6 (72)

*КУЗЬМЕНКО Л. И.* Китайская народная картина няньхуа, № 4 (70)

*ОСИПОВ В. И.* Южная Корея: «экономическое чудо» и продолжающаяся политическая конфронтация, № 4 (70)

## ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

*БАСОВ Б. Н.* «Жэньминь жибао» о социально-психологических проблемах при внедрении подряда в деревне, № 2 (68)

*БАСОВ Б. Н.* «Жэньминь жибао» о ценах и уровне потребления в Китае, № 1 (67)

*ВАН ЦЗЮЭ.* К вопросу о методологии изучения начального этапа социализма, № 3 (69)

«Гуанмин жибао»: больше открытости, № 5 (71)

*ДАЙ ЯНЬНЯНЬ.* Важное положение о строительстве социализма, № 3 (69)

*ДАЙ ЯНЬНЯНЬ.* Начальный этап социализма, № 3 (69)

*МАМАЕВА Н. Л.* Новое о Сунь Ятсене и Гоминьдане, № 6 (72)

*ФЕДОРОВ К. Ю.* За восстановление правды истории, № 6 (72)

*ФЕДОРОВ К. Ю.* Советская перестройка: пристальное внимание, № 5 (71)

*УСОВ В. Н.* Китайские авторы о культуре личности, № 4 (70)

*УСОВ В. Н.* Китайские авторы о культуре личности, № 5 (71)

*ХУАНЬ СЯН.* О китайско-американских отношениях, № 3 (69)

*ЦЗИНЬ СЮН.* Реальный социализм и модернизация общества, № 3 (69)

*ЮРКЕВИЧ А. Г.* Преобразование мышления, № 5 (71)

## АНТОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ КЛАССИКИ

*ЛИСЕВИЧ И. С.* У истоков китайского летописания. Летопись «Шзо чжуань» (фрагменты), № 6 (72)

## СООБЩЕНИЯ. ПУБЛИКАЦИИ

*АНТОНОВ В. И.* Особенности формирования высших органов КПК, № 4 (70)

*ВЕРБИЦКАЯ Л. А.* Изучение русского языка в Китае, № 2 (68)

*ГРОМКОВСКАЯ Л. Л.* Из истории русско-японских литературных связей, № 1 (67)

*ГЭ БАОЦУАНЬ.* Три выставки, № 6 (72)

*ЗЭНЭЭ М.* Литература и искусство Внутренней Монголии, № 3 (69)

*КАРПУНИН В. Н.* Экспансия международного финансового капитала в ЮВА, № 2 (68)

*КАРЫМОВ Т. В.* Находкинский форум, № 6 (72)

*КАРЫМОВ Т. В.* Позиция КНР в отношении стратегической оборонной инициативы США, № 3 (69)

*КУДАСОВ С. Э.* Встреча в Улан-Баторе, № 6 (72)

*КУДАСОВ С. Э.* КНДР: 40 лет со дня образования республики, № 4 (70)

*КУЗНЕЦОВ С. И.* Востоковедение в Иркутском университете в 20-е годы, № 1 (67)

*ЛЮ ДАНЯНЬ.* О путях развития Китая, № 1 (67)

*МИНАКОВ Ю. В.* Проблемы и перспективы использования природных ресурсов в Китае, № 3 (69)

*НЕМЕЦ А. В.* Расширяется сеть ЭВМ, № 5 (71)

*САРКИСОВ К. О.* Новый канал советско-японского диалога, № 3 (69)

Советско-американский диалог в Алма-Ате, № 5 (71)

*СОКОЛОВСКИЙ А. Я.* Владивосток — Хайфон: социалистический интернационализм в действии, № 2 (68)

*СУШАНЛО М. Я.* Поездка в СУАР, № 6 (72)

*ХАРИН С. П.* Под лозунгом дружбы (Юбилей общества «СССР — Япония»), № 4 (70)

*ЦЗЯН ЧУНЬФАН.* Под вывеской коммерческого издания, № 6 (72)



ЯКОВЛЕВА М. А. Империалистические интересы в зоне АСЕАН, № 1 (67)

## КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

БАЛЮК И. А. Изучение экономической теории социализма в Китае, № 4 (70)

БАЛЮК И. А. Методом проб и ошибок, № 6 (72)

БАЛЮК И. А. «Третья сфера» в Китае, № 1 (67)

БЕЛОВ Е. А. О китайском сословно-классовом обществе, № 1 (67)

БЕЛОУСОВ Р. С. Книга поэтических шедевров, № 4 (70)

БЕЛОУСОВ Р. С. Панорама литературных связей, № 2 (68)

БУГАЕВ Ю. Е. Советский Союз глазами японцев, № 2 (68)

БУЧИЛО Н. Ф., ЧЕРНЯКОВА И. Г. Ключ к эффективности, № 6 (72)

ДЕМЕНТЬЕВ С. Г. Вопросы экономической эффективности производства в КНР, № 4 (70)

ДЕМЕНТЬЕВ С. Г. Китайские и американские ученые о Синьхайской революции, № 2 (68)

ДЕМЧЕНКО Д. М. Предприятия и промышленная политика, № 5 (71)

ДОЛИН А. А. Мир японской книги, № 3 (69)

ЕВГЕНЬЕВ Ю. Е. По страницам ежегодника «Япония 1986», № 3 (69)

ЕВГЕНЬЕВ Ю. Е. Творческая личность в контексте средневековой культуры Японии, № 1 (67)

КАПИЦА М. С. Опыт коллективного научного труда, № 1 (67)

КАРМАНОВСКАЯ И. Л. Старейшее китайское издательство, № 5 (71)

МАКАРОВ А. А. Новое исследование политической системы Японии, № 2 (68)

МАРКОВ А. П. Москва — Токио. Три послевоенных десятилетия, № 5 (71)

МАСЛОВ П. Ю. Опасные схемы западных политологов, № 1 (67)

МОРОЗ И. Т. Маньчжурия в эпоху феодализма, № 2 (68)

МУН Д. Южная Корея: «витрина» Запада?, № 1 (67)

НИКОДА А. В. Перспективы развития промышленности КНР, № 3 (69)

ПЕТРОВИЧЕВ Н. П. Два курса, две политики, № 4 (70)

ПОСПЕЛОВ Б. В. Современная японская культура: пути формирования, № 6 (72)

РАДНАЕВ В. Э. Монгольский театр: история и современность, № 2 (68)

РАМЗЕС Б. В. Снижая степень риска, № 5 (71)

САМСИН А. И. Культура Японии: традиции и современность, № 4 (70)

СИДОРОВ А. Ю. ЮВА — безъядерную зону, № 5 (71)

СОРОКИН В. Ф. Искусство, любимое народом, № 2 (68)

СОФРОНОВ В. М. Китайский язык и слово, № 1 (67)

СТРАШУК Б. А. Становление государственности, № 6 (72)

ТРИГУБЕНКО М. Е. Трудный путь преобразований, № 4 (70)

ЧАПКО И. К. В новом «Великом походе», № 6 (72)

ЮРКЕВИЧ А. Г. Творческий путь Сюй Бэйхуна, № 2 (68)

ЮРЬЕВ М. Ф. Пути китайской революции, № 3 (69)

## НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВОРОНЦОВ В. Б. Семинар в Пхеньяне, № 2 (68)

Конференция по истории китайской революции, № 1 (67)

ЛУВСАНВАНДАН С. Международный форум монголоведов, № 2 (68)

Международный симпозиум по монголоведению, № 1 (67)

Научная дискуссия в ИДВ по проблемам экономической реформы в Китае, № 4 (70)

V Международный конгресс монголоведов, № 1 (67)

XIII съезд КПК и строительство социализма в Китае, № 4 (70)

СКОРОДУМОВА Л. А. Международная встреча переводчиков-монголоведов, № 3 (69)

ТИХОМИРОВ В. Д. Конференция обществоведов Советского Союза и Корейской Народно-Демократической Республики, № 2 (68)

## НОВОСТИ ВАКИТ

Деятельность ассоциации в 1987 г., № 3 (69)

Планы, мероприятия, контакты, № 1 (67)

Создание Украинского отделения Всесоюзной ассоциации китаеведов, № 4 (70)

## Документы

Резолюция XIII съезда КПК, № 1 (67)

Программа мира для АТР, № 1 (67)

**ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ**  
на журнал «Проблемы Дальнего Востока»

*Редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока», учитывая возросшие запросы читательской аудитории, прилагает усилия, чтобы наше издание стало более интересным и актуальным по содержанию, разнообразным по тематике и жанрам. «ПДВ» расширит публикации мемуаров, материалов публицистического характера, больше будет уделять внимания национальным традициям, богатейшему наследству восточных народов, стран АТР, их вкладу в общечеловеческую культуру. Мы будем стремиться раскрывать ранее закрытые темы и «белые пятна» истории.*

**«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА»** в 1989 году опубликует статьи и материалы:

АТР в фокусе мировой политики

Китайская реформа: достижения и уроки

Как в КНР решают демографическую проблему

Анатомия науки менеджеров в Японии

Качество жизни рядового японца

О «белых пятнах» в истории советско-китайских отношений

Возвращенные в историю: о репрессированных и оклеветанных

Секреты даосских монахов

Древнекитайская гимнастика тайцзицюань

О московских беседах Сталина и Мао Цзэдуна. Из мемуаров дипломата и ученого Н. Т. Федоренко

Коминтерн и Китайская революция

Публицистические заметки Роя Медведева: Хрущев и Китай

Под рубрикой «Библиотека ПДВ» — повествование Лэ Синя «Из жизни «красной императрицы». В центре — фигура Цзян Цин — жены Мао Цзэдуна.

Документальная повесть З. Михаловского «По следам черного барона» — история поисков золота Унгерна.

О кошмаре «культурной революции» — воспоминания писателей Ба Цзиня, Дин Лин, Фэн Цзинця.

Эссе А. Мальро, Ф. Понса, Э. Паунда, Э. Сноу, А.-Л. Стронг, Л. Бодара — в рубрике «Восток глазами Запада».

«Исторические эскизы» продолжат знакомить с интересными эпизодами и событиями прошлого; «Антология восточной классики» — с письменными памятниками; «Клуб Конфуция» — с изучением традиционной культуры и спорами вокруг нее.

Журнал проведет «круглый стол» по актуальным вопросам экономики, истории и международных отношений.

«Проблемы Дальнего Востока» поступает в розницу в киосках «Союзпечати». Но самый надежный способ регулярно получать журнал — подписаться на него.

«ПДВ» выходит 6 раз в году. Подписная цена на год — 4 р. 20 к., на полугодие — 2 р. 10 к.

Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.

Не забудьте указать индекс нашего журнала: 70758.

## Наши поздравления юбилярам

Исполнилось 80 лет Геннадию Васильевичу Астафьеву — известному ученому-китаеведу, доктору исторических наук, заслуженному деятелю науки РСФСР. Многолетняя, плодотворная деятельность Г. В. Астафьева связана с изучением проблем экономики, истории и внешней политики Китая.

Закончив в 1930 г. китайское отделение Восточного факультета Дальневосточного университета в г. Владивостоке, Г. В. Астафьев в течение десяти лет работал в Народном комиссариате внешней торговли СССР. В 1939 г. поступил в аспирантуру Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. Ученую степень кандидата экономических наук Г. В. Астафьев получил в годы Великой Отечественной войны в 1944 г., будучи в рядах Красной Армии. После демобилизации в 1946 г. Г. В. Астафьев целиком посвятил себя научно-исследовательской работе в системе Академии наук СССР, сочетая ее с педагогической деятельностью в Московском институте востоковедения, Московском институте международных отношений, на историческом факультете МГУ, в Институте восточных языков МГУ, Институте стран Азии и Африки при МГУ. Многие годы Геннадий Васильевич был членом редакционной коллегии журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Научные труды ученого-коммуниста, такие, как «Экономическая география Синьцзяна», «Американская экспансия в Китае», «Экономические проблемы Китая», «Американский империализм и внешняя торговля Китая», «Интервенция США в Китае и ее поражение» и др., широко известны в нашей стране и за рубежом.

Под руководством Г. В. Астафьева защищено несколько десятков диссертаций. Широкий диапазон научных интересов, принципиальность и доброжелательность на протяжении многих лет привлекают к Г. В. Астафьеву многие поколения ученых-китаеведов.

Заслуги Г. В. Астафьева перед советской наукой отмечены правительственными наградами.

Несмотря на солидный возраст, Г. В. Астафьев полон творческих планов, пылкий ум ученого продолжает трудиться, новые идеи обретают свое воплощение.

60 лет «стукнуло» Александру Григорьевичу Яковлеву, заведующему Отделом внешней политики КНР и сектора общих проблем внешней политики и отношений КНР с капиталистическими странами ИДВ АН СССР, доктору исторических наук, профессору, одному из ведущих советских специалистов по проблемам внешней политики КНР, международных отношений в мировой социалистической системе, в азиатско-тихоокеанском регионе. Его монографические исследования, научные и публицистические работы по этой тематике общим объемом свыше 200 п. л. являются существенным вкладом в советское и зарубежное китаеведение.

На протяжении двух десятилетий Александр Григорьевич заведует одним из важных научных подразделений Института. Одновременно он ведет активную общественную работу, является членом правления Общества советско-китайской дружбы, Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. Будучи членом Союза журналистов СССР, плодотворно сотрудничает с редакциями партийных и общественно-политических изданий, АПН и Всесоюзного радио.

В течение многих лет А. Г. Яковлев деятельно участвует в международном научном сотрудничестве ИДВ, особенно с исследовательскими центрами братских социалистических стран, является членом редколлегии ежегодника «КНР» и информационного бюллетеня ИДВ, выступает ответственным редактором многих работ по китайской проблематике.

За успехи в научных исследованиях и общественной деятельности А. Г. Яковлев удостоен ряда правительственных наград. Вся почти сороколетняя научная и общественная деятельность Александра Григорьевича — пример беззаветного и честно-го служения советской науке.

60-летний рубеж пересек и Евгений Александрович Коновалов, доктор экономических наук, профессор.

В 1951 г. он окончил Московский институт востоковедения по специальности страновед по Китаю. Поработав три года в Китае в группе советников-специалистов в качестве переводчика, Евгений Александрович поступил в Институт экономики АН СССР. В 1968 г. был командирован в Монголию руководителем сводной группы по подготовке перспективного плана развития народного хозяйства братской страны.

Более трети века Евгений Александрович посвятил изучению социально-экономических процессов в КНР, прошел путь от младшего до главного научного сотрудника, возглавляя на отдельных этапах своей деятельности секторы и отделы в ИЭМСС и ИДВ АН СССР. В 1964 г. защитил докторскую диссертацию.

Будучи одним из ведущих советских исследователей экономики Китая, Е. А. Коновалов пользуется заслуженным авторитетом в зарубежных кругах востоковедов, участвовал во многих международных конгрессах и конференциях как специалист по широкому спектру социально-экономических проблем. Особое внимание в своей научной деятельности он уделяет проблемам народонаселения и занятости, ценообразования и прогнозирования социально-экономического развития Китая. Им опубликовано свыше 50 работ, отличающихся научной глубиной и неординарным подходом к процессам, происходящим в Китае. За заслуги перед советским китаеведением имеет правительственные награды.

Наряду с исследовательской деятельностью Е. А. Коновалов ведет плодотворную работу по подготовке научных кадров: под его руководством успешно защитили диссертации на соискание ученой степени 28 аспирантов. Почти 20 лет он читал курс политэкономии социализма и спецкурс по экономике КНР в Московском Финансовом институте.

Евгений Александрович активно работает в качестве руководителя группы «Экономика КНР в 80-е годы» международной комиссии по проблемам стран Дальнего Востока, с основания ВАКИТ является председателем ее секции социально-экономических проблем.

\* \* \*

Юбиляров тепло поздравили коллектив ученых Института Дальнего Востока, многие советские и зарубежные востоковеды. Редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» присоединяется к поздравлениям и желает юбилярам — постоянным авторам нашего журнала — доброго здоровья, новых творческих свершений, счастья.

## Встреча китаеведов Европы

Порядковый номер прошедшего в сентябре в Веймаре (ГДР) очередного конгресса Европейской ассоциации китаеведов (ЕАК) довольно внушительный — XXXI. Тем не менее, рассказывая о нем, все время хочется употребить слово «впервые». Впервые китаеведы Европы собрались в социалистической стране. Впервые на подобный форум приехало так много советских китаеведов — 32. И, наконец, достойна быть отмеченной широкая география представительства ее участников, что в значительной мере достигнуто благодаря усилиям Всесоюзной ассоциации китаеведов. В результате на XXXI Конгресс ЕАК приехали китаеведы из Москвы и Ленинграда, Владивостока и Алма-Аты, Хабаровска, Риги, Улан-Удэ. Возглавлял делегацию академик-секретарь Отделения истории АН СССР С. Л. Тихвинский, а группу научных туристов — член-корреспондент Казахской АН Г. С. Садвакасов.

Широкое участие китаеведов из нашей страны произвело большое впечатление на синологов Запада. Активный вклад советских участников был особо отмечен организаторами конференции и президентом ЕАК, профессором Малмквистом (Швеция).

Уютный старинный Веймар, заполненный туристами, жаждающими поклониться памяти Гёте, Шиллера, Листа, с трудом разместил в гостиницах около 200 участников конгресса. Зато для заседаний был отведен достаточно современный и удобный Веймархалле — комплекс с конференц-залом и рестораном, расположенный рядом с пешеходным центром города.

Ход работы конференции и ее итоги показали, что внимание к проблемам современного Китая в европейском китаеведении заметно возросло: из произведенных на конгрессе 70 докладов около половины были посвящены современности. Особый интерес вызывали доклады концептуальные, проблемные. Своеобразным лейтмотивом конгресса явилось новое осмысление традиционного наследия китайской культуры и философии как в контексте процесса обновления, происходящего в Китае, так и в сопоставлении с европейской культурой.

В докладе сотрудника Института современной китайской истории Академии общественных наук КНР Чжан Байцзя (китайские ученые не впервые присутствуют на конгрессах ЕАК в качестве гостей) «Дискуссии о традиционной китайской культуре и модернизация» отмечалось, что, стремясь создать такую культуру, которая отвечала бы требованиям современного китайского общества, интеллигенция страны сегодня снова обсуждает вопрос о ценности человека и его месте в традиционной культуре. Многие китайские ученые осознали, что нет иного пути для продвижения вперед, кроме реформирования той части традиционного наследия, которая может послужить китайскому обществу и сегодня. Отдельные китайские ученые отмечали, что Китай в прошлом не реагировал активно на вызов со стороны западной цивилизации, и традиционная китайская культура — приходили они к выводу — обречена на умирание в силу одряхления в отличие от динамичной западной культуры. Другие, как Чжан Байцзя, выражали уверенность в необходимости обновления традиционной культуры Китая путем одухотворения ее такими составными, как демократия и гуманизм. Большинство китайских ученых отказалось от мысли, что единственный путь возрождения китайской культуры — следовать за культурой Запада.

Роль традиций в современном китайском праве была освещена в докладе профессора Л. М. Гудошникова (ИДВ). Вопросы права приобретают особую актуаль-

ность сегодня, о чем свидетельствует создание Европейской ассоциации по китайскому праву во главе с профессором П. Коррадини (Италия).

Ученый из ГДР Р. Мориц в докладе «Идея гуманности в древнекитайской философии» убедительно показал несостоятельность концепции о некоей монополии западного античного мира на гуманизм, приведя доказательства того, что Конфуций выдвинул достаточно зрелую концепцию гуманизма, представленную прежде всего категорией «жэнь», а Мэнцзы развил ее, провозгласив природное равенство людей. В то время как в древнегреческой философии концепция равенства людей находилась на периферии античной культуры, в Китае она составляла ядро конфуцианства. Помимо нее, китайский гуманизм в древности опирался на идею порядка и гармонии, а также — самосовершенствования личности. Немецкий ученый находит в китайской культуре и идею мира, являющуюся неперенным условием развития гуманистической культуры.

Привлек внимание участников и доклад А. С. Мартынова (Ленинградское отделение ИВАН) «Время и исторический процесс в официальной китайской историографии от Хань до Сун», в котором советский ученый говорил о линейных представлениях о времени в официальной и ритуальной концепции династий в отличие от господствовавшей до этого среди исследователей культуры Китая (в частности, у Ниддема) концепции о существовании у древних китайцев идеи цикличности времени, что якобы препятствовало развитию идей прогресса.

Можно сказать, что советская школа историков продемонстрировала высокий уровень профессионализма. Нельзя не упомянуть доклады Ю. Л. Кроля (ЛО ИВАН) и А. А. Бокщанина (ИВАН). Новый подход к исследованию проблем развития китайского общества характерен для доклада Э. С. Кульпина (ИМРД) «Человек и природа в Китае».

Конгресс показал, что ученые разных стран снова и снова настойчиво возвращаются к таким вечным проблемам, как личность и характер цивилизации. В этой связи большой интерес вызвали доклад П. Сантанелло (Италия) о формировании идеи моральной ответственности личности в Китае XVII в., и выступление Э. фон Зингера (Швейцария) относительно «стратагемности» китайского политического мышления как элемента политической культуры общества.

Взаимодействие и взаимовлияние двух цивилизаций — китайской и европейской — не впервые становится одной из ведущих тем конгрессов ЕАК. Обобщающий доклад на эту тему сделал гость из КНР, представитель Института всемирной истории Ду Вэньтан, проследивший ряд важных этапов в истории культурных связей Китая и Европы в течение последних ста лет. В этот же период на китайскую педагогическую мысль оказывала значительное воздействие западноевропейская педагогика (доклад Н. Е. Боровской, ИДВ). Сообщения ученых разных стран о сведениях, в том числе и курьезных, которыми питались Китай и Россия, узнавая друг друга в XVII—XVIII вв. (выступления В. С. Мясникова (ИДВ) и Е. И. Кычанова (ЛО ИВАН)) позволили нам, сегодняшним китаеведам, вновь ощутить свою ответственность за информацию о положении в другой стране.

Политическая жизнь Китая XX в. предстала через призму исследования деятельности как отдельных крупных фигур (Чжан Тайяня в докладе К. Лайтинена из Финляндии, Чжоу Эньлая в докладе академика С. Л. Тихвинского и др.), так и политических партий. Е. Ю. Стабурова (Латвийский государственный университет) считает, что политические партии в Китае до и после Синьхайской революции не носили привычный для Европы характер ввиду неформальности социально-классового положения в стране, а Г. А. Степанова (ИДВ) показала широкие возможности участия демократических партий в современной политической жизни Китая, что вызвало живой интерес синологов социалистических стран и Запада. Понять причину такого интереса помог доклад Е. Деведжиевой (НРБ) «О некоторых аспектах плюрализма в современных исследованиях китайской политической науки».

Пожалуй, наиболее острые дискуссии шли вокруг обсуждения экономических реформ в КНР. Они выявили несколько интересных моментов, например, важность сравнительного анализа реформ в КНР и ВНР (Б. Талаш) или КНР и СССР (В. Г. Гельбрас, ИМРД); отдельные доклады продемонстрировали плодотворность глубокого анализа статистических данных (П. П. Жантей, Франция), позволяющего, в частности, предсказать перспективы развития отдельных районов Китая. Советские ученые не согласились с мнением ряда европейских сиологов о том, что основной акцент в китайских реформах приходится на экономику, а советская перестройка затрагивает

в основном идеологию. Советские экономисты также разъяснили, что использование товарно-денежных отношений на данном этапе развития социализма вовсе не связано с заимствованием капиталистических элементов хозяйствования.

Секции лингвистики и литературы вышли за рамки предложенной первоначально организаторами конференции темы перевода с китайского языка на европейские. На секции выступил целый ряд известных лингвистов: В. М. Солнцев и М. В. Софронов (СССР), У. Каутс и К. Карден (ГДР), В. Альтон (Франция), Г. Малмквист (Швеция). Всеобщий интерес вызвал доклад А. Лахнера (ФРГ, Мюнхенский университет) об электронном словаре современного китайского языка, который включает лексику, встречающуюся в составленных за последнее время в Китае больших словарях: китайско-немецком, китайско-английском и китайско-русском. В память машины могут быть введены как новые иероглифы, так и новые тексты на любом языке, пользующемся латинским алфавитом.

Во время конгресса состоялось заседание правления ЕАК, где обсуждались проекты издания ассоциацией Энциклопедии истории и культуры Китая, а также сочинений Маттео Риччи, которые откроют серию работ европейских миссионеров, в том числе членов русской православной миссии, о Китае.

Впереди — Голландия, именно там в университетском Лейдене в сентябре 1990 г. состоится следующий конгресс ЕАК.



«Проблемы Дальнего Востока». 1988, № 6, 240 с.  
Технический редактор *Т. Ерохова*

---

Сдано в набор 14.09.88 г. Подписано в печать 14.10.88 г. А04794 Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литер. Усл. печ. л. 19,5 Уч. издат. л. 23,41 Усл. кр.-отт. 39,6  
Тираж 10 326. Заказ 2464 Цена 70 коп.

---

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»  
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств,  
полиграфии и книжной торговли 119817. ГСП, Москва, Г—21, Zubовский бульвар, 17.  
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат  
ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР  
по делам издательств и книжной торговли  
142300, г. Чехов Московской области